ВОЙНА И МЫ

Олег Нуждин

Уманский «котел»

Трагедия 6-й и 12-й армий

Олег Нуждин

Уманский «котел»: Трагедия 6-й и 12-й армий

* * *

Предисловие Алексея Исаева

Окружением советских 6-й и 12-й армий под Уманью в начале августа 1941 г. завершилась борьба советских войск, с июня отходивших с боями из Львовского выступа. Раз за разом они избегали окружения, наносили контрудары, уклонялись и держали важные переправы. Фактически именно длительное сопротивление Юго-Западного фронта, в том числе 6-й и 12-й армий, дало время советскому командованию на новые формирования, которые составили Резервную армию генерала Чибисова уже в августе 1941 г. Однако возможности продолжать борьбу у 6-й и 12-й армий с каждым разом все снижались, и наступил момент, когда очередной немецкий выпад оказалось нечем парировать. Кольцо окружения замкнулось.

Более того, трагические события под Уманью повлияли на последующие решения советского верховного командования, тогда уже сформировавшейся Ставки ВГК. Обсуждая с командованием Юго-Западного фронта обстановку в сентябре 1941 г., незадолго до замыкания киевского «котла», и Сталин и Шапошников ссылались на Умань как на негативный пример попытки организованного обхода. В адрес командования фронтом тогда, в сентябре 1941 г., прозвучали слова «у вас был более серьезный рубеж – р. Днепр – и, несмотря на это, при отводе войск [вы] потеряли две армии». Имелись в виду как раз потерянные под Уманью 6-я и 12-я армии. Собственно их окружение позволило немцам занять правобережную Украину и даже выйти к верфям Николаева.

Для отечественного читателя «котел» под Уманью трудно назвать «белым пятном» Великой Отечественной войны. Это произошло в первую очередь благодаря таланту советского писателя и поэта Е.А. Долматовского и его книге «Зеленая брама». Долматовский был непосредственным участником событий, сам прошел ад «уманской ямы», где содержались немцами захваченные советские пленные. Пусть и без подробностей, но Умань упоминалась как в исторической, так и в мемуарной литературе. Уже тогда были поставлены ключевые вопросы: целесообразность передачи 6-й и 12-й армий Южному фронту, правильность выбора направления прорыва и другие.

Однако в наше время историческое исследование немыслимо без

сопоставления данных сторон. Собственно еще Е.А. Долматовский использовал книгу немецкого автора Ханса Штееца «Горные егеря под Уманью», представлявшую собой «взгляд с той стороны» на драму 6-й и 12-й армий. Однако ее использование прослеживается в «Зеленой браме» пунктиром, и Долматовский был явно негативно настроен по отношению к содержащимся на страницах этой книги сведениям. Доступ к немецким документам в тот период практически исключался, несмотря на то, что еще в ходе войны были захвачены оперативные документы вермахта по Умани.

Представленная книга призвана восполнить этот пробел и провести исследование знаменитого сражения по материалам обеих сторон. Причем скудость документальной базы советской стороны (ввиду утраты значительного количества оперативной документации) компенсируется не только собранными по крупицам материалами уманского музея, но и допросами советских командиров в немецком плену. Допросы – это новый и сравнительно недавно вводящийся в оборот источник. Они позволяют получить информацию по горячим следам из уст людей, многие из которых не дожили до Победы.

Вместе с тем трудно согласиться с оценкой автора личности командующего 6-й армией генерала И.Н. Музыченко. К оценкам сослуживцев, в том числе в мемуарах, следует относиться с осторожностью. Документы свидетельствуют о независимом характере генерала. В частности, получив нелепый по его мнению приказ из штаба Юго-Западного фронта, он ответил на него подробным разбором обстановки, указывая на невозможность исполнения порученных указаний. Такое случалось в Красной армии нечасто. Позднее, в условиях утраты боеспособности танковых соединений, Музыченко организовал результативный удар под Оратовым и Животовым, позволивший в очередной раз оттянуть момент окружения. Уже будучи в окружении, Музыченко правильно оценил наиболее перспективное направление прорыва из него на юг. Именно этим маршрутом вырвался начальник штаба 6-й армии Иванов.

Следует отметить, что И.Н.Музыченко был достаточно высоко оценен допрашивавшими его немцами. Так допрашивавший его немецкий офицер во время разговора обратил внимание на «значительный ум и ярко выраженный здоровый разум». Давая общую оценку военнопленного как личности, немец дал советскому генералу достаточно лестную характеристику: «Решительный генерал представляет собой тип большевика, прошедшего кровавую школу, твердого солдата, не лишенного чувства чести и достоинства». При

этом Музыченко достаточно резко высказался в адрес НКВД и негативно оценил репрессии командного состава Красной армии. Также нельзя не обратить внимание, что Музыченко на допросе не сообщил немцам сведений о советских войсках, которые у них отсутствовали. Возможно, все это положительно сказалось на судьбе Музыченко после войны, когда после освобождения из плена и прохождения проверки он был восстановлен в рядах Советской армии.

Уманская драма уже много лет ждала исследования, выполненного на современном уровне, и сегодня эта задача в той или иной мере выполнена.

Алексей Исаев, кандидат исторических наук

От автора

Увлечение темой Уманского сражения, произошедшего в августе 1941 г., началось в 1989 г., после ознакомления с книгой «Зеленая Брама. Документальная легенда об одном из первых сражений Великой Отечественной войны», принадлежащей перу талантливого поэта Е.А. Долматовского. Это произведение на многие годы оставалось первой и единственной в Советском Союзе книгой, автор которой попытался дать общий обзор причин и самого хода окружения 6-й и 12-й армий.

Сравнительно много места уделено человеческим судьбам, как генералам, командирам корпусов и дивизий, так и простым красноармейцам. Е.А. Долматовский положил начало хорошему начинанию – поиску героев Уманского сражения, начинанию, которое, к сожалению, почти исчезло у его преемников. Их более интересовали значительные по масштабам и географической протяженности процессы, сталкивающиеся в противостоянии человеческие массы, оформленные в виде армий и корпусов.

Е.А. Долматовский стал автором многих мифов, особенно тех, которые были связаны с именами главных действующих лиц – командующих 6-й армии генерал-лейтенанта И.Н. Музыченко и 12-й армии – генерал-майора П.Г. Понеделина. Созданные им образы и описания стали почти хрестоматийными, кочуя с завидным однообразием из одной публикации в другую. Имеющиеся в настоящее время документы позволяют внести соответствующие уточнения.

Как оказалось, Е.А. Долматовский не был первым, кто оставил описание событий Уманского сражения. Появлению «Зеленой брамы» предшествовали воспоминания И.А. Хизенко «Ожившие страницы», написанные на основе фронтового дневника автора, случайно обнаруженного после войны в одном из украинских сел. Его опубликовал журналист Н. Федотов еще в 1961 году. И, видимо, с этого времени и следует вести отсчет исследованиям событий, произошедших вокруг Зеленой брамы в августе 1941 года.

Публикация дневников И.А. Хизенко оживила интерес к событиям начала войны на Уманщине, содействовала объединению ветеранов

боев. Уже в 1966 году по местам, связанным с боевым действиями 6-й и 12-й армий в конце июля – начале августа 1941 года, совершила поездку небольшая группа членов Военно-научного общества Киевского военного округа. В ее составе были участники Уманского сражения генералы Я.И. Тонконогов, П.С. Ильин и полковник П.И. Перевертун.

В 1967 году генерал-майор С.И. Иовлев сделал доклад в Киевском военно-научном обществе на тему «Бои 6-й и 12-й армий в окружении в районе г. Умань (июль-август 1941 г.)». На долгие годы он стал по сути дела единственной научной работой по истории Уманского окружения. К сожалению, доклад не был опубликован и не стал достоянием широкой общественности. Однако появление такого рода работ однозначно свидетельствовало о растущем интересе к теме.

В это же время в самом урочище Зеленая брама и ее окрестностях развернулась поисковая работа. Ее идейным вдохновителем, главным энтузиастом стал учитель из Подвысоцкой школы Д.И. Фартушняк. Его силами, а также благодаря помощи учеников были собраны ставшие для сегодняшнего дня бесценными воспоминания непосредственных участников событий августа 1941 года. Письменные материалы, фотографии, находки на местах боев в дальнейшем легли в основу экспозиций и фондов Народного музея в селе Подвысоком. Ими пользовался при написании своей книги и сам Е.А. Долматовский.

В День Победы 9 мая 1972 года в селе Подвысокое состоялась первая встреча ветеранов, родственников погибших в августе 41-го воинов. Приехали 44 человека. Был образован Совет ветеранов 6-й и 12-й армий, создана поисково-исследовательская группа, советы ветеранов дивизий. Ими была проведена большая работа по сбору архивных материалов и воспоминаний, часть которых хранится теперь в Уманском краеведческом музее.

В ходе библиотечных изысканий выяснилась довольно прискорбная для историографии Великой Отечественной войны ситуация. Несмотря на все кажущееся обилие литературы, оказалось сравнительно мало так называемых «историй соединений». За пятьдесят лет изучения самого трагического и героического одновременно периода отечественной истории было написано всего несколько историй армий, несколько десятков разных по качеству историй дивизий, но практически отсутствовали истории корпусов.

По интересовавшему меня периоду имелась только монография, посвященная 18-й армии, изданная в 1982 году. Очевидно, что одним

из побудительных мотивов к ее написанию стал факт, что в ее рядах служил Л.И. Брежнев. А вот ни о 6-й, ни о 12-й армиях ничего не было. Впрочем, в начале 90-х годов прошлого века уже не было секрета, почему. Обе армии были разгромлены противником, оба командующих оказались в плену, а один из них впоследствии был расстрелян. Такая история в советское время была не нужна.

Очень неравномерно была представлена история дивизий. Некоторым соединениям повезло. Как-то так по особенному сложилось, что про 80-ю дивизию вышло сразу несколько книг, в том числе и воспоминаний непосредственных участников событий – книги С.И. Гольдберга, П.Д. Репина, И.А. Хизенко и Н.И. Завьялова. Две неплохие по содержанию были посвящены 99-й дивизии: это монография Ю.К. Стрижкова «Герои Перемышля» и воспоминания К.И. Чернявского «Всегда с бойцами». Оставил свои воспоминания о службе в 16-й танковой дивизии В.И. Джанджгава.

А вот о подавляющем большинстве остальных соединений практически ничего опубликовано не было. Не оказалось в библиотеках своих «историй» у 72-й и 192-й горно-стрелковых, 190-й, 189-й, 139-й и 140-й стрелковых, 11-й, 8-й, 39-й и 49-й танковых и многих, многих других. Не написаны они и по сей день.

Не оставили воспоминаний даже те старшие командиры, которые остались в живых. Можно было ждать рассказа от бывшего командующего 6-й армии генерала в отставке И.Н. Музыченко, командира 8-го корпуса генерала М.Г. Снегова, командиров дивизий генералов П.И. Абрамидзе и Я.И. Тонконогова. Из них только Я.И. Тонконогов взялся за перо, но его воспоминания так и не были опубликованы.

Правда, рассказывают, что свои воспоминания оставил генерал Я.И. Тонконогов, и сейчас они хранятся у его жены, проживающей в Киеве. Но свободного доступа к ним у исследователей, как мне известно, нет.

Исключением оказался бывший начальник разведывательного отдела 6-й армии подполковник В.А. Новобранец. Солидные по объему воспоминания его было целиком опубликованы только в 2009 году, уже после смерти автора. Автор пишет интересно, порой занимательно, но когда начинаешь проверять его по другим источникам, с грустью осознаешь, как много оказалось неточным, ошибочным, а порой даже выдуманным в его мемуарах.

Девяностые годы прошлого века дали возможность познакомиться с зарубежной историографией, в первую очередь, с немецкой. Как

оказалось, наш бывший противник приступил к анализу причин своего поражения раньше и качественнее, чем мы занялись историей своей Победы. Уже в середине 50-х годов стали выходить значительными тиражами воспоминания бывших генералов вермахта, началось создание описаний наиболее крупных сражений. Достоинством немецких работ была серьезная опора на архивные материалы, чего советские исследователи вплоть до настоящего времени были лишены.

Именно в 50-е годы появились работы, без которых не обходится теперь ни одно исследование, посвященное истории Уманского окружения, такие как монографии Х. Штеетца «Горные егеря под Уманью» и О. Мюнцеля «Танковая тактика». Следует отметить также истории горно-егерских дивизий, участниц битвы, такие как работа Х. Ланца «Горные егеря» и Й. Брауна «Горечавка и эдельвейс». Позднее вышла в свет очень качественная монография «Ласка», посвященная боевой деятельности 125-й пехотной дивизии, автором которой был Х. Браймайер.

Доступ к данным исследованием позволил взглянуть на историю окружения 6-й и 12-й армий глазами противника и убедиться, что немцы воспринимали бойцов Красной армии как грозного и опасного врага, одолеть которого можно было только по всем правилам военной науки. Как оказалось, немецкое военное командование также было небезупречно, оно допускало многочисленные ошибки, порой переоценивая собственные силы и недооценивая наши. В результате изучения складывалась достаточно любопытная картина противостояния. Оба противника допускали ошибки, многие из которых могли стать фатальными для их планов, поэтому было важно определить, насколько быстро эти ошибки выявлялись и как гибко реагировали для их исправления. Как оказалось, многие причины поражений наших армий крылись уже на стадии принятия решений, даже не столько армейским, сколько вышестоящим, фронтовым, командованием.

Немецкая литература важна еще с той точки зрения, что дает цельную картину сражения если не в полном масштабе, то хотя бы в масштабах сектора. В этом смысле книги Х. Штеетца и О. Мюнцеля взаимно дополняют друг друга: один описывал действия пехотных, другой – моторизованных соединений. Немецкие исследования, кроме того, зачастую затрагивают сюжеты, описания которых в отечественной литературе отсутствуют вовсе.

По этой причине при описании отдельных событий опираться пришлось, в основном, на немецкие источники и литературу. И

нередко в таких случаях мнение противника оказывалось преобладающим. К сожалению, недостаток или же полное отсутствие по некоторым сюжетам воспоминаний участников с советской стороны не позволяет что-либо противопоставить немецким сведениям.

Начало 2000-х позволило моему поиску вступить в новую фазу. Развитие Интернета существенно расширило сферу моего общения. Он позволил познакомиться с многими людьми, занимающимися сходной тематикой, советы которых оказались для меня очень ценными. В написании этой книги огромную помощь оказали: Е. Федорченко, Е.В. Тонконогова, В.И. Елецкий, В. Тодоров, Ю.И. Шепетов, В. Чайка, Ю.А. Савинов, А. Полищук и К. Соколов. Благодаря их бескорыстной помощи мне удалось существенно расширить источниковую базу, пополнить новыми документами, уточнить имена и судьбы некоторых командиров 6-й и 12-й армий.

В начале 2000-х я попытался начать работу с архивами. Большую помощь материалами оказал Уманский краеведческий архив, прислав несколько десятков страниц воспоминаний ветеранов и описаний боевых действий. Свой вклад внес и родной Государственный архив административных органов Свердловской области. А вот Центральный архив ФСБ на три моих запроса на получение доступа к материалам дел реабилитированных генералов П.Г. Понеделина и Н.К. Кириллова ответил отказом, ссылаясь на действующее законодательство.

Неожиданной находкой оказался выход в 2010 году двух книг – Ю.А. Лискина «Тайники Великой Отечественной» и В.А. Рунова «1941. Победный парад Гитлера». К своей радости, в них я нашел искомые материалы из архивно-следственных дел П.Г. Понеделина и Н.К. Кириллова. И пусть они не в полном объеме, но на настоящий момент их достаточно, чтобы составить представление о том, что произошло в августе 1941 года, глазами командарма-12 и комкора-13.

В 2010 году представилась возможность обратиться к фондам Военного архива Германии. Благодаря помощи Алекса Виттенберга и Андреаса Кунау удалось получить документы отдела Ic (разведка) всех немецких соединений, принимавших участие в битве под Уманью. Среди них оказались многочисленные протоколы допросов советских командиров, которые позволили взглянуть на произошедшую катастрофу глазами ее непосредственных участников.

Плодом этих изысканий стали сначала доклады на конференциях местного уровня, потом статьи и, в конечном счете, предлагаемая книга. Конечно, она ни в коем случае не претендует на

исчерпывающее изложение событий начала августа 1941 года под Уманью. Эта книга – промежуточный итог большой работы, которая будет продолжаться.

Олег Нуждин, кандидат исторических наук

Глава 1. Прелюдия к катастрофе

История Уманского окружения долгое время оставалась на периферии исследований, посвященных начальному периоду Великой Отечественной войны. К сожалению, несмотря на обилие появившейся в последнее время литературы, оно по-прежнему уступает исследованиям других сражений, более известных и более «раскрученных», – Московской, Киевской, Сталинградской, Курской битвам.

Окружение 6-й и 12-й советских армий стало следствием развития стратегической ситуации в полосе Юго-Западного и Южного фронтов Красной армии во второй половине июля 1941 года. Войска группы «Юг» противника в данный период действовали на основе Директивы Верховного командования вермахта №33 от 19 июля 1941 г. Противник рассчитывал уничтожить 6-ю и 12-ю армии западнее Днепра концентрированным наступлением, не допуская их отхода за эту реку[1]. После захвата г. Казатин, произошедшего 15 июля, были созданы условия, которые позволяли соединениям танковой группы Э. фон Клейста начать поворот на юг, во фланг и тыл оборонявшимся советским войскам. Немецкая 17-я полевая армия 18 июля форсировала Днестр на стыке 18-й армии Южного и 12-й армии Юго-Западного фронтов. Прорыв 17-й армии вермахта создал благоприятную возможность двустороннего охвата 6-й и 12-й советских армий – с последующим их окружением и уничтожением.

Опасность подобного развития событий была осознана как в Ставке Верховного Командования, так и командованием Южного и Юго-Западного фронтов. Директива Ставки, отданная в 16.00 18 июля, предписывала начать отвод 6-й, 12-й и 18-й армий на рубеж Белая Церковь – Китай-город – Гайсин поэтапно к 21 июля. Одновременно предполагалось провести контрудар силами 27-го, 6-го и 64-го корпусов в направлении Житомир – Казатин – Тетиев во фланг 6-й немецкой армии[2]. Но предпринятые меры не принесли желаемого результата, и противник, превосходя советские войска по мобильности, вышел на предполагавшиеся рубежи отвода раньше 6-й и 12-й армий. Чтобы не дать замкнуться окружению, командование Южного фронта перебросило навстречу прорывавшемуся на юго-

восток немецкому XXXXVIII моторизованному корпусу 2-й мехкорпус генерала Ю.В. Новосельского. Этот маневр должен был помешать немцам завершить окружение двух наших армий западнее города Умань.

Оценив действия противника, Ставка пришла к выводу, что целью их наступления намечены выход к Днепру, овладение переправами между Клевом и Черкассами – с тем, чтобы в дальнейшем развивать наступление на Донбасс. Исходя из этого, была сформулирована задача для Южного и Юго-Западного фронтов: не допустить порыва и выхода немецких войск к Днепру[3]. Существенная роль в реализации этой задачи отводилась войскам 6-й и 12-й армий. Им предписывалось занять оборону по восточному берегу реки Синюха, примкнув фланги к 26-й армии Юго-Западного и 18-й армии Южного фронтов[4].

12 июля 1941 г. командующий 1-й танковой группой генерал-полковник Э. фон Клейст завершил концентрацию трех своих моторизованных корпусов в районе Житомира для нового наступления. Немецкие подвижные соединения выбрали движение на юго-восток – на Умань, в тыл отходящим 6-й, 12-й и 18-й армиям. Это позволяло отрезать от Днепра и уничтожить от двух до четырех советских армий. После этого форсирование Днепра и взятие Киева уже не составляли большой проблемы.

На выполнение этой задачи был ориентирован правофланговый XXXXVIII корпус генерала В. Кемпфа в составе 11-й и 16-й танковых дивизий. Именно ему было поручено захватить Умань и тем самым загнать советские армии в «мешок». 16 июля немцами был захвачен Казатин, и началось быстрое продвижение танковых дивизий на юг. Советское командование заметило наметившийся прорыв, и под Умань началась переброска 2-го механизированного корпуса, а 18 июля соединения 26-й армии нанесли контрудар по частям III корпуса генерала Э. фон Макензена, заставив его временно перейти к обороне. Из-за возникшей угрозы было приостановлено движение XXXXVIII корпуса.

Для вермахта итоги сражения под Винницей оказались малоутешительными. Ведь они рассчитывали провести здесь окружение значительной части войск Юго-Западного фронта, по крайней мере, пятидесяти тысяч человек, но эти расчеты не оправдались. Основная масса советских войск избежала окружения и отступила на юго-восток, сохраняя порядок и дисциплину[5]. Для войск 17-й немецкой полевой армии вновь главной задачей становилось преследование. Перед немецкими войсками была поставлена цель:

продолжать операцию по окружению и уничтожению 6-й, 12-й и 18-й армий, стараясь не допустить их отхода за Днепр. В рамках достижения этой цели 6-я полевая армия наступала на Киев, расширяя разрыв между Юго-Западным и Южным фронтами.

В образовавшуюся брешь вклинивались моторизованные и танковые дивизии 1-й танковой группы Э. фон Клейста. Уже 16 июля они достигли Белой Церкови, откуда повернули на юг, постепенно оттесняя 6-ю и 12-ю армии от Днепра. Непосредственно против армий П.Г. Понеделина и И.Н. Музыченко действовала 17-я полевая армия генерала К. фон Штюльпнагеля. Ее XXXXIV армейский корпус формировал северный фас окружения, XXXXIX горный корпус образовывал западный фас. С юга к нему примыкал LII армейский корпус, а также шесть дивизий 11-й армии, наступавшие в общем направлении на Первомайск.

Противнику для проведения операции не хватало второй моторизованной группы, которая могла бы совместно с 1-й танковой группой совершить быстрое окружение. Пехотные части вермахта, задерживаемые выставляемыми заслонами и частыми контратаками советских войск, не успевали совершить их охват. Для 6-й и 12-й армий, при условии сохранения ими подвижности, сохранялась возможность избежать окружения и уничтожения.

Быстрому продвижению немцев мешала и погода. Конец июля ознаменовался сильными проливными дождями, которые привели дороги, и без того не самые идеальные в негодность. Только 27 июля наступило временное улучшение метеоусловий, правда, вновь ненадолго.

25 июля, пятница

Главной задачей для 6-й, 12-й и 18-й армий был выход из окружения. Немецкие войска, в свою очередь, стремились завершить окружение 6-й, 12-й и 18-й армий к западу от города Умань. При этом соединения 17-й полевой армии вели преследование отходящих советских войск, а XXXXVIII моторизованный корпус перехватывал пути отхода на восток к р. Днепр.

В течение дня 25 июля части 6-й армии занимали следующее положение: 49-й и 37-й стрелковые корпуса находились на рубеже Лукашевка – Животов фронтом на северо-восток. Слева от них располагались фронтом на север остатки 16-го мехкорпуса, занимая позиции между Животовым и Скалой. Еще левее вела бой 141-я дивизия, обороняясь по линии Скала – восточная окраина Медовки – Мервин.

Войска 12-й армии под командованием генерала П.Г. Понеделина играли 25–27 июля роль коридора, пропуская через свои порядки части 6-й армии. Для выполнения этой задачи 13-й стрелковый корпус генерала Н.К. Кириллова в составе 44-й и 60-й горно-стрелковых дивизий оборонялся фронтом на запад на рубеже Мервин – Жаданы – Копиевка. Также на запад был развернут 8-й стрелковый корпус генерала М.Г. Снегова. Его 72-я и 192-я горно-стрелковые дивизии совместно 216-м полком[6] удерживали позиции у Шабастовки – западной окраины Княжьей-Криницы – западной окраины села Лукашевка. 24-й мехкорпус, имея в своем составе 49-ю танковую[7] и 58-ю горно-стрелковую дивизии располагался фронтом на восток за селами Монастырище – Княжья-Криница. В районе с. Сарны и Угловатая сосредоточилась группа комбрига М.Д. Саломатина (99-я стрелковая и 45-я танковая дивизии).

В целях усиления 99-й дивизии полковника П.П. Опякина приказом командарма-12 были переданы 22– й и 97-й пограничные полки общей численностью до 3 тыс. бойцов. Временно исполняющий обязанности 97– го полка майор С.Л. Краснощек был назначен заместителем командира этого соединения. Соответственно Отдельная Коломыйская погранкомендатура была подчинена командиру 8-го корпуса генералу М.Г. Снегову.

Тяжелые бои развернулись вокруг железнодорожной станции

Монастырище. 25 июля она неожиданно была захвачена противником. В данный момент на станции находился не отправленный эшелон с ранеными, составы с горючим и боеприпасами, и все это попало немцам в руки. И хотя командованием 140-й дивизии была предпринята контратака, и станцию удалось отбить, вернуть имущество не удалось. Отходя, противник взорвал вагоны с горючим и боеприпасами, а станционные пути разрушил[8]. На следующий день в район станции и леса южнее ее была переведена 10-я дивизия НКВД.

На 25 июля противник проводил постепенную смену 16-й моторизованной дивизии частями 68-й пехотной. В свою очередь 16-я моторизованная должна была высвободить 16-ю танковую, поэтому ее батальоны стали передислоцироваться в южном направлении. С утра развернулись тяжелые бои у с. Лукашовка, куда были переброшены 3-й и 2-й батальоны 156-го полка. После отражения атак немцы доложили, что ими взяты в плен до 100 красноармейцев и захвачены в качестве трофеев несколько пулеметов. Планомерная смена частей оказалась сорванной.

На остальных участках обстановка сложилась относительно спокойная, обе стороны вели артиллерийскую перестрелку. Противник периодически обстреливал обнаруженные скопления пехоты и техники, советские артиллеристы вели контрбатарейную борьбу. Особенно тяжелые потери понесла 2-я батарея немецкого 146-го полка, на пополнение которой пришлось направить 13 артиллеристов из запасного полка. По позициям, занятым войсками 37-го корпуса под с. Лукашовка, в 18.20 нанесли бомбово-штурмовой удар 10 «Ю-87» в сопровождении трех «Ме-109». К вечеру части 16-й моторизованной дивизии находились на позициях по линии с. Ситковцы – Стадница – выс. 252, 0 – Хмелевка – Лукашовка[9].

В это же время части 12-й армии проводили операцию, намереваясь разгромить немецкую 16-ю танковую дивизию. С запада на с. Княжья Криница, где занимали оборону немецкие 2-я рота 16-го саперного батальона и взвод станковых пулеметов, поднялись в атаку красноармейцы 192-й дивизии. Но как только они приблизились к переднему краю противника, по ним ударили пулеметы, орудия 1-го и 3-го дивизионов 16-го артполка и минометы. Бойцы понесли большие потери и отступили. Во время обстрела пропал без вести начальник оперативного отделения дивизии майор И.Б. Якушев, его помощник получил ранение и выбыл из строя. К исходу дня в 427-м полку осталось всего 21 командир и 124 красноармейца. Решением генерала П.Ф. Привалова его личный состав влили в 676-й полк.

С юга, от Монастырище и Летичевки, в общем направлении на с. Цибулев наступали части 49-й танковой дивизии полковника К.Ф. Швецова. Им противостояли солдаты 2-го батальона 79-го пехотного полка, поддерживаемые орудиями 2-го дивизиона 16-го артполка. Этих сил оказалось достаточно, чтобы все атаки советских танкистов захлебнулись, не достигнув успеха.

Неудачей завершилось наступление 58-й дивизии на с. Матвеиха. Ее пехоту контратаковали 9 немецких танков и солдаты 1-го батальона 79-й го пехотного полка. Как отметил в своей оперативной сводке начальник штаба 12-й армии генерал Б.И. Арушанян, бойцы 58-й дивизии, оказавшись под неожиданным ударом, «залегли»[10].

Для успеха операции по преследованию отходивших 6-й и 12-й армий большое значение имел захват важных опорных пунктов – Гайсин и Ильинцы. Для решения первой задачи – овладение городом Гайсин – командование XXXXIX корпуса выделило 125-ю пехотную дивизию под командованием генерала В. Шнекенбургера. Это было самое свежее соединение армии, которое в серьезных боях на Восточном фронте участия почти не принимало.

Для выполнения поставленной командованием корпуса задачи еще вечером 24 июля командир 420-го пехотного полка 125-й дивизии оберет Оппенлендер сформировал боевую группу. В нее вошли 6-я, 7-я и 8-я роты 420-го полка, два взвода 14-й роты, одно штурмовое орудие, взвод противотанкового дивизиона, взвод легких пехотных и два взвода тяжелых пехотных орудий. Перед ней была поставлена задача попытаться захватить высоты, лежащие восточнее города Гайсин, чтобы тем самым создать проблемы для советского командования при организации обороны этого города. Еще перед полуночью 24 июля немцы захватили железнодорожный вокзал. Это дало возможность боевой группе 420-го полка при поддержке тяжелого стрелкового вооружения начать наступление на высоты. Второй целью был перехват дороги, связывавшей Гайсин и Михайловку.

Как выражались сами немцы, своими действиями они разворошили «осиное гнездо». Прилегавшие к высотам леса были полны отступавшими советскими войсками, которых их командование немедленно бросило в контратаки. Вскоре положение немецкой боевой группы оказалось угрожающим. Против нее были брошены советские танки, из села Кущинцы на автомашинах спешно перебрасывались подкрепления, которые шли в новые контратаки. Ситуация для немцев резко ухудшилась после того, как обозначилась нехватка боеприпасов. Но боевая группа держалась на высотах в течение пятнадцати часов.

Огнем штурмового орудия было подбито два советских танка. Только вечером 25 июля немцы смогли перебросить на помощь группе батальон 421-го полка. Бой стоил противнику 26 убитых и 51 раненого[11].

Тем временем 1-й батальон 420-го полка при поддержке двух взводов противотанкового дивизиона выступил из села Кунка. Задачей дня для него была оборона мостов и южной окраины Куны от атак со стороны села Марьяновка. В 5 часов утра 2-я батарея приданного 125-й дивизии 52-го артполка получила приказ оставить свои оборонительные позиции и выдвинуться на южную окраину Гайсина, чтобы прикрыть тыл 2-го батальона полка. В 6.30 1-я рота получила задание выдвинуть охранение по направлению к Марьяновке. Находившийся неподалеку холм, увенчанный зданием церкви, мог стать хорошей позицией для поддержки оборонявшейся на высотах под Гайсином боевой группы.

Как только три группы охранения достигли расположенной на холме церкви, так они попали под массированный удар. Видимо, заметив выдвижение немцев, оборонявшиеся в Марьяновке советские части предприняли неожиданную для немцев атаку. Холм был накрыт огнем пулеметов, минометов и артиллерии. Буквально за 10 минут немцы потеряли пять человек убитыми и 20 ранеными и среди них командира роты.

Невзирая на потери, немцы не собирались покидать холм. Позиция там действительно была удобной, она позволяла держать под фланговым огнем атаковавшие боевую группу советские части. Несмотря на многочисленные атаки и обстрелы, немцы сумели продержаться до полудня. Около 12.00 к ним на выручку подоспел третий батальон 419-го полка. Под командованием майора Гёбеля он атаковал Марьяновку и сумел захватить восточную часть села. Тогда-то немцы начали штурм города. Хотя в ходе выдвижения из села Куны в район вокзала штаб 420-го полка попал под обстрел, он смог сохранить связь и управление своими частями.

Около 6 утра вторая рота 420-го полка предприняла атаку на южную часть Гайсина. В это же время 1-я рота 125-го саперного батальона ворвалась в западную часть. Артиллерийскую поддержку ей оказывали орудия 125-го и 52-го полков. Вскоре она соединилась с наступавшими с юга солдатами 2-й роты. Впрочем, и командование полка, и – выше – командование дивизии понимали, что такими малыми силами удержать город будет невозможно. Одна хорошо проведенная атака приведет к полному уничтожению прорвавшихся в

Гайсин немецких частей. Срочно нужны были подкрепления.

Ближайшим к месту оказался 2-й батальон 421-го полка. Командир 125-й дивизии приказал немедленно посадить несколько взводов его на грузовики и перебросить в Гайсин. Оставшиеся роты батальона направлялись туда же спешным маршем. В 11.15 передовые подразделения батальона достигли восточных окраин и стали оборудовать там оборонительные позиции в ожидании атак советских войск.

К этому времени северная часть города еще оставалась в руках советских войск. Состав и численность оборонявшихся там немцам известна не была. Они только предполагали, что здесь может быть до нескольких полков пехоты. В качестве разведки командир 3-го батальона 421-го полка выдвинул к северной окраине одну из своих рот. Вскоре она попала под сосредоточенный огонь красноармейцев и стала нести потери. Для ее усиления пришлось перебросить весь батальон.

С удивлением для себя немцы обнаружили, что именно северная часть города была лучше всего оборудована для обороны. Советские части вели огонь из домов, садов, разбросанных повсюду маленьких окопчиков. Особенно сильное сопротивление пришлось немцам встретить в районе казарм, оборона которых продолжалась несколько часов. Только с наступлением темноты удалось сломить сопротивление оборонявшихся и занять Гайсин.

Основным противником, с которым пришлось столкнуться 125-й дивизии под Гайсином, были части 18-го мехкорпуса генерала П.В. Волоха. В своем составе корпус к этому времени имел 39-ю и 47-ю танковые и 218-ю моторизованную дивизии, 31-й и 149-й пулеметные батальоны. Кроме того, в его подчинение передавалась группа полковника Сафронова. В соответствии с приказом от 24 июля корпус выдвигался на рубеж Китайгород – Гайсин – Ладыжин. 218-я дивизия, обороняла позиции по линии Ладыжин – Кирнасовка, а один из ее мотострелковых полков оставался в районе Ладыжин – Лакашевка – станция Ладыжин. 25 июля она была включена в состав 17-го стрелкового корпуса. Перед частями 18-го механизированного и 17-го стрелкового корпусов была поставлена задача по овладению Ладыжином, поэтому оборона Гайсина оказалась на периферии поставленных перед командованием корпуса задач.

По донесениям немецкой разведки, в большом лесу, расположенном восточнее Гайсина, было отмечено скопление значительных сил пехоты и артиллерии. Командир 421-го полка оберет

Хоффман считал вполне возможным проведение оттуда сильной контратаки. Чтобы предотвратить такое развитие событий, командир дивизии отдал приказ в 19.00 начать атаку на выс. 240. В наступление были брошены 1-й и 2-й батальоны 421-го полка. Несмотря на оказанное им сильное сопротивление, к 23.00 высоты были заняты. Потери 421-го полка, по немецким оценкам, были очень высоки – 49 убитых и 97 раненых[12].

В течение дня 25 июля 419-й полк прикрывал южный фланг дивизии. В соответствии с полученным еще вечером 24 июля приказом, полк достиг села Кузьминцы. Отсюда было замечено, как около двух советских рот достигли леса, находящегося северо-западнее села Ярмолинцы. Еще до наступления утра было принято решение уничтожить эту группу. 9-я рота атаковала лес с юга, 10-я – повела фронтальную атаку, 12-я – наступала с запада. В ходе боя, доходившего порой до рукопашных, советская группа была уничтожена. Были взяты 88 пленных, среди них один командир батальона. Было убито около 70 красноармейцев. Своими активными действиями 419-й полк полностью выполнил поставленную перед ним задачу – обеспечивать фланг и тыл 420-го полка.

Как уже говорилось, 3-й батальон 419-го полка был переброшен под село Марьяновка. Он должен был укрепить немецкую оборону в районе холма с церковью. Во второй половине дня батальон перешел в наступление на село. Его 10-я рота пробивала себе путь через юго-западную часть села, 9-я – через южную. Солдаты 9-й роты попали под фланговый огонь из леса и из полей на окраине села. Использовать артиллерию и минометы в этой ситуации оказалось невозможно вследствие отсутствия ясных целей. Поэтому пришлось полагаться только на стрелковое вооружение. Положение спасла атака 11-й роты на холм к югу от Марьяновки. Выбитые оттуда красноармейцы отступили в лес. К 16.00 Марьяновка, в основном, была занята, советские части отступили на юго-восток. Потери 419-го полка составили пять убитых и 38 раненых[13].

Бой за Гайсин стоил немцам ощутимых – по меркам 41-го года – потерь. 125-я дивизия потеряла восемь офицеров, 87 унтер-офицеров и солдат, были ранены 12 офицеров и 219 унтер-офицеров и солдат[14]. Это было первое серьезное боевое испытание для 125-й дивизии, которая до того, как уже отмечалось, большую часть времени находилась на марше. Этими обстоятельствами и был обусловлен некоторый сумбур в действиях этого соединения, а также явные ошибки в принятии решений, которые стоили дивизии значительных

потерь. Но опыт, полученный под Гайсином, по мнению командира 125-й дивизии генерала В. Шнекенбургера, дал солдатам соединения возможность почувствовать себя вполне боеспособным соединением вермахта, которому можно поручить выполнение сложного задания.

Боевое использование 125-й дивизии позволило противнику захватить один из важных опорных пунктов, Гайсин, и создать плацдарм на восточном берегу реки Соб.

Продвижение 97-й легко-пехотной дивизии генерала М. Фреттер-Пико, находившейся справа от 125-й дивизии, в течение дня 25 июля сильно затруднялось пересеченной лесистой местностью. Вдобавок шел сильный дождь с порывистым ветром, наступавшие солдаты промокли и быстро устали. Однако командиром дивизии были сформированы две ударные группы для атаки засевших в лесу советских войск. Первая должна была достичь лесной прогалины у с. Васильевка; вторая – опушки леса, расположенной в 3-х км южнее села Шабельная. При выполнении задачи приходилось учитывать, что в лесу восточнее села Ильинцы находились советские войска, неизвестные по численности, и оттуда можно было ожидать флангового удара.

Перед 295-й дивизией, действовавшей на северном фланге немецкого корпуса, советские войска отступали, практически не оказывая сопротивления. Несмотря на большие трудности во время движения, уже в 9.30 части дивизии заняли село Ильинцы. Основная масса соединения вскоре достигла линии сел Париевка – Синарна, передовой отряд вышел на дорогу Ильинцы – Кальник, проходящую уже по южному берегу реки Соб, и создал плацдарм для дальнейшего наступления. К концу дня отряд вышел на высоты севернее Хреновки, в 6 км от брода через реку Сод, и там остановился.

Общее положение частей вермахта к концу дня было таковым. В центре и на правом фланге в ходе преследования немцам удалось достичь существенных успехов. Ситуация на флангах оставалась тревожной. 100-я легко-пехотная дивизия своим усиленным полком достигла с. Ярмолинцы. Требуемое в целях обеспечения южного фланга 125-й дивизии наступление на село Крутогорб из-за трудностей, вызванных плохой погодой, было отложено. По неясным причинам приостановилось наступление 24-й пехотной дивизии, и левый фланг 295-й дивизии оказался открытым. Отсутствие должного взаимодействия между выполнявшими одну задачу дивизиями заставило командира XXXXIX горного корпуса генерала Л. Кюблера обратиться к командованию 17-й армии с просьбой переподчинить ему

100-ю дивизию. Исходя из требований обстановки, просьба была выполнена в тот же день. И уже вечером 25 июля 100-я дивизия получила новый приказ: «Как можно раньше утром 26 июля наступать через Соб от Крутогорба в направлении на Зятьковцы»[15]. Успешное выполнение приказа гарантировало безопасность южного фланга 125-й пехотной дивизии.

В 21.30 из штаба корпуса в дивизии поступил приказ на 26 июля: «1-я горно-егерская дивизия быстрым передовым отрядом занимает Гайсин через Семёнки и потом предпринимает преследование в направлении на Теплик. 125-й пд надлежит, насколько это возможно быстро, нанести удар на Михайловку, чтобы отрезать противнику пути отхода через Гранов на юго-восток. Дальнейшее направление преследования – Ивангород. 97-я пд достигает течения Соба по линии Дашев – Кальник и образует там плацдарм. В дальнейшем нужно предусмотреть возможность удара с плацдарма, чтобы облегчить продвижение вперед для 295-й пд. 295-я пд продолжает преследование до Китай-города»[16]. В качестве основной цели наступления определялся город Умань. В этой связи казалось правильным начинать усиливать правый фланг группировки, которым предполагалось охватить всю массу отходивших на юго-восток советских войск. На это направление предусматривалась переброска 4-й горно-егерской дивизии.

Вечером 24 июля XXXXVIII корпус получил следующий приказ. Поскольку уничтожение советских войск на западном фланге корпуса в течение дня 24 июля успехом не увенчалось, задачей на новый день оставалось предотвращение всех попыток прорыва полосы обороны. «Лейбштандарту СС «Адольф Гитлер» поручалось закрыть брешь между флангами немецких 16-й и 11-й танковых дивизий[17]. В течение дня предполагалось высвободить 16-ю танковую дивизию, заменив ее частями 16-й моторизованной дивизии. В дальнейшем это танковое соединение предполагалось использовать для нанесения удара в направлении Умани, чтобы отрезать пути отхода группе Понеделина.

В ночь на 25 июля немецкой 11-й танковой дивизии удалось, оставшись незамеченной, отойти назад, оборудовать и занять новые оборонительные позиции. Но еще в первой половине дня разведывательному батальону дивизии пришлось оставить высоты у села Нестеровка, уступив их под давлением артиллерийского огня и атак советской пехоты при поддержке танков. Во второй половине дня советская группировка перед фронтом 11-й танковой дивизии усилилась еще более. Поэтому разведывательный батальон этого

соединения пришлось перебросить для прикрытия левого фланга в районе с. Хизна. Это было вызвано необходимостью переброски занимавшего эту позицию разведывательного батальона 9-й танковой дивизии дальше на восток. Концентрация советских войск, пристрелка артиллерии, авиационные удары, особенно в районе южнее с. Соколовка, позволяли предполагать подготовку наступления со стороны частей 2-го мехкорпуса.

Утром управление и основные силы «Лейбштандарта» прибыли в район расположения командного пункта XXXXVIII моторизованного корпуса. Начальник штаба корпуса оберет Фрибе передал приказ: немедленно направить усиленный батальон для прикрытия разрыва между 11-й и 16-й танковыми дивизиями. Остальные батальоны должны быть в готовности предпринять наступление вдоль дороги Монастырище – Соколовка.

В 11.00 первым выступил 3-й батальон Вайденхаупта, усиленный 1-м артиллерийским дивизионом. Через пять часов он занял линию от южной окраины Цибулев до Теолин. Следовавшая следом за ним боевая группа Витта —1-й батальон, – заняла перекресток в 1 км южнее с. Конела. Вскоре подоспел 4-й батальон, и после короткой подготовки они перешли в наступление на высоты у с. Медоватая и южнее с. Поповка – Конельская. Холмы были захвачены без боя. Тем временем 2-й батальон прибыл в с. Соколовка, а разведывательный батальон – в с. Вузовка. В 18.10 командование «Лейбштандарта» смогло доложить, что поставленная оберстом Фрибе задача выполнена.

Отправленная вперед немцами разведка установила, что лес в 3 км южнее Теолин, а также высоты по обе стороны Цибермановки заняты советскими войсками. Вечером оттуда последовала атака советских войск, которая успеха им не принесла.

В течение дня 25 июля на немецких позициях происходила смена 16-й танковой частями 16-й моторизованной дивизии по линии сел Балабановка – Ивахны. Атаки советских войск против левого фланга дивизии из района юго-восточнее села Цибулев были успешно отражены.

День в полосе обороны немецкой 16-й моторизованной дивизии начался сильным артиллерийским обстрелом занимаемых ею позиций. После прекращения огня последовали атаки пехоты при поддержке танков. Но все попытки советских частей перейти в наступление под селами Ситковцы и Стадница были отражены. По скоплениям войск в лесном массиве юго-восточнее Стадницы был нанесен ряд ударов

пикирующими бомбардировщиками «Ю-87». Они, по-видимому, нанесли ощутимые потери готовящимся к атаке частям и уничтожили несколько батарей, находившихся на незамаскированных позициях. Но под селом Лукашовка ситуация оказалась для немцев не такой удачной. Частям 2-го мехкорпуса удалось при поддержке артиллерии сломить оборону и захватить село. Немцам пришлось провести перегруппировку, подтянуть дополнительные силы, и только после этого им удалось село отбить.

К концу дня стало очевидно, что полностью выполнить поставленные задачи немцам не удалось: хотя фронт обороны был удержан, атаки советских войск не позволили высвободить 16-ю танковую дивизию, и запланированное наступление на Умань не состоялось. Планируемый подход 68-й пехотной дивизии должен была ускорить переброску 16-й моторизованной дивизии на смену 16-й танковой. На этом день 25 июля завершился. Ночь на 26 июля прошла, в целом, спокойно.

В 3.15 состоялись переговоры между командиром 2-го мехкорпуса генералом Ю.В. Новосельским и представителем штаба Южного фронта подполковником Петуховым. Комкор сообщал, что в его полосу «в большом беспорядке отходят две крупные единицы, из коих одна возглавляется комбригом Саломатиным. Обе единицы из хозяйства Понеделина, творится большой беспорядок, идут на рубеж, занятый противником». Речь здесь шла о 49-й танковой дивизии, а также о группе комбрига М.Д. Саломатина в составе 45-й танковой и 99-й стрелковых дивизий. Генерал Ю.В. Новосельский просил подчинить их себе, и такое разрешение в 3.40 он получил[18]. Утром отступавшие с северо-запада соединения были направлены на укрепление левого фланга 2-го мехкорпуса.

Отход дивизий XXXXVIII корпуса прикрывала авиация, нанося удары по частям 2-го мехкорпуса, она затрудняла их продвижение, наносила потери. Советских самолетов в небе почти не было, что позволяло противнику действовать почти безнаказанно. Начальник штаба полковник Н.И. Сучков жаловался, что «эти сволочи бомбят нас, зажгли несколько вагонов со снарядами. Весьма недовольный, что безнаказанно целый день над нами летают, и хоть бы один из наших ястребков появлялся, никого не видать, а ведь здесь солидное количество накопилось для армии»[19].

К исходу дня части 2-го мехкорпуса занимали:

– 11-я танковая дивизия, батальон 55-го полка НКВД, 6-й мотоциклетный полк и 321-й мотострелковый полк находились на

позициях у разъезда Яроватка;

– 16-я танковая дивизия, 182 запасной полк и 55-й полк НКВД – рубеж Поташ – Подобная, 16-й мотострелковый полк 15-й моторизованной дивизии занял в ходе боев 25 июля села Добрая и Нестеровка и, продвигаясь вперед, закрепился у села Кишенцы;

– 47-й мотострелковый полк – южнее Тальное, 14-й танковый полк располагался у села Орадовка.

В ходе боев 25 июля соединения корпуса понесли значительные потери: 16-я танковая дивизия потеряла около 200 человек ранеными, количество убитых к концу дня все еще осталось неизвестным, 15-я моторизованная дивизия – 46 убитыми, 123 – ранеными, пять – без вести пропавшими[20].

Командир 2-го механизированного корпуса генерал Ю.В. Новосельский получил приказ командующего Южным фронтом, в котором указывалось, что дивизии корпуса в скором времени будут заменены на своих позициях соединениями подходящей 6-й армии. В дальнейшем корпус должен был быть выведен из боя и сосредоточен в районе Новоархангельска – Подвысокого – Тишковки в качестве резерва фронта. Генерал И.В. Тюленев считал, что направление у Звенигородки и Смелы слабо обеспечено, и просил перебросить туда 116-ю дивизию из состава 26-й армии Юго-Западного фронта[21]. После выхода из окружения 12-й армии командование Южным фронтом планировало вывести ее из боя и сосредоточить в районе Россоховатка – Поташ – Павловка для обороны рубежа по линии ст. Звенигородка – Соколовочка – Зеленьков – Павловка и далее по восточному берегу р. Синюха. Соответственно, 6-ю армию предполагалось сосредоточить у Христиновки и Умани. В дальнейшем ей предстояло занять позиции по линии Поташ – Добрая – Христиновка.

Как показали дальнейшие события, если бы это решение было выполнено, то можно было сохранить или своевременно образовать плацдармы на восточном берегу реки Синюха. Их наличие существенно облегчало бы боевые действия по выводу 6-й и 12-й армий из окружения. Но этого из-за стремительного изменения обстановки вовремя сделано не было.

К 25 июля разрыв между 26-й армией Юго-Западного фронта, с одной стороны, и 6-й и 12-й армиями, с другой, достиг уже 80 км. Обеспечивать снабжение – в том числе продовольствием, боеприпасами и горючим – этих, оторвавшихся от основных сил фронта объединений стало затруднительным и могло теперь

осуществляться только через полосу соседнего Южного фронта. Поэтому Военный совет Юго-Западного фронта выступил с предложениями:

«а. С целью вывода из-под ударов, сокращения линии фронта и создания сильного резерва отвести войска 6 и 12 А на фронт раз. Яроватка, Китайгород;

б. В процессе отхода вывести одно армейское управление и большую часть войск этих армий в район Умани и южнее в готовности действовать на северо-восток с задачей ликвидировать прорыв и сомкнуть фронт с 26 А;

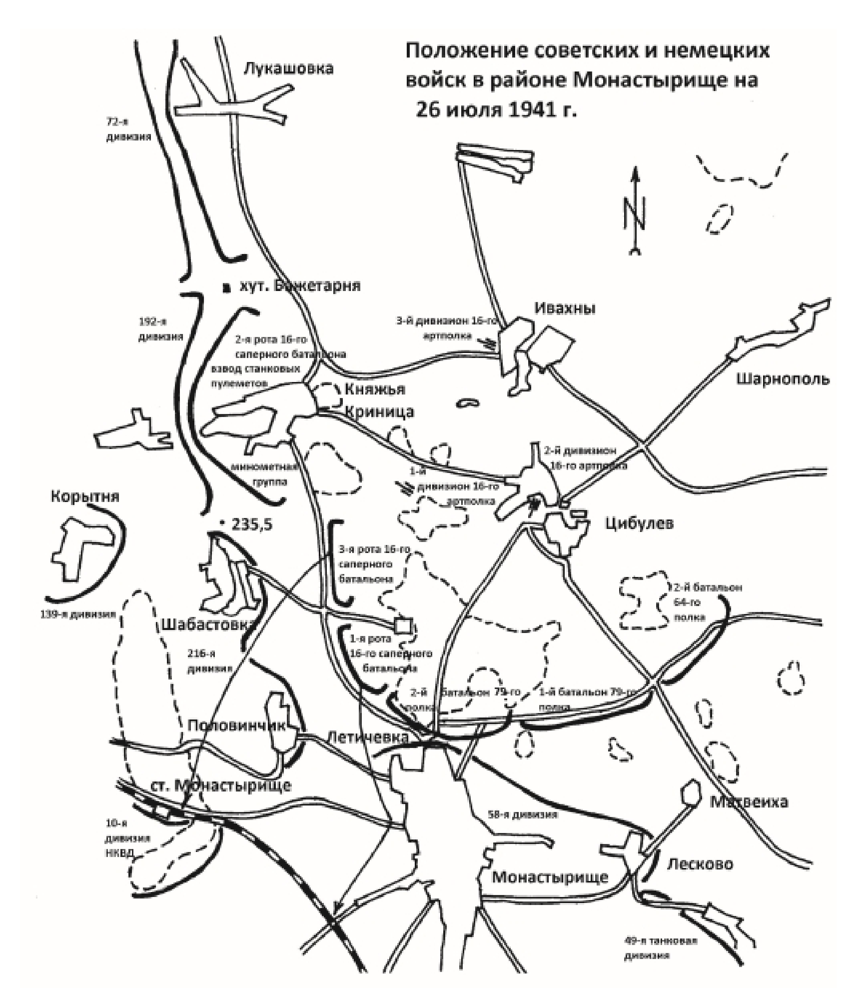
в. Передать 6 и 12 в состав войск Южного фронта, чем обеспечить их нормальное питание и эвакуацию в более лучшие условия для управления»[22].

В 20.00 25 июля 6-я и 12-я армия вошли в состав Южного фронта. Первые сводки о состоянии этих объединений были получены только 27 июля, поэтому какое-то время командование фронта реальную боевую ценность полученных армий не представляло и, видимо, с их прибытием рассчитывало на укрепление своих сил. Вскоре оно убедилось, что вместо двух армий оно получило два полуразгромленных военных организма, срочно нуждавшихся в пополнении и отдыхе.

Передача войск из состава Юго-Западного фронта в состав Южного создала своего рода управленческий вакуум, который длился почти трое суток, до вечера 27 июля. Весь это период войсками двух отходивших армий никто из вышестоящего начальства не руководил. Командующий Юго-Западным фронтом генерал М.П. Кирпонос уже сложил с себя полномочия, а командующий Южным фронтом генерал И.В. Тюленев еще не принял. Фактически две армии были предоставлены самим себе. Первые более или менее достоверные сведения о 6-й и 12-й армиях появляются в сводках Южного фронта, как уже отмечалось, только спустя двое суток после их передачи в его состав.

26 июля, суббота

В 6-ю и 12-ю армии 26 августа поступил приказ командующего войсками Юго-Западного направления маршала С.М. Буденного. Его появление стало результатом проверки, проведенной в их частях и соединениях, а также штабах всех уровней. Полученная картина оказалась весьма непривлекательной. Командование продемонстрировало полную безынициативность, атаки проводились преимущественно фронтально, «в лоб вражескому огню», попытки обойти противника с фланга или с тыла – отсутствовали. По ночам всякая активность прекращалась. Во время атак противника войска устремлялись в тыл, вместо того чтобы концентрироваться для их отражения. Из всех видов оружия хуже всего применялись в бою минометы, к которым, в отличие от орудий, командиры относились с пренебрежением. Прибывающее пополнение использовалось в бою неэффективно. Маршал требовал устранить недостатки, довести приказ до сведения всех командиров полков и потребовать от командиров всех уровней «обучить войска уничтожать врага»[23]. В свою очередь, директива № 0141 начальника Политического управления Южного фронта предписывала всем коммунистам и политработникам бороться с танками «большевистским образом», в таком случае ни одна вражеская бронированная машина через линию обороны не сможет прорваться[24].

Положение в районе Монастырище на 26 июля

Долгожданное наступление 100-й пехотной дивизии принесло облегчение и уверенность за стабильность южного фланга XXXXIX корпуса. Соединение перешло через реку Соб и оттеснило советские части к станции Зятьковцы. По выполнении этой задачи дивизия вновь вернулась в подчинение LII армейского корпуса.

Для 1-й горно-егерской дивизии генерала Х. Ланца приказ на 26 июля гласил: «Группа «Ланг» выступает в 6.00 из восточной окраины Брацлава для преследования через Семёнки – Гайсин на Теплик». Этим приказом начался оказавшийся столь роковым для советских войск прорыв боевой группы оберст-лейтенанта Ланга во фланг и тыл отступавшей группировки 6-й и 12-й армий. Именно этот маневр в

дальнейшем привёл к окружению советских войск в междуречье Ятрани и Синюхи. Основная часть дивизии в составе боевых групп «Кресс» и «Пикер» продолжала действовать в районе Куна – Нижняя Крапивна – Семёнки – Сорокодубы.

Группа «Ланг» начала свое продвижение вдоль дороги Гайсин – Теплик – Терновка, сбивая с нее немногочисленные красноармейские заслоны. На станции Кублич немцам удалось захватить три состава с боеприпасами и оборудованием. Используя растерянность отступавших советских войск, ударная группа продолжила движение, не обращая внимания на фланги, и заняла Гайсин, а после полудня – село Теплик. Прорыв, осуществленный на автомашинах, составил за день расстояние в 70 км. Ближайшие соседи отстали на 20 км, собственная дивизия – на 45 км[25]. Единственным действенным средством связи оставалось только радио. Маршем 1-й горно-егерской дивизии началось формирование южного фаса окружения группы Понеделина[26].

В результате прорыва, осуществленного егерями Х. Ланца, советский 18-й мехкорпус оказался разорван надвое. 39-я танковая дивизия, сбитая с рубежа Китай-Город – Гайсин, начала отход в восточном направлении. К концу дня вместе она оказалась в районе Кублича, куда ранее отошли полки 47-й танковой дивизии полковника Г. С. Родина. Еще на марше тылы 47-й дивизии подверглись атаке противника и чудом избежали уничтожения. Не удержала своих позиций и 218-я моторизованная дивизия. Под натиском противника она была вынуждена отойти на рубеж Кублич – Соболевка.

Пользуясь общим отходом войск советской 18-й армии, соединения XXXXIX корпуса развивали преследование. Боевая группа «Кресс» образовала своеобразную подвижную моторизованную группу, наподобие группы «Ланг». Но действия советских частей препятствовали ее эффективному применению, и ее продвижение проходило замедленным темпом. Прорыв группы «Ланг» привел к потрясению советских оборонительных порядков, хотя и эта ситуация была быстро преодолена.

Перед немецкой 125-й дивизией на 26 июля была поставлена задача наступать на Михайловку с тем, чтобы воспрепятствовать отходу частей 6-й и 12-й армий на Гранов и далее на юго-восток. В дальнейшем дивизия должна была наступать на Краснополку и Ивангород.

В течение ночи 421-й полк немцев вел разведку против большого леса, с запада прилегавшего к Михайловке. Было установлено, что его

занимают крупные силы советских войск. Занять Михайловку, не выбив их из леса, было маловероятно. Но лобовая атака грозила немцам ощутимыми потерями, тем более что прилегавшая открытая местность была хорошо пристреляна. Поэтому командир дивизии отдал приказ 419-му полку наступать на с. Чечелевка, чтобы занять расположенные за ней высоты 256 и 260. В случае удачи этого маневра советские войска, укрывавшиеся в лесу, были бы обойдены с фланга. Артиллерийскую поддержку наступлению оказывал 125-й артиллерийский полк, выдвинутый на позиции около вокзала в Гайсине.

В 16.00 2-й батальон 419-го полка 125-й дивизии начал выдвижение к Чечелевке. Атаку поддерживали два штурмовых орудия. Попытка немцев с ходу взять Чечелевку успехом не увенчалась. Как только они вошли в село, их атаковали красноармейцы при поддержке трех танков. В ходе завязавшегося боя огнем штурмового орудия был подожжен один из них, второй был подбит выстрелом из противотанкового орудия. Третий танк был подорван ручными гранатами, а его экипаж был взят в плен.

Однако и после гарнизон Чечелевки продолжал сопротивление. Только к 19.30 село и выс. 256 были заняты немцами. Вечером немцы заняли расположенное в трех километрах восточнее с. Рахмановку и здесь остановились[27]. Сопротивление, оказанное красноармейцами в Чечелевке, не позволило немцам выполнить поставленную корпусом на 26 июля задачу: Михайловка и выс. 260 к юго-востоку от нее остались в советских руках.

В течение дня немецкие позиции под Гайсином, мосты и дороги, по которым двигались войска, неоднократно подвергались обстрелам тяжелой артиллерией и налетам авиации. По этой причине немецкое командование оценивало положение своих войск в районе Гайсина как неустойчивое и даже критическое. Оно надеялось, что положение под Гайсином смогут облегчить действия 97-й и 295-й пехотных дивизий. Но 97-я дивизия увязла в тяжелых боях против укрывшихся в лесах советских войск. Только после массированного применения артиллерии удалось занять с. Шабельня и Пархомовка, но на опушке леса, прилегавшего к Дашеву, соединение снова наткнулась на стойкое сопротивление. Неоднократными советскими контратаками продвижение 97-й дивизии на этом участке было остановлено.

Тем временем 295-я дивизия наступала из района с. Ильинцы на Кальник. Здесь ей удалось создать плацдарм, и вскоре основные силы соединения вышла на линию Кальник – Жаданы. На этом участке

фланг дивизии подвергся сильной атаке пехоты, поддержанной артиллерией из района села Кошланы. В таком положении дальнейшее продвижение вперед казалось невозможным, и 295-й дивизия отказалась от активных действий до подхода 24-й пехотной дивизии соседнего корпуса[28].

4-я горно-егерская дивизия противника, действовавшая в качестве корпусного резерва, достигла села Немиров. В дальнейшем ее предполагалась перебросить на правый фланг, где предусматривались главные действия по охвату отступавших советских войск.

На 27 июля приказ по корпусу гласил: «1-я горно-егерская дивизия преследует вдоль дороги Гайсин – Теплик – Терновка. Основные силы должны следовать ускоренным маршем. 125-я ид после достижения района Михайловки продолжает преследование вдоль дороги Ивангород – Умань. 97-я лид в тесном взаимодействии с 295-й ид улаживает положение у Дашева и Кальника. 195-я ид продолжает преследование на Китайгород. Дальнейшее направление преследования – вдоль цепочки озер в направлении села Севастьяновки»[29].

Вечером поступил новый приказ по армии. В нем для немецких войск не содержалось ничего нового. Вновь подчеркивалось, что «русские» продолжают отход на Умань и что перед дивизиями XXXXIX корпуса остаются только разрозненные части прикрытия, обороняющиеся в районе города Оратов. Опять требовалось наступать на восток с достижением линии Рыжевка – Умань. Командующий армией настойчиво требовал как можно скорее захватить такой важный транспортный узел как Умань[30].

В полосе действий XXXXVIII корпуса утро выдалось спокойным, если сравнивать с предшествующими днями. Несмотря на сильный артиллерийский огонь, который можно было бы расценить как подготовку к новому крупному наступлению, никаких массированных атак со стороны 2-го мехкорпуса проведено не было. Воспользовавшись этим обстоятельством, немцы начали медленное продвижение вперед. Первой перешла в наступление группа «Шведлер». Ей вскоре удалось занять высоты, расположенные по обе стороны от с. Ильинцы.

Немецкая авиаразведка вскоре донесла, что советское командование, видимо, из-за опасений охвата с запада и юга, начало отвод своих войск из северного сектора. За линией фронта резко активизировались железнодорожные перевозки, особенно по ветке, ведущей с северо-запада на Умань. Со станций Франтовка и

Монастырище в направлении на юго-восток отбыли 17 составов. В этом же направлении двигались по дорогам колонны советской пехоты и артиллерии[31].

В таких условиях от немецких войск требовалось решительное наступление, чтобы нарушить линии сообщения и затруднить вывод советских войск из формирующегося котла. Так как 16-я танковая дивизия глубже всех остальных соединений корпуса продвинулась в южном направлении, ей было поручено нанести удар танковыми полками по станции Монастырище. Атака оказалась удачной. Был взорван эшелон с боеприпасами, станционные пути и постройки разрушены. После полудня позиции 16-й танковой дивизии подверглись сильному артиллерийскому обстрелу и авиационным ударам.

Напротив, 16-ю моторизованную дивизию командование XXXXVIII корпуса решило высвободить и перебросить на левый фланг 11-й танковой, откуда нанести удар в юго-восточном направлении. Задача казалась сложной для соединения, не имевшего в своем распоряжении танков. В дальнейшем цель наступления была конкретизирована – 29 июля солдатам 16-й моторизованной дивизии поручалось захватить Тальное – населенный пункт в глубоком тылу 6-й и 12-й армий. Оттуда можно было развивать наступление на Новоархангельск и, далее, на Первомайск.

В полосе действий «Лейбштандарта» в течение дня никаких существенных изменений не произошло. Разведка доносила о начавшемся отходе советских войск за ручей Конела. На участке обороны немецкой 11-й танковой дивизии генерала Л. Крювеля ситуация была более серьезной. После полудня соединение отразило попытку наступления, проведенную после сильной артиллерийской подготовки в направлении с. Соколовка. На этом направлении действовала 15-я моторизованная дивизия генерала Н.Н. Белова. Её 16-й мотострелковый полк в течение дня после ряда атак сумел взять под контроль дорогу Соколовка – Кишенцы. 11-й мотострелковый полк захватил высоты, расположенные юго-западнее села Соколовка, а 321-й мотострелковый полк концентрировался юго-восточнее села Нестеровка. 14-й танковый полк полковника И.А. Фирсова сосредотачивался у села Добрая. Потери дивизии генерала Н.Н. Белова за день составили 19 убитых и 59 раненых.

Вплоть до наступления сумерек против левого фланга немецкой 11-й танковой дивизии предпринимались неоднократные атаки, но все они были отражены. Поступило сообщение разведки, что советские

моторизованные части готовятся к наступлению против восточного фланга дивизии в районе сел Буки – Кишенцы – Маньковка. Как сообщает О. Мюнцель, оно оказалось ложным, и направленная генералом Л. Крювелем туда боевая группа так и не смогла обнаружить противника[32].

Вечером район расположения командного пункта «Лейбштандарта» у с. Бузовка попал под бомбежку. Не менее девяти самолетов в течение нескольких минут сбросили свой груз, однако результат атаки оказался ничтожным: ранение получил всего один эсэсовец, ни одна из машин штаба даже не была повреждена.

По сообщению командира советского 2-го мехкорпуса, действовавшие как раз на этом направлении 11-я и 16-я советские танковые дивизии добились существенного успеха. 11-я дивизия заняла в ночь на 27 июля село Кишенцы, а 16-я – район Маньковка – Дзензелевка – Харьковка. 15-я дивизия своим 16-м полком перехватил дорогу, ведущую от с. Кишенцы на Соколовку, а 11-м – контролировал высоты юго-западнее Нестеровки. Танковый полк полковника И.А. Фирсова сосредоточился южнее с. Добрая, 47-й полк находился в селе Тальное, а 6-й мотоциклетный полк – в Христиновке. За день войска корпуса потеряли 19 человек убитыми и 59 ранеными[33]. Как оказалось, достижения 26 июля были последним успехом соединений корпуса генерала Ю.В. Новосельского.

Сообщения разведки и общее впечатление от событий дня наводили командование XXXXVIII корпуса на мысль, что советское командование начинает отвод своих войск из «мешка», прикрывая его артиллерийскими обстрелами и атаками пехоты на отдельных участках с целью сковывания немецких подвижных соединений. Чтобы не допустить этого, командование корпуса признало необходимость нанесения ударов в южном направлении, чтобы занять рубежи юго-восточнее Умани. Для решения этой задачи привлекались 16-я моторизованная дивизия и, – правее от неё, – 11-я танковая.

В свою очередь, 16-я танковая дивизия должна была быть выведена из боя. Перед «Лейбштандартом» ставилась задача совместно с частями 11-й танковой дивизии захватить Умань, после чего двигаться далее на юго-восток в сторону Кировограда. Но существовали сомнения, сумеет ли 16-я моторизованная дивизия по раскисшим после дождей дорогам вовремя выйти в район сосредоточения[34].

Свои выводы из действий войск 25 и 26 июля сделало и советское командование. Штаб Южного фронта, возглавляемый генералом Романовым, пришел к заключению, что «пытаясь прорваться в районе

Гайсин в восточном направлении, противник преследует цель содействия попыткам уманской группы противника прорваться на юг, активными действиями сковывая наши войска на кишиневском направлении… Противник ведет активную разведку в первомайском направлении, имея целью прорваться к рубежу р. Юж. Буг»[35].

Дальнейшее развитие событий показало, что основные направления действий противника были выявлены верно, а вот конечные цели наступления определены ошибочно. В действительности на данном этапе развития операции немцы стремились не столько к прорыву на юг, к реке Южный Буг, а к окружению частей 18-й, 6-й и 12-й армий. Вероятно, именно по этой причине перед указанными выше советскими армиями вышестоящее командование поставило задачу противодействия прорывам, а не выхода из образующегося окружения.

27 июля, воскресенье

Советское командование убедилось, что основным направлением наступления противника является Умань. Поэтому для 6-й и 18-й армий в качестве задачи ставилось удержание этого города – при недопущении окружения. Для немцев начавшийся отвод части войск 2-го мехкорпуса вновь открывал перспективу прорыва в южном направлении, что позволяло во взаимодействии с частями 17-й полевой армии завершить окружение советских войск.

Судя по впечатлениям участников тех событий с немецкой стороны, для них было удивительно, что ночь для прорвавшейся в тылы Южного фронта группы «Ланг» прошла тихо. Создавалось впечатление, что ее действия остались незамеченными для советского командования, или же оно – по какой-то причине – решило не обращать на нее внимание. Ускоренными маршами рвались на восток 98-й и 99-й горно-егерские полки, но моторизованная группа «Кресс» смогла встретиться с группой «Ланг» в Теплике только после полудня. Не дожидаясь ее прибытия, оберст-лейтенант Ланг отдал приказ о дальнейшем наступлении. Вскоре лежавшие по дороге села Высший Ташлык и Серебрая были ими заняты. Но захватить с ходу село Терновка не удалось. Находящиеся в нем советские части оказывали упорное сопротивление, так что передовым группам пришлось окапываться по обе стороны дороги между Серебрая и Терновкой. В создавшихся условиях оберст-лейтенант Ланг решил дождаться подхода подкреплений. К этому времени группа «Кресс» находилась в районе Важное – Кублич, а группа «Пикер» – в районе Кублич – Гайсин.

Ожидаемый удар немецкой 295-й дивизии с севера не состоялся. Ему помешали как состояние погоды, дорог, так и сопротивление советских войск. Поэтому предполагаемая линия продвижение Озера – Китай-город достигнута не была. Если учесть, что соседняя 24-я дивизия находилась у села Стрыжаков, то получалось, что на левом фланге корпуса образовалась брешь в 25 км шириной. 97-я дивизия 27 июля была выведена в армейский резерв и находилась на отдыхе.

Приказ по немецкому XXXXIX корпусу на день ставил перед 125-й дивизией задачу продолжать преследование отступавших советских войск в направлении Ивангород – Умань. Положение дивизии к утру

27 июля было неустойчивым. Если правый фланг не вызывал особенного беспокойства и с 1-й горно-егерской дивизией поддерживался локтевой контакт, то левый внушал серьезные опасения. Соседние 97-я и 295-я дивизии сильно отстали, как и 24-я дивизия из XXXXIV корпуса. Отсутствие 24-й дивизии на фронте создало у командования Южного фронта впечатление, что это соединение в боях было сильно потрёпано. В разведсводке от 27 июля по этому поводу сообщалось, что «102 пп 24 пд, действовавший севернее Липовец, потерял до 30 % своего личного состава, остальные полки оттянуты в тыл»[36]. К сожалению, дивизия просто отстала, не утратив боеспособности. Вывод, сделанный разведотделом штаба фронта, оказался ошибочным.

В 8.00 421-й полк 125-й пехотной дивизии начал наступление на Михайловку. Только в расположенном у села лесу никаких советских войск обнаружено не было. Пользуясь ночной темнотой, они отступили на восток. Лишь небольшие группы прикрытия были оставлены в самой Михайловке, и они оказали наступавшему 2-му батальону полка незначительное сопротивление, после чего также отошли. К 11.30 Михайловка была полностью занята противником.

В захваченное село вскоре прибыл командир дивизии. С восточной окраины открывался великолепный вид на прилегающие к селу окрестности, и генерал, по-видимому, хотел лично оценить местность, по которой надлежало вскоре двигаться его соединению. На наблюдательный пункт был вызван командир 421-го полка оберет Хоффманн, где ему был передан приказ всеми силами наступать на Краснополку. Но выполнить полученный приказ оберегу не довелось. Внимание советских артиллеристов, видимо, привлекла собравшаяся группа немецких офицеров, и они сделали по ней несколько выстрелов. Осколками разорвавшегося поблизости снаряда оберет Хоффманн был ранен и эвакуирован в тыл[37].

К вечеру у командования корпуса сложилось впечатление, что с прорывом оборонительного рубежа по реке Соб большого сопротивления уже не предвидится. Его можно было теперь ожидать только по рекам Ревуха и Ятрань, протекавшим в 20 км восточнее Умани. Поэтому требовалось закрепить достигнутый успех и постараться прорваться как можно дальше на восток, прежде чем там успеют закрепиться части Красной армии[38]. Для корпуса анализ ситуации означал только одно – продолжать преследование.

Для 125-й дивизии на 28 июля ставилась задача занять Ивангород и далее наступать на Умань. 295-я дивизия должна была очистить район

вокруг Гранова, а 4-я горно-егерская – выйти в район Гайсина.

Более важной была задача 1-й горно-егерской дивизии, которой предстояло ворваться в с. Дубово, расположенное на р. Ревуха, в глубоком тылу советских войск. Соединение должно было наступать, не обращая внимания на открытые фланги, фактически в полном отрыве от основных сил корпуса. Командир дивизии по этому поводу отдал особый приказ, в котором указывалось, что все передвижения частей могут осуществляться только по его распоряжению. Самое пристальное внимание командиры полков должны уделять состоянию флангов, части должны быть готовы к отражения атак с любых направлений. Группам «Ланг» и «Кресс» в тесном взаимодействии друг с другом надлежало захватить плацдармы у с. Рыжавка и Антоновка[39].

Для ликвидации вышедшей в район Гайсина 4-й горно-егерской дивизии командование Южным фронтом приказало командарму-18 генералу А. К. Смирнову провести контратаку, и тот выделил для этого 18-й мехкорпус, из района Христиновки для поддержки атаки был выдвинут 14-й танковый полк. Но добиться перелома уже основательно потрепанным в предшествующих боях соединениям 18-го мехкорпуса не удалось. Противник в районе Гайсина прорвал фронт корпуса П.В. Волоха и стал распространяться в направлении Кублич – Теплик. «Волоховские орлы в куриных перьях прут на Понеделина и нас неорганизованным шагом с соответствующим сопровождением», так охарактеризовал сложившуюся утром 27 июля ситуацию майор Трусов[40]. Действительно, 18-й мехкорпус находился на грани поражения. Его 47-я танковая дивизия, которой командовал полковник Г.С. Родин, оказалась отрезанной от остальных сил 18-й армии и соединиться с ними она не смогла. Её части собрались в районе станция Зятьковцы – Кублич. Командир дивизии решил пробиваться на соединение со своими в ночь на 28 июля. Прорваться удалось не всем. В окружении остались 47-й гаубичный артполк и батальон связи. Из их состава смогли выйти к своим только отдельные командиры и бойцы. Остальные погибли или попали в плен.

39-я танковая дивизия продолжала отступление на северо-восток на с. Гранов и Великую Севастьяновку. В дальнейшем она влилась в состав группы Понеделина и разделила с ней ее судьбу. 218-я дивизия отходила в юго-восточном направлении на Краснополку и Голованевск. Можно заключить, что в результате боев 26–27 июля 18-й мехкорпус как соединение перестал существовать. К исходу дня остатки 18-го мехкорпуса собирались в районе сел Михайловка –

Кублич – Соболевка. По приказу начальника инженерной службы подполковника А.К. Салова мосты через реку Южный Буг в селах Семеновка, Степашки и Ладыжин были взорваны[41].

В 10.00 началась частная операция Южного фронта по уничтожению противника в районе Таркановка – ст. Кордыма – Червона – Григориополь. С севера части немецких войск атаковала 164-я дивизия, с юга – 176-я дивизия и два полка 74-й дивизии. Для воздушной поддержки планировалось привлечь авиацию Главного командования, но её самолеты с аэродромов так и не взлетели. Пришлось использовать фронтовую авиацию. Выполнить поставленную командование фронта задачу в полном объеме не удалось. К вечеру 27 июля 96-я дивизия с 274-м корпусным артполком сосредоточилась в районе сел Гордневка и Тростянец, 164-я вместе с 269-м корпусным артполком – у сел Ободовка и Татаровка.

Проливные дожди сильно затруднили действия немецких моторизованных и танковых соединений на северном фасе полукружения. На переброску 16-й моторизованной дивизии в район северо-восточнее позиций 11-й танковой ушел весь день. К вечеру соединение заняло высоты у с. Хизна и у Кислина. Напротив находились окопы, в которых закрепились советские войска.

В 7.50 началось наступление 4-го батальона «Лейбштандарта» с линии с. Поповка – Конела. Несмотря на проливной дождь, эсэсовцы передовой 17-й роты выступили в направлении на с. Ротвиновку, чтобы там захватить переправу через р. Конела. Оборонявшиеся советские части немедленно открыли по противнику огонь из минометов, который в значительной степени замедлили, но не сорвал немецкое наступление. Удивительно, что красноармейцы не предприняли ничего, чтобы уничтожить мост, и после короткого боя он был захвачен противником неповрежденным. Солдаты 17-й роты, воспользовавшись моментом, переправились на противоположный берег и заняли выс. 248, 0. В бою они захватили несколько пленных, а также в качестве трофеев мотоциклы и бронемашины.

По расположению противника открыла огонь советская артиллерия. Ее огонь оказался настолько плотным, что эсэсовцам пришлось немного отойти назад. К 15.30 на высоте осталось только боевое охранение – 10 человек при двух ручных пулеметах.

Еще один плацдарм был образован 1-й ротой «Лейбштандарта» в районе с. Панский Лист. Выступив из с. Медоватая, она сравнительно быстро захватила находившийся здесь мост через ручей, однако весь остаток дня ей пришлось отражать контратаки советских войск,

стремившихся сбросить противника обратно с захваченного плацдарма. Немецкая разведка сумела выявить до десяти батарей, расположенных напротив участка «Лейбштандарта».

В 16.00 в штаб бригады поступило указание из XXXXVIII корпуса, в соответствии с которым наступление следовало остановить. Главной причиной такого решения стала неудача с продвижением на участках соседних соединений, вызванная отвратительным состоянием дорог. Несмотря на это указание, 3-й батальон «Лейбштандарта» возобновил продвижение и к исходу дня занял выс. 258, 0. Однако к исходу суток его оттуда выбили.

Левый фланг немецкой 11-й танковой дивизии в течение дня находился под сильным артиллерийским обстрелом. Под его прикрытием осуществлялся отвод советских войск с занимаемых позиций на всем участке обороны дивизии вплоть до с. Краснуздовка. Обнаруженный еще накануне вечером напротив восточного фланга 11-й танковой дивизии советский отряд вел активную разведку в направлении на северо-запад. В целом, практически все немецкие соединения в течение дня оставались на своих позициях или совершали маневры в собственном тылу для их смены. Никаких существенных продвижений вперед им добиться не удалось, несмотря на то, что отвод советских войск на многих участках стал для противника очевидным.

Единственным исключением стали действия группы «Шведлер». Ей удалось существенно продвинуться вперед и своим левым флангом выйти на подступы к с. Княжья Криница. Отступившие перед ней советские части пытались при сильной артиллерийской поддержке прорваться на фронте 16-й танковой дивизии в районе с. Монастырище. Но все атаки здесь были немцами успешно отбиты[42].

События дня укрепили командование XXXXVIII корпуса в уверенности, что перед его фронтом началось отступление советских войск. Основным направлением отхода считалось юго-восточное. Можно было предположить, что при сохранении прежнего направления наступления – на Умань, – окружить достаточно крупные силы не удастся, многие смогут избежать окружения. Поэтому было принято решение изменить ось движения на более восточное, чтобы увеличить размах охвата. Основным направлением наступления корпуса должно было стать юго-восточное, на Кировоград. Впереди должны были наносить удар 11-я танковая дивизия и «Лейбштандарт». Против Умани предполагалось оставить только сильные заслоны[43].

Командующий войсками Южного фронта генерал И.В. Тюленев в

своем донесении в Ставку 27 июля отмечал, что «наличными войсками… принимая во внимание состояние 6 и 12 А и измотанность дивизий Южного фронта, без резервов удерживать и наносить удары противнику… будет затруднительно. 6 и 12 А по выходе их требуют немедленного отвода во фронтовой резерв для приведения в порядок»[44]. Из донесения видно, что генерал И.В. Тюленев в достаточной мере осознавал сложность ситуации, но ему не хватило решительности заявить о невозможности выполнить поставленные перед фронтом задачи. В итоге в Ставке создавалось ошибочное впечатление, что ситуация в полосе Южного фронта вполне поправима.

В отношении предполагаемых действий противника разведотдел фронта доносил, что «противник стремится прорваться из района Гайсин в восточном направлении и выйти во фланг и тыл наших войск, действующих севернее и северо-западнее Умань, Христиновка. Возможно ожидать активных действий противника из района Лисянка, Виноград, Чижовка… в южном направлении». Из сводки, составленной полковником Васильевым, следовало, что намерение противника окружить части 18-й, 6-й и 12-й армий стало очевидно для командования Южного фронта. Но оно по-прежнему считало главным направлением удара Гайсин – Умань, где действовала 125-я дивизия. В действительности же оно было перенесено южнее в полосу действий 1-й горно-егерской дивизии. Но ее прорыв все еще не был обнаружен разведкой фронта. В свете вышесказанного странным звучит указание, сделанное в конце документа: «2. Установить группировку противника, выдвигающегося из района Гайсин»[45]. Ни слова о необходимости вывода войск из-под угрозы окружения никем не сказано.

28 июля, понедельник

Противник все еще не терял надежды на завершение окружения вокруг города Умань. Направления главных ударов были скорректированы: танковые и механизированные части переносили ось своего наступления восточнее города, а части XXXXIX корпуса – южнее, чтобы сделать охват советских войск максимальным.

Во второй половине предшествующего дня командующий Южным фронтом генерал И.В. Тюленев получил справки о состоянии переданных из состава Юго-Западного фронта 6-й и 12-й армий. Из донесений следовало, что объединения понесли очень большие потери, часть дивизий можно считать разгромленными, некоторые уже были сведены в полки. Командующий 6-й армией генерал И.Н. Музыченко прямо заявил, что подчиненные ему войска «находятся в крайне тяжелом состоянии и на грани полной потери боеспособности», они «не способны в настоящее время решать активной задачи ни по своему составу, ни по состоянию сил бойцов и материальной части. Все корпуса требуют вывода их для организации и укомплектования…»[46]. Но командующий Южным фронтом не имел возможности снять остатки двух армий с фронта. Ставка и Главнокомандующий войсками Юго-Западного направления маршал С.М. Буденный требовали от него восстановления прорванного фронта и воссоединения с армиями генерала М.П. Кирпоноса. Никаких других войск, кроме измотанных 6-й и 12-й армий, для выполнения этой задачи у И.В. Тюленева не было.

По-прежнему ощущались проблемы со связью. Установить положение частей 6-й и 12-й армий командованию Южного фронта оказалось невозможным из-за отсутствия связи и незнания обстановки штабами армий. Последний вывод очень спорен, поскольку неясно, как это можно было доподлинно установить, если посланные самолетами делегаты в штаб фронта так и не вернулись. Очевидно, что действиями 6-й и 12-й армий в течение 28 июля от штаба фронта опять никто не руководил.

К утру командование 6-й и 12-й армий (но не фронта!) наконец-то осознало грозящую Умани опасность. И только вечером командующий Южным фронтом приказал 12-й армии занять оборону по линии Монастырище – Краснополка. 14-й танковой полк изымался из состава

15-й дивизии и перебрасывался в районе с. Городище для противодействия наступлению противника в направлении на Теплик и Голованевск. Также для срыва немецкого наступления был проведен контрудар из района Ивангорода, но он был без особого труда отражен противником и поставленных перед ним целей не достиг. Тем не менее наступление в центре полосы движения немецкого корпуса было приостановлено, его темп снизился. Но, насколько можно было судить, опасность своему правому флангу в месте прорыва 1-й горно-егерской дивизии командование Южного фронта еще не осознало[47].

Соединение Х. Ланца около 11.30 после короткого боя захватило с. Терновка. Советские части предприняли попытку восстановить утраченные позиции, но сил для фронтальной атаки оказалось недостаточно. Неудачей закончилась и попытка атаковать фланг дивизии в районе с. Серединка и ее тылы у Кублича. Разрозненные действия частей советских войск давали возможность противнику полагать, что единого фронта перед ними уже нет и можно ожидать действий только отдельных войсковых групп.

Боевая группа оберста Кресса получила приказ контролировать северо-восточный сектор – район Пчельна – Залужье – Теплик – Важное. Действия пехоты поддерживали два артиллерийские батареи, расположенные между Тепликом и Важным. Моторизованная часть группы выдвигалась на Высший Ташлык.

В ее тылу группа оберста Пикера прикрывала направление от Ивангорода по линии Карабеловка – выс. 243 – Гружикое – Барсуки. При необходимости ее можно было выдвинуть на Ивангород, Краснополку или Тышковскую. В вечерние часы передовые части достигли с. Антоновка. Разведка донесла, что близлежащее село Рыжевка вновь занято советскими частями.

В центре боевых порядков XXXXIX корпуса продолжала наступать 125-я дивизия. Вечером 27 июля, в 21.30, командир 421-го пехотного полка получил от командира 125-й дивизии приказ прорваться, насколько это будет возможно, дальше через Ивангород в направлении на Умань. Новый командир полка, оберст-лейтенант Райнгард, вступивший в командование в 18.30 этого дня, попытался соотнести приказ с известной ему реальностью. Получилось плохо: истинное положение и состав частей противостоящих советских войск был неизвестен, артиллерия отсутствовала, личный состав измучен предшествующими боями и маршами, боеприпасы на исходе.

Оберст-лейтенант Райнгард расположил свой полк в с. Краснополка в готовности с утра следующего дня продолжить

наступление. В направлении Ивангорода он отправил разведку, чтобы выяснить, есть ли там противник. В самом селе немецкие части расположились так: 1-й батальон держал оборону с юга и запада, третий – с севера. 2-й батальон проследовал, насколько было возможно, в восточном направлении и занял все высоты к востоку от Краснополки.

В 22.00 вернулась посланная к Ивангороду немецкая разведка. Она сообщила, что населенный пункт занят многочисленным противником, с расстояния в 400 м. хорошо наблюдались длинные автомобильные колонны с войсками, артиллерией и имуществом. Ивангород и Скарженовка заняты советскими войсками, которые также расположены к востоку, северо-востоку и юго-востоку от Краснополки, и по всем признакам они готовятся перейти в наступление.

По этим причинам оберст-лейтенант Райнгард отказался от каких-либо активных действий вечером и ночью 27 июля и отдал приказ о переходе к обороне. В 6.30 в поддержку 421-му полку прибыли две батареи артиллерийского полка и хотя у них было всего по 420 выстрелов на орудие, им тут же определили огневые позиции для поддержки пехоты. К 7.00 батареи было готовы к открытию огня[48].

Как оказалось, 421-й полк, воспользовавшись образовавшимся разрывом между советской 99-й стрелковой дивизией и ее левым соседом, вклинился глубоко в расположение отходивших войск 12-й армии. Он создал угрозу расчленения ее боевых порядков и прорыва к Умани. Осознавая эту опасность, генерал П.Г. Понеделин отдал приказ выбить противника из Краснополки. Для атаки села была выделена 99-я дивизия полковника П.П. Опякина, которую поддерживали пограничники 97-го полка. Приказ был получен в дивизии в ночь на 28 июля, поэтому времени для хорошей подготовки атак у командира не было.

Для решения поставленной задачи полковник П.П. Опякин привлек два стрелковых и один артиллерийский полки своей дивизии. Вдоль шоссе Ивангород – Краснополка должен был наступать 197-й полк майора И.Л. Хмельницкого. Справа его поддерживал 1-й полк майора Р.Ф. Жевнирова, которому надлежало нанести удар по северо-восточной части села. Артиллерийская поддержка осуществлялась силами 71-го гаубичного полка и противотанкового дивизиона.

Артиллерийская подготовка началась около 7.00 утра. Основной обстрел пришелся по позициям 2-го батальона, но поскольку советские артиллеристы стреляли, в основном, по площадям, их огонь не нанес

противнику существенного ущерба. Вслед за разрывами снарядов в атаку поднялась пехота. Укрываясь в пшеничных полях, в посевах кукурузы и подсолнечника, бойцы 197-го полка приблизились вплотную к позициям оборонявшихся немцев. Особенно сильный удар пришелся по 5-й роте 2-го батальона, красноармейцам удалось прорваться к командному пункту командира роты, дело дошло до рукопашных схваток.

Почти одновременно началась атака на позиции 1-го батальона. Около 8.00 переброшенные из Скарженовки на автомашинах красноармейцы без артиллерийской поддержки начали наступление. Сравнительно быстро им удалось достичь восточной окраины села, и вскоре в обороне немцев образовался разрыв, локтевая связь между 1-м и 2-м батальонами была утеряна, создалась угроза охвата второго батальона с юга. Уже в первой половине дня немцы бросили в бой полковой резерв – 3-ю роту, а следом за ней – саперный взвод.

После перегруппировки немцы предприняли ряд контратак. Преодолев ожесточенное сопротивление, 1-й батальон вытеснил части 99-й дивизии со всей южной окраины села. В боях немцы понесли существенные потери, были выбиты из строя все офицеры и большинство командиров взводов 2-й роты. Тогда майор И.Л. Хмельницкий решил предпринять обходной маневр и атаковать южную окраину с западной стороны, полагая, что обороны здесь нет или она существенно слабее, чем в других секторах. Около 12.00 для выполнения этой задачи была направлена рота старшего лейтенанта И.Ф. Кужима. Красноармейцы успешно теснили немцев, выдавливая их с южной окраины села. В этих боях рота И.Ф. Кужима понесла большие потери, а сам лейтенант погиб[49].

К полудню командиры немецких батальонов сообщили в полк, что основная часть занимаемых позиций удержана, несмотря на многочисленные атаки советских войск. Но все выражали обеспокоенность большими потерями и нехваткой боеприпасов, особенно для пулеметов. 421-й полк оказался в критической ситуации, продолжение атак могло привести к его уничтожению. Оставалось два выхода: или держаться на позициях до последнего, или отойти на западную окраину.

Исходя из сложившейся обстановки, в 14.30 оберст-лейтенант Райнгард отдал приказ о постепенном отводе частей: 2-му батальону по обеим сторонам дороги, 3-му – севернее и 1-му южнее ее. 2-й батальон при отходе должен попытаться задержаться на восточной окраине, чтобы дать остальным возможность отойти

беспрепятственно. В 18.00 немцы получили пополнение боеприпасами для пулеметов и винтовок и теперь были в готовности отражать новые атаки, которые возобновились около 19.00.

К концу дня чаша весов все-таки склонилась в пользу немцев, 421-й полк сумел выстоять и сохранить боеспособность. Вскоре после 19.00 прибыли батареи 125-го артиллерийского полка и сразу же вступили в бой, немного позже с позиций у с. Мытков открыли огонь 100-мм орудия 56-го полка. А к 20.00 подоспел 1-й батальон 420-го полка, вслед за ним 3-й батальон 419-го. Это позволило 421-му полку около 21.00 войти в село и занять все утраченные с утра позиции почти без противодействия со стороны частей 99-й дивизии. В 22.00 оберст-лейтенант Райнгард сообщил в штаб дивизии, что Краснополка находится полностью в немецких руках. Бой за Краснополку стоил 421-му полку самых больших потерь за всю его предшествующую историю: он потерял 115 человек убитыми и 235 ранеными, 4 пропали без вести[50]. В плен взято 280 красноармейцев[51].

Что же касается советской стороны, то к исходу дня стало ясно, что полностью выбить противника из села не удастся, полковник П.П. Опякин отдал приказ с наступлением темноты вывести части из Краснополки, за ночь оторваться от противника и к рассвету 29 июля занять оборону в районе города Умань. Для его дивизии бой 28 июля закончился неудачей, поставленная задача выполнена полностью не была, а соединение понесло очень большие потери.

Одновременно со сражением за Краснополку развернулся бой за Гранов. Против этого села с немецкой стороны действовали 1-й и 2-й батальоны 419-го полка, а также 3-я и 5-я роты 420-го. Вскоре после полудня батальоны 125-й дивизии атаковали южную часть села, тогда как по его северным окраинам нанесли удар подошедшие части 295-й дивизии. В итоге Гранов был взят с незначительными для немцев потерями.

К вечеру положение 125-й дивизии было следующим: 3-й батальон 419-го полка находился в 2,5 км северо-западнее Краснополки, 1-й батальон 420-го полка занимал высоты перед его восточной частью, 2-й батальон этого же полка занял восточную окраину села Кивачевка.

В 21.00 поступил новый приказ из штаба 17-й армии, согласно которому XXXXIX корпус образовывал рассекающий клин, которому надлежало прорываться насколько возможно дальше в восточном направлении. Несмотря на тяжелое положение советских войск, возможность организованного прорыва на Умань для них сохранялась[52].

В соответствии с приказом 1-й горно-егерской дивизии надлежало освободить от советских войск с. Рыжавка и только потом возобновить наступление в направлении на с. Дубово, как это было предусмотрено ранее, или же повернуть на Умань. Окончательное решение командование армии пока оставило за собой. 125-й дивизии предписывалось уничтожить противника в селе Краснополка, захватить транспортный узел в Христиновке и продолжать продвижение к Умани. Обеспечение левого фланга возлагалось на 295-ю дивизию. Кроме того, она должна была достичь района Севастьяновки. Командование полагало возможным предпринятие новых попыток прорыва со стороны окружаемых советских войск по линии Терлица – Монастырище в юго-восточном направлении. Предотвращение этих попыток возлагалось также на 295-ю дивизию. Перед 4-й горно-егерской дивизией ставилась задача достичь Кублича[53].

К концу июля командование XXXXIX корпуса было вынуждено обратить внимание на моральное состояние подчиненных войск. Наряду с сильной физической усталостью, вызванной бесконечными маршами и тяжелыми боями, среди солдат стали наблюдаться опасные признаки деморализации. Все чаще в войсках задавались вопросом: «Сколько еще это будет продолжаться, будет ли наконец достигнута окончательная победа? Или все жертвы и усилия так и не получат должного завершения?» Такие настроения были вполне объяснимы. Войска несли потери убитыми и ранеными, ежедневно боролись с сильным противником, но решительной победы над ним всё ещё достигнуто не было. И у солдат стали возникать сомнения в собственных силах и в перспективах войны. Исчезал стимул для осуществления новых усилий.

Поэтому командование корпуса издало специальный приказ, в котором дало анализ сложившейся обстановки и постаралось уверить своих солдат, что понесенные жертвы не напрасны и уже совсем скоро удастся разгромить части Красной армии по эту сторону Днепра[54]. Генерал Л. Кюблер был готов даже раскрыть перед своими войсками общие цели операции, которые в иной ситуации надлежало держать в секрете, только чтобы поддержать их боевой дух.

В подобной ситуации командир XXXXIX корпуса сделал персональное обращение к командирам дивизий. В нем он заявил, что войска корпуса оказались в тяжелом положении. Боеприпасов из-за трудностей с их подвозом осталось ограниченное количество. Поэтому он требовал изъять их у тыловых и резервных частей и передать в те

части, которые находятся на передовой. С этого времени расточительное расходование боеприпасов следует рассматривать как преступление. Должно быть исключено использование тяжелых гаубичных снарядов для ночного беспокоящего огня. Любой массированный огонь по ненаблюдаемым целям также запрещался[55].

На 28 июля перед соединениями немецкого XXXXVIII корпуса стояла задача по захвату г. Умань, после чего им предстояло двигаться на Кировоград. Батальоны «Лейбштандарта» должны атаковать от выс. 251, 0 в сторону выс. 228, 0, занять ее и, прикрывая фланг корпуса, в дальнейшем двигаться на с. Тишковка. Конкретные задачи для них были определены следующим образом.

– 1-му батальону предстояло захватить плацдарм у с. Королевка и оттуда атаковать в направлении на с. Лещиновка. Его действия с занятого ранее плацдарма у с. Ботвиновка поддерживала батарея штурмовых орудий.

– на выс. 258, 0 выдвигался 4-й батальон. Перед ним стояла задача во взаимодействии с батареей штурмовых орудий атаковать в направлении на Яроватку и южную часть Цибермановки, овладеть ими и, действуя уже оттуда, захватить выс. 228, 0.

– 3-й батальон оставался на своих прежних позициях, обеспечивая правый фланг «Лейбштандарта». В случае успеха на участке 1-го батальона, он должен был оказать ему необходимую поддержку.

– 2-й батальон сосредотачивался на юго-западной окраине с. Соколовка, чтобы в дальнейшем действовать совместно с танкистами 11-й дивизии для овладения с. Красноставка, после чего эсэсовцы должны были перехватить железную дорогу на Танское.

В течение первой половины дня шла подготовка к грядущему наступлению. Одновременно эсэсовцы отражали атаки советских войск на свои позиции. К 17.30 из батальонов в штаб «Лейбштандарта» стали поступать доклады, что части готовы к атаке.

В 17.45 батальоны «Лейбштандарта» перешли в наступление. Сравнительно успешным оказалась атака 2-го батальона, и уже через полтора часа 7-я рота ворвалась на северную окраину с. Красноставка. Оттуда противник повернул на высоты, расположенные северо-восточнее с. Добрая. Чтобы сломить сопротивление советских войск, в поддержку эсэсовцам выдвинулся взвод штурмовых орудий. Наш 11-й мотострелковый полк, не удержав под воздействием противника своих позиций, был вынужден отойти.

Соседний 4-й батальон предпринял несколько атак, чтобы захватить выс. 258, 0, но все они оказались безрезультатными. Высота

осталась в руках оборонявших ее красноармейцев. Тем временем 4-й батальон, поддержанный огнем 1-го и 3-го дивизионов, вел бой за Цибермановку, где оборону удерживали полки 15-й моторизованной дивизии. Огнем советской артиллерии единственный мост в селе был уничтожен, поэтому противнику пришлось атаку прекратить. Оборонявшиеся в районе Панского Листа советские части также отбили все немецкие атаки на своем участке.

В 4.15 в штаб 11-й танковой дивизии противника из корпуса поступил письменный приказ, из которого следовало, что соединение должно продолжить наступление. В соответствии с ним следовало наладить максимально тесное взаимодействие с «Лейбштандартом» – справа, и 16-й моторизованной дивизией – слева и нанести удар через с. Роги на Новоархангельск. На противоположном берегу р. Синюха надлежало образовать плацдарм, с которого предполагалось предпринять наступление на юг в сторону Кировограда.

Как видно, сопротивление частей 2-го механизированного корпуса позволило остановить немецкое наступление на Умань. Воспользовавшись моментом, 6-й и 12-я армия выскользнули из очередного «мешка». Но говорить, что им удалось избежать угрозы окружения и уничтожения, было еще рано. Противник решил перенести острие вбиваемого им «клина» с уманского направления восточнее – в район Новоархангельска и Кировограда.

Для нового наступления противник создал поддерживающую артиллерийскую группировку. Из трех, сравнительно слабых артиллерийских частей (3-й дивизион 119-го артполка, 844-й артдивизион, 2-й дивизион 84-го артполка) была сформирована группа усиления, объединенная управлением 108-го артиллерийского командования. Также 11-й дивизии был придан 2-й танковой полк из состава соседней 16-й танковой. Для выполнения поставленной задачи командир соединения генерал Л. Крювель сформировал две боевые группы. В правую вошли: 2-й танковый полк, 1-й батальон 110-го пехотного и 1-й батальон 111-го пехотного полков, 1-й дивизион 119-го артиллерийского полка, а также саперы и зенитчики. Возглавил ее командир 110-го полка. В составе левой группы находились 15-й танковый полк, 2-й батальон 110-го пехотного полка, 61-й мотоциклетный батальон, 2-й дивизион 119-го артполка, саперы и зенитчики. Командовал ими командир 11-й пехотной бригады. Поддержку им в борьбе с советскими бронетанковыми силами оказывал 231-й противотанковый дивизион. В резерве оставался 2-й батальон 111-го пехотного полка.

Ближайшей целью наступления приказ определял выход на линию с. Дзензелевка – Маньковка, в дальнейшем предполагалось выйти к д. Роги. В 12.30 генерал Л. Крювель передал своим командирам свой приказ на наступление. Поскольку 2-й танковый полк 16-й дивизии не мог прибыть на исходный рубеж ранее 14.00, начало общей атаки назначили на 17.00.

В определенное приказом время обе боевые группы перешли в наступление и сравнительно быстро прорвали советские оборонительные позиции. Войска 2-го механизированного корпуса пытались задержать продвижение артиллерийским и минометным огнем, но такая мера не принесла ожидаемого результата. Уже в 18.00 правая боевая группа ворвалась в с. Нестеровка. На подходе к селу и в самом населенном пункте противник встретил сильное сопротивление красноармейцев. Бой принял ожесточенный характер, и только в 20.30 противнику удалось полностью очистить село и закрепиться в нем. Приведя себя в порядок и пополнив боезапас, противник возобновил движение в сторону с. Дзензелевка.

Тем временем левая боевая группа проследовала через с. Крищенцы, атаковала выс. 234 и заняла ее в 19.00. Впереди лежало с. Маньковка, перед которым немецкие наблюдатели разглядели хорошо оборудованные и занятые пехотой оборонительные позиции. Предпринятая атака с ходу не принесла успеха, и немцам пришлось отойти.

Неожиданно для противника в его тылу оказались значительные силы пехоты поддержанные танками. В ранних сумерках в штаб 11-й дивизии поступило сообщение, что линия снабжения, проходившая по дороге Нестеровка – Соколовка, разорвана внезапным ударом. Быстро сгущавшаяся темнота не позволила вызвать авиацию, поэтому на борьбу с прорывом перебросили 2-й батальон 111-го пехотного полка, до этого находившийся в резерве.

Вследствие плохих погодных условий сосредоточение 16-й моторизованной дивизии затянулось. По этой причине немецкие 11-я танковая и 16-я моторизованная смогли перейти в наступление только около 16.00. Сбивая части прикрытия, не взирая на сильный артиллерийской обстрел, две дивизии противника смогли за оставшееся световое время значительно продвинуться вперед. К наступлению сумерек они достигли линии Нестеровка – Маньковка – Иваньки – Черная Каменка.

Немецкая 16-я танковая дивизия в течение дня была вынуждена оставаться на своих позициях. Сильные атаки и обстрелы артиллерии

не позволили ей перейти в наступление и поддержать действия своих соседей. Единственным достижением дивизии стали обстрелы собственной артиллерией железнодорожных путей в районе станции Монастырище. В результате полотно дороги и насыпь были повреждены, и движение поездов на участке прекратилось. Вечером командование корпуса получило приказ сменить 16-ю танковую дивизию группой «Шведлер» и вывести ее в резерв танковой группы, сосредоточив южнее Жашкова. Передача этого соединения, с самого начала Восточной кампании находившегося в составе корпуса, проходила с большой неохотой[56]. В боях оно зарекомендовало себя с самой лучшей стороны.

Бои 28 июля на северном фасе, вызванные переходом соединений немецкого XXXXVIII корпуса от обороны к наступлению, не позволили вовремя снять дивизии 2-го мехкорпуса и перебросить их в ранее предполагавшийся район р. Синюха. Все три его дивизии были скованы противником и лишились свободы маневра. Командование Южным фронтом, в целом, дало положительную оценку действиям корпуса Ю.В. Новосельского. По мнению командующего генерала И.В. Тюленева, дивизии обеспечили выход 6-й и 12-й армий и сорвали противнику операцию по их окружению.

Отказ немцев от продолжения наступления на Умань в конце июля был вызван уже не столько сопротивлением 2-го мехкорпуса, сколько общим изменением обстановки. Целью немецкой операции было окружение и уничтожение как можно большего количества советских войск западнее Днепра. Отход частей 6-й, 12-й и 18-й армий на юго-восток не позволял выполнить поставленные задачи в должной мере, значительная часть отходящий соединений могла оказаться вне «котла». Требовалось в срочном порядке найти новое направление для проведения операции на окружение. Для этого необходимо было убедиться, что 2-й корпус угрозы уже не представляет. К исходу 28 июля у немцев такой уверенности еще не было.

Неожиданно «помощь» здесь оказало само советское командование.

Так как приказ от 25 июля все еще выполнен не был, начальник штаба Южного фронта генерал Романов через делегата связи еще раз напомнил командующему 12-й армией, а также генералу Ю.В. Новосельскому о необходимости вывода 2-го мехкорпуса в резерв. Однако по сравнению с прежним вариантом новый предусматривал принципиально иной маршрут движения. Если прежде корпус предполагалось сосредоточить в районе Новоархангельск – Тишковка,

то теперь он выводился на юг, к Голованевску и там поступал в резерв фронта[57]. Подобное решение в ситуации конца июля выглядело странным.

Решение о снятии 2-го мехкорпуса с фронта без постановки перед ним новых активных задач можно считать ошибочным. Ведь следует напомнить, что именно в направлении, пролегавшем севернее Голованевска, прорывалась 1-я горно-егерская дивизия. У корпуса было достаточно сил, чтобы не только остановить ее, но и нанести поражение, сорвав тем самым охват 6-й и 12-й армий с юга. Отказ от передислокации в восточном направлении также не был верным. Присутствие корпуса в определенном еще 25 июля районе помешало противнику провести операцию по окружению группировки 6-й и 12-й армий с севера. Также, исходя из требований приказа генерала И.В. Тюленева о восстановлении фронта с 26-й армией Юго-Западного фронта, передислокация механизированного корпуса на правый фланг была более целесообразной, чем вывод его в резерв.

Для 6-й и 12-й армий ставилась новая задача. «В целях сокращения фронта, сохранения живой силы и материальных средств армии правого крыла фронта отводятся на новый оборонительный рубеж Христиновка – Теплик – Красноселка – Гайворон – Демовка – Слободка – Рыбница. Отход производить скрытно, только ночью, обманывая противника активными действиями сильных арьергардов под прикрытием авиации»[58]. Весьма примечательным в данной директиве является определение рубежей обороны для армий.

Так, 12-й армии надлежало занять оборонительную линию по линии ст. Звенигородка – Соколовка – ст. Поташ – Зеленков – Павловка, а также отсечную по восточному берегу р. Синюха. Штаб следовало перевести в Новоархангельск. 6-й армии был определен рубеж от ст. Поташ через Добрая, Христиновка, Теплик, Умань, со штабом в Умани. Слева к ней примыкали части 18-й армии. 2-й мехкорпус выводится в резерв, сосредотачиваясь в районе Островец – Ладыжинка – Краснополье[59]. Это означало, что отступление с выходом на указанные позиции прекращается и происходит стабилизация фронта. Такой вывод подтверждается боевым распоряжением № 029 от 29 августа. В нем указывалось, что армии должны «действуя методами активной обороны, ни в коем случае без разрешения занимаемых позиций не оставлять»[60].

С северо-востока в районе Звенигородки должны подойти части 26-й армии, которые восстановят стык с Юго-Западным фронтом. Тем самым выход противника к Днепру станет невозможным. Однако

выполнение поставленной задачи было возможно только лишь при пассивном поведении противника. А на это рассчитывать всерьез не приходилось. Механизированные и танковые соединения 1-й танковой группы еще сохранились достаточную пробивную силу, чтобы взломать оборону пехотных частей или обойти их с фланга. Что они и доказали в ближайшие дни.

29 июля, вторник

Противник не терял надежду окружить советские войска в районе Умани. Но темпы движения 125-й пехотной дивизии на Умань и XXXXVIII мехкорпуса на юг уже не позволяли рассчитывать на успех.

Это был первый день, когда командование Южного фронта реально руководило действиями 6-й и 12-й армий, ставило их соединениям конкретные задачи. К сожалению, этот период оказался очень кратковременным. Боевым распоряжением штаба фронта группа Понеделина была восстановлена. Под командование генерала П.Г. Понеделина были переданы не только войска 6-й армии, но и 2-го мехкорпуса. К утру 29 июля соединения группы занимали:

– 8-й стрелковый корпус – район Цибермановка – Берестовец – Краснополка, фронтом на северо-восток. 99-я дивизия находилась на марше в районе города Умань.

– 13-й стрелковый корпус в составе двух дивизий обеспечивал выход 6-й армии, находясь в районе Ивангород – Орадовка фронтом на юго-запад. 24-й мехкорпус, имея ту же задачу, оборонялся по линии Ботвиновка – Монастырище[61].

Утром передовые части дивизии генерала Х. Ланца заняли с. Ладыжинка, а его разведка докладывала, что расположенное рядом с. Текуча никем не занято. Две тяжелые полевые гаубицы были установлены у Ладыжинки, и в результате этих действий шоссе Умань – Одесса оказалось под огнем немецкой артиллерии. Исходя из обстановки перед фронтом 1-й горно-егерской дивизии, ее командир настаивал на продолжении марша на Подвысокое и далее на Новоархангельск, чтобы завершить окружение 6-й и 12-й армий.

После обстоятельного анализа общей ситуации в полосе корпуса генерал Л. Ктоблер не согласился с предложением генерала Х. Ланца о продолжении наступления. Он понимал, что, если даже прорыв увенчается успехом, и егеря выйдут к Подвысокому и Новоархангельску, не имея поддержки со стороны остальных соединений, они окажутся в изоляции и будут уничтожены. По этой причине он решил остановить любое продвижение этого соединения далее Ладыжинки. В 13.00 он приказал генералу Х. Ланцу «приготовиться к отражению удара вражеских войск с южного направления»[62]. Полученные им данные свидетельствовали, что

советское командование обнаружило прорыв горных егерей и теперь готовило атаку на их позиции.

В такой ситуации дальнейшее продвижение 1-й горно-егерской дивизии в восточном направлении было опасно, и соединение получило приказ остановиться на линии Антоновка – Ладыжинка и приготовиться к отражению атак с юга. Моторизованная группа «Кресс» перебрасывалась в Терновку, вслед за ней остальная часть группы. Боевая группа «Пикер» направлялась в Теплик.

Оборонительные мероприятия еще не были завершены, когда советские части предприняли первые атаки на фронт обороны 1-й горно-егерской дивизии. Егерями пришлось отражать советское наступление из района Гайворон на Терновку и от Городницы – на Ладыжинку. Основной удар наносили потрёпанные части 96-й дивизии полковника И.М. Шепетова, которым такая задача оказалась не под силу. Вечером 18-я армия возобновила отход.

Чтобы не допустить вероятный прорыв группы Понедедина на юг, командир XXXXIX корпуса принял решение выдвинуть в промежуток между 125-й пехотной и 1-й горно-егерской дивизиями 4-ю горно-егерскую. Ей надлежало в течение ночи на 30 июля выдвинуться на линию Кублич – Грузское. В ближайшие дни этому соединению надлежало играть роль «клина», пробивающегося на соединение с 1-й танковой группой.

На 29 июля 125-я дивизия получила приказ так быстро, насколько возможно, выдвинуться в направлении железнодорожного узла Христиновка, занять его и далее наступать на Умань. По немецким представлениям Христиновка и Умань были ключевыми пунктами для успеха операции на окружение. Немецкая разведка доносила, что войска 6-й и 12-й армий концентрировались по линии Гайсин – Умань – Новоархангельск, но между ними и 18-й армией сохранялся разрыв. Поэтому захват Умани позволял еще больше оторвать группу Понеделина от ее южных соседей и заставить ее отходить на восток, в сторону выдвигавшихся дивизий танковой группы Э. фон Клейста.

В 12.30 при поддержке тяжелой артиллерии 419-й и 420-й полки 125-й дивизии начали бой за Ивангород. Оборонявшиеся здесь бойцы успели оборудовать окопы и огневые позиции для артиллерии и минометов. Несмотря на сопротивление, село было взято, и к 18.30 420-й полк достиг железнодорожной ветки и закрепился на насыпи. Вскоре слева подоспел 419-й полк. Для наступавших образовалась полуторачасовая пауза, т. к. только в 19.00 был получен приказ наступать дальше.

Вскоре начались бои за с. Свинарка. Советские части дважды пытались отбить его, перебрасывая подкрепления на грузовиках, но безрезультатно. Машины неизменно попадали под огонь немецких пулеметов, красноармейцы несли потери и вновь отступали. В наступивших сумерках последовала третья атака, но и она была отбита силами 3-й роты 420-го полка.

Наступление 125-й дивизии развивалось успешно, в плен были взяты 111 красноармейцев, а в с. Роскошовка в руки противника попал большой склад боеприпасов. Но наибольшего успеха уже в вечерние часы добился 3-й батальон 419-го полка, которому без боя удалось захватить станцию Христиновка. Что именно случилось под Христиновкой не совсем понятно. Очевидно, что немцы случайно обнаружили разрыв в обороне советских войск, что позволило им беспрепятственно провести успешную атаку.

По документам штаба 6-й армии, относящимся к событиям 29 и 30 июля, можно установить, что станция Христиновка и одноименное село, расположенное к северу от нее, входили в зону ответственности 16-го мехкорпуса комдива А.Д. Соколова. На рубеж Христиновка – Орадовка – Верхнячка должна была отойти к исходу дня 173-я дивизия. Южнее, по линии Орадовка – Ягубец – платформа Россоша занимала оборону 141-я дивизия[63]. По дорогам из Сычевки через Орадовку на Паланку двигались колонны соединений 37-го корпуса, к югу от них шли бойцы 189-й дивизии в сторону сел Ягубец и Кузьмина Гребля. В самой Христиновке до середины дня располагался штаб 6-й армии[64], откуда он перебрался в г. Умань, счастливо избежав встречи с немецкими войсками.

Как видно, район Христиновки и южнее днем 29 июля оказался местом интенсивного движения отступавших в восточном направлении советских войск. К вечеру большая их часть закончила передислокацию, но в суматохе никто не взял под контроль железную дорогу, не было советских войск и на самой станции. Такую ситуацию можно объяснить нечеткой формулировкой приказа № 0070, отданного штабом 6-й армии. В качестве одного из рубежей отхода для 173-й дивизии он определил Христиновку, но не указал, что имеется в виду – село или станция. О необходимости ее обороны также ничего не говорилось, поэтому, видимо, генерал С.В. Верзин и не уделил ей необходимого внимания.

Тем временем от Сычевки, по пятам 37-го корпуса комбрига С.П. Зыбина, шли батальоны 420-го полка 125-й немецкой дивизии. А севернее, вдоль железнодорожной ветки, двигались солдаты 419-го

полка. После передышки, закончившейся в 20.00, не обращая внимания на собственный открытый левый фланг, они в 23.00 захватили станцию Христиновка. Атаки противника здесь никто не ожидал, успели поджечь только два склада, но значительная часть имущества, плюс железнодорожные составы – все это в полной исправности достались немцам.

Невольным свидетелем атаки оказался военком штаба 44-й танковой дивизии Ф.А. Щербина. Он вспоминал: «44-я тд получила задачу прикрыть ночью отходящие соединения 6-й армии. Я был послан за пополнением в 300 человек «безлошадных» танкистов, располагавшихся в лесу за Христиновкой, ожидавших приказа выйти на формирование в г. Павлоград. На пикапе «эмка» с ручным пулеметом пришлось ехать через желдорстанцию Христиновку. В этом районе, да и в самой станции воинских частей не было, на станции стояли многие эшелоны без паровозов, с ранеными, танками, направленными в ремонт. Пришлось вместе с комендантом и командирами наводить порядок, найти паровозы, организовывать ведение огня по немцам из танков на платформах и под прикрытием героически дравшегося, вплоть до рукопашной, полка пограничников[65], отправить эшелоны, вывезти раненых»[66]. Но, разумеется, спасти все находившееся на станции имущество не смогли.

Заняв Христиновку, немцы стали спешно оборудовать оборонительные позиции. Они были уверены, что советское командование не смирится с утратой такого важного пункта и не пожелает оставить противнику такое обилие военного имущества. Понимая всю сложность положения 419-го полка, командир 295-й дивизии отдал приказ: соединение «после урегулирования положения под Севастьяновкой предпринимает насколько это возможно быстро наступление на Шукай Вода и с. Христиновка. Задача дивизии состоит в том, чтобы напряженным наступлением на восток облегчить продвижение 125-й ид по обе стороны шоссе на Умань и тем самым сдвинуть с места преследование в направлении Умани»[67]. Но полностью выполнить поставленную задачу дивизии не удалось. Уже в сумерках 295-я дивизия вышла к железнодорожной линии у с. Шукай Вода.

Советское командование прозевало захват противником ст. Хрисгиновка. В утреннем донесении штаба 6-й армии можно прочесть следующую спокойную запись: «С утра 30.7 противник подтягивал силы перед фронтом армии, активности не проявлял, за исключением наступления на ст. Хрисгиновка». Ее захват отнесли к 5.45 утра 30

июля и добавили, что комдив А.Д. Соколов организует контрудар, чтобы вернуть станцию[68].

В приказе XXXXIX корпуса на 30 июля 1-й горно-егерской дивизии надлежало противостоять любым попыткам прорыва со стороны Гайворона, после чего выдвигаться в направлении Дубово. Там соединение располагало свои боевые группы таким образом, чтобы группа «Ланг» получила участок Рыжевка – Антоновка, группа «Кресс» – района вокруг Терновки и группа «Пикер» – пространство между Серебрая и Высший Ташлык. Передовой отряд должен быть готов после прояснения обстановки выдвигаться на село Коржевая для овладения важным находящимся здесь перекрестком дорог. 4-й горно-егерской предписывалось совершить марш по маршруту Теплик – Россоша и далее на Умань. С выдвижением этой дивизии прикрывался левый фланг и тыл 1-й горно-егерской и правый фланг 125-й пехотной дивизий. Общее направление движения для частей корпуса на 30 июля осталось неизменным – на Умань[69]. Задача захвата этого города возлагалась на 125-ю дивизию, левый фланг которой обеспечивала 295-я дивизия. 24-я дивизия с выходом из района Дубровка, расположенного в 15 км северо-восточнее Гранова, в общем направлении на юго-восток прикрывала левый фланг 295-й пехотной.

Но планы командования XXXXIX корпуса были нарушены поступившим в 20.40 приказом из штаба 17-й армии. Он гласил: «Правый фланг 1-й танковой группы наступает от Добрая в направлении Новоархангельск. XXXXIX-й (горн.) АК облегчает наступление 1-й танковой группой преследованием через Умань на Новоархангельск». В 00.50 последовало дополнение к нему, переданное лично начальником штаба армии: «Положение изменилось таким образом, что 1-я танковая группа объединенными силами наступает на Первомайск. Правая разграничительная линия танковой группы: Бабанка – Наливайка – Пушково. Вследствие этого изменение приказа по армии: XXXXIX-й (горн.) АК атакует правым флангом – 1-й горно-егерской дивизией, – на Голованевск. Левым остается горный корпус в преследовании на Умань»[70].

Приказ из штаба армии вызвал недоумение командования корпуса. Его формулировка требовала удара двумя клиньями по расходящимся направлениям. Полоса наступления резко возрастала, так как расстояние от Ладыжинки до Голованевска было 25 км. Это сразу же распыляло силы и делало малореальным завершение окружения советских армий. К тому же Голованевск лежал в разграничительных линиях соседнего LII корпуса, которому логично было бы поручить

его захват. Только никаких разъяснений подобной «нестыковки» со стороны командующего 17-й армией или его начальника штаба не последовало. С тяжелым сердцем генерал Л. Кюблер в 01.45 30 июля отдал новый приказ по корпусу, и 1-я горно-егерская дивизия после урегулирования положения под Терновкой поворачивала на юг.

Отход советских войск из формирующегося окружения на юго-восток, а также удары 26-й армии в направлении Шполы требовали быстрых и решительных действий. Анализ обстановки в районе Умани позволял надеяться, что, отказавшись от локального «котла» в пользу более крупного охвата, – еще возможно окружить большую части 6-й и 12-й армий. Поэтому немецкому XXXXVIII корпусу вновь ставилась задача быстрого продвижения на юг. В качестве нового направления была избрана линия Новоархангельск (расположен в 40 км юго-восточнее Умани) – Первомайск (70 км южнее Новоархангельска). Выбранное направление было удобно тем, что между наступавшими немецкими частями и отходящими советскими находилась река Синюха, оказавшаяся для последних естественной преградой при попытках выхода из окружения. Новое решение было доведено до сведения соединений корпуса по телефону в ночь на 29 июля[71].

Тем временем 16-я моторизованная дивизия наносила удар через с. Попужинцы на Тальное. Воздушная разведка доложила, что из Ямполя двигается крупная колонна советской техники и войск, и ее голова уже достигла Тальное. Несмотря на полученное сообщение, генерал З. Хенрици оставил задачу без изменений. В 11.30 из штаба XXXXVIII корпуса поступил приказ: как можно скорее занять Тальное, откуда начать наступление в южном направлении через Новоархангельск и Тишковку на Первомайск.

Вскоре после полудня приказ был передан в 60-й полк, командир которого направил 1-й батальон, усиленный 2-м дивизионом 146-го артполка, в качестве передового отряда. Через полчаса приказ двигаться на Тальное получили разведбат дивизии и батарея 100-мм орудий. Они могли с дистанции в 18 км начать обстрел села, чтобы вынудить находившиеся там советские части к отступлению. Всего в разведбатальоне насчитывалось около 400 солдат, мотоциклистов и саперов, посаженных на грузовики, а также 10 бронеавтомобилей. Чтобы достичь Тального, противнику нужно было преодолеть за день около 70 км.

Находившийся в этом же районе в качестве левого соседа XIV моторизованный корпус никаких мер к отражению возможных атак с восточного направления не предпринимал. Его 9-я танковая дивизия

вечером заняла Звенигородку, но контакта с ней не имелось. Поэтому командир 16-й моторизованной дивизии был вынужден выделить крупные силы для обороны своих позиций с востока.

Советские войска оказывали частям 16-й моторизованной дивизии относительно слабое сопротивление, что позволило разведывательному батальону дивизии к вечеру достичь г. Тальное. С расположенных к северу высот наблюдатели смогли рассмотреть в бинокли станцию и подъездные пути. На ней находились два состава с танками на платформах, еще несколько паровозов стояли под парами. Значительных сил Красной армии в городе обнаружено не было, и командир батальона принял решение немедленно атаковать и захватить станцию.

Орудия несколькими выстрелами обездвижили паровозы, а мотоциклисты и саперы не позволили малочисленной охране станции уничтожить хоть како-то имущество. В руки противника попали около 50 танков, несколько сотен тонн горючего. «Такого счастья, как в этот день, я не испытывал ни до, ни после», – записал в своем дневнике один из немецких командиров. Уже в сумерках в руки противника неповрежденными попали мосты через р. Горный Тикиш. На противоположном берегу немцы образовали небольшой плацдарм. В 22.30 против него советские войска предприняли контратаку при поддержке танков, которую немцы отбили при поддержке батареи 100-мм орудий и станковых пулеметов 8-й роты. Бой длился 45 минут.

Вскоре после полуночи подошел усиленный 1-й батальон, и его командир майор фон Холлебен стал первым комендантом Тальное. Перед ним стояла задача удержать созданный разведбатом плацдарм и оборонять населенный пункт со всех сторон до подхода основных сил[72].

В ранние утренние часы 2-й батальон 111-го пи при поддержке частей «Лейбштандарта» проводил зачистку местности между селами Нестеровка и Соколовка, завершение чего позволило восстановить связь передовых частей с дивизионными тылами.

Обе боевые группы 11-й танковой дивизии противника в прежнем составе с утра перешли в наступление. В 9.30 правой боевой группой после боя была взята Дзензелевка. Отсюда часть ее направили на юг, на с. Подобная, часть – на с. Помойник. Подойдя к Подобной, противник встретил упорное сопротивление, и село было взято только к полудню после ожесточенной борьбы за каждый дом. Напротив, в селе Помойник крупных сил советских войск не оказалось, и уже в 11.40 оно было взято практически без боя.

Наибольшее сопротивление в этот день противник встретил на своем правом фланге, у сел Цибермановка и Краснополка. Попытки эсэсовцев из «Лейбштандарта» пробиться на юг через село Добрая сорвались. Им пришлось выставить в качестве заслона с фланга по одному батальону, соответственно, в Подобной (1-й батальон 110-го пехотного полка) и в Помойнике (1-й батальон 111-го пехотного полка). Боевой группе «Луц» командир дивизии генерал Л. Крювель подчинил свой дивизионный резерв (2-й батальон 111-го полка) и 844-й тяжелый артдивизион. После прибытия этих частей боевая группа изготовилась к наступлению. Совместно со 2-м танковым полком она выступила вдоль большой дороги в направлении на с. Роги.

В районе севернее Морозовки группу «Луц», находившуюся на марше, заметили советские наблюдатели. Через несколько минут по ней был открыт сильный огонь из орудий и танков, замаскированных в лесных массивах севернее с. Роги и у с. Молодецкое. Противнику пришлось спешно разворачиваться в боевой порядок и, вопреки установленным правилам ведения боя, атаковать танк против танка. В завязавшемся бою часть советских бронированных машин была подбита, однако немецкая боевая группа продвинуться далее вперед не смогла.

Ее командир принял решение дождаться подхода левой боевой группы, после чего занять Молодецкое атакой пехоты при поддержке артиллерии. Батальон занял господствующие с севера над селом высоты, но был вынужден остаться на них в течение ночи, чтобы избежать ночного боя в селе.

Левая боевая группа в 9.30 с боем взяла Маньковку и атаковала оттуда на юг в направлении перекрестка, расположенного южнее села, чтобы открыть его для движения правого соседа. Для решения задачи был направлен 15-й танковый полк. Его батальоны продвинулись далеко на юг от Маньковки и здесь наткнулись на советскую танковую часть. В завязавшемся бою противник подбил шесть танков, что позволило ему оттеснить советские войска и занять перекресток дорог.

Тем временем оба батальона боевой группы оберста Ангерна развернулись на юго-восток на Роги. В очень сложных лесных условиях они продвигались вперед очень медленно, периодически вступая в бои с советской пехотой и отдельными танками. Поэтому оберст Ангерн принял решение отвести 15-й танковый полк от перекрестка, чтобы направить его через Маньковку и Иваньки на Паланочку. Успех предприятия позволил бы открыть дорогу для пехотных батальонов. Однако вследствие плохих дорожных и

мостовых условий полк только в 01.00 достиг леса севернее Паланочки.

Продиравшиеся через лесистую местность немецкие стрелки в ожесточенных схватках постепенно оттесняли советские войска на юг. Правый батальон в 18.20 занял Желудьково и оттуда направился на Роги. В 01.00 село Роги оказалось в руках противника. Левый батальон боевой группы оберста Ангерна в 19.20 занял Паланочку и уже поздно ночью, в 01.00 – Поташ.

Захват села Роги ознаменовал временное прекращение немецкого наступления. Еще в 16.00 генерал Л. Крювель, получив сведения о положении в полосе правого соседа, принял решение сделать остановку. Когда в 01.00 поступило известие, что Роги находятся в немецких руках, группа оберста Ангерна получила приказ прекратить движение, закрепиться и удерживать достигнутую линию Роги – Поташ и обороняться фронтом на юг. Для установления связи с левым флангом «Лейбштандарта» в район южнее перекрестка перебросили усиленный 231-й артдивизион.

Так как XXXXVIII корпус получил на 30 июля продолжать наступление в южном направлении, командир 11-й танковой дивизии принял решение сначала провести наступление авангардом, вслед за которым должны следовать высвободившиеся из боя пехотные батальоны. В соответствии с приказом командира 111-го пехотного полка авангард должен был состоять из 231-го артдивизиона, 2-го батальона 15-го танкового и 2-го батальона 110-го пехотного полков, 1-го дивизиона 119-го артполка, 2-й роты 209-го саперного батальона, а также частей панцерегерей и зенитчиков. Перед ними стояла задача занять выс. 239, расположенную южнее Роги, и, наступая оттуда, занять с. Легедзино. Здесь авангард должен остановиться и дождаться прибытия остальных частей.

Вслед за авангардом должна следовать боевая группа оберста Ангерна, которая состояла из 15-го танкового полка (без 2-го батальона), 1-го батальона 110-го и 1-го батальона 111-го пехотного полков, 2-го дивизиона 119-го артполка, 1-й роты 209-го саперного батальона, а также частей панцерегерей и зенитчиков. Замыкала движение последняя боевая группа под командованием командира 110-го пехотного полка, сформированная из оставшихся частей дивизии.

При постановке задач формируемым боевым группам командование 11-й танковой дивизии противника исходило из предположения, что намеченное на 30 июля наступление

«Лейбштандарта» высвободит батальоны, находящиеся в с. Подобная и Помойник. Предварительное ориентирование о намерениях было передано в войска поздно вечером.

Перед боями 30 июля 2-й танковый полк 16-й танковой дивизии с 18.00 был выведен из подчинения генерала Л. Крювеля. Командование 209-го мостового инженерного батальона перешло в подчинение командования 6-й армии и отправлено в Сквиру. Подразделение управления было переведено в Маньковку.

С раннего утра «Лейбштандарт» направил усиленные разведывательные группы в район южнее с. Добрая, чтобы установить, в каком направлении отошли советские войска после вчерашних боев. Уже в 500 м от села одна из них, возглавляемая унтерштурмфюрером Глазером, наткнулась на оборонительные позиции, занятые пехотой, численностью не менее батальона. Не вступая в перестрелку, разведка отошла.

Тем временем 2-й и 4-й батальоны готовились к решению главной задачи дня – захвату выс. 258, 0, ключевой позиции на пути к Умани. Предполагалось при массированной поддержке артиллерией атаковать одновременно с двух направлений – северо-западного и северо-восточного. В качестве усиления эсэсовцам придавалась батарея штурмовых орудий.

Первая атака противника на выс. 258, 0 началась в 9.20 и уже через несколько минут была отбита. Немецкие наблюдатели определили, что за прошедшие сутки красноармейцы успели хорошо ее укрепить, отрыв окопы и установив на позициях не менее 23 пулеметов. Вскоре атаки возобновились, и бои за высоту продолжались до 12.30, не принеся немцам существенного успеха. Продвижение вперед, несмотря на поддержку штурмовых орудий, составило всего несколько метров.

Во второй половине «Лейбштандарт» занял рубеж по линии Лещиновка – Добрая-Южная. Разведывательный батальон вышел к Ботвиновке, в то время как 3-й батальон перебрался в с. Медоватая. Не остановившись на достигнутом, части СС продолжили движение и к вечеру, пройдя полями, засеянными колосящейся пшеницей и рожью, вышли к железнодорожной ветке севернее Цибермановки[73]. Командование 6-й и 12-й армий, выставив сильный заслон по рубежу Краснополка – Цибермановка, спешно перебрасывало свои войска через Умань на юго-восток и северо-восток.

С утра 29 июля начался отвод войск 2-го мехкорпуса с занимаемых им позиций. Частично это было сделано под воздействием противника,

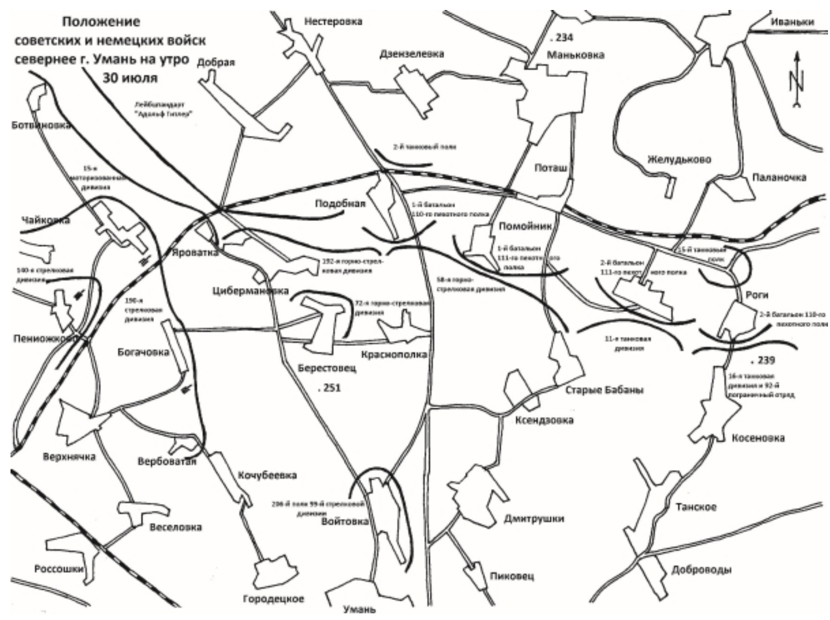
частично во исполнение директивы № 0027. Только не все прошло гладко. За неимением точных данных, сложно утверждать однозначно, по чьей вине, но части корпуса, в частности 11-я танковая дивизия полковника Г.И. Кузьмина, начали отход, не дождавшись смены со стороны соединений 12-й армии. Эту ситуацию командование фронтом обозначило так: «потеряв стойкость, части Новосельского отскочили на юг за жд»[74].

День 29 июля примечателен принятием ряда судьбоносных для противоборствующих сторон решений. 1-я танковая группа наконец-то отказалась от атак на уманском направлении и перенесла основной удар на Новоархангельск – Первомайск. Успешный прорыв вновь ставил под угрозу окружения всю группировку войск Южного фронта, и даже при не очень благоприятном развитии событий позволял уничтожить крупные силы советских войск. Вместе с тем наличествовали и ошибочные решения. Командование 17-й армии переоценило опасность со стороны 18-й армии, действовавшей из района Голованевска, и остановило наступление 1-й горно-егерской дивизии. Но вместо ускорения движения дивизий LII корпуса оно полностью изменило задачу для егерей, которые теперь должны были вести наступление не на Подвысокое, а на Голованевск. На ее место выдвигалась 4-я горно-егерская дивизия, но своевременно сосредоточиться она не успевала.

Этими действиями для советских войск вновь создавалась благоприятная возможность для выхода из окружения. Тем более что генерал И.В. Тюленев решил «в целях осуществления тесного взаимодействия между 12, 6 А и 2 МК», передать их в подчинение П.Г. Понеделину[75]. Но, к сожалению, командование Южным фронтом переоценило возможности своих войск и недооценило противника. Поставленные перед 6-й, 12-й и 18-й армиями задачи по восстановлению фронта в сложившихся обстоятельствах были нереализуемы.

30 июля, среда

Штаб немецкой 17-й полевой армии вскрыл замысел советского командования. Сосредоточение сил в районе Голованевска против правого фланга XXXXIX корпуса было расценено как попытка провести операцию по восстановлению связи с 6-й и 12-й армиями. Такой вывод немецкого командования соответствовал действительному положению дел. Поэтому для предотвращения прорыва был отдан приказ о повороте фронта наступления 1-й горно-егерской дивизии на юг. Сроки окружения основных сил группы Понеделина пришлось отложить до отражения угрозы со стороны частей 18-й армии.

Положение севернее г. Умань на утро 30 июля

Воздушная разведка противника докладывала о продолжавшемся сосредоточении советских войск у Голованевска. Город готовился к обороне, отрывались окопы и траншеи, артиллерия занимала свои огневые позиции.

Тем временем передовая группа «Ланг» достигла перекрестка дорог у Коржевой и двинулась оттуда на юг. Вскоре она заняла село

Вербово и лежащие от него южнее высоты. В итоге она оказалась в зоне действия артиллерийского и минометного огня оборонявших Голованевск советских войск. Дальнейшее продвижение столь малыми силами было невозможно, и группа Ланг остановилась. Постепенно подтягивались остальные части дивизии, концентрируясь в районе Сеньки – Ладыжинка – Рыжавка – Терновка – Колодистое. В районе Колодистое и Терновка пришлось отражать первые атаки советских войск.

Особая роль предназначалась 4-й горно-егерской дивизии. Ей надлежало нанести удар в направлении Оситна – Синица – лес возле с. Паланка. После изменения направления наступления для 1-й горно-егерской дивизии именно ей пришлось выдвигаться в передовую линию, справа от 125-й дивизии. Трудность заключалась в том, что основная масса 4-й горно-егерской дивизии находилась слишком далеко от линии фронта, в районе Росоша – Заячковка – Комаровка. Для выполнения приказа егерям нужно было преодолеть пешим порядком с оружием и снаряжением около 45 км. Однако те совершили, казалось бы, невозможное. Когда вечером начальник оперативного отдела XXXXIX корпуса майор Херре получил сообщение о достигнутых рубежах, он не без юмора поинтересовался: «Что, ваши полки научились летать?»[76]

Наступавшая непосредственно на Умань 125-я дивизии не достигла в течение дня существенного успеха. Причинами стали как возросшее сопротивление советских войск, так и резко ухудшившиеся погодные условия. Вечером предшествующего дня 125-я дивизия получила приказ вновь сформировать передовую группу для преследования противника. В нее вошли противотанковый дивизион, радиовзвод, саперная рота и батарея 52-го артполка. Командиром был назначен майор Шмидт. В 7.30 группа выступила из Краснополки с задачей как можно быстрее двигаться вперед, чтобы успеть захватить Умань, прежде чем противник сумеет ее укрепить. Но выполнить поставленную задачу оказалось затруднительно. Уже в Свинарке, накануне захваченной батальоном 420-го полка, непреодолимым препятствием стали взорванные отступавшими советскими войсками мосты. Только через полтора часа группа смогла преодолеть ручей и продолжить движение.

К 15.00 группа вступила в село Орадовка. Населенный пункт обороняли саперы и прикрывавшие их красноармейцы из стрелковых подразделений. Удержать наступавших на село солдат группы майора Шмидта они не смогли. После короткой стычки с оборонявшимися

немцы заняли село. Задержка дала возможность отступавшим взорвать мост через реку настолько качественно, что от идеи скорейшего восстановления собственными силами немцам пришлось отказаться. По расчетам майора Шмитда, на это мог уйти весь остаток дня.

После полудня в Орадовку прибыл командир дивизии, чтобы на месте составить себе представление о создавшемся положении. Дальнейшее продвижение передовой группы пришлось отложить.

Как и ожидалось немецким командованием, в 7.50 начались советские атаки против 3-го батальона 419-го полка, закрепившегося вокруг станции Христиновка. Первая атака последовала от села Христиновка, расположенного в двух километрах севернее от станции, следующая – из Верхнячки и леса между этими селами.

Немецкая 12-я рота занимала позиции на левом фланге обороны батальона, как раз напротив с. Христиновка. Ее командир Кронер приказал подпустить первые цепи атакующих на 50 м, после чего отдал приказ открыть огонь из всех видов оружия, включая тяжелые пулеметы. Попав под убийственный огонь, атакующие части замешкались, остановились, а потом бегом отступили на исходные позиции.

В течение первой половины дня батальону, оборонявшему станцию, приходилось отражать попеременные удары с трех сторон. Они поддерживались сильным огнем артиллерии и танками. В отдельных атаках принимало участие до батальона пехоты, но все они были отбиты немцами с большими для наступавших войск потерями. Один танк был подбит и долго чадил на поле боя. На помощь 3-му батальону немцы перебросили часть 1-го батальона 419-го полка, основная часть которого занимала позиции в 3 км западнее от Христиновки. Подоспевшие роты закрепились на северном фасе, части 3-го батальона сконцентрировались восточнее, перехватив железнодорожную развилку в обоих направлениях.

Задача по возврату станции Христиновка была возложена на 16-й мехкорпус комдива А.Д. Соколова, усиленный остатками 39-й танковой дивизии из 18-го мехкорпуса. Для ее решения он выделил 19-й мотоциклетный полк подполковника И.Г. Бабурина, переброшенный из-под ст. Россоша, 44-й батальон и батальон 173-й стрелковой дивизии. Один 88-й танковый полк, а также сводные отряды 15-й и 39-й танковых дивизий, насчитывавших по 200 человек активных штыков, комдив А.Д. Соколов оставил в качестве резерва. Не исключено, что в бою под Христиновкой участвовал и 216-й полк полковника А.С. Саркисяна. Об этом свидетельствует объяснительная

записка техника-интенданта 2-го ранга Гладкоротого, составленная после выхода из окружения. В ней говорится, что полковник А.С. Саркисян погиб в бою именно под станцией Хрисгиновка[77]. Здесь же был убит начальник штаба 44-го гаубичного артполка 44-й танковой дивизии майор Сухоруков.

Как оказалось, выделенных сил для овладения станцией оказалось недостаточно, однако взять дополнительные силы было попросту негде. После ряда бесплодных атак, не принесших результата, и понесенных потерь комдив А.Д. Соколов от продолжения боя отказался. Так 6-я и 12-я армии лишились своей последней станции снабжения.

Только после полудня на помощь закрепившимся в Христиновке немцам с севера подоспел 518-й полк 295– й дивизии. Ему была поставлена задача захватить с. Христиновку и тем самым ликвидировать угрозу северному флангу 419-го полка. Атака на село оказалась для немцев неудачной. Пехота 518-го полка была вынуждена залечь в поле под огнем оборонявшихся советских войск. Но главную задачу 295-я дивизия все-таки решила: после 15.00 атаки на станцию стали ослабевать.

Только к вечеру 295-й дивизии удалось занять с. Хрисгиновка и высоты восточнее села Шукай Вода. Из района Верхнячки красноармейцами была предпринята контратака, поддержанная танками и огнем артиллерии. Контратаку удалось отбить. Преследуя отходящие советские части, 1-й батальон 518-го полка ворвался в лес, но здесь был накрыт огнем артиллерии, понес потери и был вынужден отойти на исходные позиции[78]. 518-й полк оказался в затруднительном положении. Облегчение ему принес удар соседней 257-й дивизии: около 18.00 она смогла занять с. Притыкла и двигалась далее на Окнино.

Вечером 30 июня немцами был проведен тщательный осмотр станции и оценка захваченных трофеев. Было установлено, что западная часть в ходе обстрелов оказалась почти полностью разрушенной, напротив, восточная сохранилась практически неповрежденной. Были захвачены большое количество продовольствия, снаряжения, боеприпасов, фуража, несколько орудий и танков, около 10 паровозов, 400 вагонов и 100 цистерн для перевозки горючего, часть из которых была полной[79].

Во второй половине дня атаки на немецкие позиции под станцией Хрисгиновка возобновились и продолжались до наступления темноты. Одновременно по прилегающей к станции местности велся огонь

тяжелой артиллерией. К сожалению, больших потерь противнику он не нанес и имел, скорее, беспокоящий характер. Главный итог дня для 419-го полка состоял в том что, несмотря на все попытки отбить Христиновку, ее удалось удержать.

На 30 июня 420-й полк занимал центральную часть полосы движения дивизии. В первые утренние часы его наступление сильно задержалось, взорванные в Свинарке мосты не позволяли вовремя начать движение. Только после полудня 1-й батальон сумел достичь села Орадовка. Здесь он присоединился к группе майора Шмидта, отражающей контратаки советских войск. Высоты восточнее села оставались прочно заняты советскими войсками, успевшими оборудовать здесь свои окопы. Кроме того, Орадовка находилась под сильным огнем советской артиллерии.

Несмотря на прибытие штурмовых орудий, лобовая атака не сулила однозначного успеха. Поэтому командир батальона принял решение попытаться занять высоты фланговым обходом – через северную окраину села. Этот маневр был замечен, выдвигавшиеся немецкие войска были накрыты артиллерийским огнем, но существенно помешать он уже смог: 1-я и 3-я роты ворвались на высоты и вытеснили оттуда оборонявшихся красноармейцев. Воспользовавшись ситуацией, 2-й рота заняла село Россошки. Тем самым поставленная для 420-го полка дневная задача была выполнена[80].

125-й артполк в течение дня обеспечивал стык с южным соседом – 1-й горно-егерской дивизией. Сложность ситуации заключалась в том, что между двумя немецкими соединениями все еще сохранялся большой разрыв. Чтобы его ликвидировать, командование XXXXIX корпуса приняло решение о переброске на стык между 125-й пехотной и 1-й горно-егерской еще и 4-й горно-егерской дивизии.

В утренние часы было немецкой разведкой установлено, что в селе Ягубец расположилась советская войсковая часть, отступавшая на восток. При поддержке артиллерийского огня саперный взвод атаковал село, занял его и закрепился на восточной окраине. Конный эскадрон попытался провести разведку вдоль дороги на Паланку, но попал под обстрел и был вынужден вернуться назад.

Около 17.30 части 16-го мехкорпуса провели контратаку на Ягубец. Бой продолжался до 21.00 и закончился только после прибытия к месту боя 13-го полка 4-й горно-егерской дивизии, окончательно переломившего ситуацию. Советские части, не достигнув успеха, отступили.

Немецкая авиационная разведка сообщала о значительных силах, занимающих оборону против 125-й дивизии. По ее подсчетам, они насчитывали не менее двух полков пехоты при поддержке сильной артиллерии и не менее чем десяти танков. Насколько можно судить, в боях и стычках 30 июля 125-й дивизии противостояли части 16-го мехкорпуса и 141-й дивизии. Летчики отмечали также, что на юг и восток от Умани по дороге наблюдались отступающие колонны длиной до 15 км. Из полученных воздушной разведкой данных был сделан вывод, что советские части надолго задерживаться в районе Умани не собираются, а стараются вывести свои войска из формирующегося мешка на восток и на юг.

К вечеру командованию XXXXIX корпуса стало очевидно, что порыв на Умань не удался. От Шукай Вода до Голованевска наблюдалось сопротивление противостоящих советских войск, сломить которое подчиненные дивизии так и не смогли. Фронт наступления корпуса растянулся до 65 км, резервов не было, и создать новую ударную группировку было крайне проблематично.

Воспользовавшись заминкой противника, советское командование стало спешно выводить свои войска через Умань на восток. Картина отхода 6-й и 12-й армий из Умани сохранилась в описании бывшего артиллериста 192-й горно-стрелковой дивизии Н.Н. Иноземцева. «Входим в Умань, – записал он в своем фронтовом дневнике. – Горят аэродром и железнодорожная станция. Из города уходят отставшие рабочие, евреи, партийные и комсомольские работники; местные органы власти и большая часть тех, кто должен быть эвакуирован, уехали раньше. Выпускаются заключенные из тюрем, уходит местный гарнизон. Магазины уже вскрыты, каждый берет, что ему надо. Наши ребята абсолютно безразлично относятся к вещам, ищут что-нибудь спиртное. Если поиски проходят успешно, сейчас же подскакивают брички, грузится бочонок или ящик с бутылками, и бричка моментально возвращается в строй.

Вообще же картина полного безвластия и крушения всего общественного порядка, к которому мы так привыкли, который мы строили собственными руками, оставляет неизгладимое впечатление, очень тяжелое. Большинство буквально морально убито»[81].

Возможно, именно моральное состояние войск, а также сведения о прорыве противника на Голованевск заставили командующего 6-й армией генерала И.Н. Музыченко отказаться от борьбы за город. Во всяком случае, Умань была сдана практически без боя.

На утро 30 июля командование 12-й армии назначило наступление

в общем северо-восточном направлении. Первым, в 6.00, предстояло перейти в атаку дивизиям 8-го стрелкового корпуса генерала М.Г. Снегова.

Нанося главный удар правым флангом, они должны захватить с. Паланка и Подобная, а в дальнейшем – Цибермановку и Дзензелевку. Следом в 7.00 выступали части 2-го и 24-го механизированных корпусов. Войскам генерала Ю.В. Новосельского предстояло взять Поташ, его соседям – Тальное и Мошуров. И, наконец, в 8.00, атаковали соединения 13-го корпуса генерала Н.К. Кириллова. Они должны были занять с. Павловку и двигаться далее на Майданецкое.

В соответствии с приказом корпуса 1-й, 4-й и 2-й батальоны «Лейбштандарта» в 8.15 перешли в новое наступление. Преодолевая сильное сопротивление советской пехоты, поддержанное огнем артиллерии, эсэсовцы к 10.15 вышли на линию Яроватка – западная окраина Цибермановки и достигли района в 2 км южнее Краснополки. На их пути встали части 192-й дивизии, пытавшиеся преградить дорогу на Умань. В боях под Цибермановкой они понесли значительные потери, был тяжело ранен командир дивизии генерал П.Ф. Привалов, и его сумели вывезти самолётом. Начальник штаба артиллерии, а также военком соединения полковой комиссар А.Е. Зенин были убиты[82]. К сожалению, на настоящий момент обстоятельства случившегося остаются неизвестными.

Возобновились бои за выс. 258, 0. Здесь с немецкой стороны действовал разведывательный батальон «Лейбштандарта». К 14.00 высота была им захвачена, ее гарнизон уничтожен или взят в плен. Позиции на вершине заняла 1-я рота, 2-я рота перебралась к с. Лещиновка. Вскоре по ним открыла огонь советская артиллерия, ее обстрел продолжался до наступления сумерек.

Напротив, немецкая 11-я танковая дивизия и «Лейбштандарт» в течение всей первой половины дня подвергались сильным атакам. Перед ними действовали части 15-й моторизованной дивизии, которым поставили задачу восстановить положение, утраченное после отхода своей 11-й танковой. Красноармейцы рвались вперед, поддерживаемые артиллерией и танками. Несколько часов на линии Лещиновка – Цибермановка – Помойник – Молодецкое шел непрерывный бой, но все попытки прорвать немецкую оборону успехом не увенчались.

Под обстрелом артиллерии и крупнокалиберных минометов оставался 2-й батальон «Лейбштандарта», расположившийся под Краснополкой. Огонь велся от Цибермановки и высот южнее от нее.

Чтобы подавить его, немцы перебросили 1-й и 4-й батальоны, усиленные штурмовыми орудиями. Отразив атаки на своих участках, эсэсовцы перешли в контрнаступление, и уже в 9.00 17-я рота заняла Цибермановку, в полдень был взят Берестовец.

Пехотные роты 4-го батальона продвинулись дальше вплоть до окраины с. Яроватка. Здесь они вновь попали под обстрел артиллерии и пулеметов из расположенного неподалеку от села леса. Немедленно на боевые позиции выдвинулась 2-я батарея артполка «Лейбшандарта» и несколькими залпами заставила замолчать советские орудия. В 12.45 последовал налет пикирующих бомбардировщиков «Ю-87», как только стихли разрывы бомб, эсэсовцы перешли в атаку. Сопротивление оборонявшихся было сломлено, в плен попало несколько десятков человек.

В 12.45 немецкие войска под Яроваткой были атакованы танками, среди которых были КБ. В атаке участвовали более двух десятков боевых машин. В борьбу с ними, кроме пехотинцев, вступили противотанкисты и 1 – я батарея артполка. Огнем прямой наводкой легких полевых гаубиц были подбиты несколько танков, остальные отошли.

Прекращение танковой атаки ознаменовалось новым артиллерийским обстрелом с. Яроватка и его окрестностей. Орудия «Лейбштандарта» вступили в контрбатарейную борьбу. Тем временем 88-мм зенитная батарея сделала несколько залпов по станции Цибермановка, все еще остававшейся под контролем красноармейцев. Вскоре наблюдатели отметили несколько крупных взрывов. После занятия немцами станции было установлено, что снаряды попали в эшелоны, груженные боеприпасами, и те сдетонировали.

Два состава сгорели дотла, и от вагонов остались только железные остовы.

В 18.00 советские танки повторили атаку на Яроватку. Вновь завязался тяжелый бой, и противнику с большим трудом удалось удержать позиции. Только поздним вечером бой прекратился, и на всякий случай артиллерия «Лейбштандарта» некоторое время вела беспокоящий огонь, опасаясь новых атак. К исходу суток эсэсовцы занимали фронт: опушка леса западнее и севернее Лещиновки – Яроватка – Цибермановка – Краснополка – дорога на Подобная. Здесь находился стык с 1-м батальоном 110-го пехотного полка немецкой 11-й танковой дивизии.

В первой половине дня боевая группа этой дивизии прорвалась на северную окраину села Легедзино, но вскоре попала под контрудар и

была вынуждена откатиться на высоты южнее села Роги, где и закрепилась. Здесь, в районе Роги, произошел весьма примечательный бой, нашедший свое отражение в ряде воспоминаний.

Советский 92-й пограничный полк, которым командовал подполковник Я.И. Тарутин, в конце июля был направлен в Черкассы для пополнения. Он прибыл под Роги еще 29 июля, и к этому времени в нем насчитывалось около 600 бойцов и командиров. Но сложившаяся на тот момент ситуация заставила командира 13-го корпуса генерала Н.К. Кириллова задержать пограничников у себя для отражения предполагавшихся атак противника с севера. Пограничники заняли позиции севернее села, но 30 июля командир дивизии, в подчинении которой находился полк, приказал отойти южнее, чтобы прикрыть тыл его соединения. Теперь полоса обороны пролегала через свекловичное поле.

Немецкая атака началась около 10.00 при поддержке до 30 танков. У пограничников не было противотанковой артиллерии, воевать с бронированными машинами они могли только гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Но даже таким оружием удалось подбить четыре танка. Но сдержать немцев не удалось, и они смогли прорваться к окопам, где завязалась рукопашная схватка. Она была короткой, всего 5–6 минут, но стоила пограничникам больших потерь. В этом бою погибли около 200 человек, и среди них: военком отряда батальонный комиссар Г.В. Уткин, начальник 19-й заставы лейтенант В.К. Жерло и многие другие. Командир полка подполковник Я.И. Тарутин был тяжело ранен. Начальник связи полка лейтенант С.С. Журавлев приказал вынести командира в тыл, только попытка эта была пресечена немецкими автоматчиками. Оставленного в поле подполковника после боя нашли местные жители и укрыли у себя. Однако спасти тяжелораненого командира не смогли, и он вскоре скончался. В командование полком вступил майор Я.И. Агейчик.

В течение дня полк удерживал занимаемые позиции, а около 16.00, понеся большие потери, стал отходить на юг. Группа прикрытия, составленная, в основном, из бойцов 5-й комендатуры, оставалась на месте до 20.00, но после очередной атаки и ей пришлось оставить свои позиции. К вечеру остатки полка прибыли в Легедзино, где располагался штаб 13-го корпуса, и по приказу его командира вступили в его охрану[83]. В дальнейшем большая часть 92-го пограничного полка была выведена в город Нежин.

На позиции 92-го пограничного полка наступали части 11-й танковой дивизии, перед которыми стояла задача прорвать оборону и

выйти к с. Легедзино. В 8.00 командир соединения генерал Л. Крювель собрал своих командиров на северной окраине с. Роги. Он огласил поставленную на день задачу и в качестве первоочередной цели назвал захват выс. 239, обладание которого обеспечивало успех дальнейшего наступления.

К неудовольствию немецкого командования, начать движение стало возможно только через два часа. Саперы доложили, что дороги, ведущие от села на юг, сильно минированы. Только в около 10.00 авангард 11-й танковой смог начать марш.

Приблизившись к выс. 239, противник определил, что сама возвышенность и местность вокруг нее заняты пограничниками. Немцам пришлось разворачиваться из походного порядка в боевой и атаковать высоту. Бой длился несколько часов и, по немецким оценкам, оказался тяжелым. Около полудня выс. 239 оказалась в немецких руках, противник захватил незначительное количество орудий, преимущественно противотанковых, и пулеметов.

Авангард, вновь свернувшись в маршевую колонну, возобновил движение. Вскоре он оказался под сильным артиллерийским огнем, который существенно замедлял продвижение. По наблюдениям, стреляли советские орудия, расположенные на позициях около сел Коссеновка и Легедзино. Около 14.00 танковый авангард 11-й дивизии вышел к северной окраине Легедзино.

На правом фланге XXXXVIII корпуса ситуация осталась почти без изменений. Намеченное на день наступление развивалось очень медленно. Уже с раннего утра немецкие батальоны оказались под ударами советских войск, атаковавших от Краснополки и Ксендзовки. Противник воспринял их как безуспешные попытки вырваться из формирующегося «метка» в северо-восточном направлении.

После полудня атаки на позиции немецкой 11-й танковой дивизии возобновились. Некоторые из них с советской стороны поддерживались танками силами до роты. В ходе боев красноармейцам 15-й моторизованной дивизии удалось прорваться в районе между с. Помойник и занятым накануне 2-м батальоном 111-го полка с. Молодецкое и выйти к железнодорожной ветке. Противник быстро пришел в себя и поспешил организовать контрудар. В его результате совершившая прорыв группа была уничтожена, а образовавшаяся в немецкой обороне брешь – закрыта. После полудня 1-му батальону 111-го полка, который отражал главный удар противника на Помойник, была придана рота танков в качестве усиления.

Атаки советских войск не позволили противнику произвести смену находившихся в Подобной и Помойнике пехотных батальонов и их переброске к авангарду Больмана. Поэтому генерал Л. Крювель принял решение остановить наступление авангарда и вернуть его на высоту 239.

Отходом противника решило воспользоваться командование 2-го мехкорпуса. Оно направило значительные силы для того, чтобы отбить потерянные 92-м погранполком позиции вокруг выс. 239. После артиллерийского налета пехота при поддержке танков перешла в атаку, однако противник смог ее отразить, подбив при этом 15 танков[84]. Бой продолжался, с трех сторон по немцам била тяжелая артиллерия. «Повсюду на горизонте мы видим по нам артиллерийские залпы. Бьют из всех стволов… Мы лежим под перекрестным огнем, без боеприпасов. Даже танки, оставаясь в укрытиях, бьют по нам», – вспоминал немецкий танкист П. Эбербах[85]. С наступлением сумерек немцы произвели перегруппировку сил, нанесли контрудар танковым полком и отбросили атаковавших к с. Легедзино.

Несмотря на достигнутый успех, противник оценивал свое положение у выс. 239 как критическое. Генерал Л. Крювель даже рассматривал возможность отвода своего авангарда еще дальше на север – к с. Роги. Но прекращение советских атак после проведенного контрудара позволило оставить войска на позициях у выс. 239 до наступления утра.

В 23.50 по радио в дивизию поступил приказ из штаба XXXXVIII корпуса. В нем содержалась новая задача, в соответствии с которой требовалось захватить перекресток дорог у села Легедзино и уже на этой позиции отражать попытки советских войск прорваться на север и северо-восток. Оставленные в Подобной и Помойнике пехотные батальоны должны быть в течение следующего дня заменены прибывавшими частями 297-й дивизии.

Вечером в частях и соединениях 17-й армии стало известно, что 1-й танковая группа начала наступление из района Тальное – Екатеринполь и захватила Новоархангельск, Ямполь и достигла Ольшанки. Положение 6-й и 12-й армий серьезно ухудшилось, а у противника вновь появился шанс на завершение окружения этих армий. Чтобы его избежать, требовалось как можно быстрее отводить войска в юго-восточном направлении.

Командование 17-й армии понимало сложность положения, как своего, так и противника. В создавшейся ситуации наиболее перспективным казался удар в направлении Голованевск –

Первомайск, чтобы как можно глубже охватить советскую группировку. Генерал К. фон Штюльпнагель, видимо, считал, что сложившаяся обстановка дает возможность отрезать от Днепра сразу три армии Южного фронта – 6-ю, 12-ю и 18-ю. В случае успеха операции всё течение реки Днепр южнее Клева могло остаться без войскового прикрытия. Для достижения такой цели XXXXIX корпусу надлежало как можно скорее уничтожить части Красной Армии в районе Голованевска, левым флангом продолжая наступать на Умань[86].

На это последовало возражение командования XXXXIX корпуса. Генерал Л. Кюблер указывал, что приказы 17-й армии вызывают у него «разочарование» своей непродуманностью, ибо наступление на Голованевск силами 1-й горно-егерской дивизии не принесет ожидаемого решающего успеха. Напротив, «концентрация сил горного корпуса, его действия сильным правым флангом на восток и соединение с частями 1-й танковой группы, напротив, может привести к быстрому и надёжному окружению сил противника вокруг Умани»[87].

Следует отметить, исходя из сегодняшнего знания ситуации, что командир XXXXIX корпуса был прав. Он решил сконцентрироваться на уничтожении только 6-й и 12-й армий, которые к этому времени уже находились в глубоком «мешке». Промедление, вызванное необходимостью атак на Голованевск, давало возможность этим объединениям уже в который раз ускользнуть из окружения. Анализируя обстановку, генерал Л. Кюблер исходил из предположения, что советское командование, понимая опасность, грозящую двум армиям Южного фронта, предпримет необходимые усилия, чтобы их спасти. Он полагал, что в сложившихся условиях удержать фронт без введения сильных резервов для советских войск невозможно, поэтому вывод армий считал неизбежным. Но командование Южного фронта придерживалось на этот счет иной точки зрения.

На 31 июля из штаба 17-й армии поступил приказ, согласно которому 1-й горно-егерской дивизии надлежало сконцентрироваться против Голованевска и не допускать отхода противника к этому городу по всем дорогам. Оставшиеся три дивизии должны провести наступление на Умань. 4-я горно-егерская дивизия – через Оситну, Громы на Степковку, 125-я дивизия – основными силами севернее шоссе на Умань, 295-я – на село Войтовка[88].

Самым трудным и опасным по-прежнему оставалось положение 1-

й горно-егерской дивизии. Она оставалась под угрозой ударов с двух сторон: как с севера, от Умани, так и с юга, от Голованевска. В случае, если удары будут проведены координированно, дивизия может оказаться в критическом положении, на грани разгрома. Осознавая это, генерал Л. Кюблер перебросил в полосу 1-й горно-егерской все имевшиеся у него резервы. В Рыжавку был направлен 620-й инженерный полк под командованием оберста Циммера, 73-й саперный батальон в составе трех рот, а также передовая группа 4-й горно-егерской дивизии.

На 31 июля группа «Ланг» готовилась к наступлению на Голованевск с севера, группа «Кресс» – атаковать село Сенки и следовать далее на юг по обеим сторонам леса западнее Голованевска в общем направлении на Станиславчик. Начало немецкого наступления было назначено на 16.00. Артиллерии был отдан приказ поддержать действия дивизии всеми имеющимися силами. Уже с 12.00 начались обстрелы Голованевска, разрывы снарядов накрыли здания, в которых размещался штаб 18-й армии. Не выдержав, генерал А.К. Смирнов приказал вывести его вскоре после полудня в Сухой Ташлык. В результате такого вынужденного «маневра» генерал на несколько часов потерял связь с подчиненными корпусами и дивизиями[89].

Группа «Пикер», оставаясь в районе Ольховое – Рыжавка – Антоновка, находилась в готовности к отражению атак противника, как с северного, так и с южного направлений. Передовая группа 4-й горно-егерской дивизии размещалась на перекрестке у села Коржевая, чтобы отразить наступление советских частей вдоль дороги Умань – Островец. Саперы перекрыли дороги, ведущие из Умани на юг по линии выс. 223 – Шарин – Фарманка. Немцы засыпали в уверенности в своем превосходстве над противником и – при этом – в готовности к любым неожиданностям с его стороны.

С утра 30 июля 16-я моторизованная дивизия основными силами сконцентрировалась в Тальное. Ее разведывательный батальон продолжал начатое в предшествующий день наступление и ранним утром успел захватить с. Зеленьков. Не давая советским войскам возможности закрепиться, он продолжил движение, занял с. Каменечье и после полудня достиг Новоархангельска.

Сложность положения немецких частей усугубилась нехваткой боеприпасов для контрбатарейной борьбы. В течение дня поддержка немецкой артиллерией собственной пехоты существенно ослабла[90]. Опасения вызывал по-прежнему ничем не обеспеченный левый фланг XXXXVIII корпуса, где зияла 60-километровая брешь, открытая для

удара с западного направления. Поэтому командование корпуса обратилось с настойчивой просьбой вернуть 16-ю танковую дивизию, чтобы ее можно было использовать на фланге 16-й моторизованной. Но командование 1-й танковой группы могло предоставить в распоряжение корпуса только полк «Вестланд» из состава дивизии СС «Викинг». На момент получения приказа полк находился в районе с. Тараща и смог достичь Тального только поздним вечером текущего дня. Здесь он поступил в распоряжение командира 16-й моторизованной дивизии генерала З. Хенрици.

До прибытия частей усиления дальнейшее продолжение наступления 16-й моторизованной дивизии от Новоархангельска далее на юг командиром корпуса генералом В. Кемпфом было признано нецелесообразным. Требовалось срочно перебросить группу «Шведлер» на смену батальонам «Лейбштандарта». В свою очередь «Лейбштандарт» предполагалось перебросить на усиление левого фланга корпуса, отказавшись от смены им частей 11-й танковой дивизии. В районе Новоархангельска предполагалось создать сильную подвижную группировку для дальнейшего удара в южном направлении[91]. Видимо, вырабатывая такое решение, немцы исходили из предположения, что основные силы 12-й армии выдвигаются в юго-восточном (на Первомайск), а не в восточном (на Новоархангельск) направлении, что оказалось ошибочным.

Высвободить 11-ю танковую дивизию противнику в течение дня 30 июля не удалось. По сообщениям немецкой разведки, против нее концентрировались советские войска, возможно, для наступления. В этот день соответствующими приказами 24-я и 297-я пехотные дивизии были подчинены XXXXIV корпусу генерала Ф. Коха и стали постепенно подтягиваться для участия в Уманском сражении.

Развитие событий второй половины дня подтвердило справедливость указанного выше решения. Частям немецкой 16-й моторизованной дивизии предстояло совершить марш на юг и занять Новоархангельск. При этом следовало сохранить за собой Тальное как важный тактический пункт. В такой ситуации боевые порядки соединения сильно растягивались и становились уязвимыми для контрударов.

Для решения поставленной перед дивизией задачи генерал З. Хенрици сформировал несколько боевых групп:

– усиленный разведывательный батальон (батарея 1-го дивизиона 146-го артполка, по взводу от 60-го полка, 675-го саперного батальона и 228-го противотанкового дивизиона) должен был проследовать через

с. Каменечье на Новоархангельск, чтобы захватить мост и создать там плацдарм через р. Синюха;

– боевая группа Холм (156-й полк, 2-й дивизион 146-го полка, 670-й противотанковый дивизион, 3-я рота 675-го саперного батальона, части 228-го противотанкового дивизиона и 4-й батальон полка «Герман Гёринг»), выйдя из района с. Машуров, должна следовать через Тальное вслед за разведбатом;

– боевая группа Бекер (60-й полк без одного батальона, 1-й дивизион 146-го артполка без одной батареи, части 228-го противотанкового дивизиона) получила задачу оборонять Тальное от атак с востока и северо-востока, а также левый фланг дивизии по линии Корсунка – Павловка – восточная окраина Новоархангельска. Взаимодействовать с ней должен 165-й мотоциклетный батальон.

Чтобы сделать возможным почти одновременное проследование через Тальное двух боевых групп, саперы 675-го батальона принялись расширять дороги и улучшать переправы через р. Горный Тикиш. К утру они были готовы к прохождению войск.

Боевые группы выступили маршем в 8.00 и 9.00. Сухая ясная погода и сравнительно хорошее состояние дорог позволили противнику быстро продвигаться к намеченной цели. После короткого боя части разведывательного батальона в 12.00 выбили малочисленные советские войска из с. Зеленьков и Каменечье и вскоре достигли северной окраины Новоархангельска. На пути им попадались поспешно отходящие на восток разрозненные группы красноармейцев, некоторые из них передвигались на бронемашинах. При приближении противника они старались не вступать в бой и укрывались в полях и лесах.

Первой достигла Новоархангельска 2-я рота обер-лейтенанта Кверенгессера. Перед ней лежала долина р. Синюхи с переброшенным через нее мостом, который нужно было захватить. Задача казалась немцам простой, так как никаких препятствий видно не было. Однако, когда они приблизились к нему на расстояние 100 м, раздался взрыв. Как оказалось, советские саперы успели заминировать мост, и хотя из-за неожиданного появления противника выполнить работу качественно они не успели, часть моста оказалась уничтоженной. По нему уже не могли переправляться машины, но немецкие солдаты свободно перебрались на другой берег и образовали там небольшой плацдарм.

Прибывший на место начальник оперативного отделения дивизии приказал разведбату закрепиться вокруг Новоархангельска. Он

опасался возможных ударов со стороны советского 13-го корпуса, части которого сосредотачивались в лесах около с. Каменечье. Только после прибытия 3-го батальона 156-го полка можно было продолжить движение на юг. Однако основные силы боевой группы Холм оказались скованными тяжелыми боями вокруг с. Каменечье.

Еще ок. 15.00 в штаб группы стали поступать сведения о передвижении советских частей в район Каменечье из района Легедзино и Вишнополя. К северу от села закрепилась 3-я рота 675-го саперного батальона, на западной окраине и южнее заняли оборону солдаты 1-го батальона 156-го полка. Вскоре по селу и немецким позициям на его западной окраине открыли огонь две артиллерийские батареи. Но первый удар был нанесен на участке дороги между с. Каменечье и Майданецкое. В этот момент по ней шла штабная рота 156-го полка, которой пришлось вступать в бой с ходу. Противник отразил атаку, понеся при этом весьма чувствительные для себя потери. Противнику пришлось немедленно останавливать марш своих боевых групп и разворачивать их от с. Зеленьков до Новоархангельска для отражения советских атак с западного направления. Марш разведывательного батальона на юг пришлось отложить.

Между 17.00 и 18.00 последовали почти одновременные атаки на Каменечье и Новоархангельск. Красноармейцы двигались при поддержке нескольких танков, стремясь прорвать немецкую оборону. По ним открыли заградительный огонь 5-я и 6-я батареи 146-го артполка и орудия 670-го противотанкового дивизиона. Отразив атаку, немцы нанесли контрудар, отбросив красноармейцев на восток и захватив около 200 пленных.

Уже вечером советская артиллерия обстреляла командный пункт 16-й моторизованной дивизии в с. Тальное, нанеся потери немецким связистам и на время дезорганизовав управление частями. Ок. 22.00 из района с. Белашки последовала атака на с. Тальное, которое немцы отразили при поддержке 4-го батальона полка «Герман Гёринг» и батареи 88-мм зенитных орудий.

К концу дня части 16-й моторизованной дивизии растянулись по фронту на 30 км от с. Тальное на севере через высоты восточнее с. Зеленьков, восточную часть Каменечье, юго-западную опушку леса южнее Каменечье и высоты южнее Свердиково до г. Новоархангельск[92].

Слабые оборонительные позиции 16-й моторизованной дивизии западнее дороги Тальное – Новоархангельск подверглись сильным атакам со стороны дивизий 13-го корпуса 12-й армии. Генералу З.

Хенрици пришлось бросить в окопы все наличные силы, и только таким способом ему удалось удержать позиции. Но стало очевидно, что наличных сил XXXXVIII корпуса недостаточно, чтобы сдержать наступление 12-й армии. Поэтому от идеи продолжать наступления на юг только силами корпуса пришлось отказаться.

Советские войска пытались выполнить приказ командующего генерала И.В. Тюленева, предусматривающий восстановление фронта с 26-й армией, удар которой ожидался в район города Звенигородка или даже непосредственно на Новоархангельск. Тем временем 1-я танковая группа начала свой прорыв на Первомайск, все более отрезая 12-ю армию от реки Синюха. Так как здесь никаких советских войск не было, даже с учетом заминки у Голованевска положение группы Понеделина и 18-й армии стремительно становилось угрожающим.

31 июля, четверг

На 31 июля генерал П.Г. Понеделин получил от командования Южного фронта приказ очистить район Новоархангельска и Тального и, наступая в направлении на Звенигородку, соединиться с частями 212-й стрелковой дивизии 26-й армии[93]. Для выполнения этой задачи штаб фронта обратился к начальнику штаба Юго-Западного направления – с просьбой отдать соответствующее распоряжение командованию Юго-Западного фронта[94]. Одновременно 6-й армии надлежало во взаимодействии с 18-й армией уничтожить прорвавшуюся в восточном направлении 1-ю горно-егерскую дивизию и соединить фланги[95].

Противник силами 1-й горно-егерской дивизии должен был взять Голованевск, а 4-й – вести наступление на Подвысокое, завершая окружение группы Понеделина. Части XXXXVIII корпуса приступили к переброске на восток в район с. Тальное, чтобы оттуда совершить охват 6-й, 12-й и, если повезет, 18-й армий. На их позиции в районе Умани перебрасывались 24-я и 297-я пехотные дивизии.

К 11. 00 части группы Понеделина занимали следующие позиции.

– 49-й корпус, прикрываясь арьергардами на рубеже Сарны – Полудня, отходил 140-й и 190-й дивизиями на линию разъезд Яроватка – Лещиновка – Чайковка – Христиновка. 173-я оборонялась в районе Христиновки – Орадовки – Верхнячки, 141-я – у сел Орадовка – Ягубец – Россоша, 44-я танковая дивизия сосредоточилась в лесу западнее села Голяковка, 39-я танковая – в роще в 2-х км западнее села Городецкое.

– 37-й корпус с вечера предшествующего дня занимал 189-й дивизией позицию по линии Загубец – Кузьмина Гребля – Томашевка. 10-я дивизия НКВД находилась в районе Кочубеевки, 80-я стрелковая дивизия – в районе села Паланка и прилегающего к нему леса, 139-я стрелковая дивизия – у села Кочерженцы.

Если в полосе обороны 12-й армии положение было сравнительно благополучным, то ситуация в 6-й армии складывалась крайне неблагоприятно. Командующий генерал И.Н. Музыченко доносил, что фронт обороны его войск прорван в четырех местах: у Цибермановки, Лещиновки, Христиновки и у Ягубец. Восстановить положение собственными силами не удалось, и армия продолжила отступление[96].

К утру 31 июля положение XXXXIX корпуса Л. Кюблера было критическим. Особенно уязвимым для ударов был его правый фланг. Как установила немецкая разведка, всего в нескольких километрах от 1-й горно-егерской дивизии находилась группировка, насчитывавшая по немецким оценкам, по меньшей мере, 50 тыс. человек. Одного ее удара было достаточно для уничтожения всего южного фланга корпуса. Но, к счастью для противника, советское командование даже и не подозревало о представившихся ему возможностях. Ночь миновала, и дивизии корпуса продолжили свое планомерное давление на части группы Понеделина.

Ранним утром передовые группы «Ланг» и «Кресс» вступили в расположенный к северу от Голованевска лес и изготовились к атаке на город. Начало наступления должно было последовать после авиационного налета, но он задерживался. Только между 13 и 14 часами немецкая авиация смогла провести бомбежку Голованевска, да и то после неоднократных настойчивых просьб от командования 1-й горно-егерской дивизии. Атаке подверглись просека, проходящая в 6 км западнее города, сам населенный пункт и железнодорожная ветка южнее от него. По немецким самолетам немедленно открыла огонь советская зенитная артиллерия, однако он не смог помешать бомбардировке. Наблюдатели противника отметили большие разрывы в лесном массиве и в городских кварталах. В 14.20 немецкие самолеты совершили повторный налет, уже не встречая никакого противодействия с земли[97]. То ли зенитные батареи были подавлены, то ли сменили позиции, следуя за своими войсками.

Сразу после налета авиации и артиллерийского обстрела, в 14.00, всеми имевшимися в распоряжении орудиями группы «Ланг» и «Кресс» перешли в наступление двумя боевыми отрядами. Батальоны Ратгебера, Лавалля и Фляйшмана из группы «Ланг» атаковали восточную, батальоны группы «Кресс» – западную части города. После непродолжительного боя город был занят. Пути отхода для группы Понеделина через Голованевск на Первомайск были отрезаны.

Вторую половину дня 31 июля горные егеря провели, укрепляя свои позиции вокруг Голованевска. Контратаки советских войск были успешно отражены. Вечером оберет Кресс отдал приказ 3-му батальону 98-го полка начать наступление на села Трояны и Грушка. Вскоре после выступления начался дождь, превративший дороги в жидкое месиво. Несмотря на трудности, батальон занял станцию Грушка и перерезал железную дорогу на Голованевск. Советские войска пытались закрепиться за железнодорожной насыпью, но все их

контратаки были отбиты[98].

Передовая группа 4-й горно-егерской дивизии пробилась от перекрестка у села Коржевая на Дубово и закрепилась там. К счастью, в районе с. Дубово находился 368-й полк 58-й дивизии под командованием майора С.О. Круглянского. В 17.00 его красноармейцы заметили выдвижение противника к р. Ятрань и оценили его численность примерно в батальон. Когда немцы попытались разведать возможность переправы, их обстреляли, и они были вынуждены отойти. Хотя противник не смог перебраться на восточный берег Ятрани, но он теперь отрезал еще один возможный путь выхода из окружения для советских войск.

В районе с. Рогово заняли оборону пограничники Сводного отряда – два батальона 43-го полка и рота охраны. Во время обстрела получил ранение командир отряда полковник Трегубенко. По приказу генерала И.Н. Музыченко на угрожаемое направление отправилась 189-я дивизия. Ее 864-й полк вечером 31 июля занял рубеж Коржовый Кут – Дубово, а 891-й вместе с 211-й воздушно-десантной бригадой – от юго-восточной окраины с. Бабанка до Коржевая. Перед ними стояла задача атаковать и уничтожить противника, занявшего с. Коржевая. Позиции у с. Дубово усиливались 880-м полком"[99].

Вечером 2-й батальон 99-го полка предпринял наступление против лесного массива южнее вокзала Голованевска, где по имевшимся данным находилось значительное количество красноармейцев. Атака оказалась неудачной, и немецкой пехоте пришлось залечь под огнем. Воспользовавшись моментом, 3-й батальон 98-го полка перешел в наступление в южном направлении и, сломив сопротивление, вышел к железнодорожной насыпи у с. Грушка. Здесь противник закрепился, готовясь к отражению контратак. Вскоре они действительно последовали, некоторые даже при поддержке кавалерии. Все атаки были немцами отражены [100].

В течение 30 и 31 июля 1-я и 4-я горно-егерские дивизии своими действиями разорвали фронт обороны советских войск и сделали невозможным его восстановление по ранее определенной командованием Южного фронта линии Умань – Голованевск. После полудня командование 1-й горно-егерской дивизии и командование XXXXIX корпуса пришли к убеждению, что кризис миновал. Немцы успели подтянуть свои силы прежде, чем советские войска сумели понять ситуацию и сгруппироваться для удара. С подходом дивизий LII корпуса к Голованевску высвобождалась 1-я горно-егерская дивизия. Перед ней ставилась задача продолжать преследование в

общем направлении на село Покотилово[101]. Сражение вступало в решающую фазу. Немецкое командование поставило перед своими соединениями цель – не допустить прорыва полуокруженных советских армий из формирующегося «мешка».

Передовая группа 125-й дивизии была выброшена вперед и уже в 10.30 завязала бой за Паланку. Сопротивление здесь было оказано настолько серьезное, что село удалось захватить только после полудня и только при поддержке батальонов 420-го полка. 125-й артполк получил задачу занять село Кочержинцы, но не успел.

Его опередил 94-й артполк 4-й горно-егерской дивизии. Тем временем 2-й батальон 419-го полка, двигаясь вдоль железнодорожного полотна, сбивая группы прикрытия, практически без боя занял с. Городецкое.

К вечеру 125-я дивизия находилась в трех километрах от Умани и готовилась к упорным боям за город. Для этого на позиции была стянута вся дивизионная артиллерия, усиленная 2-м дивизионом 52-го полка. Приказом по дивизии на 1 августа определялась следующая диспозиция: 419-й полк должен был атаковать северную, а 420-й полк – южную части города. Каждому полку придавались по три штурмовых орудия.

С севера к городу приближалась 295-я дивизия. Своими двумя передовыми полками она заняла с. Кочубеевка, рядом наступала 24-я дивизия. Умань в течение дня оказалась охваченной с флангов. Во второй половине дня последовал новый приказ из корпуса: «Задача 4-й горно-егерской и 295-й пехотной дивизий состоит в том, чтобы мощными атаками в прежних направлениях облегчить фронтальный удар 125-й пд на Умань. Для этого 4-я горно-егерская дивизия своим левым флангом принимает направление на Сушковку. С достижением Сушковки противник под Уманью потеряет последнюю возможность к отступлению. 295-я пд продолжает наступление в районе между северной окраиной Умани и южной окраиной Войтовки»[102].

К вечеру 31 июля стали вырисовываться общие контуры кольца вокруг 6-й и 12-й армий. 16-я моторизованная дивизия заняла участок от Тального до Новоархангельска, 9-я танковая достигла Ольшанки и Карбовки, следующая за ней 16-й танковая вышла к селу Добрянка, расположенному на реке Синюха. Тем временем 11-я танковая дивизия продолжала давление на советские войска по обе стороны от села Роги. С запада советская группировка была плотно охвачена соединениями XXXXIX горного корпуса. Неприкрытым оставался только участок с юга. Положение дел поэтому требовало скорейшего

высвобождения 1-й горно-егерской дивизии и использования ее для прорыва на южном фланге.

Но командование 17-й армии придерживалось иной точки зрения. Корпусу вновь предписывалось проведение наступления на своем правом фланге вплоть до лесных массивов южнее Голованевска с ведением разведки в направлении р. Буг между селом Люпшеватое и городом Первомайск. Это означало углубление в разграничительные линии соседнего LI-го корпуса до 30 км. Центр корпуса должен обеспечивать тыл и фланг 1-й горно-егерской дивизии и одновременно стремиться отрезать пути к отступлению для советских войск в районе переправ у с. Покотилово. Северным флангом надлежало продолжать преследование на Новоархангельск[103].

Приказ командования 17-й армии вновь ставил перед XXXXIX двойную задачу, разрывающую его силы, вместо концентрации их на главном направлении – на правом фланге. Исходя из такого положения дел, генерал Л. Ктоблер отдал новый приказ по корпусу. 1-я горно-егерская дивизия должна была частью сил удерживать районе Голованевска, а частью – наступать на Люшневатое, расположенное в 20 км южнее города. Цель наступления заключалась в том, чтобы отрезать пути к отступлению как можно большему количеству советских войск. Часть сил дивизии должна была двигаться на северо-восток на Покатилово. По сути дела приказ 17-й армии вместо создания кулака для быстрого прорыва и завершения окружения заставлял 1-ю горно-егерскую дивизию действовать в трех разных удаленных друг от друга направлениях, распыляя свои силы и средства.

В соответствии с приказом по армии 4-я горно-егерская дивизия должна была, преодолевая вражеское сопротивление, захватить село Дубово и переправы через реку Ревуха и далее двигаться в направлении села Небелевка. 125-й дивизии надлежало продолжать бой за Умань. 295-я дивизия постепенно выводилась из боя и направлялась в распоряжение командования группы армий «Юг». Вместо нее в состав корпуса возвращалась 97-я легкопехотная дивизия[104].

Командование XXXXIX корпуса отдавало себе отчет в том, что, несмотря на все принятые меры по скорейшему окружению, для советских 6-й и 12-й армий всё ещё оставалась «лазейка». Таковой являлись дорога через с. Копенковатое и мосты у с. Покотилово. Поэтому, по мнению генерала Л. Кюблера, направление части сил 1-й горно-егерской дивизии на Люшневатое было явно ошибочным.

Подвижных сил, чтобы опередить советские войска в параллельном преследовании, у немцев на этот момент не было.

Поэтому отданный в 22.55 приказ по корпусу гласил: «Многочисленные вражеские колонны вытекают через Покотилово (там мосты) на юг. 1-я горно-егерская дивизия частью сил 1.8 вынуждена наступать на линию у Покотилово, чтобы воспрепятствовать дальнейшему отступлению через мосты. 4-я горно-егерская дивизия своим передовым отрядом рано утром 1.8 форсирует броды через Ревуху в районе Дубово и атакует на Подвысокое, чтобы и с этой стороны воспрепятствовать отходу противника на юг»[105].

Пока группы «Кресс» и «Пикер» оставались на своих оборонительных позициях северо-западнее Голованевска, передовая группа «Ланг» получила приказ в 10.00 выступить из Голованевска и собраться в районе Вербово. После приведения частей в порядок ей надлежало атаковать через Табановку и Орлово в направлении высот южнее Покотилово.

С утра 31 июля позиции 11-й танковой дивизии противника вновь подверглись сильному артиллерийскому обстрелу. После его прекращения в атаку пошли красноармейцы, поддерживаемые, как отмечали немцы, «многочисленными танками». Но все попытки прорвать немецкую оборону под селом Роги оказались безуспешными. Советские части понесли в бесплодных атаках большие потери.

Группа «Шведлер», действуя совместно с 297-й дивизией, далеко продвинулась вперед, и уже утром они смогли приступить к смене частей «Лейбштандарта». В свою очередь бригада СС начала подготовку к маршу.

Однако вплоть до полной смены они должны были прикрывать все еще сохранявшийся разрыв между 11-й танковой и 16-й моторизованной дивизиями.

Получив соответствующий приказ, батальоны в 11.30 стали оставлять свои позиции и выступили маршем по маршруту Цибермановка – Нестеровка – Дзенгелевка – Маньковка – Иваньки – Попужинцы – Лащовая на Тальное. В голове колонны двигался разведбат, следом за ним – 3-й батальон. Последний по прибытии в с. Попужинцы передавался в подчинение полка «Генерал Гёринг».

Около 16.00 на командный пункт XXXXVIII корпуса в Маньковке из бригады «Лейбштандарт» прибыл хауптштурмфюрер Леманн. Здесь его сориентировали в складывавшейся обстановке, и оберет Фрибе передал приказ срочно перебросить один из батальонов в район с. Лащовая. Оказалось, что 11-я танковая дивизия смогла образовать в

районе с. Легедзино – Паланки небольшое окружение. Находившиеся там советские войска совершили оттуда прорыв в северном направлении в сторону с. Лащовая. От «Лейбштандарта» требовалось их уничтожить.

Получив приказ, командир бригады направил к с. Лащовая разведывательный батальон, уже в 19.00 его 2-я рота заняла здесь оборону. В 20.50 перед селом показались красноармейцы в количестве до роты в сопровождении восьми бронемашин. Начался бой, который длился полчаса. Прорывавшаяся из окружения рота была уничтожена, в плен попали три командира и 79 бойцов. При прочесывании полей, раскинувшихся к северу от села, были захвачены еще 22 красноармейца. На допросе они рассказали, что их часть входила в состав сводного 216-го полка, приданного 45-й танковой дивизии.

Вскоре выяснилось, что еще одна группа прорывавшихся советских войск пробилась вплоть до села Машуров. Станция Поташ также осталась в руках красноармейцев[106]. «Лейбштандарт» получил приказ развернуться по линии с. Попужинцы – Лащовая и 1 августа атаковать в общем южном направлении и содействовать захвату с. Машуров. К концу дня благодаря продвижению 297-й дивизии и «Лейбштандарта» положение на флангах немецкой 11-й танковой дивизии существенно улучшилось.

Ситуация в полосе немецкой 11-й танковой дивизии развивалась так. Направленная в течение ночи и в ранние утренние часы разведывательная группа позволила установить, что советские войска, находившиеся перед правым флангом, медленно отходят. Такое же впечатление сложилось и у командования примыкавшего с правого фланга «Лейбштандарта». Напротив, на левом фланге соединения генерала Л. Крювеля, в районе Машурова, были обнаружены подошедшие туда советские войска. Для противодействия неожиданно возникшей угрозе в село Поташ от дивизии был направлен 231-й противотанковый дивизион, который позже был усилен двумя пехотными ротами.

Утро началось с атак советских войск. Примерно в 8.00 от одного до двух батальонов при поддержке примерно 25–30 танков атаковали от села Тальянки вдоль русла ручья и по обеим сторонам дороги Легедзино – Роги. И вновь ключевые события развернулись вокруг выс. 239: советские войска стремились взять возвышенность, а противник – удержать ее во что бы то ни стало. Атака была остановлена с большими для советских войск потерями, немцами были подбиты 15 танков. Из Подобной и Помойника, благодаря вовремя

подоспевшим частям 297-й дивизии, на угрожаемый участок у с. Роги стали перебрасываться сначала передовые роты, а после полудня подтянулись уже оба пехотных батальона в полном составе.

В новое наступление на Легедзино командир немецкой 11-й танковой дивизии выделил сформированную накануне боевую группу под командованием командира 111-го пехотного полка. Она состояла из 1-го и 2-го батальонов 110-го полка, 61-го мотоциклетного батальона, 1-го батальона 15-го танкового полка и усиленной роты 2-го батальона 15-го танкового полка, а также саперов и зенитчиков. Ее наступление должна была поддерживать вся артиллерия дивизии под общим руководством 108-го артиллерийского командования.

Закончив необходимые приготовления, в 19.00 эта боевая группа двумя частями выступила в общем направлении на Легедзино и Тальянки. Один пехотный батальон с приданными саперными частями и одним танковым взводом двигался по обеим сторонам шоссе Роги – Легедзино. На село Тальянки западнее устья ручья шли солдаты 61-го мотоциклетного батальона, усиленного саперной ротой. На своем пути боевая группа встретила только слабое сопротивление артиллерии, что позволило ей в 21.30 завязать бой за северные окраины сел Легедзино и Тальянки. Вскоре после наступления темноты немецкие солдаты вошли в оба села и приступили к их зачистке. Только в отдельных случаях они встречали ожесточенное сопротивление небольших групп красноармейцев, в остальном захват двух населенных пунктов дался противнику сравнительно легко. На ночь в ожидании вероятных контратак с советской стороны немцы образовали т. н. «ежей»[107].

Перед второй боевой группой 11-й танковой дивизии на 31 июля стояла сугубо оборонительная задача. Командир 110-го пехотного полка имел в своем распоряжении 1-й и 2-й батальоны 111-го пехотного полка, которые закрепились по линии Молодецкое – Роги – выс. 239. Усиленный 231-й артдивизион по-прежнему оставался в Поташе и предназначался для отражения атак со стороны Машурова. Разведывательный батальон был выдвинут в район Поташа – для прикрытия левого фланга. Здесь вследствие прорыва советских войск в направлении на Машуров сохранялась опасность флангового удара.

В немецкой литературе действия немецких войск 31 июля под Легедзино остались ничем не примечательным эпизодом. Всего лишь один из боев, каких было уже много и будет еще не меньше. Но в советской историографии он превратился в значимое событие, видимо, вследствие того, что атаке подверглись штабы 8– го корпуса и 72-й горно-стрелковой дивизии.

Наиболее обстоятельное описание боя под с. Легедзино приведено в книге бывшего пограничника А. Фуки «Быль, ставшая легендой». В его изложении события 30 июля под селом Легедзино выглядят следующим образом.

Ещё в ночь на 30 июля командиру 8-го корпуса генералу М.Г. Снегову стало известно о намерениях противника атаковать штаб его соединения, который на тот момент располагался в селе Легедзино. В течение ночи красноармейцы и пограничники успели оборудовать основные позиции. Их конфигурация была следующей. Линия окопов начиналась слева от окраины села, далее шла по низине и поднималась на возвышенность. К утру успели соорудить даже запасные и ложные позиции, установив там неисправные орудия и минометы. Действующая артиллерия, в том числе и зенитная, была подготовлена для стрельбы прямой наводкой. Саперы установили минные заграждения. В роще справа от села в качестве своеобразного резерва расположилась школа служебного собаководства.

Прикрытие штаба корпуса возлагалось на Отряд особого назначения майора Р.И. Филиппова. В нем к 30 июля насчитывалось около 350 человек. В качестве усиления ему были приданы зенитный дивизион из семи 76-мм орудий капитана Касаткина из состава 99-й дивизии, взвод противотанковых орудий, саперная рота, взвод связистов и одна бронемашина[108]. Всего в обороне штаба участвовало до 500 человек.

Для захвата штаба противник выделил два батальона бригады «Адольф Гитлер», которых поддерживали 30 танков и артиллерийский полк. После короткой, но интенсивной артиллерийской и минометной подготовки противник атаковал позиции по всему фронту. Артиллеристам удалось подбить четыре танка, один подорвался на замаскированном фугасе, еще один подорвали гранатами.

Немцы отступили и вызвали огонь артиллерии. Он был эффективным, и обороняющиеся понесли значительные потери. Были выведены из строя два зенитных 76-ти мм и одно 45-ти мм орудие, а также три станковых и четыре ручных пулемета. Очевидно, что немецкие наблюдатели успели засечь цели, и теперь по ним работала артиллерия и минометы. Во время обстрела в ногу и руку был ранен командир корпуса генерал М.Г. Снегов.

Вскоре для его эвакуации в тыл прилетел самолет, направленный командованием Южного фронта. Но генерал М.Г. Снегов лететь отказался, отправив вместо себя корреспондента «Красной звезды» Теодора Лильина. Его очерк «Героическая оборона штаба» появился в

газете уже 5 августа. И это оказалось последней корреспонденцией о частях 6-й и 12-й армий, последней весточкой из захлопывающегося окружения.

Вскоре немецкие атаки возобновились. Бой продолжался уже семь часов. Обе стороны несли потери. Немцы постоянно маневрировали, стараясь найти в обороне уязвимое место, прорвать позиции и захватить Легедзино. Во второй половине дня им удалось подбить еще три орудия. Воспользовавшись ослаблением огня оборонявшихся, немцы атаковали 1-ю и 2-ю роты пограничников. Положение становилось угрожающим. И тогда майор Р.И. Филиппов направил последний свой резерв – две резервные группы[109], три 76-мм, одно 45-мм орудия и свою единственную бронемашину.

Экипаж броневика вступил в бой с танками противника, которые вели обстрел позиций батальона с расстояния. Но как только он выскочил на открытую местность, немцы его обнаружили, и вскоре бронемашина была подбита, а ее экипаж погиб. Атаки немцев продолжались. Из пятисот защитников штаба к концу боя осталось в строю не более ста пятидесяти. Чтобы сдержать натиск противника, майор Р.И. Филиппов, видимо, для подрыва вражеских танков отдал приказ спустить против них служебных собак. Непосредственно руководил этой атакой старший лейтенант Д.Е. Ермаков, в распоряжении которого было 25 проводников. «Псовая атака» привела немцев в замешательство, и они отступили[110].

Таким запомнился легедзинский бой его участнику лейтенанту-пограничнику А. Фуки. По его воспоминаниям, он длился не менее четырнадцати часов и стоил противнику нескольких сот убитых и тринадцати танков. Потери пограничников составили более трехсот пятидесяти человек.

Чтобы разобраться, что же случилось, пришлось обратиться к корреспонденции самого Т. Лильина. Кстати, копия публикации приводится в книге самого А. Фуки на вкладке между страницами 64 и 65. Как уже говорилось, Т. Лильин был одним из очевидцев боя, а его заметка написана непосредственно после события.

Корреспонденция была опубликована в августе 1941 года, в очень тяжелое время, когда Красная армия отступала на всех фронтах и органы пропаганды нуждались в бодрых материалах из действующей армии. Поэтому от Т. Лильина можно было бы ожидать даже некоторых художественных преувеличений, однако по сравнению с воспоминаниями А. Фуки боевые действия под с. Легедзино и совершенные там подвиги красноармейцев на газетных страницах

выглядят более чем скромно. Как писал корреспондент «Красной Звезды», в нападении на штаб 8-го корпуса участвовало «всего» 25 танков и два батальона пехоты противника. Атаку отражали комендантский взвод и работники штаба корпуса, об участии в бою пограничников не сказано ничего. Бой длился не четырнадцать, как у А. Фуки, а лишь только полтора часа, и потери противника составили девять танков.

И уж совсем скромно выглядит этот бой в оперативной сводке штаба 12-й армии № 071, составленной по горячим следам, вечером 1 августа 1941 г. В ней нападению немцев на штаб нашего корпуса уделено совсем немного места, всего один абзац в середине документа, потом еще небольшая приписка в шестом пункте. Цитируем их полностью. «В ночь на 1.8 до 15 танков пр[отивни]ка с мотопехотой с направления Роги произвели налет на штакор[111] и штадив[112] 72. Потери: убит один, ранен – один. Управление штадива потеряло 24 машины, из них 16 обе[113], 2 бронемашины, 3 оруд[ия] ПТО, 10 крупнокалиберных пулеметов и имущество связи». И чуть ниже: «При налете танков пр[отивника] ка на штакор в районе Легезино потери – две легковые и 3 грузовые машины, ранен врач Баскакова, т/интендант 2 ранга Кодрацкий, оба остались в строю, 3 бойца, один из них умер»[114].

Напряженной оставалась ситуация в полосе обороны немецкой 16-й моторизованной дивизии. За ночь генерал З. Хенрици и его штаб из-за отсутствия собственных резервов не смогли уплотнить слишком растянутые боевые порядки. В их подчинение поступил полк СС «Вестланд», однако его батальоны смогли прибыть уже в ходе боев 31 июля. Немецкое командование догадывалось, что советские войска будут пытаться пробиться на восток, но на каком именно участке будет нанесен ими удар, известно не было. Не знали в штабе дивизии и о том, что направление на Новоархангельск и Тальное будет главным в планах генерала П.Г. Понеделина, стремящегося соединиться с войсками 26-й армии. Единственное, что могли сделать в такой непростой ситуации немецкие командиры, так это постараться донести до каждого солдата мысль о том, что от того, удастся ли им удержать свои позиции, зависит успех всей операции по окружению советских армий.

В течение дня войска 13-го корпуса вели бои по созданию плацдармов на реке Синюха, для чего было необходимо занять села Каменечье и Свердликово, оборонявшиеся частями немецкой 16-й моторизованной дивизии. С утра группы красноармейцев (возможно,

из 99-й дивизии полковника П.П. Опякина), просочившись еще ночью через боевые посты противника, предприняли атаку на немецкое боевое охранение под с. Каменечье. Ее отбили без особого труда.

В 9.00 бойцы 60-й дивизии полковника Б.А. Сорокина предприняли первую крупную атаку на Каменечье. Село обороняли солдаты 3-го батальона и оставшиеся в его подчинении 2-я рота 1-го батальона 156-го полка и 3-я рота 675-го батальона. Справа к ним примыкали позиции 2-го батальона 60-го полка, слева – 1-го батальона 156-го полка. Атаку немцам удалось отразить с большим трудом, и командованию противника стало ясно, что наличными силами село не удержать. В 11.00 оно отдало приказ оставить позиции и отойти за дорогу Майданецкое – Каменечье и далее на западный берег ручья вплоть до с. Свердликово.

С утра начались советские атаки, поддержанные отдельными танками, на позиции разведывательного батальона у Новоархангельска и 3-го батальона 60-го полка у с. Свердликово. Их удалось отбить концентрированным огнем противотанковых орудий, крупнокалиберных минометов и станковых пулеметов. Красноармейцы отошли в лес южнее Свердликово, где стали готовиться к новым атакам, получив подкрепление из Теклиевки. Чтобы сорвать подготовку, противник обстрелял лес из двух орудий. Для укрепления фланга в с. Павловка перевели 1-й батальон из полка СС «Вестланд» и батарею из 5-го артполка СС.

В 16.00 после продолжительной артподготовки красноармейцы атаковали 2-й батальон 60-го полка, в 17.30 в повторной атаке участвовали не менее двух батальонов пехоты. Для их отражения противник сконцентрировал на участке прорыва огонь всей имевшейся в распоряжении артиллерии. К 20.30 все атаки в полосе немецкого 2-го батальона были отбиты.

Первая атака на Тальное состоялась в 11.30 от с. Белашки. Еще одному удару подвергся правый фланг 2-го батальона 60-го полка. Огневое прикрытие им оказывала батарея 210-мм мортир, но через несколько минут боя она замолчала – закончились боеприпасы. Атаки немцам пришлось отбивать стрелковым оружием. Несмотря на то, что все попытки прорвать оборону 16-й моторизованной дивизии закончились неудачей, ее командованию пришлось отказаться от намеченного наступления в южном направлении.

Новая атака вдоль дороги из Белашки на Тальное началась в 19.00. Ее отбили эсэсовцы 3-го батальона полка «Вестланд» при поддержке 2-го дивизиона 5-го артполка СС и мортирных батарей. Спешным

маршем под с. Машуров, находящее западнее Тальное, перебросили 2-й батальон полка «Вестланд». По пути эсэсовцам пришлось вступить в бой с группой красноармейцев, прорвавшейся к с. Лащевая, где расположилась станция снабжения 16-й моторизованной дивизии. К вечеру ситуация под г. Тальное стабилизировалась[115].

В течение всего дня соединение генерала З. Хенрици отбивало атаки сразу на нескольких направлениях одновременно: на Новоархангельск, на Каменечье и через Белашки на Тальное. К сожалению, все атаки советские войска проводили в разное время, не координируя их друг с другом, преимущественно пехотными частями, при крайне слабой поддержке артиллерии и танков. Поэтому неудивительно, что прорвать немецкую оборону им не удалось. Как пригодилось бы использование на этом направлении дивизий 2-го мехкорпуса, но они оказались скованы боем на второстепенном направлении. Большую роль в отражении советских атак сыграла немецкая артиллерия. Неудивительно, что расход снарядов 31 июля оказался более чем в два раза больше, чем в предыдущие дни.

Как ни удивительно, но бой за с. Каменечье, который вела дивизия полковника Б.А. Сорокина, попал в доклад командования Южного фронта в Ставку Верховного Командования и лично тов. И.В. Сталину. В нем говорилось: «в бою у Каменечье 60 сд решительной контратакой почти полностью разгромила 156 резервный полк немцев (16 мд); убит командир дивизии, взяты пленные, в том числе 1 подполковник, 1 майор»[116]. К сожалению, все доложенное И.В. Сталину оказалось пустой фантазией.

Тем временем 9-я танковая дивизия XIV моторизованного корпуса противника продолжала выполнять поставленную перед ней задачу по прорыву на юг. В 11.00 колонна дивизии выступила из Ямполя, миновала село Тишковка и около 23.30 передовыми частями она достигла леса перед селом Ольшанка. Действия немцев на этом направлении были неожиданными для командования Красной армии, никаких попыток остановить их никем не предпринималось. Войск на восточном берегу р. Синюха для предотвращения прорыва не в такой ответственный момент не оказалось[117].

Движение колонн 9-й танковой дивизии не осталось незамеченным советским командованием, но противопоставить ему было нечего. В 13.25 подполковник Шаров передал приказ начальника войск по охране тыла Южного фронта подполковника Борисова командиру 237-го конвойного полка, расположенному в Новоукраинке, майору Антонову. Документ предупреждал о движении колонны противника в

составе пятнадцати танков и ста машин пехоты в направлении от Новоархангельска на Тишковку и Доброволичевку. Далее предписывалось объединить все находящиеся в распоряжении силы пограничных частей и Красной Армии и организовать оборону по линии Ломотная – Песчаный Брод – Любомирка с целью не допустить прорыва противника на юг и юго-восток. Одновременно надлежало выслать разведку в направлении Злынка – Плетеный Ташлык, Добровеличевка – Песчаный Брод и Ольшанка[118].

Донесение о том, что 9-я танковая дивизия выступила на село Тишковка, поступило в части XXXXVIII корпуса днем 31 июля. Командованием корпуса предполагался ее выход к селам Добрянка и Ольшанка уже на следующий день. И если учесть, что соединения 17-й армии вышли на подступы к Умани, Голованевску и Ладыженке, то охват 6-й и 12-й армий можно было бы считать завершенным. Оставался, правда, никем не прикрытый сорокакилометровый отрезок на крайнем юго-востоке, но надежда, что его также удастся быстро взять под контроль, у немецкого командования сохранялась. Длительное преследование советских армий, отступавших от самой государственной границы, наконец-то имело все шансы завершиться классическим окружением и уничтожением крупной группировки советских войск. Это был бы значительный успех.

Своя маленькая «радость» была отмечена и в полосе действий XXXXVIII корпуса. Совместными действиями «Лейбштандарта», 11-й танковой и 16-й моторизованной дивизий и удалось создать маленький «котел» в районе Машуров – Поташ. Глубоко вклинившиеся в немецкую оборону советские части оказались крайне уязвимы для фланговых охватов. Поэтому на следующий день, 1 августа, было спланировано наступление батальонов полка «Герман Гёринг» и «Лейбштандарта» для охвата группировки с флангов. И, если сложатся для того условия, им надлежало занять район до дороги Тальянки – Тальное и перерезать еще одну транспортную коммуникацию[119].

Атаки советских войск против Новоархангельска и Тальное по оборонявшимся на этом участке немецким частям не позволяли снять их с фронта и использовать для развития наступления на юг. Поэтому командование 1-й танковой группы предложило использовать для этой цели части XIV танкового корпуса. В этот же район спешно подтягивались полки 24-й пехотной дивизии.

К вечеру командованию группы Понеделина стало понятно, что восстановить фронт и соединиться с 26-й армией будет крайне сложно. Противник опередил 12-ю армию и успел занять Новоархангельск.

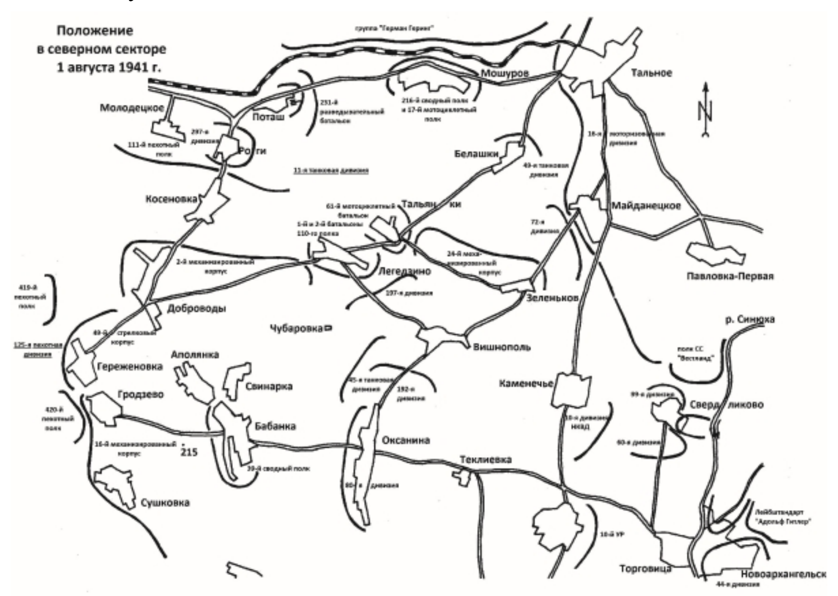
Выбить его оттуда без применения танковых и механизированных войск, а также без поддержки артиллерии представлялось маловероятным. После падения Голованевска на южном фланге образовался многокилометровый разрыв. Закрыть его оказалось нечем. Задачей XXXXVIII корпуса на 1 августа оставалось удержание занятых в предшествующие дни районы. Прибывающая 297-я дивизия должна была продвинуться на линию село Свинарка – выс. 216 (южнее Легедзино). Группа управления переместилась из Маньковки в Паланочку.

Положение в районе Голованевска 1 августа

1 августа, пятница

К 1 августа контуры окружения группы Понеделина стали приобретать четкие очертания. Командование немецкой 17-й армии смирилось с фактом, что советская 18-й армия генерала А.К. Смирнова выскользнула из «мешка», и сконцентрировало все внимание на задаче уничтожения 6-й и 12-й армий. События предшествующих боевых дней вселили в немцев уверенность, что поставленную задачу выполнить будет несложно.

Положение в северном секторе на 1 августа

К началу августа командование Южного фронта разработало план, который предусматривал: на юге – воссоединить фланги группы Понеделина с 18-й армией, действовавшей из района Голованевска, на севере – силами 223-й стрелковой дивизии во взаимодействии с 26-й армией Юго-Западного фронта восстановить контакт и закрыть образовавшуюся между обоими фронтами брешь. На 1 августа войскам 6-й и 12-й армий командованием Южного фронта была поставлена общая задача – пробиваться на восточный берег реки Синюха для занятия там устойчивой обороны. Конкретные задачи распределялись следующим образом: 12-й армии надлежало осуществить прорыв

кольца окружения и установить связь с деблокирующими частями. 6-я армия должна была противодействовать затягиванию кольца окружения[120].

Совместными действиями армий Южного и Юго-Западного фронтов предполагалось изолировать и разгромить прорвавшуюся в тыл советских войск группировку Э. фон Клейста. Важная роль в осуществлении плана отводилась войскам 6-й и 12-й армий. При составлении плана командование Южного фронта исходило из ошибочной предпосылки, что противник стремится выйти к Днепру, тогда как целью его наступления было окружение 6-й и 12-й армий.

Реальность выполнения данного плана была подвергнута сомнению Главнокомандующим Юго-Западным направлением маршалом С.К. Тимошенко. В ходе переговоров с генералом И.В. Тюленевым, состоявшихся 1 августа, он высказал озабоченность боеспособностью 223-й дивизии и предостерег собеседника от того, что она может попасть под «изолированный удар» противника. Также маршал предупреждал, что нельзя особенно полагаться на 116-ю и 212-ю дивизии 26-й армии, так как они скованы боем, и поэтому «их совместное действие… является не весьма реальным делом»[121]. Но командующий Южным фронтом заверил, что все запланированные мероприятия вполне осуществимы.

Противник, в свою очередь, основной задачей на 1 августа ставил удержание позиций по восточному берегу реки Синюха танковыми и моторизованными частями XXXXVIII и XIV моторизованных корпусов с одновременным отсечением группы Понеделина от войск 18-й армии и завершением окружения. Основная роль в выполнении последней задачи возлагалась на XXXIX горно-егерский корпус, в первую очередь на его 1-ю и 4-ю горно-егерские дивизии.

На 1 августа штаб 17-й армии потребовал от соединений XXXXIX корпуса последнего напряжения всех сил для достижения скорой победы. Видимо, осознав нереальность своих прежних планов, генерал К. фон Штюлышагель изменил задачу для 1-й горно-егерской дивизии. Ей надлежало теперь, собрав все силы, как можно скорее нанести удар из района Голованевска в направлении села Емиловка. Уходящие на восток горно-егерские части должны были сменить прибывающие из-под Станиславчика солдаты 257-й пехотной дивизии[122]. Приказ вновь предоставлял командованию горного корпуса свободу рук, и то предприняло все возможное, чтобы быстрее вывести части 1-й горно-егерской дивизии на нужное направление. Это зависело от времени прибытия в район боевых действий частей 257-й дивизии, которая к

19.00 1 августа еще находились на станции Грушка и в селе Юзефовка. Передовые части LII корпуса после полудня того же числа достигли села Данилова Балка. Вслед за ними шли части венгерской бригады.

Уже ранним утром немцы перед началом штурма Умани начали усиленную артиллерийскую подготовку. Обстрелу подверглись позиции советских войск и городские кварталы. Атака пехоты началась в 5.00. Ближе всех к городу находились позиции 6-й роты 420-го полка и 3-й роты 125-й саперного батальона, они-то и образовали ударную группу и первыми ворвались на окраины. Их поддерживали три штурмовых орудия 243-го дивизиона. Боевая группа имела задачу захватить монастырь и вокзал, откуда предполагалось развивать дальнейшее наступление.

Вслед за боевой группой в наступление перешел весь 2-й батальон 420-го полка. Вопреки ожиданиям противника, сопротивление в городе было незначительным, лишь отдельные небольшие разрозненные группы красноармейцев вступали в перестрелку, что не могло всерьез задержать немецкое продвижение. Уже в 9.10 оберет Оппенлендер сообщил в штаб дивизии, что поставленная задача успешно выполнена, монастырь и вокзал, а также мосты через реку захвачены.

Около 10.00 штурмовые орудия вышли на восточную окраину Умани. Отсюда они взяли под обстрел отходящие на восток автомобильные и гужевые колонны частей 6-й армии. Дальнейшее продвижение немцев застопорилось, так как мосты оказались взорваны. Саперы бросились их восстанавливать, чтобы хотя бы пехота смогла перебраться на восточный берег. На восточной окраине завязался короткий бой, не связанные единым руководством малочисленные отступавшие части задержать продвижение противника не смогли. При поддержке трех штурмовых орудий 1-й батальон 419-го полка очистил северную часть Умани и в дальнейшем захватил село Пиковец и высоты к востоку от него.

После полудня 2-й батальон 420-го полка достиг села Гроздево. Завязался бой, причем настолько тяжелый для немцев, что под удар попал штаб полка. Положение спасли подоспевшие штурмовые орудия. При их поддержке атаки советских войск были успешно отражены. К вечеру полк занял всю западную часть села до реки. Перейти на противоположную сторону оказалось затруднительно. Обе дамбы и мост были взорваны. В одной из дамб зияла дыра шириной в 12 метров.

Но для оберста Оппенлендера разрушенные мосты и дамбы не

служили достаточным основанием для прекращения преследования. Он потребовал от своих войск продолжения движения, чтобы к вечеру захватить выс. 215, расположенную в 4-х км восточнее Гроздево. Он приказал готовить надувные плоты, на которых и был переправлен 2-й батальон. Около 24.00 батальон вышел на указанные в приказе высоты и там закрепился.

После тяжелых боев под Краснополкой 421-му полку требовалось время для реорганизации и приведения себя в порядок. Из запасного батальона дивизии он получил около 200 человек пополнения, после чего 1 августа проследовал через Паланку на Умань. Командир этого полка оберст-лейтенант Райнхардт стал первым немецким комендантом города. В его ведение попала также охрана трофеев, захваченных на станции Христиновка, и запасов пива, взятых в Умани[123].

Положение войск противника к утру 1 августа было следующим: с севера и северо-востока действовали части 11-й танковой и 16-й моторизованной дивизий, «Лейбштандарт» удерживал переправы через Синюху р-не Торговица – Новоархангельск, но далее до Терновки в обороне образовалась шестикилометровая брешь, само село и мост через реку были свободны. На юге – по линии Перегоновка – Терновка – также сохранялась слабо прикрытая войсками брешь длиной до 30 км. Действовавшие одновременно против войск 18-й и 6-й армии две горно-егерские дивизии XXXXIX корпуса не успевали обеспечить качественный заслон на этом направлении. Дорога через село Подвысокое на Покотилово или на Терновку позволяла развивать наступление как в сторону Новоархангельска и Ямполя, так и в направлении на Первомайск.

Командование XXXXIX горно-егерского корпуса пребывало, мягко говоря, в весьма непростом положении. Оно отдавало себе отчет, что своевременный поворот войск 6-й и 12-й армий на юг или юго-восток позволил бы им не только избежать окружения, но и нанести поражение частям 4-й и 1-й горно-егерских дивизий. Вместе с тем только быстрые и решительные действия на южном направлении могли привести к успеху – окружению и уничтожению крупной группировки советских войск. Риск был, но он в сложившихся обстоятельствах казался вполне оправданным.

Стараясь свести его к минимуму, генерал Л. Кюблер с утра 1 августа спешно укреплял южное направление, направив туда 97-ю дивизию (на усиление 4-й горно-егерской дивизии) и 257-ю дивизию (на усиление 1-й горно-егерской дивизии). Однако к вечеру передовые

части 97-й дивизии успели достичь пока лишь села Семидубы, расположенного в 6 км юго-западнее Перегоновки, а 257-я дивизия в 18.00 еще только приступила к выгрузке на станции Грушка и в Юзефовке. Поэтому фактически в течение всего дня 1 августа 1-я и 4-я горно-егерские дивизии при решении поставленных задач могли рассчитывать только на свои собственные силы, находясь под двойным ударом – 17-го корпуса 18-й армии с юга и частей 6-й армии – с севера.

Основной задачей войск 6-й армии на этот день было восстановление стыка с 17-м корпусом 18-й армии, расстояние до которого составляло всего 15 км. Командующий 18-й армией генерал-лейтенант А.К. Смирнов связался по радио со штабом группы и договорился о согласовании действий по прорыву кольца окружения[124]. Перед соединениями 17-го корпуса стояла задача достичь рубежа Семидубы – Синьки – Ольховая – Васильевка. Правофланговой 169-я дивизии надлежало выйти в район Текуча – Ладыженка – Городница, где предполагалось соединиться с наступавшими с севера частями 6-й армии. Начало наступления было запланировано на 15.00[125]. Но из-за нарушения связи, которая по-прежнему осуществлялась преимущество делегатами, своевременно оповестить части о поставленной перед ними задаче попросту не успели. Дивизиям не удалось в мало-мальском объеме провести необходимую подготовку к наступлению, и поэтому его пришлось перенести на час позднее. А соединения 6-й армии приказ о переходе в наступление с целью соединиться с 18-й армией в этот день вообще не получили – и участия в операции не приняли.

В 16.00 169-я дивизия, два полка 96-й дивизии, сводные отряды под командованием генерала Н.Д. Гольцева (93-й, 135-й и 145-й танковые и 727-й артиллерийский полки), группа майора П.Ф. Анисимова (батальон охраны штаба армии и саперные части) перешли в наступление на Лады женку. Перед ними стояла задача ликвидировать части противника, прорвавшиеся к Голованевску, и соединиться с 6-й армией.

От ст. Емиловка на с. Наливайка атаковали 1-й и 2-й батальоны 680-го полка 169-й дивизии. В случае успеха они должны были занять лес у Межиречки и оттуда вести разведку в направлении Давыдовка и Семидубы. Артиллерийскую поддержку им оказывали 1-й и 2-й дивизионы 307-го полка полковника Соловьева. Артиллерийская подготовка началась в 16.30 и длилась полчаса. Из-за нехватки боеприпасов на все орудия двух дивизионов выделили только 90

снарядов. В 17.00 в атаку поднялась пехота[126].

После тяжелого боя красноармейцы к 18.00 вышли на рубеж Наливайка – Шепиловка – Александрова и отбили с. Емиловка. 371-й стрелковый полк 169-й дивизии занял лес у Межиречки, а ее разведывательный батальон достиг даже Давыдовского леса. До реки Ятрань и частей 6-й армии оставалось пройти совсем небольшое расстояние – по прямой от трех до четырех километров.

В этот момент командарм 18-й армии связался со своим визави – генералом И.Н. Музыченко, чтобы скоординировать действия. Тот сообщил, что удар его войск на Ладыженку и Текучу успеха не имел, и попросил нанести еще один удар – в направлении на с. Копенковатое и Терновка. Исходя из сложившейся обстановки, два командующих договорились о возобновлении наступления на следующий день 2 августа.

Соединиться бойцам 6-й и 18-й армий помешал удар горных егерей генерала Х. Ланца. В 9.00 1-я горно-егерская дивизия, выполняя приказ по корпусу, выступила из с. Вербово, намереваясь достичь села Покотилово. «Выступать, как только сосредоточитесь у Вербово – через Емиловку – там сконцентрировавшись, – дальше (имея свободу выбора или через Троянку, или через свободное пространство южнее Троянки, или через лес западнее Дуковки) в сторону дороги Копенковатое – Покотилово – *99* — Дуковка, соответственно, Бузниковатое. Четко обозначаться! При достижении Емиловки передать «jjj»»[127].

Во второй половине дня 1-я горно-егерская дивизия, удерживая р-н Голованевска, ударными группами «Ланг» и «Пикер» развивала наступление в восточном и северо-восточном направлениях. Группа «Ланг», выступив из села Вербово в 13.00, заняла село Наливайка, но в Емиловке встретила упорное сопротивление частей 169-й дивизии. Бои за село шли в течение всего остатка дня 1 августа, а юго-восточная часть была занята только на следующие сутки. Оберст-лейтенант Ланг с частью сил своей группы выступил на северо-восток и занял село Троянки. К концу дня, в 23.30 передовые части группы находились на шоссе Покотилово – Новосёлки и перехватили перекресток в 2 км восточнее Троянки. Основной путь к отступлению войск группы Понеделина на юг оказался перерезанным[128].

Боевая группа «Пикер» почти без боев, не считая коротких стычек с разрозненными отступающими частями, достигла села Каменная Криница. Там она встретилась с батальоном 100-й дивизии и, оставив село на его попечение, выдвинулась на село Большие Трояны. Здесь

она получила приказ собраться в лесу севернее Голованевска.

Уход группы «Ланг» из-под Голованевска был расценен советским командованием как отступление. Желая воспользоваться этим обстоятельством, части одной из дивизий 17-го корпуса 18-й армии с раннего утра решили атаковать город. Около 19.00 советские части ворвались в юго-восточную и северо-восточную части. Но этот прорыв не был поддержан остальными соединениями корпуса, атаки которых уперлись в ожесточенное сопротивление егерей 4-й дивизии. Вечером 1-й батальон 99-го полка перешел в контратаку и выбил из Голованевска ранее пробившиеся туда советские части. Около 21.00 прибыли 1-й и 2-й батальоны 98-го полка, и с их помощью положение было полностью восстановлено. Это позволило противнику вечером 1 августа предпринять наступление силами LII немецкого армейского и 8-го венгерского корпусов для закрепления достигнутого успеха.

Не выдержав давления немецких войск, части 18-й армии к исходу дня 1 августа были оттеснены на рубеж Красногорка – Молдавка (юго-западнее Голованевска). Около 21.00 был получен приказ отходить на Первомайск. Предпринятое отступление генерал-лейтенант А.К. Смирнов объяснял не только неудачей под Голованевском, а полученными сведениями о появлении мотомеханизированных частей противника под Новоархангельском.

В результате продвижения 1-й горно-егерской дивизии пути отхода на юг для 6-й и 12-й армий были частично блокированы. Параллельно противник создал возможность для выхода в тыл 18-й армии Южного фронта. Но сил для одновременного решения обеих задач у противника было недостаточно. Поэтому основной задачей для 1-й горно-егерской дивизии оставалось недопущение соединения войск 6-й и 18-й армий. Благодаря активным действиям горных егерей операция по деблокированию группы Понеделина оказалась сорванной. И хотя в течение всего дня 1 августа 1-я горно-егерская дивизия находилась под угрозой одновременного наступления на свои позиции со стороны как 18-й, так и 6-й советских армий, она смогла отсечь группу Понеделина от остальных частей Южного фронта и создала благоприятные предпосылки для завершения окружения.

Успех 1-й горно-егерской дивизии стал возможен благодаря настойчивым действиям остальных соединений XXXXIX корпуса, в первую очередь 125-й пехотной и 4-й горно-егерской дивизий, которые смогли сковать боями основные силы 6-й армии и не позволили ей создать необходимую ударную группировку для прорыва на юг. После ухода из Умани дивизии армии И.Н. Музыченко отошли

к с. Гродзево и Гережиновка, где смогли закрепиться.

Тем временем 4-я горно-егерская дивизия наносила удар по частям прикрытия на реке Ятрань на участке Перегоновка – Ольшанка – Дубово – Заячковка. Попытка передового отряда прорваться через броды у села Дубово провалилась. Полки также увязли в боях, не имея возможности продвигаться вперед. 13-й полк дивизии атаковал на участке Ольшанка – Коржевая, 91-й – на участке Псяровка – Собковка. Села Полянецкое и Собковка были взяты с большим напряжением сил. Оборонявшиеся бились буквально за каждый дом. Благодаря их сопротивлению запланированный для дивизии на день прорыв к селу Подвысокое был сорван.

Соединения 6-й армии по-прежнему пребывали в тяжелом положении. Близкой к критической сложилась ситуация в полосе обороны 190-й дивизии под с. Берестовец. К 14.00 противник охватил ее с флангов, угрожая отрезать от остальных сил. В боях, по оценке командования 6-й армии, соединение было здесь фактически разгромлено, а его командование – полковник Г.А. Зверев и полковой комиссар Н.А. Каладзе, – «трусливо бежали на санитарной машине в Подвысокое…»[129]. Командарм И.Н. Музыченко 2 августа распорядился предать их суду Военного трибунала за трусость, паникерство и потерю управления войсками, но, видимо, из-за сложившейся к тому времени обстановки заседание суда так и не состоялось, а полковник Г.А. Зверев и комиссар Н.А. Каладзе остались в дивизии.

Продолжались бои за переправы. На рубеже Степковка – Заячковка оборонялись полки 80-й дивизии, на участке Бабанка – Коржовый Кут – Дубово держалась 189-я и 368-й полк 58-й дивизии.

Чтобы сдержать наступление противника и не допустить стремительного сужения фронта окружения командующий 6-й армией отдал приказ частям 2-го и 16-го механизированного, 49-го и 37-го стрелковых корпусов удерживать фронт от Легедзино до Рогово, не допуская переправы противника через реки Уманка и Ятрань. Но этот приказ остался невыполненным, к 23.40 2-й и 16-й механизированные и 49-й стрелковый корпуса отошли на рубеж Доброводы – Сушковка без особого давления со стороны войск противника. Указанные в приказе рубежи удержал только 37-й корпус комбрига С.П. Зыбина, более того, 189-я дивизия успешно отбила все попытки 4-й горно-егерской дивизии захватить передовыми частями речные переправы через Ятрань у села Дубово.

Танковые и моторизованные соединения группы Э. фон Клей ста в

районе окружения 6-й и 12-й армий проявляли в течение 1 августа сравнительно низкую активность. Это было вызвано необходимостью сбережения танков, экономии горючего и боеприпасов в преддверии дальнейшего наступления на юг, в тыл всему Южному фронту. Пассивностью противника попыталась воспользоваться 197-я дивизия 12-й армии, которой командовал полковник С.Д. Губин. Ему было поручено силами своего соединения выбить противника из с. Легедзино.

Противник, закрепившийся в селе, провел ночь в подготовке к отражению советских атак. В том, что они последуют, немцы не сомневались. В ранних утренних сумерках из Легедзино попытались вырваться несколько автомашин и три танка, не замеченных противником во время ночной зачистки села. Немцы обстреляли их из единственного 75-мм орудия, но сумели подбить всего один автомобиль, остальным удалось скрыться.

В первые утренние часы 197-я дивизия атаковала боевую группу 11-й танковой дивизии в Легедзино и Тальянки. После сильной артиллерийской подготовки вперед бросилась пехота, охватывая Легедзино с трех сторон – с востока, юга и запада, с юга цепи красноармейцев двигались на Тальянки. Завязались тяжелейшие бои, несколько раз бойцы прорывались вплотную к линии немецкой обороны, связь между Легедзино и Тальянки оказалась прерванной. Спасало противника только то, что в атаках с советской стороны не принимали участие танки. Но даже без их поддержки красноармейцам удавалось ворваться в само село Легедзино, и вновь выбить их оттуда стоило немцам значительных потерь.

В 13.00 началась вторая атака. Она оказалась не менее мощной, чем предыдущая, и немцам пришлось задействовать все имевшиеся в их распоряжении резервы – батарею 88-мм зенитных орудий и оставшиеся танки 6-й роты. У танкистов уже почти закончились снаряды, и они вступили в бой как подвижные пулеметные точки, длинными очередями расстреливая наступавшую советскую пехоту. Внезапно с фланга появились девять советских танков. Последними снарядами противник обстрелял их, и они отошли. Оставшаяся без их поддержки пехота, подойдя на 30 м к немецким позициям, остановилась под сосредоточенным артиллерийским и пулеметным огнем и стала отходить[130]. Только колоссальным напряжением сил противнику удалось сохранить свои позиции, и оба села были удержаны. Не добившись успеха, 197-я дивизия была вынуждена прекратить наступление и отойти в лес на северной окраине села

Оксанино.

Тем не менее из окружения сумел вырваться 16-й мотострелковый полк подполковника И. К. Окропиридзе, который впоследствии вошел в состав 15-й моторизованной дивизии. Несмотря на участие в боях, полк сохранил свою боеспособность. Несмотря на неудачу, действия бойцов полковника С.Д. Губина продемонстрировали, насколько уязвимы могут быть позиции немецких войск против грамотно организованный и проведенных атак.

В 10.30 из штаба XXXXVIII поступил измененный приказ: рубеж обороны 11-й танковой дивизии, включая участок Легедзино – Тальянки, передавался 297-й пехотной. Само соединение генерала Л. Крювеля должно было собраться в районе северо-восточнее Роги и ожидать новых распоряжений. «Лейбштандарт», за исключением 3-го батальона, направлялся в район Новоархангельска, где для противника сложилась критическая ситуация.

В течение дня 297-я дивизия одной боевой группой двигалась от села Бабаны через Коссеновку на Легедзино, а другой – через Роги на Тальянку. Уже в 15.00 ее передовые части вошли в с. Роги. Во второй половине дня состоялись переговоры командиров 11-й танковой и 297-й пехотной дивизии, в ходе которых они обговорили порядок и сроки смены частей. По их итогам командир 11-й пехотной бригады получил распоряжение организовать передачу обоих сел, и уже к исходу суток участок Легедзино – Тальянки отошел в ведение 297-й дивизии.

В 20.00 из XXXXVIII корпуса поступил новый приказ. В соответствии с ним 11-я танковая дивизия получила задачу выйти в новый район и в течение дня 2 августа уничтожить находящиеся в районе Поташ – Тальянки – Машуров вражеские силы. Для осуществления операции следовало выделить части, высвободившиеся из-под Легедзино и Тальянки. После выполнения задачи дивизия должна была поступить в распоряжение корпуса и выйти в район Екатеринполя.

Для будущего наступления была сформирована боевая группа под командованием командира 61-го мотоциклетного батальона фон Штокхаузена в составе этого батальона, 1-го батальона 111-го полка, 1-й танковой роты и одного легкого артдивизиона. Им надлежало рано утром выступить от Тальянки на Машуров, соединиться с атакующим с севера пехотным батальоном и уничтожить противостоящие советские войска[131]. Дело в том, что боевая группа полка «Герман Гёринг» с утра 1 августа предприняла атаку для образования «котла» в районе Мошурова, где оборонялись остатки сводного полка 216-й

дивизии и 17-го мотоциклетного полка. Но все попытки были отбиты со значительными для противника потерями. Не добившись успеха, боевая группа закрепилась на линии Поташ – Гордашевка, но от идеи окружить часть советских войск противник не отказался. Вот для проведения такой частной операции и привлекалась часть сил 11-й танковой дивизии.

Остатки группы Больмана после смены их 297-й дивизией отправились в район северо-восточнее Роги. Из подчинения дивизии изымались 108-е артиллерийское командование, 44-й взвод наблюдения, 2-й дивизион 44-го артполка и 3-й дивизион полка небельферферов и возвращались в корпус. Все они, кроме 3-го дивизиона полка небельферферов, должны могли быть вновь подчинены дивизии в ее новом расположении.

Основные силы 6-й и 12-й армий в течение дня 1 августа продолжали решение поставленной командованием Южного фронта задачи – прикрываясь сильными арьергардами с запада и севера, прорываться на восточный берег реки Синюха.

С утра части 12-й армии возобновили наступление на широком фронте – от Тального на севере до Новоархангельска на юге – преимущественно в северо-восточном и восточном направлениях. Важнейшей задачей соединений армии был захват переправ через Синюху для создания плацдармов для дальнейшего наступления на Ямполь.

Наиболее тяжелые бои развернулись за Торговицу, Новоархангельск, Свердликово и Майданецкое. Здесь были задействованы войска 24-го механизированного, 8-го и 13-го стрелковых корпусов, которые атаковали позиции 16-й немецкой моторизованной дивизии на всем ее фронте. Силами 72-й горно-стрелковой дивизии генерала П.И. Абрамидзе 8-й корпус вел наступление на Майданецкое, но удалось занять только его западную окраину. Вечером дивизия отошла к селу Зеленьков, где заняла оборону фронтом на северо-восток. Напряженные и безуспешные бои за Тальное и Мошуров вели соединения 24-го мехкорпуса генерала В.И. Чистякова. Захватить указанные населенные пункты они не смогли и на исходе дня также стали для выравнивания фронта оттягиваться в район Зеленьков – Тальянки. Сводный полк 216-й дивизии и 17-й мотоциклетный полк сделать этого вовремя не смогли, и к вечеру они оказались изолированными от основных сил корпуса в районе Мошурова, сохранив с командованием связь только по радио.

Удержав позиции в районе г. Тальное, немцы вечером провели

зачистку силами 15-й роты полка «Вестланд». В лесу между Тальное и Белашки они взяли в плен до 800 красноармейцев. Вечером немецкие наблюдатели заметили движение трех крупных войсковых колонн с северо-западного направления на с. Зеленьков. В их составе следовали пехота, артиллерия, танки и бронемашины. Несмотря на хороший обзор и выгодную дистанцию, немецкая артиллерия не смогла их обстрелять. Причиной стала нехватка боеприпасов. Ближайший склад находился в районе с. Жажков, и снабженцам требовалось преодолеть почти 130 км, чтобы доставить снаряды на позиции.

С 5.00 утра начались атаки против фронта обороны 165-го мотоциклетного батальона и 2-го батальона 60– го полка 16-й моторизованной дивизии. Напряженнейшие бои, доходившие порой до рукопашных схваток, длились до 15.00. К этому времени 2-й батальон потерял 27 человек убитыми и 40 – ранеными. Погиб и его новый командир лейтенант Винкельманн, сменивший выбывшего накануне из строя хаумптмана Неттена.

Существенного успеха 12-й армии удалось добиться и в районе Новоархангельска. К 13.00 силами пограничных полков было занято село Нерубайка, что создало благоприятные предпосылки для наступления на Торга – вицу и Новоархангельск. Для дальнейшего наступления были выделены группа генерала В.В. Владимирова и 44–я горно-стрелковая дивизия. С утра соединения изготовились к атаке. Но уже на исходных позициях советские войска попали под удары авиации и артиллерийские обстрелы со стороны противника. Некоторые из них оказались весьма и весьма болезненными.

По воспоминаниям Г.П. Углового, утром 1 августа, во время передышки между атаками, командир 25-го полка 44-й дивизии майор М.М. Плюхин, военком полка и начальник штаба устроились на своем командном пункте на завтрак. Вскоре над ними пролетел немецкий самолет-разведчик, и комполка заметил, что скоро, возможно, начнется артиллерийский обстрел или бомбежка. Все согласились с таким предположением, но никто в укрытие не ушел. Через три – пять минут действительно по командному пункту был нанесен огневой налет. Одна мина разорвалась у ног майора М.М. Плюхина. Этим разрывом командир полка и его военком были убиты. По распоряжению командира дивизии генерала С.А. Ткаченко тела погибших были отправлены в Умань для захоронения[132]. К сожалению, в настоящий момент остается неизвестным, кто заменил погибшего командира полка. Возможно, им стал начальник его штаба, и именно этот человек в дальнейшем осуществлял руководство

воинской частью в боях за Новоархангельск.

В ходе атак советских войск с западного и юго-восточного направления им удалось ворваться в город. Оборонявшийся в Новоархангельске разведывательный батальон немецкой 16-й моторизованной дивизии оказался под угрозой окружения. Доставить ему подкрепления и боеприпасы не было никакой возможности. Между 12.00 и 13.00 положение разведбата стало критическим, и по приказу командира дивизии он стал отступать в восточном и северном направлениях. Захваченный в городе плацдарм пришлось оставить.

Отступление разведбата потянуло за собой отход 3-го батальона 60-го полка. Чтобы совершить операцию максимально безболезненно для своих войск, в 13.45 по лесным массивам южнее Каменечье нанесли бомбовый удар несколько самолетов «Ю-87». Под их прикрытием 3-й батальон перебрался на позиции на южной окраине с. Свердликово. Восточнее села позиции занял разведывательный батальон. На северо-западной окраине закрепился 1-й батальон 156-го полка майора Гаудлица.

Во второй половине дня на этом участке действовали 99-я и 60-я дивизии 13-го корпуса, которые вели наступление на Каменечье и Свердликово. В боях за это село около 13.30 был убит командир 350-го полка полковник Ф.И. Пряхин[133]. Его похоронили возле тригонометрической вышки у села Бабанка. В тяжелых боях к 14.30 советским дивизиям удалось занять северную и юго-западную окраину Свердликово, но дальше они продвинуться не смогли.

В селе Свердликово отрезанными от основных сил оказались 16-я рота зенитного полка «Герман Гёринг» и несколько подразделений из полка «Вестланд», принадлежавшего к дивизии СС «Викинг». Командование окруженными взял на себя оберлейтенант Рохманн. Единственной ниточкой, связывавшей немцев со своими, оставался мост через р. Синюху, поэтому удержание его было для немцев последним шансом на спасение. И хотя большую часть села советским войскам удалось занять, но мост противник удержал. Только на следующий день сильной атакой советские части были полностью выбиты из села, и таким образом окруженные были спасены[134].

К 18.00 южная часть с. Свердликово была захвачена. Под прикрытием авиации и артиллерии немцы отвели свои войска на восточный берег Синюхи. Преследуя отходящих, красноармейцы захватили небольшие плацдармы, которые можно было использовать для дальнейшего наступления как в северном (на Тальное), так и в южном (на Терновку – Тишковку) направлении. Таким образом,

поставленная перед 13-м корпусом задача была успешно решена, и была создана возможность для вывода сюда войск не только всего корпуса, но и группы Понеделина в целом. Были также захвачены плацдармы у сел Ржево и Скалевая.

Во второй половине дня на устойчивость немецкой обороны стала оказывать влияние нехватка боеприпасов, особенно для артиллерии, а без поддержки последней пехота была не в состоянии сдерживать атаки советских войск. Но растянувшиеся до Белой Церкви коммуникации не позволяли противнику в полной мере решать проблему с обеспечением своих войск всем необходимым[135].

Энергичные действия ударной группы 12-й армии нарушили планы противника по завершению окружения. Сил у немцев для перекрытия всех возможных путей прорыва все еще было недостаточно. Только быстрое маневрирование позволяло им удерживать свои позиции. Захват Новоархангельска частями 44-й горно-стрелковой дивизии ставил под угрозу весь план окружения советских войск. Известно, что здесь находился хороший, способный выдерживать тяжелую технику, мост через реку Синюха, по которому можно было в короткие сроки перебросить 12-ю армию на восточный берег. Не стоит забывать, что сохранялась также возможность переправы у и села Терновка, этот участок все еще не был прикрыт войсками противника.

Для ликвидации плацдарма у Новоархангельска были брошены разведывательный батальон 16-й моторизованной дивизии и три батальона бригады «Лейбштандарт». Снявшись в 8.30 со своих позиций под селом Лащовая, бригада маршем направилась на помощь дивизии генерала З. Хенрици. К 14.00 ее передовые части достигли окраин Новоархангельска.

Под городом встретились командир бригады Йозеф («Зепп») Дитрих и командир XXXXVIII корпуса генерал В. Кемпф. После короткого совещания комкор приказал немедленно атаковать. В бой вступили разведывательные батальоны 16-й моторизованной дивизии и «Лейбштандарта». В условиях общей неразберихи, возникающей при быстро меняющейся обстановке, ввод в бой разведывательного батальона «Лейбштандарта», которым командовал штурмбанфюрер К. Майер, оказался достаточно курьезным. Прибытие его в виде подкрепления оказалось неожиданным для солдат разведбата 16-й моторизованной дивизии. Они приняли эсэсовцев за советскую часть, зашедшую им в тыл, и поспешно отступили из города в северо-западном направлении. Сигнальными ракетами К. Майер пытался дать понять «камрадам», что опасаться нечего, но в ответ получил

несколько артиллерийских залпов[136].

В результате завязалась перестрелка между двумя немецкими частями, в ходе которой, правда, потерь удалось избежать. В районе моста через Синюху была обнаружена брошенная бронемашина 16-й моторизованной дивизии. Она-то и стала первым «боевым трофеем» «Лейбштандарта» в битве под селом Подвысокое. Вскоре эсэсовцы столкнулись с красноармейцами, и завязался уже настоящий бой.

Действуя по полуразрушенному мосту, две роты разведывательного батальона «Лейбштандарта» пробрались в город. На его северо-западной окраине действовала 2-я рота Шпейта, которой удалось закрепиться по обе стороны дороги на Теклиевку. На юго-западной окраине вела бой 1-я рота Бремера. В 16.00 подоспел 1-й батальон Ф. Витта, усиленный 2-й батареей артполка. Перед ним поставили задачу по зачистке юго-восточной части Новоархангельска. К 22.00 Новоархангельск был полностью занят немцами. Разведывательный батальон «Лейбштандарта» попытался прорваться на западный берег Синюхи, но не смог, так как мост через реку уже был подорван.

В сумерках части 10-й дивизии НКВД полковника И.С. Магилянцева и 44-й дивизии генерала С.А. Ткаченко предприняли ряд попыток выбить немцев из Новоархангельска. Первую атаку, предпринятую в 2.00 с северо-запада, поддерживали восемь танков, которым на позициях 2-й роты разведывательного батальона «Лейбштандарта» противостояло одно 37-мм противотанковое орудие и одно штурмовое орудие. Увы, но и этих слабых сил оказалось достаточно для отражения атаки. Вскоре огнем штурмового орудия четыре танка БТ из восьми были подбиты. В 5.30 немецкая пехота поднялась в контратаку и выбила советские части с захваченных в городе позиций.

Тем временем советская ударная группа прорвалась с юга вдоль русла ручья и атаковала саперный взвод, защищавший позиции у моста. Саперы вовремя заметили опасность и открыли огонь, привлекая к себе внимание остальных сил «Лейбштандарта». Благодаря совместным действиям к рассвету 2 августа эта опасность также была ликвидирована[137].

Еще один батальон бригады СС – 4-й, – во время выхода из Ямполя попал под огонь советской артиллерии, с выс. 215, 0 и от с. Скалевое его обстреливали пулеметы. По приказу обергруппенфюрера Й. Дитриха 16-я рота Клингемайера и 17-я рота Метца, соответственно слева и справа, атаковали выс. 215, 0, выбили оттуда красноармейцев и

окопались на ней фронтом на юго-запад. Вскоре на помощь 4-му прибыл 2-й батальон, развернувшись против с. Скалевое. Наконец, 3-й батальон вышел из подчинения полка «Герман Гёринг» и направился маршем в Ямполь.

В соответствии с изначальным планом командования XXXXVIII моторизованного корпуса, части СС планировалось использовать для переброски в район Терновки, чтобы блокировать последние пути отхода для советских войск на юг. Но они оказались прочно скованы боями в Новоархангельске, отбивая одну за другой атаки советских дивизий. Ни о каком продвижении дальше на юг в сторону Терновки в этот день (как и в последующий) речи уже быть не могло. В результате разрыв между соединениями XXXXVIII и XIV моторизованными корпусами в районе Новоархангельск – Терновка сохранялся.

Вместе с тем захват Новоархангельска можно расценивать как успех немцев. Им удалось захватить важный плацдарм на восточном берегу Синюхи, откуда 12-я армия могла наступать на Ямполь и далее на соединение с 26-й армией Юго-Западного фронта. Совместными действиями 16-й моторизованной дивизии и «Лейбштандарта» дальнейшее продвижение 44-й дивизии на северо-восток противнику удалось остановить. Попытка восстановить контакт между Южным и Юго-Западными фронтами осталась нереализованной.

Натолкнувшись на сильное сопротивление противника в районе Мошуров – Новоархангельск, командование 12-й армии стало искать дополнительные пути к форсированию реки Синюха. Части 10-й дивизии НКВД и пограничники вышли к селу Копенковатое и выслали вперед разведку. Ею было установлено, что на участке Подвысокое – Терновка в обороне противника есть разрыв до 6 км и дорога на Тишковку открыта[138]. Командование 12-й армии немедленно решило воспользоваться выгодной ситуацией и, изменив место прорыва, форсировать Синюху в районе села Терновка и в дальнейшем наступать на Новоархангельск и Ямполь с юга.

Несмотря на то, что цели, поставленные приказом от 31 июля, достигнуты не были, командование XXXXIX горного корпуса пребывало в уверенности в близком успехе. Об этом говорило и название нового приказа на 2 августа – «Приказ по корпусу на окончание решающей битвы за Голованевск и Умань». Общей задачей для соединений корпуса оставалось противодействие попыткам прорыва и уничтожение окруженной советской группировки ударами в направлении на Новоархангельск. 1-я горно-егерская дивизия должна была удерживать южную опушку леса у Голованевска до подхода

частей LII корпуса. Группа «Ланг» всеми имеющимися силами должна сдерживать попытки прорыва от Покотилово в южном направлении. Передовая группа 97-й дивизии переходит в подчинение 1-й горно-егерской дивизии для обеспечения её левого фланга. 4-я горно-егерская дивизия должна сбить силы прикрытия по реке Ятрань и продолжить наступление на Подвысокое. 125-й дивизии надлежало наступать вдоль шоссе Умань – Новоархангельск, уничтожить обороняющиеся здесь советские части, а их остатки вытеснить к позициям XXXXVIII моторизованного корпуса. 24-я пехотная дивизия продолжает движение на село Доброводы[139].

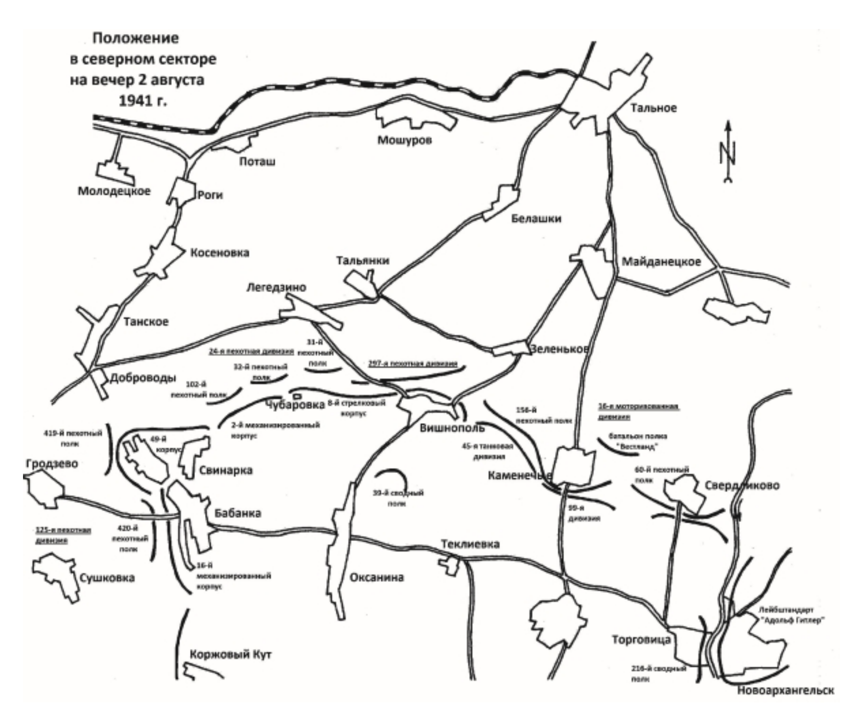
Командование 6-й и 12-й армий также не считало свое дело безнадежно проигранным. Наткнувшись на немецкий заслон у Новоархангельска, оно решило изменить направление атак, переправить войска у села Терновка и продолжить выполнение поставленной командованием Южного фронта задачи. В окруженных войсках и у командования еще сохранялась уверенность на скорый подход частей 26-й армии.

Глава 2. Ловушка захлопнулась

2 августа, суббота

Самым значимым событием дня стало завершение окружения группы Понеделина. Заслуга в этом принадлежала 9-й танковой дивизии из XIV моторизованного корпуса. Проследовав еще 1 августа через Тишковку, она 2 августа вышла к Ольшанке. Из показаний старшего лейтенанта Д.Г. Шимановского, взятого в этот день в плен, немцам стало понятно, почему с таким упорством командование 6-й армии обороняло ст. Христиновка. По его словам, там располагались армейские склады, через которые шло питание всего 49-го корпуса, 8-й и 49-й танковых дивизий, 10-й дивизии НКВД, а также 60-й дивизии 12-й армии. Интендант заметил, что в последние дни снабжение частей армии было плохим, поскольку немцы захватили основные склады во Львое и Староконстантинове, а поступления из внутренних областей СССР были недостаточными. В результате продуктовый рацион в день составлял не более 50 г. на человека.

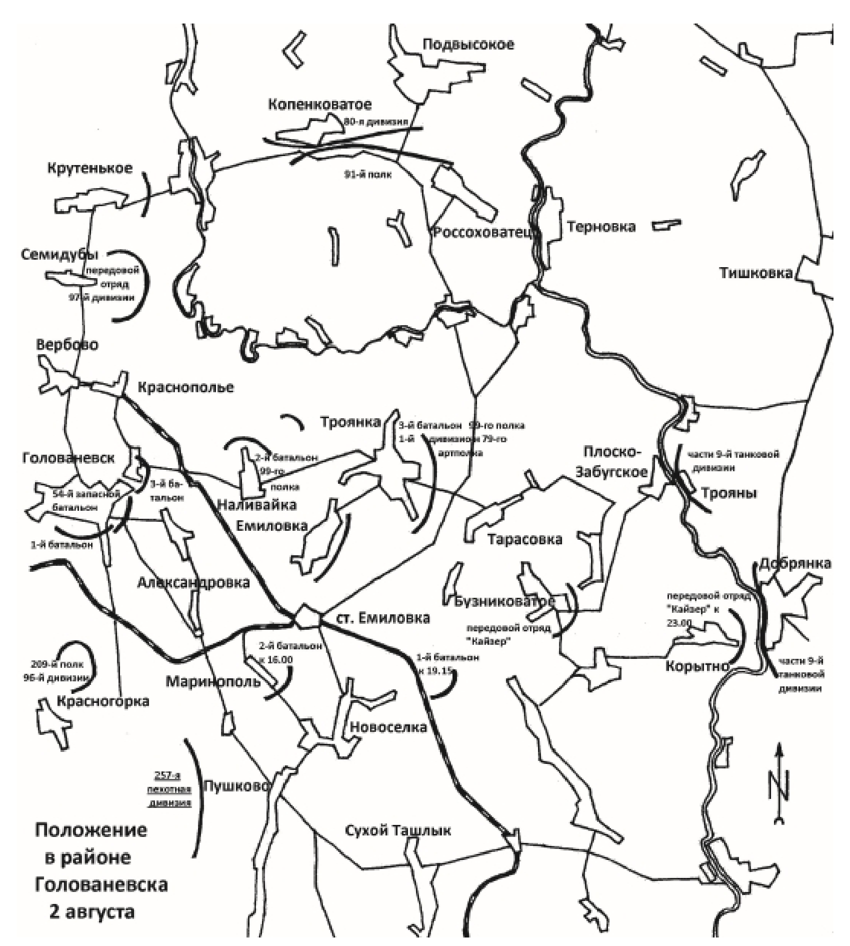
Во исполнение полученной установки командующий группой генерал П.Г. Понеделин в своем новом приказе ориентировал подчиненные войска на удержание прочной обороны, для чего приказал отрыть окопы полного профиля по всему фронту. Особенное внимание здесь уделялось западному и северному секторам, то есть именно тем направлениям, которые командующий 6-й армией ослабил поспешным отводом войск. Частям 12-й армии ставилась задача силами 13-го корпуса продолжать наступление в районе Свердликово – Торговица – Новоархангельск и удерживать плацдармы в районе Ржево – Скалевое. Бойцы 8-го корпуса должны были обеспечить оборону рубежа Каменечье – Зеленьков – Випшополь.

Положение в северном секторе вечер 2 августа

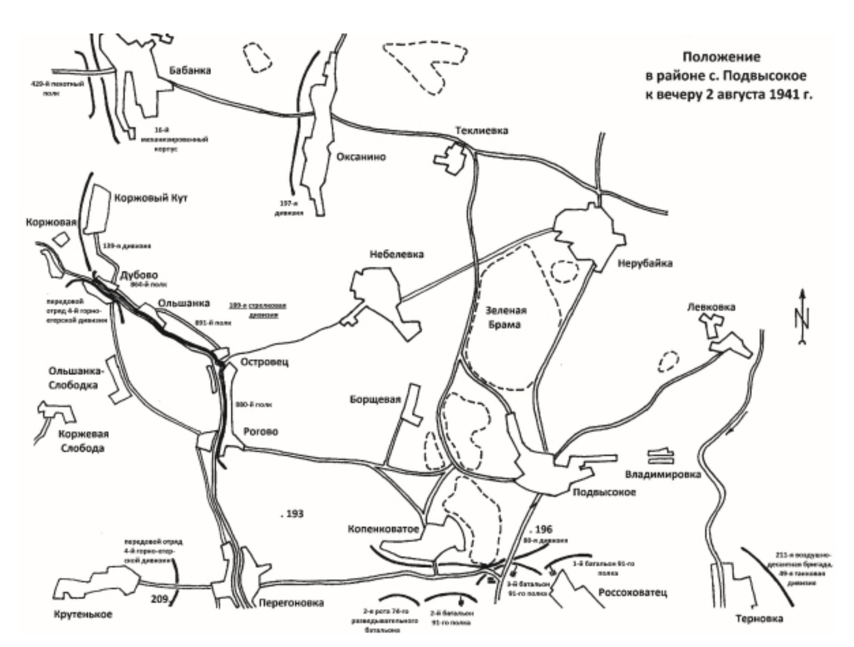
День 2 августа стал критическим для солдат немецкой 16-й моторизованной дивизии. Уже в 5.00 утра, выйдя из леса юго-восточнее Каменечье, с криками «Ура!» красноармейцы атаковали позиции 1-го батальона 156-го полка. Не предполагавший столь массированного удара немецкий батальон понес большие потери, наблюдатели 7-й и 9-й артбатарей были вынуждены оставить свои посты и отойти. На позициях оставались, поддерживая пехоту, несколько зенитных орудий с неполными расчетами.

По мощный удар попал также 3-й батальон 60-го полка. Чтобы удержаться на позициях, его командир бросил в бой ранее выведенную в резерв 9-ю роту. Группа красноармейцев обнаружила неприкрытый стык и попыталась обойти батальон с севера. Этот маневр был вовремя обнаружен противником, но для его локализации имелся только личный состав батальонного штаба. В тяжелом, кровопролитном бою немцы отбили обе атаки.

Положение в районе Голованевска 2 августа

Еще одна группа красноармейцев, незаметно перебравшись через русло ручья на левом фланге 10-й роты, атаковала немецкую оборону с тыла. Находившийся здесь взвод противника был уничтожен почти полностью, потери составили 35 солдат убитыми, семь – ранеными и два – пропавшими без вести. И только сосредоточенный пулеметный огонь нескольких станковых пулеметов, которыми командовал лейтенант Штрубе, не позволил советским бойцам развить успех. Поддержку противнику оказали эсэсовцы «Лейбштандарта», ведя огонь с окраин Новоархангельска.

Положение в районе с. Подвысокое к вечеру 2 августа

Но бой за Свердликово продолжался. С рассветом до командира дивизии генерала З. Хенрици дошла информация о происходящем: батальон с трудом держится, он понес огромные потери и раздроблен на несколько изолированных групп, погиб командир части майор Гаудлиц. Группа красноармейцев, прорвав немецкую оборону, закрепилась на высотах севернее Свердликово. В целом, ситуация оценивалась как критическая. Дивизия не располагала уже никакими существенными резервами, ослабить северный фланг до уничтожения малого «котла» в районе Мошуров не позволяла обстановка.

Единственными силами, которые можно было направить в Свердликово, оказались 1-я рота полка «Вестланд», часть 670-го противотанкового дивизиона и одна батарея 5-го артполка СС. Более в распоряжении генерала З. Хенрици ничего не имелось.

Контратака оказалась успешной. Немцы выбили красноармейцев с занятых ими высот севернее Свердликово и очистили значительную его часть. Но здесь немецкое продвижение застопорилось, противник понес потери, и сил для развития успеха у него уже не осталось. В 9.45 командир XXXXVIII корпуса генерал В. Кемпф, узнав о положении под Свердликово, направил в подчинение 16-й моторизованной дивизии 3-й батальон «Лейбштандарта». Прибыть он мог, правда, только во второй половине дня.

Тем временем ситуация в с. Свердликово стабилизировалась, и 1-й

батальон 156-го полка восстановил большую часть утерянных утром позиций. Были отбиты все атаки в полосе 2-го батальона 60-го полка и 165-го мотоциклетного батальона. Большую поддержку оборонявшимся оказала артиллерия. Вскоре после 20.00 несколько пикировщиков «Ю-87» нанесли удар по лесу северо-западнее с. Зеленьков.

В районе Свердликово, как известно, действовала 60-я дивизия полковника Б.А. Сорокина. Ей была поставлена задача выйти к Новоархангельску, чтобы атаковать город с севера, но соединение оказалось скованным упорной обороной противника под Свердликово. Красноармейцам удалось совершить обходной маневр и выйти в тыл занимавшему здесь позиции 3-му батальону 60-го пехотного полка, но тот, несмотря на угрозу окружения, свои позиции не оставил и оборонялся изо всех сил. Только после полудня атаки советских войск под Свердликово стали ослабевать. В ходе дневных боев наступавшие на этом направлении 99-я и 60-я дивизии понесли тяжелые потери. По немецким данным, только под Свердликово на поле боя осталось до 1200 убитых. Немецкие потери также оказались велики. Только 3-й батальон 60-го полка потерял за день 61 человека убитыми, 42 – ранеными и одного пропавшим без вести[140].

Одновременно противник предпринял атаки против оборонявшихся под Новоархангельском 44-й дивизии и сводного отряда 216-й моторизованной дивизии с целью полностью ликвидировать плацдарм на восточном берегу р. Синюха.

Командир «Лейбштандарта» обергруппенфюрер СС Й. Дитрих доложил в штаб XXXXVIII корпуса, что южнее Новоархангельска никаких немецких войск нет, и просил подтянуть на это направление 9-ю танковую дивизию. Однако генерал В. Кемпф еще рассчитывал на окружение не только 6-й и 12-й, но и 18-й армий, для чего требовались подвижные силы для действий на кировоградском направлении. Поэтому он отказался от использования 9-й танковой дивизии для прикрытия разрыва между Новоархангельском и Терновкой.

Перед «Лейбштандартом» на 2 августа стояла задача: удерживать занятый накануне рубеж, не допуская прорывов через р. Синюха от Новоархангельска до Терновки. После отражения утренних атак на участке 2-й роты разведбата и 1-й роты саперов бригады и 1-го батальона 156-го полка 16-й моторизованной дивизии это направление было решено усилить 2-м батальоном эсэсовцев. Они заняли позицию от с. Свердликово до Новоархангельска.

Утром 2 августа сводный полк 216-й моторизованной дивизии

предпринял контратаку, поддержанную пятью танками, вновь захватил западную окраину Новоархангельска, но был отброшен противником на восточную окраину села Торговица. Мост через Синюху был противником окончательно уничтожен. В течение всего дня бригада «Лейбштандарт» отбивала атаки советских войск с западного, южного и юго-восточного направлений, но свои позиции удержала. Особенно сильными оказались удары на позиции 4-го батальона между с. Фастухов и Томаков, куда пришлось перебросить в качестве усиления 6-ю роту.

Не достигнув успеха в лобовых атаках, командование 13-го корпуса решило перебросить 44-ю дивизию на юг в район Марьяновка – Левковка для наступления на Новоархангельск с юго-восточного направления. Но и эти попытки восстановить положение, оказались неудачными. Обход Новоархангельска с северо-востока также оказался безуспешным. Тем не менее активные действия соединений 12-й армии сорвали запланированную на 2 августа переброску «Лейбштандарта» на юг, под Терновку. Поэтому в течение дня 2 августа это направление оставалось слабо прикрытым противником и оставляло возможность прорыва и выхода из окружения. Этим обстоятельством и решило воспользоваться командование 12-й армии.

Для атаки на Терновку была сформирована ударная группа 24-го мехкорпуса, усиленная 211-й воздушно-десантной бригадой, 10-й дивизией НКВД и 2-й противотанковой бригадой. Предполагалось перебросить на плацдарм из состава 6-й армии и сохранявшую боеспособность 80-ю дивизию[141], но генерал И.Н. Музыченко задействовал ее для наступления в южном направлении.

Для захвата плацдарма в районе Терновки в первом эшелоне была использована 211-я воздушно-десантная бригада. Уже утром 2 августа она сбила немногочисленные немецкие заслоны и захватила южную окраину села. Полностью Терновка была очищена от противника к 17.00. Это дало возможность переправиться на восточный берег части 10-й дивизии НКВД и 49-й танковой дивизии. Им была поставлена задача наступать на восток в направлении Тишковки – с дальнейшим поворотом на Ямполь. В результате предпринятого маневра 12-й армии удалось создать выгодный плацдарм на восточном берегу Синюхи, который можно было с успехом использовать для прорыва из окружения. Но командование Южного фронта по-прежнему надеялось на восстановление положения и отказывало в разрешении на прорыв. Тем не менее в течение 2–3 августа через Терновку удалось вывести из окружения значительную часть тылов окруженных армий.

Совершаемый частями 12-й армии маневр в южном направлении не остался незамеченным противником. В штаб XXXXVIII корпуса поступило донесение о движении крупных колонн в направлении на Терновку. Генерал В. Кемпф приказал 3-му батальону «Лейбштандарта», который прежде предполагалось вывести в резерв корпуса, направиться из Ямполя для прикрытия участка от Новоархангельска до Тишковки.

Тем временем штаб «Лейбштандарта» разработал наступательную операцию, в которой должны были принять участие 3-й, 2-й и 4-й батальоны. Ее предполагалось провести с линии восточная окраина Новоархангельска – Ржево – Новогригорьевка в южном направлении. Для ее успеха требовалось сначала установить контроль за дорогой Новоархангельск – Новогригорьевка. Для решения этой задачи выделили 2-й батальон, оставив разведбат на позициях вокруг Новоархангельска. В 19.00 2-й батальон предпринял атаку и к 21.00 его 8-я, 6-я и 7-я роты взяли дорогу под свой контроль, оборудовав оборонительные позиции южнее ее. Для артиллерийской поддержки будущего наступления «Лейбштандарту» придали полк небельверферов и батарею 210-мм мортир. Однако этих сил было недостаточно для достижения успеха, поэтому командование XXXXVIII решили использовать в наступлении боевую группу 11-й танковой дивизии.

Днем 2 августа в районе чуть южнее с. Подвысокое при артиллерийском обстреле на своем наблюдательном пункте был убит командир 1-го Коммунистического полка майор А.А. Копытин[142]. Один из немногих оставшихся в живых ветеранов этого полка ИД. Адамский относил гибель своего командира ко времени между 31 июля и 1 августа. Но это маловероятно, в эти дни никаких активных боевых действий в районе Подвысокое – Копенковатое еще не велось. Бои здесь развернулись только со 2 августа. К тому же некоторые детали рассказа позволяют отнести смерть майора А.А. Копытина ко времени 5–6 августа, когда линия обороны проходила непосредственно на подступах к Подвысокому.

Авиационная разведка противника, проводившаяся во второй половине дня, выявила в междуречье Ятрани и Синюхи до 1400 автомашин, и правильно определила, что основным направлением движения советских колонн является южное и юго-восточное. Поэтому на 3 августа перед немецкими войсками была поставлена задача: полностью вывести из боя 11-ю танковую и 16-ю моторизованные дивизии и начать их переброску в южном

направлении на восточный берег реки Синюха. Оставляемые ими позиции замещались 24-й и 297-й пехотными дивизиями из состава XXXXIV армейского корпуса.

В течение дня 2 августа противник производил уплотнение фронта окружения в северном и западном секторах. В район села Паланка выдвигались части 97-й дивизии, с запада подходили 24-я и 297-я пехотные дивизии из состава XXXXIV корпуса. Пехота 297-й вступила в бой за села Зеленьков и Вишнополь. Уже к 16.00 оба населенных пункта были захвачены, однако промежутки между ними оставались в руках красноармейцев. Вскоре по немецким позициям открыла огонь советская артиллерия, однако существенных потерь она не нанесла и на конечный исход боя не повлияла. Ближе к вечеру на позиции, занимаемые 524-м немецким полком, начались атаки советской пехоты, поддержанной танками, стремившихся отбить занятые днем села. Некоторые из них осуществлялись силами до батальона, но все они были отражены. Противник подбил три танка. Последняя атака была отражена около 20.00, после чего наступило затишье, изредка прерываемое перестрелками на отдельных участках.

В 17.00 противник, вступив в Вишнополь и Каменечье, сомкнул тем самым фланги с 11-й танковой и 16-й моторизованной дивизиями около Свердликово. Это позволило 11-й тд блокировать советскую 16-ю танковую дивизию из состава 2-го мехкорпуса в районе села Легездино. По приказу командира соединения полковника М.И. Мындро, была проведена спешная эвакуация тылов и санитарных учреждений через Подвысокое на Пятихатку, прежде чем дивизия оказалась полностью отрезанной[143]. Но управление полками оказалось нарушенным, и дивизия оказалась на грани разгрома.

Подход пехотных соединений позволил командованию немецкого моторизованного корпуса начать вывод из боя своих танковых и моторизованных дивизий для последующей переброски их на юг, в тыл отступающим войскам Южного фронта. Закончив зачистку территории и леса в районе Роги – Тальное – Легедзино, 11-я немецкая танковая дивизия начала выход из боя. Командование корпуса предусматривало ее переброску под село Тальное и далее восточнее Новоархангельска. Перед соединением планировалось поставить задачу по совершению марша в южном направлении для преследования отходящих советских войск. Движение осуществлялось очень медленно из-за плохого состояния дорог и многочисленных пробок и заторов, вызванных одновременным перемещением частей еще трех дивизий. К вечеру основная часть 11-й танковой дивизии

оставалась в районе западнее Тальное, и только ее разведывательный батальон достиг окраины села Ямполь[144].

Штаб немецкого XXXXVIII моторизованного корпуса после полудня располагался в селе Тальное. По его запросу авиация произвела разведку района окружения. Из ее сообщений следовало, что в котле оказалось довольно много советских войск и техники. Это не могло не радовать немецкое командование. Но были и тревожащие сообщения. В частности, авиация обнаружила движение автоколонн в южном направлении, к селу Терновка. Это наводило на мысль, что советское командование использует незащищенный участок для вывода своих войск из окружения.

Для успеха операции немцам было крайне необходимо уже следующим днем закрыть участок Новоархангельск – Терновка и установить связь с дивизиями XIV моторизованного корпуса. Так как высвободить увязшую в боях бригаду «Лейбштандарт» не было никакой возможности, было решено перебросить на угрожаемый участок боевую группу из состава 11-й танковой дивизии. Вместе с батальонами «Лейбштандарта» она должна была предпринять наступление на село Терновка.

К концу дня 2 августа окружение 6-й и 12-й армий было полностью завершено. Группа Понеделина пробиться в восточном направлении и занять рубеж по реке Синюха не смогла. Но даже в случае успеха решить поставленную задачу – занять Ямполь, – было уже нереально, так как к нему уже вышли передовые части немецкой 11-й танковой дивизии. В течение 2 августа части обеих армий понесли тяжелые потери, но особенно значительными они были в 72-й, 99-й и 60-й стрелковых, 16-й танковой дивизиях и 39-м сводном полку. Попытка деблокирования окруженной группировки извне также окончилась неудачей. С этого времени дальнейшая борьба 6-й и 12-й армий в условиях окружения могла привести только к их поражению и уничтожению.

4.00 утра части немецкой 11-й танковой дивизии завершили сосредоточение в районе с. Роги. В 10.00 боевая группа фон Штокхаузена предприняла наступление из Тального на Мошуров. Не встречая какого-либо сопротивления врага, в 12.30 она соединилась с наступавшим с севера пехотным батальоном полка «Герман Гёринг». Тем самым поставленная задача оказалась выполненной.

В 12.00 немецкая 11-я танковая дивизия передовыми частями двинулась маршем в назначенный ей район западнее Екатеринполя. В то время как передовые части уже выступили, поступил приказ об

изменении места сосредоточения. Соединению был назначен новый район – в окрестностях г. Ямполь. Этим же приказом от командования дивизии потребовали как можно быстрее направить вперед подвижные части.

Начавшийся весьма энергично марш восточнее с. Тальное наткнулся на непроходимые после дождя дороги. Дополнительной трудностью стало то обстоятельство, что по ним, но в противоположном направлении, двигались части 9-й танковой и 16-й моторизованной дивизий, «Лейбштандарта», а также некоторые корпусные части. В результате стали возникать серьезные заторы и пробки. Следовавший в качестве передовой части 231-й артдивизион только в поздние вечерние часы достиг Ямполя. Основная же часть дивизии находилась в это время все еще западнее Тальное, причем танковый полк, для которого пришлось укреплять мост, застрял под с. Тальное.

В 23.55 из XXXXVIII корпуса поступил предварительный приказ на 3 августа. Им предписывалось, что боевая группа 11-й танковой дивизии должна с 8.00 начать наступление в юго-восточном направлении. Соответствующий письменный приказ поступил в соединение в 4.00. Он установил новую задачу для соединения генерала Л. Крювеля: занять оборону по восточному берегу р. Синюха от с. Терновка.

Оценив ситуацию и в первую очередь состояние дорог, командир дивизии доложил наверх, что приказ в установленное время выполнен быть не может. Тем не менее передовой 231-й артиллерийский дивизион получил задачу двигаться на указанный рубеж. Ему придавались 2-й батальон 111-го пехотного полка и 7-я батарея 119-го артполка. Группа управления 11-й танковой дивизии, выступив в 17.00 из Паланочки, в полночь достигла Екатеринполя. Тем временем 9-я и 16-я танковая дивизии противника продолжали свой марш на юг в сторону Первомайска.

Командованию 6-й и 12-й армий стало известно, что их армии находятся в новом окружении, в этот же день, 2 августа. Собственной разведкой в северном секторе обороны были установлены крупные силы противника, ожидались атаки в районе Новоархангельска. В течение дня были получены сведения о захвате немцами Тишковки, села, расположенного на восточном берегу Синюхи. Полученные данные свидетельствовали об уплотнении фронта на северо-восточном направлении.

Все это делало нереальным достижение поставленной фронтом

цели. Даже в случае успеха соединения 12-й армии были бы полностью обескровлены большими потерями и не смогли бы выполнять даже оборонительные задачи. Генерал П.Г. Понеделин, исходя из анализа складывающейся обстановки, пришел к выводу, что наиболее правильным решением был бы спешный вывод войск в юго-восточном направлении. События дня только укрепили его в осознании необходимости такого варианта действий.

Поэтому уже в 00.20 2 августа командующий 6-й армией И.Н. Музыченко обратился в штаб Южного фронта с просьбой «санкционировать прорыв на юго-восток через Терновку – Покотилово, прорыв произвести самостоятельно». Объективно оценивая обстановку, командарм справедливо указывал, что в сложившейся ситуации «промедление истощит армию и приведет к катастрофе»[145].

Видимо, рассчитывая на неизбежное санкционирование своих действий командованием Южного фронта, для подготовки прорыва в южном направлении И.Н. Музыченко в ночь на 2 августа стал стягивать войска в район предполагаемого прорыва. Войскам армии был отдан приказ о сохранении или восстановлении переправ через реку Ятрань у сел Покотилово, Лещевка, Лебединка и Полонистое. Наиболее боеспособное соединение – 80-я дивизия генерала В.И. Прохорова – должна была действовать от села Копенковатое в направлении Островец – Дубово – Перегоновка – Полонистое (то есть против открытого правого фланга 4-й горно-егерской дивизии). Передовой отряд дивизии выдвигался в район Покатилово – Троянка для захвата переправ, установления связи с войсками 18-й армии и обеспечения выхода из окружения в южном направлении.

Остальные соединения 6-й армии отошли на западную окраину Вишнополя, к селам Свинарка, Коржовый Кут, Островец, Полонистое. В итоге, это привело к сокращению фронта окружения, фактически все участки которого оказались под непосредственным огневым воздействием противника. Однако командование Южного фронта расценило сообщение генерала И.Н. Музыченко как паническое и в санкции на прорыв в южном направлении отказало, еще раз подтвердив прежний приказ – прорываться на восток.

Противник на день 2 августа запланировал завершение окружения 6-й и 12-й армий и недопущение их прорыва в восточном и юго-восточном направлениях. Самым уязвимым местом в его обороне по-прежнему оставался фактически необеспеченный стык между 1-й горно-егерской и 9-й танковой дивизиями, как раз на наиболее

вероятном направлении прорыва войск группы Понеделина. Поэтому 1-й горно-егерской дивизии была поставлена задача установить связь с соединениями группы Э. фон Клейста, расположенными на восточном берегу Синюхи[146].

Утром группе оберст-лейтенанта Ланга прибыло подкрепление: 13-я рота 99-го полка, переброшенная на грузовиках, 6-я батарея 48-го зенитного артполка и один взвод ПТО из 44-го дивизиона. Теперь противник был готов к отражению даже танковых атак.

Для выполнения задачи группа «Ланг» в 15.30 выступила от перекрестка дорог восточнее Троянки, и через три часа ее передовая группа под командованием Кайзера заняла выс. 188. В 21.00 противник выбил немногочисленные советские части из района Корытно. Примерно в это же время немцы вышли к берегу р. Синюха у с. Трояны. Таким образом, совершив марш в 15 км по раскисшим после ливней дорогам, группа оберст-лейтенанта Ланга встретилась в районе села Корытно с танкистами немецкой 9-й дивизии. Окружение 6-й и 12-й армий было полностью завершено[147]. Во время переговоров по радио с командованием 1-й танковой группы удалось установить, что её соединения находятся не только в Добрянке, но и в Ольшанке и не имеют намерения форсировать р. Синюха. Поэтому река стала своеобразной разграничительной линией между соединениями 17-й армии и 1-й танковой группы Э. фон Клейста. В районе между селами Добрянка и Ольшанка частями 9-й танковой дивизии были взяты в плен 580 бойцов Красной армии.

Но сплошной фронт окружения 2 августа образовать также не удалось, сил для этого все еще недостаточно. Поэтому противник первоочередной задачей ставил прикрытие наиболее вероятных направлений прорыва. Приказом по корпусу атака на Пушково была остановлена. Главной задачей для 1-й горно-егерской дивизии стало воспрепятствование попыткам прорыва в южном направлении на участке между реками Синюха и Ятрань. Для ее выполнения все имеющиеся силы должны быть переброшены в район Добрянки. Группа «Пикер» должна очистить от советских войск лес южнее Голованевска.

Для усиления 1-й и 4-й горно-егерских дивизий, действовавших на южном направлении, спешно перебрасывалась 97-й дивизия, которая, выйдя в 10.00 из района села Семидубы, к 22.00 достигла сел Полонистое и Емиловка, с трудом продвигаясь по раскисшим после дождей дорогам.

Группа «Пикер» из 1-й горно-егерской дивизии в течение утра

закончила зачистку леса южнее Голованевска и установила локтевую связь с подошедшей 257-й дивизией. Совместными усилиями они еще более оттеснили на юг 209-й полк 96-й дивизии. В результате их действий опасность прорыва со стороны 17-го корпуса 18-й армии на соединение с группой Понеделина была полностью ликвидирована. Разрыв между советскими армиями еще более увеличился, более того, под давлением 257-й дивизии и подходящих войск LII армейского корпуса 18-я армия начала спешное отступление в южном направлении. Кризисная для 1-й горно-егерской дивизии ситуация стала постепенно выправляться.

Достигнутый под Голованевском успех дал возможность командованию XXXXIX корпуса начать переброску групп «Пикер» и «Кресс» далее на восток, и в 12.30 командиры групп получили соответствующий приказ. Но вследствие плохого состояния дорог к ночи они смогли достичь только районов Дуковка – Емиловка («Пикер») и Троянка – Голованевск («Кресс»). Таким образом, части 1-й горно-егерской дивизии быстро концентрировались на наиболее вероятном, по мнению противника, направлении прорыва – южном.

Тем временем 4-я горно-егерская дивизия своим 31-м полком пыталась прорваться через части прикрытия 6-й армии в районе Рогово – Дубово, захватить переправы через Ятрань и перекресток дорог южнее села Копенковатое. Но решить эту задачу в ходе дня не удалось. Советская 189-я дивизия комбрига А.С. Чичканова и приданный ей 21-й кавалерийский полк НКВД сумели удержать в своих руках все переправы через Ятрань. Как впоследствии отмечали немцы, советское командование осознало грозящую опасность, и подчиненные ему части сопротивлялись ожесточенно. Для них было важно удержать в своих руках перекресток дорог, расположенный западнее села Подвысокое, который теперь находился всего в 6 км от передовых линий[148].

Захватить с ходу переправы через р. Ятрань и прорваться на с. Подвысокое немцам не удалось. Фронтальные атаки на подготовленный оборонительный рубеж успеха не приносили. Продолжение действий без изменения направления удара могло привести к краху всей операции на окружение. Как было хорошо известно командованию XXXXIX корпуса, на южном фасе оставалась никем не прикрытая пятнадцатикилометровая брешь, через которую окруженные советские армии могли уйти на юг или юго-восток. Удержать их массу растянутая на десятки километров, не имеющая поддержки 1-я горно-егерская дивизия была не в состоянии.

Поэтому, отказавшись от прежнего плана, командир 4-й горно-егерской дивизии отдал приказ передовому отряду перейти из района села Дубово вдоль реки Ятрань на южное направление. Еще в 7.10 командир 91-го полка получил приказ передовым отрядом продвинуться через Семидубы и выс. 203 к с. Подвысокое и занять переправы через р. Бондаровка и дороги, ведущие на север. Остальные силы полка атаковали через с. Крутенькое и р. Ятрань в сторону перекрестка, расположенного в 4 км юго-восточнее с. Подвысокое и леса восточнее с. Копенковатое. Так в документах 4-й горно-егерской дивизии впервые появились пункты, за обладание которыми егеря будут вести ожесточенные бои в течение последующей недели.

Левее 91-го двигался 13-й полк от с. Рогово на Борщевую. Перед ним стояла задача занять лес и перекресток в 2 км восточнее с. Борщевая. В 8.00 командир 91-го полка собрал своих командиров, ввел их в курс дела и ознакомил с приказом[149].

Для предстоящей операции был сформирован авангард в составе разведывательной роты под командованием Вольферзедера. В случае благоприятного развития ситуации он мог попытаться самостоятельно захватить выс. 193, расположенную в 2,5 км восточнее северной окраины с. Перегоновка. Здесь можно было образовать плацдарм на восточном берегу р. Ятрань, откуда мог развивать свое наступление весь 91-й полк. С выходом на р. Ятрань перед противником открывались, по его собственным оценкам, три потенциальные возможности для дальнейшего развития операции.

Первая: сопротивление советских войск слабое или совсем отсутствует. В таком случае авангард Вольферзедера быстро преодолевает водную преграду, образует на противоположном берегу плацдарм и захватывает выс. 193. Такой вариант представлялся наиболее предпочтительным.

Вторая: по берегу р. Ятрань проходит линия обороны советских войск. В таком случае противник должен захватить Перегоновку и оттуда, сосредоточив силы, с боем осуществляет переправу и наносит удар в сторону выс. 193[150].

Третья, наименее желаемая: в случае, если оборона советских войск в районе с. Перегоновка окажется слишком прочной для ее прорыва силами только одного горно-егерского полка, атака должна быть перенесена южнее к с. Полонистое, где и будет образован необходимый плацдарм.

Все три варианта и вытекающие из них последующие действия были обсуждены со всеми командирами частей. Более того, командир

полка выехал вместе с ним на выс. 209, в полутора километрах от с. Крутенькое, чтобы оттуда осмотреть местность и уточнить задачу. Получив все необходимые указания, командир авангарда Вольферзедер отправился в войска.

Около 10.00 от него поступило донесение, что восточный берег Ятрани занят советскими войсками и мосты напротив фабрики с. Перегоновка – взорваны. Наблюдением немецкие разведчики установили, что река достаточна глубока, ее ширина достигает 6–8 м. Стало ясно, что переправа здесь невозможна, и от первых двух, наиболее благоприятных вариантов пришлось сразу же отказаться. Оставался еще третий, предусматривавший переправу у с. Полонистое. Туда в 12.15 направился 3-й батальон 91-го полка.

Не успел батальон выступить, как из штаба немецкой 4-й дивизии поступило сообщение: «Передовой отряд, 6.20, все переправы целы. Полонистое достигнуто без противодействия противника»[151]. Радиограмма с сообщением почти одновременно достигла командира дивизии, его начальника оперативного отдела на командном пункте и командира 91-го полка. Все трое самостоятельно пришли к одному и тому же решению немедленно перебросить на южное направление весь 91-й полк, усиленный разведывательным батальоном и двумя артиллерийскими батареями.

В 12.25 к с. Полонистое прибыли саперы 94-го саперного батальона. Их усилиями имевшиеся там переправы были укреплены и приготовлены к пропуску войск. В 14.00 на плацдарм прибыл авангард Вольферзедера. Никаких советских войск в окрестностях все еще не было.

Командир немецкого 91-го полка понимал, что основные массы советских войск появятся в самое ближайшее время. Поэтому он стремился занять все наиболее удобные позиции. Находясь в районе с. Копенковатое, он приказал как можно скорее занять села Россоховатец, Копенковатое и Подвысокое.

Ок. 15.00, после 28-километрового марша передовые части полка достигли с. Полонистое. Оказалось, что передовой отряд не стал дожидаться остальных, а двинулся вперед и совершенно неожиданно как для себя, так и для противника занял важный перекресток всего в 5 км южнее села Подвысокое. Здесь он был обнаружен и вскоре подвергся сильным атакам со стороны советских войск. Теперь нужно было спешить ему на выручку.

Немного передохнув, егеря 91-го полка двинулись вперед. В пути они попали под ливень, дороги раскисли, мулы увязали в грязи по

самое брюхо, застрявшие автомобили приходилось оставлять, так как вытащить их не было ни времени, ни возможности. Совершив марш длиной в 35 км, уже в вечерних сумерках они смогли прибыть на помощь передовой группе, в полном одиночестве отражавшей атаки[152]. Приданная полку четырехорудийная 9-я батарея расположилась севернее с. Слесаренко в готовности вести огонь по селу Копенковатое и лесу западнее его. Но и после такого маневра создать сплошной фронт с юга противнику не удалось. Оборона представляла собой цепочку узлов сопротивления, между которыми все еще оставались широкие бреши, фланги полков не были прикрыты.

Вскоре после 18.00 от передовых частей стали поступать доклады, что с севера показались передовые части 6-й и 12-й армий. По дорогам двигались колонны пехоты, усиленные орудиями, бронемашинами и танками. Основной их поток двигался от Подвысокого в сторону Россоховатеца. Через несколько минут советские войска появились в Копенковатом и заняли лес к востоку от села. Отправленная противником на север разведка установила прибытие крупных сил. Немцам пришлось прекратить свое наступление и перейти к обороне. Копенковатое и Подвысокое им захватить не удалось. В последующие дни именно эти села стали основными центрами сопротивления воинов 6-й и 12-й армий.

Передовой отряд 91-го полка, прикрывшись несколькими противотанковыми орудиями, закрепился вокруг небольшой группы домов у перекрестка. В оставшееся световое время ему предстояло отбивать попытки красноармейцев продвинуться в южном направлении. Напряжение возрастало, и у командира 91-го полка возникли серьезные сомнения, что столь слабыми силами ему удастся удержать перекресток в случае серьезной, хорошо подготовленной атаки со стороны окруженной группировки.

Вскоре после 18.00 от выс. 196 показались три танка, поддерживаемые значительным количеством пехоты. Они двигались на перекресток. В боевых порядках егерей сыграли тревогу, орудийные расчеты изготовились к бою. Как только танки приблизились на дистанцию прямого выстрела, по ним открыли огонь, и через несколько минут все они были уничтожены. Лишившись прикрытия, красноармейцы отошли на исходные позиции.

В 21.45 атака повторилась более крупными силами. Солдаты передового отряда изготовились к бою. Почти ни у кого из них не было сомнения, что удержать позиции против такого количества атакующих они не смогут. Неожиданно к перекрестку прибыл 3-й

батальон 91-го полка. Получив приказ командира полка, он, забыв про усталость, торопился навстречу разгоравшейся перестрелке и, как оказалось, появился на поле боя исключительно вовремя. С его помощью советская атака была отражена.

Левее 2-й батальон предпринял наступление на Копенковатое, однако далее выс. 203 он продвинуться не смог. Тогда его командир принял решение закрепиться на высоте, призвав на помощь орудия 4-го дивизиона 94-го артполка. На исходе суток 1-й батальон 91-го полка вышел к с. Россоховатец. Перед ним стояла задача занять северо-восточную часть села, перерезать дорогу и установить связь с 3-м батальоном[153].

На северном участке немецкая 125-я дивизия с утра вела усиленную разведку высот восточнее села Гережановка. Не встретив в этом районе противника, командир 1-го батальона 419-го полка хауптман Ёрманн[154] принял решение об образовании авангарда на основе третьей роты. Выйдя из села Аполянка, рота, не встречая серьезного сопротивления, заняла села Бабанку и Свинарку. По сообщениям от командира роты, советские войска спешно отступали на восток, не принимая боя. Вскоре следом подошли и основные силы батальона, которые закрепились на позициях фронтом на восток и северо-восток.

Южнее шоссе на Новоархангельск разведка 420-го полка обнаружила советских офицеров-наблюдателей в районе южнее села Бабанка. К западу от реки Ревуха никаких советских войск зафиксировано не было. Но как только немцы приблизились к мосту через реку, тот взлетел на воздух. Вступление 2-го батальона 420-го полка в село было встречено интенсивным артиллерийским обстрелом. Не желая останавливать преследование, 6-я рота переправилась через Ревуху на подручных средствах, очистила восточную часть села и установила связь с 3-м батальоном 419-го полка. Тем временем 7-я рота провела зачистку юго-западной части села, в ходе которой взяла в плен несколько сот красноармейцев. Батальон продвинулся еще немного вперед, занял высоты восточнее Бабанки и приступил к оборудованию там оборонительных позиций. Приданная 420-му полку 3-я рота саперного батальона в ходе разминирования дороги обезвредила в районе взорванного моста около 50 мин.

Части 49-го корпуса и сводный полк 39-й танковой дивизии 6-й армии отошли за реки Ревуха, заминировав все мосты и подходы к реке[155]. К вечеру передовые батальоны заняли высоты восточнее Бабанки и там закрепились. Под Бабанкой 125-й дивизии

противостояли полки советской 140-й дивизии. В боях за это село соединение понесло существенные потери в командном составе – получили ранения и выбыли из строя командиры стрелковых полков майоры А.В. Царицын (445-й полк) и Н.П. Роменский (637-й полк), а также военком 361-го гаубичного полка батальонный комиссар Н.А. Кушнир. Их отправили в госпиталь, размещенный в с. Подвысокое. В это же время произошли и организационные изменения. Остатки 445-го полка слили с 361-м гаубичным полком в единую группу под командованием капитана М.С. Козлова. Бывший командир 361-го полка майор В.И. Лисовец был назначен начальником штаба 140-й дивизии вместо подполковника В.Г. Чернова[156]. Остатки дивизии были отведены к с. Небелевка.

К вечеру ситуация виделась командованию XXXXIX корпуса следующим образом. Часть советских войск сумела избежать окружения и отошла в южном направлении. Намерение штаба 17-й армии окружить как можно больше войск «русских» успехом не увенчалось. Распыление сил 1-й горно-егерской дивизии дало время частям 6-й и 12-й армиям закрепиться на своих позициях. Действия 4-й горно-егерской дивизии позволили достаточно плотно окружить силы 6-й и 12-й армий. Согласно сообщениям воздушной разведки в районе Новоархангельск – Оксанино – Дубово – Терновка наблюдалось движение колонн автомашин. Но для них все еще оставалась возможность для отхода через неприкрытый участок в районе Терновки. Правда, в расположенном в 15 км восточнее селе Тишковка находились немецкие танковые части, но между селами оставалось слишком большое неконтролируемое пространство.

Поэтому приказ по корпусу на 3 августа носил название «Приказ на решительное уничтожение вражеских сил, окруженных западнее Новоархангельска».

– 1-я горно-егерская дивизия должна была разгромить советские части, расположенные западнее Терновки;

– 4-я горно-егерская своей южной группировкой по-прежнему вела наступление на Подвысокое. Её 13-й полк должен был захватить переправы через Ятрань.

– 125-я п.д. продолжала движение на Новоархангельск[157].

Вечернее сообщение из штаба 17-й армии было исполнено уверенности в скорой победе. «Для окончательного уничтожения врага армия выдвигается вплоть до русла Синюхи, соответственно, настолько далеко, чтобы установить непосредственную связь со стоящими перед армией силами 1-й танковой группы»[158]. Х. Штеетц

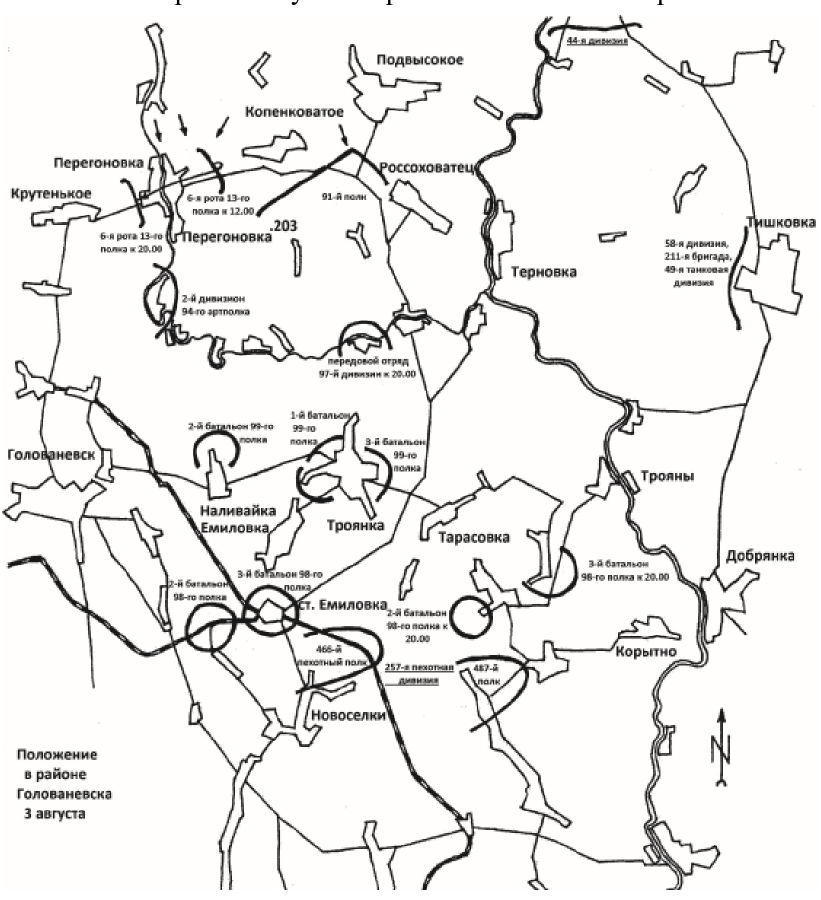
был прав, когда отмечал: никто из немецкого командования 2 августа даже и не предполагал, что сражение продлится еще пять дней, а самые тяжелые дни еще впереди[159].

2 августа можно считать днем, когда опрометчивыми решениями командования Южного фронта судьба 6-й и 12-й армий была предрешена. Генерал И.В. Тюленев не утвердил решение генерала И.Н. Музыченко на прорыв в южном направлении и повторил прежнюю задачу по восстановлению фронта с 26-й армией. Он своей волей отменил приказ командования Юго-Западного направления на вывод группы Понеделина из окружения, повторив ей прежнюю задачу. Возможно, что, отдавая свои приказы, генерал И.В. Тюленев рассчитывал на успех назначенного им на 3 августа наступления 18-й армии. Ее частям предстояло атаковать в 15.00 и выйти на рубежи Лысая Гора – Тарасовка (село в 8 км западнее) и Тарасовка (село в 20 км восточнее Голованевска) – Троянка. В наступление выделялись, соответственно, группа генерала Н.Д. Гольцева и соединения 17-го корпуса[160].

У группы Понеделина еще оставался шанс на благополучный исход в случае быстрого вывода соединений на восточный берег реки Синюха, но осуществить его всего по двум мостам и одной дамбе было крайне затруднительно. В дальнейшем генерал П.Г. Понеделин не раз упрекал себя, что не взял на себя ответственность и затянул с принятием решения о переброске группировки за реку Синюха.

3 августа, воскресенье

В первой половине дня основные части 16-й немецкой танковой дивизии продолжали наступление в сторону Первомайска. Первой в город ворвалась боевая группа «Вагнер». Появления немецких войск с северо-востока здесь, как выяснилось, никто не ожидал. Никакой обороны с этого направления создано не было. Бой в городе носил хаотичный характер, выливаясь в перестрелки разрозненных групп красноармейцев с хорошо организованными немецкими подразделениями, поддерживающими друг друга огнем пулеметов и орудий. В такой ситуации остановить их не было никакой возможности. Утром 3 августа Первомайск был занят противником.

Положение в районе Голованевска 3 августа

В утренние часы 3 августа штаб 12-й армии был переведен из Теклиевки в Подвысокое, где уже располагался штаб 6-й армии. И с этого времени оба штаба находились в одном месте и старались координировать свои действия. А обстановка складывалась угрожающая. Было получено повторное сообщение о захвате немцами Тишковки. К 3 августа ожидаемой деблокады со стороны дивизий генерала А.К. Смирнова так и не произошло. Обстановка усугублялась утратой связи с командованием 18-й армии. В такой ситуации выполнять поставленную задачу по восстановлению прорванного фронта казалось невозможным.

Осознав бесперспективность атак группы Понеделина в восточном и северо-восточном направлениях и невозможность восстановить таким способом фронт обороны, командование Юго-Западного направления отдало приказ командующему Южным фронтом генералу И.В. Тюленеву выводить 6-ю и 12-ю армии на юг на соединение с 18-й армией[161]. Но тот, как уже было сказано, в нарушение полученного приказа, не довел его до сведения командующих 6-й и 12-й армий, и 4 августа повторил свое распоряжение: группе Понеделина – прорываться на восток, в направлении с. Новоукраинки[162]. Видимо, генерал И.В. Тюленев все еще рассчитывал на успех своего плана, несмотря на существенное ухудшение обстановки в полосе фронта.

Наиболее активные действия в течение дня разворачивались на южном и юго-восточном участках фронта окружения. Ударная группа 24-го мехкорпуса продолжала наступление в восточном и северо-восточном направлениях. К 17. 00 49-я танковая дивизия полковника К.Ф. Швецова при поддержке 211-й воздушно-десантной бригады уже вела бой в трех километрах от села Тишковка. 16-й мотоциклетный полк и 44-я дивизия вновь атаковали Новоархангельск, взяв его в полукольцо[163]. Но прорваться на Ямполь, как это планировалось командованием 12-й армии, 24-му мехкорпусу не удалось.

3 августа немцы при поддержке бомбардировочной и штурмовой авиации предприняли атаки в полосе 99-й стрелковой дивизии и 10-й дивизии войск НКВД. Упорные бои развернулись за села Вишнополь и Каменечье. В этот день в обороняющихся дивизиях подошли к концу артиллерийские снаряды, и поддерживать пехоту стало нечем, устойчивость обороны нарушилась. Воспользовавшись этим обстоятельством, немцы прорвались в стык между 99-й дивизией и 10-й дивизией НКВД и захватили Каменечье и Вишнополь, создав угрозу непосредственно селу Подвысокому[164].

В полосе обороны немецкой 16-й моторизованной дивизии день прошел относительно спокойно. С утра шел дождь, вновь сделав дороги труднопроходимыми. Командование ожидало прибытия с северо-восточного направления частей 297-й пехотной дивизии, но время шло, и никого видно не было. Наблюдатели противника 60-го полка в 10.45 заметили движение колонн от с. Зеленьков на юг, и в 11.15 по ней открыла огонь 2-я батарея артполка соединения, полагая, что по дороге следует советская войсковая часть. Обстрел длился 10 минут. Отправленная разведка в 12.15 обнаружила находившиеся на марше батальоны 297-й дивизии, и тут выяснилось, что орудия 146-го артполка только что обстреляли солдат 522-го полка. Оправдывало то, что колонна двигалась без каких-либо опознавательных знаков, и нанесенные потери оказались невелики – всего четыре раненых солдата и шесть убитых лошадей.

Вскоре после полудня части 297-й дивизии достигли рубежа в 1,5 км от с. Каменечье. К селу выдвинулась разведка 2-го батальона 6-го полка, которая установила, что советские войска, усиленные двумя орудиями и одним минометом, занимали только западную часть.

К вечеру 297-я дивизия заняла юго-восточную окраину Вишнополя, но атаковать Каменечье ее командир не торопился. Он лично прибыл на командный пункт 60-го полка, чтобы ознакомиться с обстановкой. После короткого совещания генерал отдал приказ 522-му полку атаковать Каменечье. К 21.30 он успел занять северную окраину села, после чего остановился на достигнутых позициях.

Местные жители и захваченные пленные рассказали, что к вечеру все оборонявшие Каменечье советские войска отошли на южную и юго-восточную часть села и, возможно, укрылись в лесу неподалеку. Сопротивление будет продолжено, так как красноармейцы «получили от своих комиссаров приказ держаться при любых обстоятельствах».

Окруженные войска, возможно, части 99-й дивизии полковника П.П. Опякина, предприняли атаку на Свердликово, но немцы этот удар сравнительно легко отразили. Утром от 6-й батареи немецкого 146-го артполка в село отправилась группа наблюдателей-корректировщиков. Во время атаки они оказались отрезанными и сдались в плен.

Перегруппировавшись, противник провел контратаку и вернул утраченные позиции. Красноармейцы сопротивлялись ожесточенно, потери только эсэсовцев полка «Вестланд» составили ок. 50 человек. В течение остатка дня по немецким позициям велся беспокоящий артиллерийский огонь, который, впрочем, не причинил никаких существенных потерь. Части 16-й моторизованной дивизии большой

активности также не предпринимали. Одной из причин такого поведения стало крайне напряженная ситуация с продовольствием, боеприпасами и горючим[165].

В соответствии с приказом эсэсовцам «Лейбштандарта» предстояло продвинуться вдоль дороги до с. Тишковка и оттуда нанести удар в юго-западном направлении в сторону р. Синюха. Наступление от Новогригорьевки в 8.00 начинал 3-й батальон, на его правом фланге действовали 2-й батальон и, далее, – 4-й. На южной окраине Новоархангельска изготовился к атаке взвод штурмовых орудий. Артиллерийскую поддержку 3-му батальону оказывала 1-я батарея артполка, остальные две батареи действовали в полосе наступления 2-го батальона.

Ночь для солдат «Лейбштандарта» прошла сравнительно тихо, по Новоархангельску советская артиллерия вела беспокоящий огонь. Несколько часов шел дождь, который превратил дороги в непроходимое месиво. Утром возобновились атаки советской пехоты на Новоархангельск. Предваряя собственное наступление, немецкие орудия провели короткую подготовку.

«Лейбштандарту» был придан дивизион шестиствольных миномётов «небельверфер» и батарея тяжелых 210-мм мортир. Они были использованы для нанесения удара по скоплению советских войск в лесу, расположенном в 5 километрах от Новоархангельска. Обстрел оказался чрезвычайно эффективным и нанес советским войскам исключительно большие потери[166]. В полосе «Лейбштандарта» реактивные минометы применялись впервые. Звук завывающих и визжащих ракет произвел большое впечатление на самих эсэсовцев, заставив их при каждом залпе инстинктивно вздрагивать и втягивать головы в плечи. С ужасом они думали о том, что творится на противоположном берегу, там, где оборонялись окруженные войска.

По окончании обстрела, чуть позже запланированного времени – в 8.15, – в атаку перешла немецкая пехота. Сломив показавшееся немцам слабым сопротивление, 3-й батальон уже через час вышел на дорогу Новоархангельск – Тишковка. Однако вскоре продвижение немецких войск застопорилось: против 3-го батальона начались контратаки советских войск при поддержке танков. Огнем 37-мм зенитных орудий один из них был подбит.

Во второй половине дня наступление «Лейбштандарта» остановилось. Причинами стали сопротивление частей 44-й дивизии, преодолеть которое собственными силами эсэсовцы оказались не в

состоянии. Обещанная поддержка от 11-й танковой дивизии так и не прибыла. К вечеру противник закрепился по линии: западная окраина Новоархангельска – изгиб Синюхи в 4 км южнее – русло р. Кагарлык – дорога Новоархангельск – Тишковка до северной окраины с. Марьяновка[167].

К исходу дня в результате немецких атак, обстрелов и бомбардировок управление частями 44-й дивизии оказалось нарушенным, а штаб соединения – разгромленным. Генерал С.А. Ткаченко от близкого разрыва потерял сознание и несколько часов оставался без помощи. Придя в себя, генерал объединил вокруг себя несколько командиров и бойцов, среди которых оказался начальник артиллерии полковник К.Н. Самборский, и повел их на восток. Многие из них переоделись в гражданскую одежду, закопали свои документы, в том числе и партбилеты, в землю. В последующие дни группа раздробилась, 5 августа полковник К.Н. Самборский получил ранение и 9 августа оказался в плену. Во время этапирования он сумел совершить побег и 28 сентября вышел в расположение частей Красной армии[168].

Генерал С.А. Ткаченко также не избежал плена. Двигаясь через Умань и Белую Церковь, он добрался до с. Узино. Здесь, скрыв свое звание и должность в армии, 15 августа он устроился на работу. Видимо, генерал был кем-то опознан, так как 2 сентября 1941 г. его забрал местный полицейский и доставил в немецкую комендатуру[169].

Запланированное на 3 августа выдвижение немецкой 11-й танковой дивизии к реке Синюха не состоялось. Её части застряли в пути из-за плохого состояния дорог. С большим трудом они достигли к вечеру Новоархангельска, где изготовились к назначенному на следующий день наступлению.

По дорогам, пробираясь через заторы и нескончаемую грязь разбитых дорог, немецкая 11-я танковая дивизия вышла в район Ямполя. Передовой усиленный 231-й артдивизион только в 20.00 достиг Новоархангельска, где через несколько часов к ней присоединились 2-й батальон 111-го пехотного полка, 7-я батарея 119-го артполка и танковая рота под общим руководством командира 11-й пехотной бригады.

Вновь сформированной боевой группе оберста Ангерна был придан 15-й танковый полк, который передовыми частями в 15.00 достиг Ямполя и уже оттуда после пополнения запасов и заправки направился маршем к основным силам группы оберста Ангерна. В ночь на 4 августа он присоединился к ней. Вслед за ним, но уже утром

следующего дня, прибыли 1-й батальон 110-го пехотного полка и 1-й и 3-й дивизионы 119-го артполка.

Остальные части 11-й танковой дивизии в течение всей ночи на 4 августа собирались в районе Ямполя. Им всем в самом ближайшем времени также предстояло отправиться на помощь боевой группе оберста Ангерна. Сам оберст в течение ночи установил связь со штабами «Лейбштандарта», который занимал позиции справа, и 9-й танковой дивизии, расположившейся левее. Группа управления 11-й танковой дивизии перебралась в Ямполь.

Ведя с XXXXVIII корпусом совместное сражение по уничтожению 6-й и 12-й армий, командование XXXXIX горного до сих пор пребывало в неведении о задействованных со стороны 1-й танковой группы силах, их целях и задачах. В частности, ничего не было известно о том, что заявленная штабом 17-й армии зачистка восточного берега р. Синюха между Новоархангельском и Тишковкой, частями XXXXVIII корпуса проведена не была. Генералу Л. Кюблеру приходилось использовать весь свой авторитет, чтобы добиться от командования 17-й армии обещания более тесного взаимодействия с 1-й танковой группой и обмена информацией[170].

В ночь на 4 августа он попытался связаться с командующим генералом К. фон Штюльпнагелем. Того не оказалось на месте, и переговоры вел начальник штаба оберст В. Мюллер. Именно ему высказал генерал Л. Кюблер свои претензии. В частности, он заявил, что, по его мнению, руководство сражением осуществляется вяло, его, командира корпуса, используют как пассивного исполнителя и потребовал разъяснения ситуации. В частности, его интересовали ответы на следующие вопросы: где находятся 24-я и 297-я пехотные дивизии, «Лейбштандарт», а также 11-я танковая и 16-я моторизованная дивизии; какие существуют разграничительные линии, кто должен удерживать, а кто – наступать.

Атаки 37-го корпуса 6-й армии на позиции 4-й горно-егерской дивизии начались в ночь на 3 августа в 4.30. Целью наступления был захват перекрестка дорог, расположенного к юго-востоку от села Копенковатое, с последующим выходом к реке Ятрань. Основной удар пришелся на 2-й и 3-й батальоны 91-го горно-егерского полка. Первая атака началась в 4.30 утра. Она была отражена сравнительно легко. За ней последовали новые, и уже к полудню полк отбил еще пять попыток красноармейцев прорвать его оборону. В отдельных атаках на позиции 91-го полка принимали участие даже танки, но добиться здесь результата войскам 6-й армии не удалось. Батальоны 91-го полка

отразили все атаки, но удержали свои позиции. Советские войска понесли значительные потери[171].

На 3 августа 1-я горно-егерская дивизия получила двойную задачу – не допустить прорывов советских войск с севера, уничтожить противника западнее Терновки, а также прикрыть район окружения группы Понеделина от подхода помощи с юга. Для решения первой части задачи привлекались группы «Кресс» и «Ланг», второй – группа «Пикер». Группа «Кресс» без особого сопротивления достигла реки Ятрань на участке от ее впадения в Синюху до села Табановка. Тем временем группа «Ланг» собралась в районе сел Плоско-Забугское – Тарасовка. К вечеру обе группы закрепились по линии Когутовка – Табановка, причем часть сил перебралась на северный берег Ятрани и закрепилась там. Сюда, не встречая перед собой существенного сопротивления, прибыли 1-й батальон 98-го и 3-й батальон 99-го полков. Южный фронт образовала группа «Пикер» по линии Бузниковатое – Дубовка, где заняли позиции два батальона. Здесь ей оказывала содействие подошедшая 257-я дивизия.

В 17.00 начальник штаба XXXXIX корпуса запросил командование 17-й армии, когда прибудет из состава 257-й дивизии ранее обещаный 477-й пехотный полк. Оттуда был получен ответ, что часть еще находится в Голованевске, но предпринимаются все необходимые меры для ускорения его движения на отведенный участок.

Воспользовавшись прекращением атак 37-го корпуса на свои позиции, 4-я горно-егерская дивизия предприняла собственное наступление. 3-й батальон 99-го горно-егерского полка выдвинулся по дороге от Покатилово на север и занял Тарасовку. 91-й горно-егерский полк занял линию Россоховатец – перекресток в 4 км юго-восточнее села Копенковатое – высота 203, 2-й батальон 13-го полка перешел р. Ятрань и захватил плацдарм с господствующей выс. 193. Отсюда можно было развивать наступление на Копенковатое. Успех был достигнут с большим трудом, полку пришлось выдержать несколько контратак советских войск, которые стремились вернуть важный для себя пункт – перекресток дорог юго-восточнее Копенковатого[172].

Также оставался незанятым значительный отрезок от Копенковатого на восток до р. Синюхи. Сюда в ближайшее время предполагалось перебросить 1-ю горно-егерскую дивизию. А пока на участок спешно выдвинули 3-й батальон 99-го полка. Указанная часть размещалась на берегу Ятрани у с. Покогилово, и теперь ей предстояло пройти вдоль дороги на север в сторону с. Копенковатое.

Но за левым флангом полка все еще сохранялась не прикрытая

войсками брешь, достигавшая 5 км. Оборонительный рубеж по обоим склонам выс. 193 между селами Перегоновка – Рогово был занят только одним батальоном 13-го горно-егерского полка. Между с. Рогово и Дубово располагался усиленный противотанковый дивизион 97-й дивизии. Таким образом, 4-я горно-егерская дивизия занимала в обороне по фронту с разрывами до 20 км, что делало ее позиции уязвимыми для массированной атаки. И каждый новый бой приносил егерям новые потери.

Уже в 3.30 по обороне 91-го открыла огонь советская артиллерия, ознаменовав своими выстрелами новую фазу в противостоянии двух сил – борьбу в условиях оформившегося окружения. Противник, подошедший к перекрестку накануне поздним вечером, еще не успел как следует закрепиться, шанцевые работы были в полном разгаре, и теперь их приходилось завершать под обстрелом.

Как только рассвело и рассеялся утренний туман, в 5.30 от леса за с. Копенковатое показались первые атакующие цепи красноармейцев. По немецким оценкам, их было около батальона, двигавшихся при поддержке трех танков. Командир 3-го батальона майор Кирххоф объявил тревогу, и его егеря, совершившие накануне 50-км марш и не успевшие отдохнуть короткой августовской ночью, торопливо заняли свои позиции. Приданная 1-я батарея 94-го противотанкового дивизиона открыла огонь по танкам и вскоре вывела их из строя. Егеря, в свою очередь, отразили атаку пехоты с большими для нее потерями.

Не успел противник порадоваться победе, как еще одна группа атакующих нанесла удар по никем не прикрытому участку между 2-м и 3-м батальонами 91-го полка. Атакованной оказалась колонна немецких тыловых служб, она же и подняла тревогу. Немедленно командир 91-го полка бросил в бой свой единственный резерв – роту 73-го саперного батальона – вдоль дороги на выс. 203. Около двух часов – с 7.00 до 9.00 на этом направлении шел бой. Победа осталась за противником. Одна рота красноармейцев, спасаясь от уничтожения, укрылась на пшеничном поле. После окончания боя она была обнаружена и пленена[173].

Короткую передышку командир 91-го полка использовал для налаживания взаимодействия между своими батальонами. И, как оказалось, вовремя, так как сначала 2-й батальон, а в 12.00 – 1-й, – оказались под ударами крупных сил советских войск. Со значительными трудностями противник сумел отбить все атаки. После короткого перерыва на позиции егерей обрушила огонь советская

артиллерия. Как только обстрел прекратился, в бой вновь бросились пехотинцы. В 15.40 был атакован 1-й батальон, а в 17.30 мощнейший удар пришелся по всему 9-км фронту 91-го полка. При поддержке артиллерии и танков вновь и вновь поднимались в атаку красноармейцы, стараясь выбить противника с занимаемых ими позиций. В ответ открыла огонь немецкая артиллерия, особенно эффективным был огонь противотанковых орудий и пушек 3-го и 4-го дивизионов 94-го артполка под командованием оберстлейтенанта Штрохаммера. Только крайнее напряжение сил позволило противнику удержаться, хотя на ряде участков дело доходило до рукопашных схваток. В 21.00 бой временно прекратился, и противоборствующие стороны получили время на передышку и приведение себя в порядок[174]. Но вплоть до истечения суток позиции егерей 1-й и 4-й дивизии подверглись нескольким новым атакам от с. Копенковатое. Все они были отражены, и только после полуночи смолкли последние выстрелы и установилась хрупкая тишина.

Понимая неустойчивость своей обороны в южном секторе, командование XXXXIX корпуса старалось всячески уплотнить боевые порядки. Прикрытие стыка между 13-м и 91-м полками было поручено 94-му разведывательному батальону, в тылу позиций которого разместилась артиллерийская группа 94-го артиллерийского полка в составе 3-го и 4-го дивизионов, усиленная батареей ПВО, а в селе Полонистое – рота 73-го саперного батальона. В 19.40 был получен приказ из штаба корпуса: «4-я горно-егерская дивизия сильно скована противником восточнее Копенковатого. Поэтому 1-я дивизия продолжает наступление вплоть до линии Терновка – Россоховатец»[175]. К исходу 3 августа генералу Л. Кюблеру стало понятно, что уничтожить окруженную группировку советских войск так просто не удастся. Необходимо готовить планомерное наступление, подтягивая на наиболее важные участки дополнительные части.

На 4 августа были поставлены следующие задачи немецким дивизиям: «1-я горно-егерская дивизия во взаимодействии с правым флангом 4-й горно-егерской дивизии предотвращает в районе северо-восточнее выс. 186 западнее Терновки отступление врага на Терновку. 4-я горно-егерская дивизия предотвращает прорывы врага на юг и запад. После отражения вражеских попыток прорыва продвигается в направлении на Подвысокое. 125-я пехотная дивизия после занятия Оксанино двигается на юго-восток и берет направление на линию Подвысокое – выс. 185, в 5 км северо-восточнее Подвысокого, левым

флангом на Теклиевка – Торговица»[176].

Ограничившись в западном секторе обороной, войска XXXXIX корпуса продолжили наступление на позиции 49-го стрелкового и 2-го механизированного корпусов. К началу дня части 125-й дивизии находились примерно в 25 км от реки Синюхи и в 7 км от большого с. Оксанино. Оно располагалось по обе стороны реки Ревуха и имело протяженность с севера на юг около 7 км. Подходы к нему прикрывались значительным лесным массивом 1000x800 м, который был занят советскими войсками. Позиции были хорошо укреплены и усилены несколькими танками.

Зачистка леса проводилась силами 1-го и 2-го батальонов 419-го полка, которые наступали, соответственно, слева и справа. Никто не предполагал, исходя из опыта предшествующих дней, что здесь наступающим войскам будет оказано серьезное сопротивление, и неожиданно рядовая зачистка превратилась в кровопролитный бой.

Пришлось готовить атаку по всем правилам военного искусства. 1-й и 2-й батальоны расположились по линии примерно в 300–500 м восточнее от сел Бабанка и Свинарка. В 1-м батальоне впереди наступала 2-я рота, справа сзади от нее – 3-я, еще сзади – 1-я. Каждой роте была придана группа тяжелых пулеметов, а 2-й и 3-й еще и по одному наблюдателю. В поддержку также прибыл огневой взвод противотанкового дивизиона.

Атаку обеспечивали 2-й и 3-й дивизионы 125-го артиллерийского полка дивизии и части 2-го дивизиона приданного 52-го артполка. На южной окраине с. Бабанка были оборудованы позиции 1-го дивизиона 125-го артполка, но он оказывал огневую поддержку, в основном, 420-му полку.

Артиллерийская подготовка началась в 12.15 и продолжалась пятнадцать минут. Под его прикрытием атакующие батальоны продвинулись по открытой местности максимально близко к опушке леса. Но здесь наступление вновь застопорилось, так как поддержку стрелкам стали оказывать хорошо замаскированные в лесу орудия и два танка[177].

Здесь, в лесу под с. Оксанино, держали оборону остатки 49-го корпуса генерала С.Я. Огурцова, которых поддерживали танкисты 44-й танковой дивизии. В их распоряжении к этому времени осталось всего 2 танка Т-34, которые и вели огонь по солдатам 419-го пехотного полка.

В полосе наступления немецкого 2-го батальона сопротивление было не настолько ожесточенным, и уже к 14.00 6-я рота передовыми

взводами смогла закрепиться на опушке. К 15.00 совместными действиями 6-я и 7-я роты оттеснили оборонявшихся красноармейцев на 200 м в глубь леса. Но в этот момент советские части заметили, что между 7-й ротой и 1-м батальоном образовалась большая брешь, и предприняли попытку обойти ее с фланга. Тот же маневр был предпринят и против 6-й роты. В густом лесу вовремя заметить передвижения красноармейцев немцам оказалось затруднительно, и они растерялись. Боевые порядки рвались, отовсюду слышались крики «Ура!», немцам казалось, что русские везде: спереди, справа, слева, сзади.

Все это время 1-й батальон был вынужден лежать в 150 м от опушки, не имея возможности поднять голову. Убедившись в тщетности попыток подойти к лесу, командир батальона вновь вызвал огонь артиллерии. Под прикрытием орудий 2-я и 3-я роты бросились вперед, стараясь как можно быстрее миновать открытое пространство. Таким образом удалось выбить оборонявшихся из занимаемых ими окопов. Часть красноармейцев сдалась в плен или была убита, часть отступила в Оксанино.

На устойчивости советской обороны, возможно, отразился отвод танков, совершенный по приказу командира 16-го мехкорпуса комдива А.Д. Соколова. Он направил их для выяснения обстановки в районе с. Тальное. Обратно вернулся только один танк, второй по дороге был подбит. Его командир старший лейтенант Бережной доложил, что со стороны Тального подтягиваются войска противника. В такой ситуации комдив А.Д. Соколов отвел свои части к лесу Зеленая брама[178]. Пехотинцы остались одни, и они не выдержали обстрела и натиска противника и тоже стали отходить.

В 20.00 оберет Фауленбах получил возможность донести, что лес и высоты восточнее с. Бабанка полностью заняты солдатами его полка. Тем не менее тяжелый бой в лесу, длившийся почти семь часов, стоил противнику 39 убитых и 93 раненых[179]. Высокая цена за небольшой лес.

Не особо удачными были действия наступавшего южнее дороги 420-го полка. Когда он силами 2-го батальона утром начал наступление на выс. 200, то был сразу накрыт огнем советской артиллерии и минометов. С фланга батальон был обстрелян из стрелкового оружия. Бой за выс. 200 стоил противнику еще 7 убитых и 26 раненых[180].

Генерал Л. Кюблер отверг предложение армии, по которому от 1-й горно-егерской дивизии требовалось переправиться на восточный

берег Синюхи. Он считал такую операцию нецелесообразной, сложно осуществимой и неэффективной с точки зрения достижения поставленных целей. Генерал предложил утвердить ранее принятое корпусом решение и атаковать по западному берегу Синюхи на Терновку[181]. Оберет В. Мюллер попросил время на раздумье и сбор сведений. Около 01.00 4 августа штаб 17-й армии утвердил решение командира корпуса.

После полуночи на связь с генералом Л. Кюблером вышел сам командующий 17-й армией генерал К. фон Штюльпнагель. Он сообщил, что, действуя в рамках военной субординации, он предпринял все от него возможное, чтобы получить представление о намерениях командования 1-й танковой группы. Далее генерал К. фон Штюльпнагель сообщил, что образовать единое командование боевыми действиями вокруг села Подвысокое не удалось, и никакого содействия со стороны 1-й танковой группы в виде наступление через Тишковку на Подвысокое или из-под Новоархангельска на Подвысокое ждать не приходится. Здесь корпус должен рассчитывать только на свои собственные силы[182].

По этой причине прибытие 97-й легко-пехотной дивизии на поле битвы было крайне необходимо. Для пользы общего дела генерал К. фон Штюльпнагель счел возможным посреди ночи потребовать от командования этой дивизии начать движение с самого раннего утра и хотя бы передовой группой выйти на участок Бабанка – Коржевая. 97-ю дивизию планировали поставить между 1-й и 4-й горно-егерскими, чтобы в дальнейшем нанести фронтальный удар на Подвысокое[183].

Ночь прошла относительно спокойно. Правда, около полуночи части 16-й моторизованной дивизии немцев были подняты по тревоге, так как от службы наблюдения пришло сообщение о выброске русского десанта. Как оказалось, над позициями дивизии, а также «Лейбштандарта» советские самолеты по ошибке сбросили контейнеры с боеприпасами для войск 6-й и 12-й армий. Из произошедшего противник сделал вывод, что положение со снабжением в окруженных частях плохое, поскольку им пришлось перейти на снабжение по воздуху. Кроме того, в «кольце», очевидно, остаются крупные войсковые штабы, если предпринимаются такие необычные меры[184].

Благодаря прорыву немецкой 16-й танковой дивизии на Первомайск и ее последующему соединению с венгерскими частями окружение 6-й и 12-й армий было завершено. Полностью осознавая сложившуюся ситуацию, командование окруженных в ночь на 4

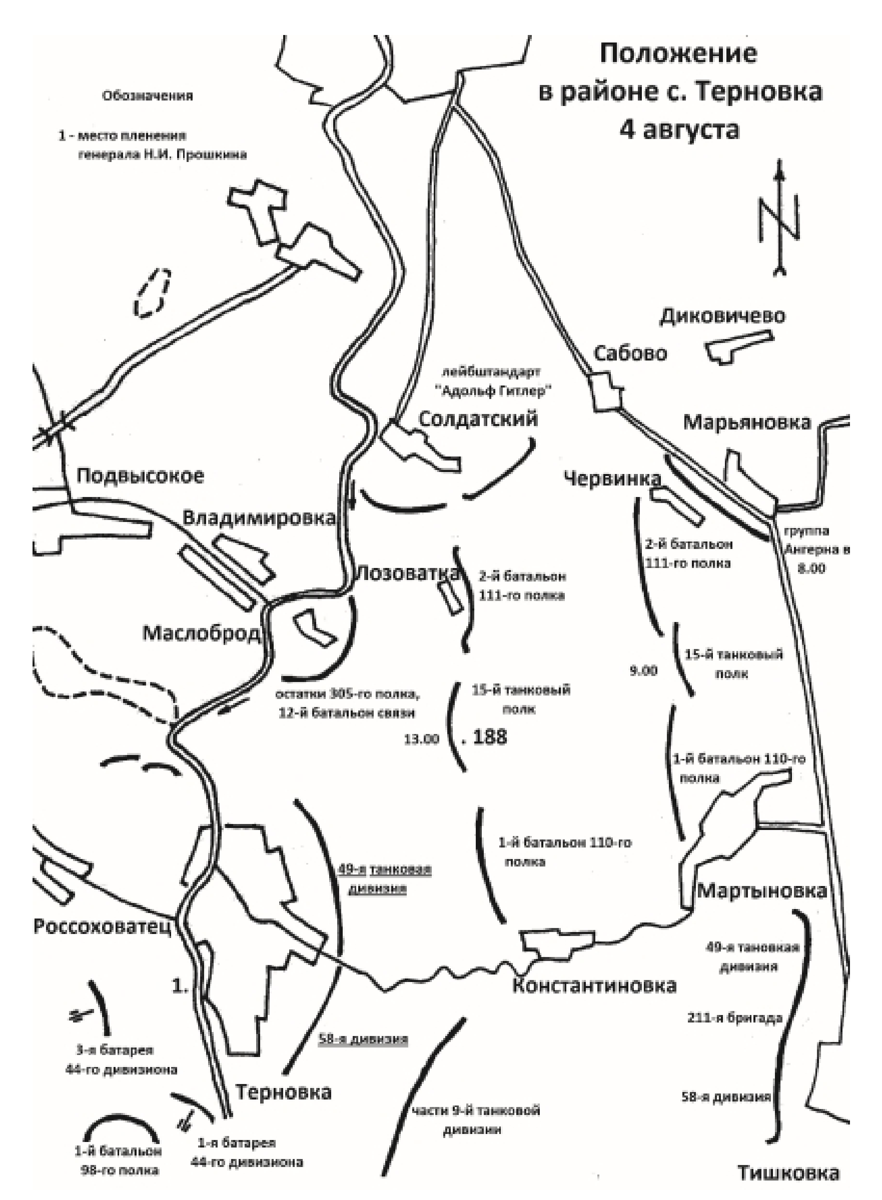
августа предприняло попытку вывезти из окружения наиболее ценные документы. Переправить их за линию фронта поручили летчику капитану Воронову, самолет которого, биплан У-2, стоял замаскированным на аэродроме неподалеку от с. Подвысокое. Фюзеляж набили ценными бумагами, и под покровом быстро сгущавшейся темноты самолет совершил короткий разбег и стал набирать высоту. Но как только он достиг немецких позиций, как сразу попал под обстрел и был подбит. Совершив круг, капитан Воронов, сам получивший ранение, сумел посадить самолет.

Вокруг этого эпизода после войны разгорелся ожесточенный спор между ветеранами. Часть из них обвинила начальника штаба 12-й армии генерала Б.И. Арушаняна в попытке улететь из окружения на этом самолете. И до конца жизни тот был вынужден оправдываться, причем в довольно резких выражениях. В своем письме ветерану В.Г. Воронину на предъявленное ему обвинение он ответил так: «Вы пишете, что меня Вы лично видели на какой-то лужайке вблизи аэродрома. Это глубокое заблуждение, а просто говоря – ложь. Я ни 2-го, ни 3-го, ни 4-го никогда в жизни не был вблизи аэродрома Подвысокое. Эти дни до 5-го августа включительно сидел у телефона как прикованный на командном пункте армии и руководил боем частей армии»[185].

Возможно, ветеранами была допущена досадная ошибка, и обвинения в адрес Б. И. Арушаняна беспочвенны. Действительно, еще 3 августа в штаб Южного фронта был направлен работник штаба армии подполковник Сафронов с поручением от Военного совета доложить сложившуюся обстановку и добиться отправки окруженным боеприпасов. Вполне допустимо, что именно его как штабного работника, не разобравшись, впоследствии идентифицировали с самим начальником штаба, упрекнув последнего в попытке бегства. В действительности генерал Б.И. Арушанян оставался в окружении вплоть до трагического прорыва 7 августа, после которого он долго выходил по немецким тылам к линии фронта.

4 августа, понедельник

Во второй половине дня основные силы немецкой 297-й дивизии сконцентрировались у с. Каменечье и Вишнополь. Вперед были высланы разведка и наблюдатели. По их сведениям, крупный оборонительный узел располагался вокруг выс. 209, 0, тогда как холмы западнее села заняты сравнительно незначительными силами. Немцы предполагали, что советские войска ушли оттуда в лес у с. Вишнополь. В самом селе Каменечье располагались крупные силы пехоты, усиленные артиллерией и танками. Ни 16-я моторизованная, ни 297-я пехотная атак в этот день не предпринимали.

Положение в районе с. Терновка 4 августа

Командование XXXXIV и XXXXVIII корпусов ожидало результатов наступления в районе Тишковки – Терновки. К тому же по-прежнему сказывался недостаток боеприпасов[186].

Действия советских войск на восточном берегу Синюхи противник расценил как создание плацдарма для вывода всей группировки из окружения. Поэтому командованием XIV моторизованного и XXXXIX

горно-егерского корпусов была спланирована операция по уничтожению прорвавшихся в район Новоархангельск – Терновка – Тишковка советских войск. Для этого были привлечены части 1-й горно-егерской дивизии, усиленные боевые группы 11-й и 9-й танковых дивизий и бригада «Лейбштандарт». Планировалось отсечь группировку советских войск от реки, рассечь на части и уничтожить.

На это же утро было запланировано советское наступление от Терновки в направлении на Тишковку. Для этого была образована ударная группа в составе 58-й и 44-й горно-стрелковых, 45-й[187] и 49-й танковых дивизий и 211-й воздушно-десантных бригад Общее командование было возложено на командира 58-й дивизии генерал-майора Н.И. Прошкина.

В целом подчиненная генералу Н.И. Прошкину группировка насчитывала в своем составе не более 3,4 тыс. активных штыков и около 30 орудий, из которых, к сожалению, не более десятка были пригодны для борьбы с танками. К тому же боезапас их был крайне ограниченным, только для некоторых калибров он достигал 15 выстрелов, для большинства же составлял 5–7, а для части орудий снарядов не было вообще. В составе группировки, по словам полковника Н.Н. Любимова, находилось всего 2–3 боеспособных танка.

Советское наступление было запланировано на 5.30 утра. На Новоархангельск повела атаку 44-я дивизия, но, наткнувшись на прочную оборону немцев, вернулась на исходные позиции. По этой причине поддержать наступление на Тишковку она не смогла. 45-я танковая дивизия к началу наступления так и не прибыла. Атака велась фактически только силами 58-й горно-стрелковой, 49-й танковой дивизии в составе двух танковых полков в пешем порядке и остатков 211-й бригады. Достигнув Тишковки, они наткнулись на передовые части немецкой 9-й танковой дивизии под командованием генерала А. фон Хубицки. На этом рубеже продвижение советских войск в восточном и северо-восточном направлении было остановлено.

На северном фасе плацдарма готовились к наступлению батальоны «Лейбштандарта». В соответствии с приказом по XXXXVIII корпусу им предстояло во взаимодействии с 11-й танковой дивизией захватить район от Новоархангельска до с. Маслоброд, стараясь предотвратить все попытки прорыва через р. Синюху.

Наступление противника началось в 8.00. При поддержке станковых пулеметов, выдвинутых в передовые линии 20-мм и 37-мм скорострельных орудий, эсэсовцы 3-го батальона преодолели

укрепленное русло ручья и захватили лежащие за ним высоты. В 11.50 через ручей перебрались солдаты 2-го батальона, образовав на его противоположном берегу плацдарм. Впереди лежало с. Солдатское, куда отошли потрепанные части 44-й дивизии. Первая попытка атаковать село оказалась для немцев неудачной: по ним открыли огонь пулеметы с выс. 140, 0. Эсэсовцы под их обстрелом залегли, подтягивая подкрепления и боеприпасы.

Вскоре от наблюдателей поступило сообщение, что высота хорошо укреплена. Командир 2-го батальона Виш принял решение подтянуть войска и атаковать высоту в лоб, чтобы не дать красноармейцам закрепиться. Основной удар нанесла 6-я рота, и после короткого боя высота оказалась захвачена. Оказалось, что с нее прекрасно просматривались не только с. Солдатское, но и берег р. Синюха. Рота эсэсовцев окопалась на захваченной высоте фронтом на запад.

В дальнейшем сражение превратилось во встречный бой советской пехоты против немецких танковых дивизий. Сильно растянутые по фронту части 44-й дивизии не смогли удержать рубежи обороны и стали быстро откатываться к реке. Однако пехотинцы 3-го батальона «Лейбштандарта» не успевали за продвижением танкистов. В результате между ними образовался никем не прикрытый разрыв. Около 20.00 левый фланг немецкого 3-го батальона был атакован конницей в количестве до двух эскадронов. Эсэсовцы с помощью автоматического оружия отразили ее и продолжили наступление.

К полуночи обергруппенфюрер Й. Дитрих доложил в штаб XXXXVIII корпуса, что поставленная перед его бригадой задача выполнена. Советская оборона сломлена, и пехота бригады на своем участке вышла к берегу р. Синюха. В плен взяты, по предварительным оценкам, 92 красноармейца.

Основные события разворачивались в полосе 11-й и 9-й танковых дивизий. В боевую группу оберста Ангерна с утра 4 августа входили 15-й танковый полк, 2-й батальон 111-го и 1-й батальон 110-го пехотных полков, 1-й и 3-й дивизионы 119-го артполка, а также саперы и зенитчики. Как и правый сосед, «Лейбштандарт» группа выступила в 8.00 из района села Марьяновка в направлении к р. Синюха. Уже в ходе наступления оберет Ангерн в личной беседе с командиром 9-й танковой дивизии договорился о примерной разграничительной линии. Она должна была пройти от села Константиновка вдоль русла ручья.

Атака боевой группы оберста Ангерна развивалась успешно. Уже в 9.00, сломив сравнительно слабое сопротивление противостоящих

советских войск, она достигла линии с. Чарвинки – Журовка – Мартыновка. В 12.00 после ожесточенного боя 15-й танковый полк занял выс. 188, расположенную севернее с. Константиновка[188].

Около полудня немцы провели сильную артиллерийскую подготовку, по окончании которой боевая группа 11-й танковой дивизии возобновила наступление. С юга ее действия поддерживали подошедшие части 9-й танковой дивизии XIV корпуса. Советские войска оказались в полукольце. Наступавшие на Тишковку советские части не выдержали встречного удара, перемешались и, стремясь избежать окружения, стали спешно откатываться по направлению к Синюхе.

В этот момент генерал Н.И. Прошкин, собрав вокруг себя немногочисленные сохранившие боеспособность части, попытался организовать контратаку от Терновки в общем направлении на юго-восток. Возможно, таким способом он надеялся приостановить немецкое наступление. Северное крыло контратаки пришлось по флангу немецкого пехотного батальона, занимавшего позиции у с. Константиновки, южное – по частям 9-й танковой дивизии. Однако противник сумел отразить удар и отбросил красноармейцев в исходное положение. Предпринятая бойцами генерала Н.И. Прошкина контратака захлебнулась, не принеся желаемого результата.

Отразив атаки, немцы возобновили наступление. В районе с. Лозоватка правофланговый пехотный батальон группы оберста Ангерна вступил в бой с красноармейцами, оборонявшимися на хорошо оборудованных позициях. Их сопротивление удалось сломить только после полудня, после чего немецкая пехота вновь пошла вперед, к р. Синюха.

Вскоре показалось большое с. Терновка. Остановившись на возвышенности напротив него, немцы прильнули к биноклям, стараясь оценить силы советских войск и их намерения. Вскоре наблюдатели пришли к выводу, что находящиеся в селе войска готовятся к обороне. Чтобы не дать им закрепиться, группа оберста Ангерна в 17.30 начала атаку.

Оборону Терновки, кроме пехоты, поддерживала артиллерия, преимущественно от 58-й дивизии. Но остановить немецкое наступление она уже не могла – количество снарядов было минимальным. Тем не менее бойцы 258-го гаубичного полка 58-й дивизии успели подбить два или три танка прежде, чем противник ворвался на их позиции. Без пехотного прикрытия артиллерия оказалась беззащитной, и ее огонь был быстро подавлен. Под

прикрытием огня артиллерии остатки 49-й танковой и 58-й стрелковой дивизии спешно отступили на окраину села Терновка, где находился противотанковый ров. Здесь и стали накапливаться войска, превратив его в последний рубеж обороны. Генерал Н.И. Прошкин и военком соединения бригадный комиссар М.Н. Пожидаев прилагали отчаянные усилия, чтобы имеющимися силами удержать берег. После того, как немцы захватили переправу через р. Синюха, расположенную на южной окраине Терновки, им удалось организовать контратаку и отбить переправу. По ней на западный берег стали переходить советские войска.

Одновременно вдоль западного берега Синюхи к Терновке вышла группа «Ланг» 1-й горно-егерской дивизии. Тылы 58-й дивизии и 24-го мехкорпуса, расположенные в Панском лесу, были уничтожены. «Мы направили туда (на Панский лес. – О.Н.) свои бинокли, – писал много лет спустя С.И. Гержов, – и увидели, как к лесу со всех сторон шли в наступление немецкие танки и автоматчики. В большом лесу было много наших войск. Там же осталась вся наша артиллерия… Легко было представить себе трагедию воинов наших батарей, не имевших горючего и боеприпасов»[189]. Как отмечал противник, удар пехотных соединений вверг советские войска в состояние хаоса[190].

Стало очевидно, что позиции под Терновкой уже не удержать и, чтобы спасти остатки своих войск, генерал Н.И. Прошкин отдал приказ всем переправляться на западный берег, пока его еще не заняли немцы. К этому моменту переправа была или уже разрушена, или находилась под обстрелом, поэтому пришлось переправляться вплавь. Как вспоминал впоследствии Г.И. Писаревский, «многие пытались переплыть реку, некоторым удавалось, а многие погибали на чистой глади воды от пулеметного огня противника. Многие и многие были сражены вражескими пулями во время форсирования реки. От того, что много погибло на воде реки, вода в реке стала бурой»[191].

Попытался перебраться на противоположный берег также и штаб 58-й дивизии. Он разделил печальную судьбу воинов своего соединения. Погиб военком дивизии М.Н. Пожидаев, пропал без вести начальник политотдела полковой комиссар А.М. Кудрявцев, попали в плен начальник артиллерии полковник И.М. Прокофьев, начальник оперативного отдела майор Г.С. Веденеев, а также командир 279-го полка полковник С.Н. Руденко.

Генералу Н.И. Прошкину удалось переплыть реку. Но ее западный берег оказался крутым и безлесным, и не давал практически никакой возможности укрыться от наступавших вдоль уреза воды горных

стрелков. Генерал до вечера прятался в прибрежной растительности, видимо, надеясь в темноте пробиться к своим. Но уже в сумерках немцы стали тщательно прочесывать прибрежные заросли в поисках спрятавшихся там красноармейцев и командиров. Так командир 58-й дивизии генерал Н.И. Прошкин оказался в плену[192].

Совместно с подошедшими с юга частями 9-й танковой дивизии боевая группа оберста Ангерна атаковала Терновку. После короткого, но ожесточенного боя, 20.15 село было захвачено. Зачистка Терновки и прилегающего к ней района продолжалась до наступления позднего вечера. В сумерках северо-восточнее Терновки обнаружился еще один очаг сопротивления. Для его уничтожения оберет Ангерн направил часть 231-го артиллерийского дивизиона. В это же время правый фланг 11-й танковой дивизии сломил сопротивление окопавшихся западнее села Лозоватки советских войск и также вышел на берег реки Синюха.

Еще один узел обороны сложился вокруг села Маслоброд. Сюда стекались остатки разгромленной в этот день 44-й дивизии. Еще в первой половине дня части «Лейбштандарта» вышли к этому населенному пункту, оттеснив туда остатки штаба 44-й дивизии и 12-й батальон связи. В течение дня все атаки противника удавалось отбивать, но к вечеру ситуация изменилась не в пользу бойцов 44-й дивизии.

Противник, уничтожив советские войска севернее и южнее села, завершил его окружение. После короткого минометного обстрела немцы пошли в новую атаку.

Самый ожесточенный бой развернулся на левом фланге, где в небольшой роще размещался дивизионный обоз. Прикрывавшие его бойцы решительно вступили в бой с немецкой пехотой, но удерживать противника долго они не смогли. Вечером к батальону «Лейбштандарта» прибыла танковая рота из состава группы оберста Ангерна. С ее помощью эсэсовцы смяли оборону, прорвались к небольшому оврагу, рассекавшему села на две части и на выходе из него установили минометы. Отсюда село и два мостика, перекинутых через Синюху, были как на ладони. Вскоре начался обстрел Маслоброда и переправы.

В этот момент командованию 44-й дивизии стало ясно, что плацдарм у Маслоброда уже не удержать, и оно отдало приказ отходить за реку. В надвигавшихся сумерках остатки разгромленных полков бросились к Синюхе. Никакого прикрытия выставлено не было. Воспользовавшись этим, немцы беспрепятственно вышли к берегу и установили там свои минометы и пулеметы. Два мостика,

соединявшие берега Синюхи у Маслоброда, были первыми же выстрелами разрушены, что полностью дезорганизовало переправу. Каждый спасался, как мог.

Перебираться через Синюху бойцам и командирам пришлось вплавь под сильным минометным и пулеметным обстрелом, стоившим жизни очень многим из них. Как вспоминал после войны бывший связист 44-й дивизии В.И. Бойко, «Синюха кипела от разрывов мин. Автоматные и пулеметные очереди рвали воздух»[193]. К берегу оказались прижаты и остатки 305-го горно-стрелкового полка во главе с его командиром подполковником К.С. Легкодухом. Уже находясь в лодке, отталкиваясь от илистого дна шестом, подполковник получил тяжелое ранение – осколком разорвавшейся поблизости мины ему срезало пальцы на обеих руках.

На правом берегу реки заместитель командира 44-й дивизии полковник Э.К. Дубровский и военком соединения полковой комиссар И.В. Тищенко торопливо организовывали оборону. Им удалось собрать вокруг себя всего около сотни боевого состава, практически лишенного вооружения и боеприпасов. 44-я дивизия, как ранее и 58-я, была разгромлена.

Ночью боевая группа оберста Ангерна заняла оборону по берегу вдоль русла реки Синюха. Сохранявшийся около Маслоброда пятачок блокировали две немецкие роты, обеспечивая прикрытие правого фланга. Поздно вечером оберст Ангерн получил приказ: 5 августа во взаимодействии с направленным от «Лейбштандарта» батальоном атаковать и занять Маслоброд. Для этого боевой группе подчинялся еще один пехотный батальон – 2-й батальон 110-го пехотного полка.

Оставшаяся часть войск дивизии вплоть до наступления вечера стекалась в Ямполь, где поступала в подчинение командира 111-го пехотного полка. Вечером командир 11-й танковой генерал Л. Крювелль мог доложить в штаб корпуса, что поставленная перед соединением задача по уничтожению советского плацдарма в районе села Терновка полностью выполнена. Немцы в полосе окружения контролировали теперь почти весь восточный берег Синюхи. Небольшой плацдарм сохранялся в районе села Маслоброд, но и он был ликвидирован под утро 5 августа[194]. В ходе зачистки были взяты в плен около тысячи красноармейцев.

К вечеру соединения немецких XIV и XXXVIII корпусов прочно закрепились на левом берегу Синюхи, а правый контролировался частями XXXXIX корпуса[195]. Фактически все советские войска, переправившиеся на восточный берег Синюхи, были уничтожены. 49-я

танковая, 44-я и 58-я горно-стрелковые дивизии, 211-я воздушно-десантная и 2-я противотанковые бригады как боевые соединения перестали существовать. По немецким данным, только 9-я танковая дивизия 4 августа взяла 5 тыс. пленных, среди которых около тысячи человек раненых[196]. Среди пленных оказалась значительная часть командования 49-й танковой дивизии: полковники К.Ф. Шевцов и Н.Н. Любимов, подполковники В.Ф. Сирко, Б.М. Матвеев и М.Д. Беренфельд.

В 15.00 4 августа командование Южного фронта все же санкционировало выход из окружения, только не в южном, а в восточном направлении[197]. Видимо, при принятии решения в штабе все еще рассчитывало на сохранение плацдарма на восточном берегу Синюхи, и именно через него там планировали вывод войск. Но своим наступлением противник опередил советские войска и нанес поражение войсковой группе генерала Н.И. Прошкина. На момент отдачи приказа выгодный плацдарм за Синюхой уже был утерян, и штабам 6-й и 12-й армий потребовалось заново формировать ударную группировку. Новый прорыв пришлось осуществлять в менее выгодном южном направлении.

Уничтожение войсковой группы генерала Н.И. Прошкина позволило немцам приступить к перегруппировке своих сил. Они начали постепенную переброску своих войск с северо-восточного фаса окружения в южном направлении для преследования остальных армий Южного фронта. В первую очередь планировалось снять со своих позиций полк «Вестланд» и 16-ю моторизованную дивизию. Но сделать это было возможно только после подхода с севера частей 297-й пехотной дивизии.

Получив разрешение на выход из окружения, командование группы Понеделина стало подтягивать войска к предполагаемому участку прорыва. На передислокацию войск ушла вся вторая половина дня 4 августа. Часть войск была снята с северного и западного участков и переброшена на юг. В район села Копенковатое из состава 2-го мехкорпуса была переведена 15-я дивизия, а из состава 16-го мехкорпуса – 44-я танковая, из 37-го стрелкового подтягивалась 80-я дивизия. Возможно, был переведен и 8-й корпус. В течение дня с целью улучшения позиций перед прорывом был предпринят ряд атак из района Рогово на высоту 193. Высоту удалось взять, но более существенного успеха здесь добиться не удалось.

К утру 4 августа в частях XXXXIX корпуса сложилась непростая обстановка. В течение предшествующих дней резко ухудшилось

снабжение боеприпасами, из-за плохих дорог тыловые службы не справлялись с их своевременным подвозом. Нехваткой боеприпасов объяснило свое нежелание переправляться на западный берег Синюхи командование 1-й танковой группы[198].

Но и в таких условиях генерал Л. Кюблер потребовал от своих подчиненных максимально возможного продвижения вперед. Утром 4 августа группе оберст-лейтенанта Ланга подчинили 1-й батальон 98-го и 3-й батальон 99-го полков. Первой целью, поставленной перед ними, стал захват выс. 186. Для общего руководства боевыми действиями в с. Покотилово перебрался командный пункт подполковника Ланга. В 10.30 выс. 186, находящаяся западнее с. Терновка, была захвачена. Так 1-я горно-егерская дивизия вышла в тылы оборонявшейся на восточном берегу Синюхи группировки генерала Н.И. Прошкина, лишив ее возможности получить подкрепление или вовремя эвакуироваться. Наступление егерей значительно облегчило атаку немецких 9-й и 11-й танковых дивизий.

Около 11.00 состоялись переговоры по радио между командованием 1-й горно-егерской и 9-й танковой дивизий. Из обмена мнениями стало понятно, что танкисты не рассчитывают отрезать советскую группировку от р. Синюха и образовать на ее восточном берегу «котел». Единственное, что они в состоянии сделать – разгромить и прижать красноармейцев к реке. А полностью уничтожить группировку можно только совместными действиями с егерями. Воздушная разведка, обследовавшая плацдарм в 10.00, сообщила о нескольких многочисленных колоннах, двигавшихся в направлении с. Константиновка. Противник опасался также, что какая-то часть советских войск сможет прорваться на восток и избежать уничтожения[199].

Чтобы предотвратить прорыв немецких войск к Копенковатому и Подвысокому, дивизии группы Понеделина с утра 4 августа предприняли атаки в южном направлении. В ночь на 4 августа под их давлением егеря 13-го полка были вынуждены оставить свои позиции на выс. 193. К утру правый батальон находился восточнее Перегоновки, тогда как левый батальон 91-го полка расположился в 1 км северо-восточнее выс. 203. Остальные силы 91-го полка удерживал линию Россоховатец – перекресток юго-восточнее с. Копенковатое – высота 203.

Благодаря совместным действиям 1-й и 4-й горно-егерской дивизий брешь между полками 4-й горно-егерской дивизии удалось сократить до 4–5 км. Учитывая повышенную активность войск группы

Понеделина на южном направлении, существование протяженного не занятого войсками участка представлялось весьма угрожающим. Поэтому в 12.30 оберет Кресс получил приказ в максимально возможном темпе предпринять марш на север и занять своими частями оборонительную линию по р. Ятрань между селами Орлово и Табановка. Чуть позже на позиции под с. Орлове перебросили 3-й дивизион 79-го артполка. Оттуда он мог вести заградительный огонь в трех направлениях. Одна из батарей (11-я) этого полка заняла позиции у с. Вербово, откуда получила возможность вести огонь по дорогам, ведущим из Терновки. Командир 447-го полка получил устный приказ генерала Л. Кюблера, в соответствии с которым он должен был вывести свои войска из Голованевка и перебросить в район с. Орлово через с. Наливайку. Его усилили 3-м дивизионом 258-го артиллерийского полка[200].

Также ускоренным маршем из района с. Плоско-Забугское выступил 3-й батальон 98-го горно-егерского полка. Он имел задачу перейти р. Синюха у с. Поповка и атаковать Терновку с юга. Вскоре необходимость в переправе на восточный берег отпала, так поступила информация, что 9-я и 11-я танковые дивизии успешно продвигаются вперед. В 16.10 3-й батальон вышел к выс. 186 западнее Терновки, откуда установил связи с командованием 9-й дивизии. Во взаимодействии танкистов и егерей завершился разгром группировки генерала Н.И. Прошкина.

В первой половине дня противнику приходилось отражать атаки советских войск на фронте обороны горно-егерских дивизий. Особенно напряженной оказалась ситуация против фронта 91-го полка. В течение дня ему вновь пришлось отражать неоднократные атаки. Командир 3-го батальона майор Кирххоф, осуществлявший руководство обороной перекрестка, при отражении одной из них был убит. В бою погибли многие егеря из его батальона, но важный участок немцам удалось сохранить за собой[201].

В 14.30 3-й батальон 99-го полка 1-й горно-егерской дивизии предпринял наступление на хут. Тарасовка. Вскоре хутор был взят, и оборонявшиеся лишились важного опорного пункта в южном секторе. Батальон в дальнейшем составил маневренный резерв командира 91-го полка, находившийся в готовности выдвигаться на угрожаемое направление.

Атаки на позиции 13-го полка начались с сильной артиллерийской подготовки. По утверждениям немцев, в ней принимали участие орудия калибром не менее 180-мм. Можно предположить, что на этом

участке огонь вели орудия 507-го корпусного артполка полковника А.Г. Акимова, в котором были соответствующие калибры. Еще в темноте 13-му полку пришлось отражать первые атаки. Вскоре, не удержав позиций, егеря были вынуждены оставить выс. 193 у Перегоновки. Вернуть ее удалось только в последующие дни.

Весь день 4 августа полки 4-й горно-егерской дивизии отражали атаки советских войск. Всего к исходу суток их насчитывалось уже восемнадцать. Поэтому никаких возможностей подготовить собственное наступление у немцев не было. В отдельных местах им даже пришлось отступить. На некоторых участках егеря смогли несколько улучшить занимаемые позиции, но все они были несущественными для общего хода сражения.

Участок Рогово – Дубово занимали егеря 97-го усиленного противотанкового дивизиона. Населенные пункты на восточном берегу реки Ятрань находились в руках советских войск. Командование 17-й армии осознавало слабость южного фаса окружения и считало его наиболее вероятным участком для прорыва. Удержать две советских армии двум горно-егерским дивизиям было явно не под силу. Но возможности армейского командования также были ограничены. Операция по разгрому 18-й армии продолжалась, фронт наступления все еще оставался очень широким, а резервов не было.

Поэтому все, что смогла направить в помощь XXXXIX корпусу армия, составил 477-й пехотный полк из состава 257-й пехотной дивизии. Из-под Голованевска он перебрасывался в подчинение командира 4-й дивизии генерала К. Эглзеера для прикрытия участка обороны в районе села Орлово. Это дало возможность командиру 4-й горно-егерской дивизии выдвинуть в первую линию 2-й и 3-й батальоны 91-го полка[202]. На следующий день перед ними была поставлена задача при поддержке десяти артиллерийских батарей начать наступление непосредственно на Подвысокое. Одновременно 13-й полк должен был атаковать село Копенковатое.

В течение дня продолжался подход частей 97-й дивизии. Она концентрировалась в районе Ольшанка – Бабанка. Намерением командира соединения генерала М. Фреттер-Пико было проведение еще 4 августа атаки для захвата плацдарма на восточном берегу реки Ятрань у села Ольшанка. Тем временем 257-я дивизия достигла села Дорожинка и высвободила находящуюся в этом районе группу «Пикер», которую генерал Х. Ланц немедленно направил на север, на соединение с основными силами своей дивизии.

Перед 125-й дивизией генерала В. Шнекенбургера на 4 августа

командование корпуса вновь поставило задачу по захвату Оксанино, после чего ей следовало двигаться в юго-западном направлении. В полосе наступления дивизии оборонялись соединения 49-го корпуса и сводный отряд 15-й танковой дивизии 6-й армии. Сюда же, в район Оксанино, после боев 2 августа отошли части 197-й стрелковой и сводного полка 8-й танковой дивизий. Части 197-й стрелковой дивизии расположились в так называемом «Гранатовом лесочке», рядом обустроились бойцы 8-й танковой.

Для наступления на Оксанино были определены 419-й полк, которому поручили двигаться севернее дороги на Теклиевку, и 420-й полк, следовавший к югу от нее. После тяжелых боев предшествующего дня 1-й и 2-й батальоны 419-го полка были отведены во вторую линию. В первую линию был поставлен 3-й батальон, который ранним утром перешел на восточную опушку леса. Каждая из его рот была усилена группой станковых пулеметов, группой крупнокалиберных минометов, противотанковым орудием и одним штурмовым орудием. Южнее дороги изготовился к атаке 3-й батальон 421-го полка, который еще с 31 июля был придан 420-му полку. В его боевых порядках следовало одно штурмовое орудие, артиллерийскую поддержку оказывал третий дивизион 125-го артполка.

Наступление предваряла короткая артподготовка 2-го и 3-го дивизионов, направленная на западную окраину села. Обстрел, начавшийся в 12.00, оказался очень эффективным, особенно на участке 8-й танковой дивизии, которая понесла исключительно большие потери. В 12.30 началась атака немецкой пехоты. Ее основной удар пришелся по левому флангу 197-й дивизии. Её полки не выдержали и полями стали отходить в сторону с. Теклиевка. Остановить их отступление командиру дивизии полковнику С.Д. Губину удалось только в большом лесу восточнее «Гранатового лесочка»[203].

В 14.00 немецкие батальоны под прикрытием возобновившегося артобстрела вновь пошли вперед. Вскоре они вошли на окраину села, которое пересекалось узкой, с обрывистыми склонами, балкой, по дну которой протекал ручей. Только в самом селе немцы натолкнулись на сопротивление. Основные бои развернулись вдоль главной улицы и возле мостиков через балку. Неоценимую помощь наступающим оказала поддержка пулеметных групп и штурмовых орудий. К 15.00 восточная часть Оксанино была занята, одновременно 2-й батальон 419-го полка ворвался на северную окраину села.

Вскоре поступил приказ из штаба дивизии прекратить

преследование отходящих советских войск и закрепиться на достигнутых рубежах. Но командиры батальонов, видя, что красноармейцы не предпринимают попыток остановить отход и начать контратаку, приняли самостоятельное решение продолжить наступление, чтобы захватить высоты, расположенные в 2 км восточнее Оксанино. Немецкие солдаты справедливо полагали, что если дать русским возможность закрепиться, выбить их с занимаемых позиций будет очень сложно[204].

Около 14.40 указанных высот достиг 419-й полк, немного позже подтянулся и 3-й батальон 421-го. Пехотинцы немедленно стали окапываться, ожидая контратаки. И действительно, вскоре со стороны сел Теклиевка и Небеливка показались цепи красноармейцев, двигающиеся по обе стороны от дороги. Их поддерживали два танка, несколько бронеавтомобилей и грузовиков с установленными на них счетверенными пулеметами.

В этой атаке приняли участие полки 15-й дивизии генерала Н.Н. Белова, в первую очередь 16-й мотострелковый полк подполковника И.К. Окропиридзе. К утру 4 августа полк занимал позиции в лесу севернее Теклиевки. Неподалеку держали оборону 11-й и 47-й мотострелковый полки. Когда после отхода частей 49-го корпуса из-под Оксанино в обороне советских войск возник разрыв, генерал Н.Н. Белов принял решение на контратаку. Для ее проведения в распоряжении корпуса было еще 60–70 исправных танков БТ и Т-34. Перед атакующими была поставлена задача нанесения удара по флангу прорвавшихся немецких войск с тем, чтобы сбить их с высот, не дав закрепиться[205].

Контратака в полосе обороны 3-го батальона 419-го полка была сравнительно легко и быстро отбита, а вот на участке 3-го батальона 421-го возник кризис. Основной удар наносился вдоль дороги, непосредственно к которой примыкали оборонительная линия этого батальона. Используя невыгодную позицию немцев, советские части сбили их с высот и заставили отступить на 300–400 м. Остатки 3-го батальона были вынуждены загнуть фронт на юг, в сторону дороги. То же сделал и 1-й батальон 420-го полка. В результате такого маневра прорвавшиеся красноармейцы оказались в огневом «мешке» и отступили. К вечеру высоты были полностью в руках немцев. В течение дня 125-я дивизия захватила в плен около 600 красноармейцев, оба принимавших участие в атаке советских танка были подбиты. Собственные потери противника оказались незначительными[206].

Несмотря не вполне успешно проведенное наступление, 125-я

дивизия была вынуждена остановить свое дальнейшее продвижение. Причинами этого стало не только упорное сопротивление окруженных, но и острая нехватка боеприпасов. Аналогичная ситуация сложилась не только в частях XXXXIX корпуса, но и XXXXIV корпуса, а также в дивизиях группы Э. фон Клей ста. Вследствие этого 24-я дивизия была вынуждена отказаться от запланированного наступления и перешла к обороне на линии 1 км севернее Оксанино – высота 213 – Вишнополь.

Учитывая обстоятельства, к вечеру 4 августа генерал Л. Кюблер пришел к убеждению, что сложилась благоприятная возможность на следующий день нанести решительный удар по окруженным советским армиям. Все боеприпасы, которые можно найти в тыловых частях, следовало направить на передовую. Приказ гласил: «XXXXIX корпус 5 августа решительным концентрическим наступлением всех дивизий наносит смертельный удар по окруженному врагу. Сражение завтрашнего дня должно завершиться окончательным уничтожением врага. Для второго большого наступления боеприпасы отсутствуют». Цели дивизий были следующими:

– для 1-й горно-егерской – захват высот по руслу ручья Бондаровка;

– для 4-й горно-егерской – захват южной боевой группой села Подвысокое, западной – восточной окраины села Копенковатое;

– для 97-й дивизии – занятие восточной окраины леса к западу от села Подвысокое;

– для 125-й дивизии – взятие восточной окраины леса, расположенного восточнее сел Небелевка – Торговица[207].

Главный удар в предстоящей операции предстояло сыграть 1-й горно-егерской дивизии. Именно ей предстояло захватить Подвысокое, где располагались штабы обеих окруженных армий.

Для выполнения поставленной задачи генерал Х. Ланц сформировал три боевые группы, две атакующие и одну группу прикрытия. В боевую группу «Ланг» вошли: 1-й батальон 98-го полка, 1-й батальон 99-го полка, 44-й противотанковый дивизион и 3-я саперная рота. Они должны были наступать вдоль течения Синюхи в направлении на село Владимировку, частями передовой группы прикрывая фланг дивизии между Поповкой и Терновкой.

Слева от них должна была действовать боевая группа «Пикер» в составе 3-го батальона 98-го полка, 3-го батальона 99-го полка и 1-й саперной роты. Им было поручено занять высоты вдоль ручья Бондаровка. На поддержку обеих боевых групп была ориентирована

вся дивизионная артиллерия.

Наконец, оберет Кресс возглавлял 2-й батальон 99-го полка, полевой запасной батальон и передовую группу 97-й дивизии, которым поручалось прикрытие левого фланга дивизии от Орлово до Табановки и ее тыла. Цели наступления для дивизии определялись так: сначала захват течения реки Ятрань, потом выход на высоты у Бондаровки, далее на высоты, расположенные севернее, и конечная цель – захват села Левковка[208].

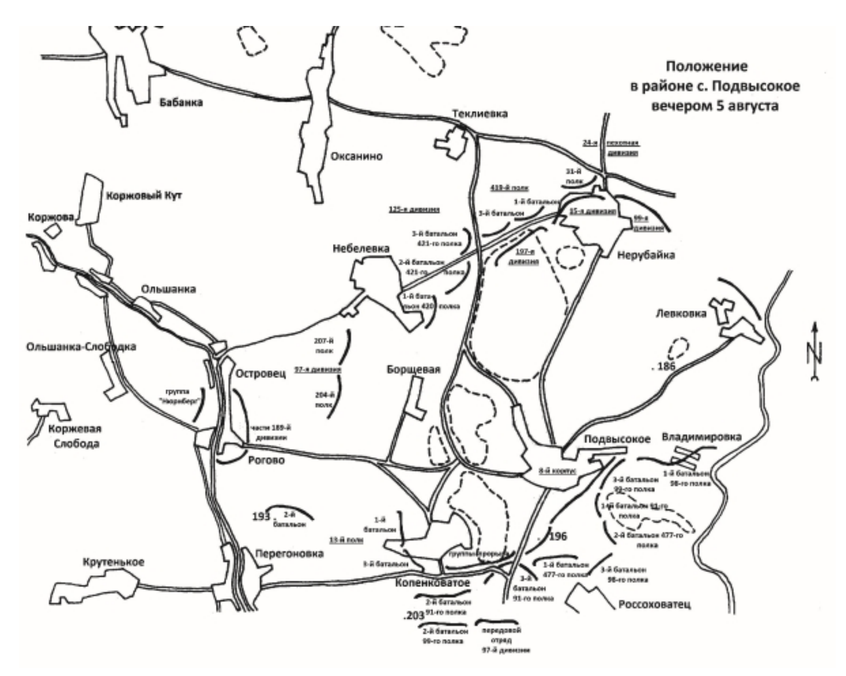
Для советских войск день оказался полным разочарования. Надежды на соединение с 18-й или 26-й армиями рухнули окончательно. Единственным выходом из ситуации был немедленный прорыв из окружения. Но, к сожалению, точной информации о прохождении линии фронта у командования группы Понеделина не было.

Командующий Южным фронтом генерал И.В. Тюленев все еще надеялся на благополучный вывод двух окруженных армий и воссоединение войск фронта. На 5 августа он предложил им такой вариант действий. Бойцы 6-й и 12-й армий теперь должны прорываться на восток в общем направлении на Новоукраинку. Здесь, на рубеже ст. Адабаш – ст. Помошная – Новоукраинка, их встречали курсанты Одесского пехотного училища под командованием полковника Шерстнева. В случае успеха армиям генералов И.Н. Музыченко и П.Г. Понеделина предстояло занять оборону от Новомиргорода до Новоукраинки[209]. О том, что плацдарм на левом берегу Синюхи уничтожен противником, а 13-й корпус фактически разгромлен, штаб фронта в расчет не принимал.

5 августа, вторник

Приказ по XXXXIX корпусу на 5 августа нацеливал, как уже сообщалось, на проведение концентрического наступления, итогом которого должно было стать уничтожение окруженных армий. Генерал В. Кемпф, дождавшись подхода соединений XXXXIV корпуса, стал выводить свои соединения из боя и готовить их к маршу через Вознесенск на Николаев.

На 5 августа командованием группы Понеделина был намечен общий прорыв из окружения. Основной удар планировалось нанести не в восточном, как предписывалось командованием Южного фронта, а в южном и юго-восточном направлениях. Но подготовка к прорыву осложнялась критическим положением с обеспечением боеприпасами. Предшествующие бои привели к истощению их запасов, особенно трудная ситуация сложилась артиллерийских и минометных частях. В условиях окружения осуществлять снабжение было возможно только по воздуху. Но вследствие противодействия со стороны неприятельской авиации переброска боеприпасов производилась только ночью и была не в состоянии обеспечить потребности окруженных[210].

Положение в районе с. Подвысокое вечером 5 августа

На 5 августа штабы 6-й и 12-й армий разработали следующий план выхода из окружения:

– 12-я армия образовала ударную группировку в составе 8-го и остатков 13-го стрелковых, а также 24-го механизированного корпусов;

– 6-я армия – в составе 37-го стрелкового и 16-го механизированного корпусов.

– Из соединений 49-го стрелкового и 2-го механизированного корпусов формировалась группа прикрытия, оборонявшаяся на линии Левковка – Торговицы – Нерубайка – Небелевка – Островец. Общей целью операции предполагался организованный выход из окружения при максимальном сохранении живой силы и материальной части в направлении на Первомайск, где предполагалась соединение с 18-й армией.

Группам прорыва ставились следующие задачи:

– 24-му мехкорпусу – наступать вдоль русла реки Синюха на юг;

– 8-му стрелковому корпусу – отбить Терновку и далее развивать наступление на юго-восток;

– 37-му стрелковому корпусу силами 80-й дивизии захватить к утру 5 августа переправы через Ятрань на участке Лебединка – Орлово и

далее наступать на Троянку;

– 16-му мехкорпусу, усиленному группой полковника П.С. Фотченкова и 3-й противотанковой артиллерийской бригадой, – занять переправы между Терновка – Покотилово и далее наступать на Тарасовку[211].

Крупным недостатком приказа стало отсутствие в нем четко сформулированных задач частям для действий после того, как они преодолеют линию немецкой обороны. В дальнейшем это обстоятельство сыграет свою отрицательную роль.

К 5 августа в войсках противника также ощущалась острая нехватка боеприпасов. Поэтому 5 августа должно было стать последним днем сражения за Подвысокое, завершившимся полным уничтожением окруженных советских армий. В 22.30 4 августа был издан приказ на наступление. Солдатам 1-й горно-егерской дивизии поручалось отрезать группу Понеделина от реки Синюхи. Соседние 4-я горно-егерская дивизия во взаимодействии с 97-й легко-пехотной должны были штурмовать села Подвысокое и Копенковатое. Поддержку им оказывал вновь прибывший 477-й пехотный полк. Северо-западный фронт окружения формировали полки 125-й дивизии. Перед авиацией ставилась задача по нанесению ударов по районам Торговица – Небелевка – Подвысокое. Районы возможных прорывов прикрывались группой «Кресс» (села Тарасовка – Слесаренко) и 54-м запасным батальоном (село Лебединка – река Ятрань). Артиллерийская поддержка обеспечивалась десятью батареями для 91-го горно-егерского и 477-го пехотного полков и пятью батареями для 13-го горно-егерского полка. Готовность к наступлению – 10.00. Начало общего наступления запланировано на 11.00[212].

Генерал Л. Кюблер утром 5 августа выехал в войска, чтобы проверить их готовность к атаке. Своим личным присутствием он стремился вселить в солдат и офицеров уверенность, что грядущий день станет переломным, и для врага, несмотря на всю проявленную в боях стойкость, настает последний день его героической борьбы [213]. Для гарантированного решения задачи генерал Л. Кюблер нацелил на центр управления окруженными советскими войсками – село Подвысокое, – сразу два полка 4-й горно-егерской дивизии, 91-й и 477-й. Этого удара, по мнению генерала Л. Кюблера, должно было быть достаточно.

Прибывший рано утром в район с. Копенковатого генерал К. Эглзеер лично поставил задачу 477-му полку. Один из батальонов

должен был поддерживать атаку егерей, двигаясь за ними от хут. Дмитриевское. Для будущего наступления 1-й батальон вместе с 13-й и 14-й ротами перешли к с. Покатилово, тогда как 2-й и 3-й батальоны остались у с. Орлово. Приданный 3-й дивизион 357-го артполка поступил в распоряжение командующего артиллерией 4-й дивизии оберст-лейтенанта Штроменера. Тот приказал орудийным расчетам занять огневую позицию у хут. Тарасовка.

Но советские войска опередили немцев с переходом в наступление, что заставило немцев на ходу пересматривать свои планы. Уже ночью 14-й роте 477-го полка пришлось прийти на выручку 2-му батальону 91-го полка. Его позиции в районе с. Рассоховатец подверглись сильным атакам советских войск, поддержанным двумя бронемашинами, и прибывавшее подкрепление оказалось как нельзя кстати. К рассвету бой прекратился, немцы свой фронт удержали.

Рано утром солдаты 477-го полка получили новый приказ: им надлежало быть готовыми предпринять наступление вдоль дороги Дмитриевское – Слесаренко, командный пункт полка разместился в с. Тарасовка, наблюдательный пункт командира – в лесочке в 1 км южнее выс. 203[214].

Тем временем бойцы 6-й и 12-й армий заканчивали приготовления к прорыву из окружения. Общий приказ по группе Понеделина был отдан в 2.00, начало наступления было назначено на 9.00[215]. По сигналу красноармейцы 6-й и 12-й армий атаковали оборонительные порядки 1-й и 4-й горно-егерских дивизий и XIV моторизованного корпуса. От Подвысокого силами 99-й и 72-й дивизий пытался наступать 8-й корпус генерала М.Г. Снегова. От Копенковатого прямо на юг наносили удар соединения 37-го корпуса комбрига С.П. Зыбина. Противник, в свою очередь, с самого утра предпринимал неоднократные обстрелы опушки леса у села Копенковатое, где концентрировались советские войска для прорыва, его авиация наносила периодические удары по глубине лесного массива, где, в основном, находились автомашины и танки, оставшиеся без горючего, а также дивизионные и армейские тылы.

Артиллеристы дивизий 6-й армии, поддерживая наступавшие части, в первые же часы боя выпустили по позициям противника последние боеприпасы. Они рассчитывали на помощь со стороны начальника артиллерии армии генерала Г.И. Федорова, который обещал выдать необходимые снаряды из собственного резерва. Но тот своего обещания так и не выполнил, несмотря на настойчивые просьбы начальников артиллерии дивизий. Поэтому к середине дня

артполки прекратили огонь. Пехота осталась без поддержки, а сами артиллерийские полки перестали быть таковыми и превратились в обоз.

Около полудня генерал Г.И. Федоров с группой автоматчиков появился в расположении 77-го стрелкового полка 80-й дивизии. Он потребовал от командира полка майора Н.А. Новикова немедленно атаковать противника и выйти к реке Синюха. Когда тот сослался на отсутствие артиллерийской поддержки, генерал возмутился и отстранил его[216]. Так, в ответственнейший момент полк лишился командования, а майор Н.А. Новиков весь день просидел на своем наблюдательном пункте в бездействии.

Противник тем временем готовился к отражению возможных атак окруженных и проводил усиление своих передовых линий на наиболее угрожаемых направлениях. В ночь на 5 августа, не известив генерала X. Ланца о своем решении, командир 91-го полка перевел приданный 3-й батальон 99-го полка из-под с. Тарабановка в район перекрестка у Копенковатого. Из штаба 98-го полка сообщили, что для намеченного наступления могут выделить всего одну роту. По приказу оберста Пикера она поступила в распоряжение 3-го батальона 99-го полка. Оборонявшийся вокруг Россоховатца 1-й батальон 91-го полка оказался скован боем и поддержать наступление не мог.

С утра в штаб XXXXIX корпуса стали поступать противоречивые сообщения из частей. Так, командир 125-й дивизии доложил о полной готовности своего соединения к атаке. Также и командир 97-й дивизии сообщил, что, отразив атаки советских войск, он может приступить к выполнению поставленной задачи. В первой линии дивизии в готовности к наступлению стоят 204-й и 207-й полки. Но от имени командира 4-й горно-егерской дивизии доложили, что позиции его соединения атакованы советскими войсками по всей длине, войска скованы боем, и особенно угрожающая обстановка создалась на восточном фланге, где, вероятно, наносится главный удар.

Генерал Л. Кюблер понял, что так долго ожидаемый прорыв из окружения начался. И, как предполагалось ранее, основной удар наносится в южном направлении. Но, пребывая в уверенности, что советские войска не выдержат совокупной мощи всех частей XXXXIX корпуса, он решил продолжить выполнение своего наступательного плана. В 12.00 он доложил командующему 17-й армии: «В настоящий момент все дивизии горного корпуса предпринимают общее наступление, чтобы нанести врагу под Подвысокое смертельный удар»[217]. Одновременно он попросил у командира XXXXIV корпуса

содействия в виде наступления силами 24-й дивизии на Нерубайку.

Попытки прорыва через немецкую оборону на южном фасе окружения продолжались всю первую половину дня. И все это время предназначенные планом для наступления на Подвысокое батальоны 1-й и 4-й горно-егерских дивизий были заняты удержанием своих позиций. В ряде случаев положение становилось настолько критическим, что командирам соединений пришлось бросить в бой все свои резервы.

Тогда с целью поддержки своих войск, дезорганизации управления советскими частями и срыва дальнейших попыток прорыва противник в 12.00 начал массированный обстрел из артиллерии всего пространства окружения[218]. Особенно мощным и эффективным он оказался в районе южной окраины леса Зеленая брама и села Копенковатое. На этом участке во время обстрела погибли начальник артиллерии 6-й армии генерал Г. И. Федоров и командир 37-го корпуса комбриг С.П. Зыбин, которые занимались подготовкой к прорыву. В этот момент неподалеку оказался делегат связи от 87-го танкового полка 44-й танковой дивизии А.А. Каменцев. После войны он рассказывал: «Командный пункт командира 37-го ск располагался на небольшой поляне, под вековым огромным дубом, метрах в 300 от дома лесника, что в урочище Хощева… Я передал пакет от Соколова начальнику штаба 37-го ск и остался ждать около палатки. Через несколько минут вышел сам комбриг Зыбин, вручил мне небольшой пакет для Соколова и на словах просил передать, что 141-я сд сегодня ночью, т. е. 4 или 5 августа, отбила с. Перегоновка и пытается продвинуться до с. Семидубы. Я сел на своего коня и шагом поехал в глубь леса на КП Соколова… Минуты через 3–4 начался немецкий артналет (били из тяжелых минометов). Я лег на землю. Налет продолжался минут десять. Мимо меня пробежал какой-то окровавленный капитан, кровь текла из рассеченного лба. Он крикнул мне, что только что убили миной комбрига Зыбина… Через час (приблизительно) приехал какой-то офицер из 37-го ск и сказал начальнику оперативного отдела 16-го мк майору Шевченко, что с Зыбиным убито еще 7 или 8 офицеров из штаба корпуса и что Зыбин похоронен там же, где был КП».

Случилось это ок. 18.00. Управление войсками на южном фасе после гибели комбрига С.П. Зыбина было передано командиру 16-го механизированного корпуса комдиву А.Д. Соколову. Немецкий обстрел сорвал подготовку новых атак со стороны окруженных советских войск и на некоторое время нарушил управление войсками.

Возникшая пауза позволила соединениям XXXXIX корпуса перейти в наступление. Генерал X. Ланц с несколькими офицерами своего штаба занял наблюдательный пост на выс. 186. Отсюда он надеялся руководить продвижением частей своего соединения. Около полудня горные егеря перешли в наступление. Первыми выступили 2-й батальон 98-го полка и, слева от него, 3-й батальон. В 13.30 в атаку перешла 4-я горно-егерская дивизия, сравнительно быстро заняв выс. 196. Только через два часа к ним присоединились 91-й полк и 3-й батальон 477-го полка, атаковавшие в сторону восточной окраины с. Копенковатое. Стык между ними обеспечивал 1-й батальон 477-го полка.

В 12.30 предпринял атаку находившийся на левом фланге 91-го полка 1-й батальон 477-го полка. Его целью были село Россоховатец и расположенная за ним выс. 196. Несмотря на сильный артиллерийский огонь со стороны оборонявшихся, немецкая атака увенчалась успехом. Находившиеся здесь полки 80-й дивизии генерала В.И. Прохорова были вынуждены отступить. В дальнейшем частям 477-го полка надлежало во взаимодействии с 1-м батальоном 91-го полка захватить южную окраину с. Подвысокое.

Несмотря на достигнутые успехи, генерал Л. Кюблер понял, что разгромить окруженную группировку, как это планировалось ранее, скорее всего, не получится. Тем не менее он рассчитывал добиться максимально возможного результата, чтобы создать предпосылки для будущего решительного наступления. Неутешительные вести поступили от авиации. Около 14.00 воздушная разведка доложила о выдвижении 20 советских танков и 20 грузовых автомашин от Подвысокого на Копенковатое. В 4-х км западнее Подвысокого обнаружили скопление 60–70 грузовиков. Это могло свидетельствовать о концентрации значительных сил окруженных на участке Копенковатое – Россоховатец. И действительно, вскоре пехота сообщила о появлении группы советских танков в этом районе[219].

В 14.30 командир XXXXIX корпуса дал разрешение группе оберет-лейтенанта Ланга своим правым флангом атаковать в сторону Владимировки и, в случае успеха, занять село полностью или частично. Тем временем 2-й батальон 98-го полка наступал на Покатилово, 2-й батальон 99-го – на хут. Шевченко, передовой отряд 97-й дивизии – на Тарасовку. В целом, атаки развивались удачно для противника за исключением одного направления: захватить лес восточнее Копенковатого егеря так и не смогли[220].

В сторону Копенковатого продвигались части 91-го и 477-го

полков. Их наступление в первые минуты развивалось в соответствии с планом, 9-я рота 477-го полка даже вышла за дорогу, проходившую восточнее села. Однако это оказался последний успех, достигнутый группой 5 августа. Сначала следовавший слева 2-й батальон 91-го полка наткнулся на сильную оборону, преодолеть которую оказался не в состоянии. Тогда правее от него ввели 1-й батальон 477-го полка. Бой продолжался всю вторую половину дня, и единственным результатом его стало то, что солдаты 1-го батальона смогли приблизиться к опушке леса у Копенковатое на расстояние до 150 м. Здесь немецкое продвижение окончательно застопорилось.

Наибольшего успеха противнику удалось добиться в полосе действий 1-й горно-егерской дивизии. При поддержке артиллерии и авиации группа «Ланг» прорвала оборону вдоль русла реки Ятрань и, быстро продвигаясь на север, вскоре заняла село Владимировку, а также высоты к западу от него. Действовавшая левее группа «Пикер» вышла к лесу в 2 км юго-восточнее Подвысокое и без сопротивления заняла его.

Левее от егерей должны были действовать роты 1-го батальона 477-го полка, однако в неразберихе боя контакт с ними оказался утерянным. По этой причине обе группы атаковали Подвысокое изолированно друг от друга.

На этом рубеже наступление было остановлено контратаками советских войск, в которых приняли участие остатки 173-й стрелковой и 44-й горно-стрелковой дивизий. Их удар пришелся на стык атаковавших Подвысокое групп и оказался чрезвычайно болезненным. Солдатам 1-го батальона 477-го полка пришлось отступать так быстро, что им пришлось оставить своих раненых на поле боя. Вместе с ними остались батальонный врач доктор Тюрк и адъютант лейтенант Роте. Их усилиями около полуночи все раненые были доставлены в расположение немецких войск. Боевые группы 1-й горно-егерской дивизии и 1-й батальон 477-го полка были вынуждены перейти к обороне. Взять Подвысокое с ходу им не удалось.

Выход немецких войск 5 августа на ближние подступы к Подвысокому не отмечен как какое-то важное событие в немецкой историографии. Напротив, бойцам и командирам 6-й и 12-й армий он запомнился надолго. Удивляться не приходится, впервые немецкой атаке подвергся штаб группы Понеделина, это могло означать только одно – разгром очень близок. К сожалению, какого-либо точного и полного описания боя не осталось. Его приходится реконструировать по нескольким разрозненным свидетельствам.

Из воспоминаний бывшего начальника разведотдела 6-й армии подполковника В. А. Новобранца следует, что под немецким ударом оказался штаб 6-й армии. Очевидно, что, сбив заслон по реке Ятрань, противник воспользовался каким-то разрывом в боевых порядках обороняющихся, который позволил ему беспрепятственно выйти к Подвысокому. Никакого прикрытия на подступах к селу не оказалось, и нападение пришлось отбивать силами самих штабных работников и ротой охраны штаба под командованием майора Усинюка. Немецкая атака была отражена, но обороняющиеся понесли существенные потери. Погибли начальник оперативного отдела полковник Б.К. Андреенко, подполковники В.С. Скульский и П.Д. Шишкин[221].

В бою приняли участие также артиллеристы 507-го корпусного артиллерийского полка. Еще вечером 4 августа его командир полковник А. Г. Акимов получил приказ сформировать из личного состава части сводный отряд. Так как в полку не осталось боеприпасов к орудиям, его было решено использовать как стрелковую часть для обороны Подвысокого с севера. Командиром сводного отряда был назначен А.И. Гостев.

Немецкая атака началась неожиданно, когда сводный отряд уже ушел из Подвысокого на свои позиции. Только командование полка и его штаб задержались в селе. Заметив грозящую опасность, полковник А.Г. Акимов привлек всех, кто оказался у него под рукой – работников и охрану своего штаба, связистов, – и всех отправил в цепь как простых стрелков. Сборная группа успешно выдержала оборону и перешла в контратаку. Во время контратаки командир 507-го артполка полковник А.Г. Акимов получил смертельное ранение. Через несколько часов он скончался и был похоронен на опушке леса северо-восточнее села[222].

Вечером, вероятно около 22. 00, была предпринята еще одна контратака, чтобы отбросить немцев подальше от села Подвысокое, остававшегося в зоне огня стрелкового оружия. В ней приняла участие сводная рота пограничников под командованием лейтенанта Балицкого. Общее руководство было возложено на командира 49-го корпуса генерала С.Я. Огурцов. Атака, в целом, оказалась удачной, но крайне кровопролитной для бойцов 6-й и 12-й армий. В этом бою погибли до 150 пограничников и до 300 красноармейцев. К 23.00 боевые действия в районе села Подвысокое завершились[223]. Немецкий план по захвату села и уничтожению штабов 6-й и 12-й армий был сорван, хотя и дорогой ценой.

К исходу дня группа «Ланг» окопалась по линии Владимировка –

северо-западная опушка леса, расположенного юго-восточнее Подвысокого – западная окраина села Россоховатец. 3-й батальон 98-го полка занял позицию левее группы фон Штеттнера. Группа «Кресс» заняла тыловую позицию на рубеже Тарасовка – Слесаренко, 54-й полевой запасной батальон прижался спиной к реке Ятрань в районе села Лебединка. В ходе боев 5 августа немецкие дивизии использовали все имеющиеся у них силы, но добиться перелома не смогли. Генерал Л. Кюблер переоценил возможности своих войск и, напротив, недооценил противника.

В отличие от соседней 1-й горно-егерской, попытка 4-й горно-егерской дивизии перейти в наступление окончилась неудачей. Ее позиции были неоднократно атакованы советскими войсками из района Копенковатого, и все усилия командиров были направлены на их удержание. Только в 13.30 стал возможен переход от обороны к контратакам. Но максимум, чего удалось добиться дивизии, так это некоторого улучшения своих позиций. Наиболее удачными были действия полковой группы оберста фон Штеттнера, которая смогла прорвать советскую оборону. Но ее наступление никем поддержано не было, и полк оказался в тяжелой ситуации, будучи охвачен советскими войсками с флангов. В такой ситуации пришлось подчинить его 1-й горно-егерской дивизии.

После артподготовки в 14.00 13-й горно-егерский полк перешел в контратаку в направлении на Копенковатое, а 91-й и 477-й полки 4-й горно-егерской дивизии – на Подвысокое. Под их давлением 173-я дивизия генерала С.В. Берзина была вынуждена отойти на исходные позиции, 80-я дивизия, оставив противнику Россоховатец, смогла удержать основные позиции. Дальнейшее продвижение противника застопорилось, выбить советские части с выс. 196, из леса, прилегающего к селу Копенковатое, немцам не удалось.

Захват Копенковатого был поручен 13-му полку, село расценивалось немцами как важный «русский плацдарм» для подготовки прорывов в южном направлении. Поэтому для стабилизации обстановки на своем южном фасе захват этого населенного пункта был немцам необходим. Но, несмотря на продолжавшиеся бомбардировки, артобстрелы и атаки пехоты достичь этой цели 5 августа немцы так и не смогли.

Приостановкой немецкого наступления воспользовались отдельные части 6-й армии. После 16.00 они возобновили атаки на Россоховатец, а к 17.00 вышли к хутору Шевченко. Для взятия этого населенного пункта была направлена 141-я дивизия генерала Я.И. Тонконогова, но

ее первые атаки не принесли результата. Тогда комдив А.Д. Соколов подтянул остатки 15-й и 44-й танковых дивизий (в каждой, впрочем, насчитывалось не более 200–300 штыков), усилив их одним танком Т-34. К 19.00 хутор был захвачен, хотя этот успех стоил атакующим значительных потерь, особенно в командном составе[224].

Бой продолжался до вечера, но без особого результата[225]. Частичный успех был достигнут только в полосе наступления 37-го стрелкового и 16-го механизированного корпусов. Вечером наступавшие части вновь подверглись обстрелами артиллерии и минометов и атакам авиации противника. Налеты штурмовой авиации продолжались около двух с половиной часов. Основной удар вновь пришелся по Копенковатому, как месту сосредоточения основных групп прорыва, и Подвысокому, где располагались штабы 6-й и 12-й армий.

Контрудары продолжались до наступления сумерек, и наступление XXXXIX корпуса окончательно захлебнулось. Единственным существенным успехом для 4-й горно-егерской дивизии во второй половине дня стало то, что она вернула себе высоту 913. Днем она была потеряна, и только к вечеру, благодаря атаке 2-го батальона 13-го полка, ее удалось отбить[226].

Поздним вечером горно-егерские дивизии стали окапываться на достигнутых днем позициях. Оберет Пикер предполагал, что ночью возможны атаки красноармейцев на Россоховатец и укрепил участок на северной окраине села 2-й ротой 54-го саперного батальона. Южную окраину прикрывали рота хауптмана Кайзера и 54-й самокатный эскадрон.

Около полуночи поступило сообщение, что заболел командир 79-го артполка оберет Винклер, и на его место заступил бывший командир 1-го дивизиона оберст-лейтенант Зеегер. Вскоре после 24.00 в районе перекрестка у с. Копенковатое завязался ожесточенный ночной бой. Советские войска силой до батальона предприняли атаку на позиции 3-го батальона 99-го полка. Бой завершился в пользу противника, на подступах к оборонительным позициям осталось до 40 бойцов убитыми, еще около 200 попали в плен[227]. Как оказалось, ночная атака была прелюдией к массовой попытке прорыва, подготовленной командованием группы Понеделина.

Воспользовавшись концентрацией основных сил группы Понеделина в южном секторе, в наступление перешла 97-я дивизия. Выдвинутыми вперед 204-м и 207-м полками она еще ночью выдвинулась через Бабанку на юг и заняла удобные позиции между

селами Островец и Небелевка. В 12.00 соединение перешло в наступление, имея 207-й полк слева, а 204-й – справа. Основные силы последнего попали в болотистую местность севернее с. Островец, через которую пробивались медленно, с большим трудом. Левофланговый 1-й батальон смог пробиться к выс. 206, 0, в то время как правофланговые батальоны заняли северную часть с. Островец и приступили к его зачистке. Около 14.00 1-й батальон 207-го совместно с 1-м батальоном 204-го полка в ожесточенном бою захватили выс. 206, 0. Оборонявшие ее красноармейцы отступили в восточном направлении.

К 18.00 дивизии удалось достичь рубежа село Борщевая – выс. 206, 0 – южная окраина Небелевки. Но дальнейшее продвижение ее также было остановлено контратаками из леса у Копенковатое, поддержанными артиллерийским и минометным огнем. В отражении наступления 97-й дивизии приняли участие несколько танков, которые вели огонь из орудий с места от опушки леса[228]. В тылу наступавших немецких войск, в районе сел Рогово и Островец, остались отрезанными части советской 189-й дивизии. Против них развернулись силы боевой группы «Нюрнберг» и 97-го усиленного противотанкового дивизиона.

5 августа 125-я дивизия действовала в коридоре, образованном полосами наступления своих соседей. Слева наступала 24-я дивизия с границей по северной окраине Оксанино – северной окраине Теклиевки – южной окраине Нерубайки. Справа двигалась 97-я дивизия, придерживаясь линии по южной окраине Оксанино – центру Небелевки – центру Подвысокого.

Боевые порядки 125-й дивизии на этот день были определены так. Справа выдвигался 1-й батальон 420-го полка, к нему примыкал 2-й батальон 421-го и вернувшийся в подчинение своего 421-го полка 3-й батальон. Крайнюю левую позицию занимал 3-й батальон 419-го полка. Но перед началом общего наступления он должен был захватить Теклиевку. Артиллерийскую поддержку обеспечивали: 1-й дивизион 125-го артполка – 420-му полку, 2-й дивизион и 2-я батарея противотанкового дивизиона – 419-му полку, 3-й дивизион – 421-му полку. Также ему придавались взвод штурмовых орудий. Начало наступления было назначено на 12.00, выход на рубеж атаки не позднее 11.00. Цель дня – захват высот восточнее ручья, протекающего от Теклиевки на Небелевку. По данным разведывательного отделения, 125-й дивизии противостояли остатки пяти советских дивизий[229].

Для наступления 1-й батальон 420-го полка выдвинул на правый

фланг 3-ю роту, которая продвигалась вдоль русла ручья, слева от нее шла 1-я рота. Полоса наступления составляла 500 м. Каждой роте придавалась группа тяжелых пулеметов, группа тяжелых минометов и батарея противотанковых орудий. В порядках батальона действовали три штурмовых орудия. С самого начала между 1-м батальоном 420-го и 2-м батальоном 421-го полков образовалась брешь, которая в течение дня только увеличивалась.

Вскоре после начала атаки 1-й батальон вышел к северной окраине Небелевки, где наткнулся на сопротивление оборонявших село красноармейцев. Наступающие части были накрыты огнем тяжелых минометов, которые били с высот, расположенных юго-восточнее села. Преодолев огневую завесу, немцы ворвались в село. 3-я рота остановилась перед местным кладбищем, натолкнувшись на сопротивление засевших там красноармейцев. Напротив, 1-я рота сравнительно легко стала прорываться вперед. Советские войска в полосе ее наступления не оказывали упорного сопротивления, часть даже сдалась в плен. Но большинство оборонявшихся оставило село и отступило в восточном направлении. Выйдя на восточную окраину села, немцы наблюдали, как большие группы красноармейцев отходят за село в широкую балку и, перейдя ее, закрепляются на раскинувшемся за ней плато, где заблаговременно была оборудована целая система окопов и блиндажей, которая позволяла восстановить устойчивость обороны.

В этой ситуации командир 1-й роты обер-лейтенант Мор отдал приказ атаковать немедленно. Следуя за ним, немецкие солдаты преодолели обрывистые склоны балки и, забросав передовую траншею гранатами, ворвались в нее. Столь быстротечная атака деморализовала оборонявшихся, и они не смогли оказать достойного сопротивления. Не останавливаясь, 1-я рота бросилась вперед, по направлению к следующей траншее. Ее удалось захватить столь же легко и быстро, после чего рота вышла на дорогу, идущую в направлении с севера на юг, и остановилась.

Вскоре подтянулись остальные части батальона. Но их попытки продолжить наступление были сорваны интенсивным обстрелом из всех видов оружия, который велся из леса Зеленая брама. В такой ситуации 1-я и 3-я роты приняли решение закрепиться на достигнутых позициях – одна фронтом чуть вправо, другая чуть влево, – чтобы образовать перед собой огневой «мешок» на случай контратаки советских войск.

Проблемой для немцев, вставшей в полный рост именно 5 августа,

оказалось соотнесение графической информации карт с окружающей местностью. Как показал опыт боевых действий, они совпадали между собой в редких случаях[230]. В таких условиях розыск на пересеченной местности отдельных частей составлял большие сложности. Так, все попытки 125-й дивизии установить визуальную связь с соседями не увенчались успехом. Разрыв между 420-м и 421-м полками из-за не нанесенных на карту складок местности достиг одного километра. Южный сосед – 207-й полк 97-й дивизии – вообще не был обнаружен, хотя на его поиски была направлена вся 5-я рота резервного батальона.

Почти всю вторую половину дня роты 1-го батальона 420-го полка пролежали под обстрелом, который не позволял им сдвинуться с места. С наступлением вечера командир батальона принял решение предпринять последнюю попытку прорыва к цели дня – развилке больших дорог, расположенной вблизи опушки леса. Для этого он выдвинул вперед 2-ю роту. На передислокацию частей потребовалось слишком много времени, и в результате от атаки пришлось отказаться из-за быстро сгущавшихся сумерек. Батальон окопался на достигнутых позициях, все три роты в линию, пулеметная группа повернута фронтом на юг.

С утра 5 августа 421-й полк также изготовился к атаке. Перед боем командир полка направил разведгруппу в юго-восточном направлении, чтобы установить начертание линии обороны советских войск на этом участке. Вскоре разведчики донесли, что «русские» оставили ранее занимаемые ими позиции и отошли в неизвестном направлении. Теперь единственным препятствием для атаки был ручей, протекавший по дну глубокой балки. Поэтому саперному взводу был дан приказ приготовить необходимые материалы для постройки переправы через его русло.

Не встречая перед собой никаких препятствий, 2-й и 3-й батальоны 421-го полка достигли балки, пересекли ее и около 12.00 вышли на высоты южнее. По сведениям разведки, перед Зеленой брамой и в ней самой наблюдается большое скопление советских войск. Немцы в этом убедились, когда оба батальона приблизились к опушке на 1500 м и по ним был открыт огонь артиллерии и минометов. Атаковать лес в одиночку командир 421-го полка не решился. К этому моменту у него была установлена связь с 419-м полком, но никаких представлений о местонахождении 420-го полка не имелось. По такой причине для прикрытия образовавшейся бреши были выдвинуты зенитные орудия.

К 18.30 3-й батальон 421-го полка достиг дороги Небелевка – Нерубайка, но дальше продвинуться не смог из-за сильного огня,

который вели красноармейцы из хорошо замаскированных окопов. Пришлось вызывать артиллерийскую поддержку 3-го дивизиона 125-го артполка. С ее помощью удалось сбить оборону и занять ее позицию у дороги. В 19.00 на этот рубеж вышел 2-й батальон и также включился в перестрелку. Следовавший позади остальных 1-й батальон занял позицию в центре обороны. Командиры быстро установили между собой связь, договорились о взаимной огневой поддержке и взаимодействии в случае контратаки. Была установлена связь также и с правым соседом.

419-й полк имел на 5 августа двойную задачу – сначала занять Теклиевку, а потом занять выс. 213 перед лесом Зеленая брама. Для этого был выделен 3-й батальон. За ним следовал 1-й батальон. 2-й должен был обеспечивать левый фланг дивизии и с подходом 24-й дивизии поддержать её в атаке на лес северо-западнее Теклиевки.

В 3-м батальоне в передовой линии шли 10-я и 11-я роты, с каждой группа тяжелых пулеметов и минометов, а также по одному орудию из состава 2-й батареи противотанкового дивизиона. При 10-й роте находился саперный взвод из состава 3-й роты.

Теклиевка была взята без боя. По выходу немецких подразделений из села вперед была направлена разведка, которая доложила, что планируемая к захвату выс. 203, а также прилегающая к ней местность вплоть до Нерубайки заняты советскими войсками.

В 13.15 24-я дивизия перешла в наступление и вскоре заняла село Паланку, к вечеру она вышла на ближние подступы к селу Торговица. До Новоархангельска и позиций «Лейбштандарта» осталось теперь всего два километра. Высвободившиеся части были переброшены под село Нерубайка в помощь соседней 125-й дивизии.

Оборонительные позиции здесь занимали полки 99-й дивизии. Сюда же утром 5 августа отошли части 197-й дивизии полковника С. Д. Губина. Справа от нее располагался 47-й полк полковника А.В. Якшина, слева – 16-й полк подполковника И.К. Окропиридзе из состава 15-й моторизованной дивизии генерала Н.Н. Белова. Всего в районе села Нерубайка были сконцентрированы остатки трех советских дивизий.

Дивизии имели приказ занять оборону и стойко удерживать лес до подхода прорывавшихся с северо-востока и из района Новоархангельска частей 26-й армии Юго-Западного фронта[231]. На них и наткнулся в своем движении от Теклиевки 3-й батальон 419-го полка немецкой 125-й дивизии.

Тогда командиром немецкого 419-го полка было решено сначала

захватить небольшой холм, находящийся в 2 км юго-восточнее Теклиевки. Его можно было использовать и как наблюдательный пункт, и как плацдарм для дальнейшего продвижения. Холм был взят быстро и без потерь. Но попытка 11-й роты продвинуться вперед была остановлена сильным пулеметным и ружейным огнем с левого фланга. Движение поддержала 10-я рота, которой удалось ворваться на западные склоны выс. 203. Но здесь она также оказалась под обстрелом со стороны Зеленой брамы. Дальнейшее продвижение 3-го батальона полностью застопорилось.

Вскоре подоспели части 24-й дивизии и 1-го батальона 419-го полка, которые предприняли совместную атаку на село Нерубайка. Она отвлекла на себя часть огня оборонявшихся, что позволило 11-й роте выйти на склоны выс. 203 и занять позиции рядом с 10-й ротой. Между ними окопались саперы. 9-я рота выбрала для себя позицию за левым флангом 11-й фронтом на восток. Вскоре в поддержку стрелкам прибыли три орудия противотанкового дивизиона и по одному взводу легких и тяжелых орудий.

Активные действия немцев привели к дезорганизации советской обороны в районе Нерубайки. Уже в полдень была утрачена связь между 8-м корпусом и штабом 12-й армии. Это случилось в момент, когда немцы начали наступление непосредственно на Нерубайку, где располагался наблюдательный пункт командира 99-й дивизии. Отбивать атаки пришлось полностью самостоятельно, без поддержки и взаимодействия со стороны соседей. Не выдержав, бойцы и командиры 197-й и 15-й дивизий отступили в лес, расположенный южнее села. 99-я дивизия, понеся значительные потери, к вечеру оказалась в полуокружении.

1-й батальон 419-го полка первую половину дня находился в Теклиевке. После полудня он поддержал атаку 24-й дивизии на Нерубайку. Так как вокруг села развернулся бой, который длился вплоть до наступления темноты, 1-й батальон присоединился к 3-му на выс. 203 и тем самым удлинил фронт 419-го полка в восточном направлении.

К вечеру дивизия своими тремя полками занимала позицию в виде большой излучины в сторону Зеленой Брамы. О напряженности ситуации говорил тот факт, что в течение дня были задействованы четыре полка соединения, и пять батальонов из девяти наступали в первой линии. Расстояние до леса составляло от 500 до 1500 м. Потери в течение дня составили: в 419-м полку – один убитый и 16 раненых, в 420-м – трое убитых и 38 раненых, в 421-м – 15 убитых и 53 раненых.

Всего: 19 убитых и 107 раненых[232].

В свою очередь, в бой вступили части 297-й дивизии. Ее полки предприняли координированное наступление на с. Каменечье. К 15.30 524-й полк вышел к лесу в 3 км южнее села, а 522-й – полностью занял населенный пункт, выбив оттуда оборонявшихся. Отступая, те уничтожили мост, что остановило немецкое продвижение в южном направлении. Саперный батальон доложил о снятии им 85 мин.

Батальоны «Лейбштандарта» оставались на своих прежних позициях. Ночью по занимаемым ими позициям советская артиллерия вела слабый беспокоящий огонь, который не нанес существенного ущерба. Утром орудия бригады СС и приданный ей 1-й дивизион «небельверферов» несколько раз обстреливали лесные массивы на противоположном берегу Синюхи. Поздно вечером была установлена связь с прибывшей 297-й дивизией, которой предстояли занять позиции по правому берегу от Новоархангельска на юг.

В результате произошедшего 5 августа встречного боя план командования XXXXIX корпуса по окончательной ликвидации окруженной группировки 6-й и 12-й армий реализован не был. Но и войска группы Понеделина поставленную перед ними задачу не выполнили, прорваться не смогли и сами понесли тяжелые потери. Их ударные группировки были обескровлены. В ходе боев этого дня ряд важных опорных пунктов был потерян, фронт окружения значительно сузился, и советские войска оказались на полностью простреливаемом артиллерией и стрелковым оружием пространстве. Прорыв 1-й горно-егерской дивизии на ближние подступы к Подвысокому создал смертельную угрозу располагавшимся там обоим армейским штабам группы Понеделина. В случае новой атаки они могли быть или уничтожены, или захвачены в плен. Поэтому единственным шансом на спасение для группы Понеделина был немедленный прорыв из окружения, сроки которого теперь были перенесены на ночь с 5 на 6 августа.

Около 19.00 на командном пункте 16-го мехкорпуса комдива А.Д. Соколова собрались на совещание генералы М.Г. Снегов и С.В. Верзин, полковники П.С. Фотченков, Д.И. Трубин. Они еще раз уточнили разграничительные линии и полосы наступления, договорились о взаимодействии. К сожалению, оставшегося до начала атаки времени для проведения перегруппировки не хватило. Как следствие, дивизии 8-го корпуса опоздали с выходом на указанный рубеж и не успели сменить на нем части 173-й дивизии. Не удалось установить связь со штабом 80-й дивизии, и ее командование осталось

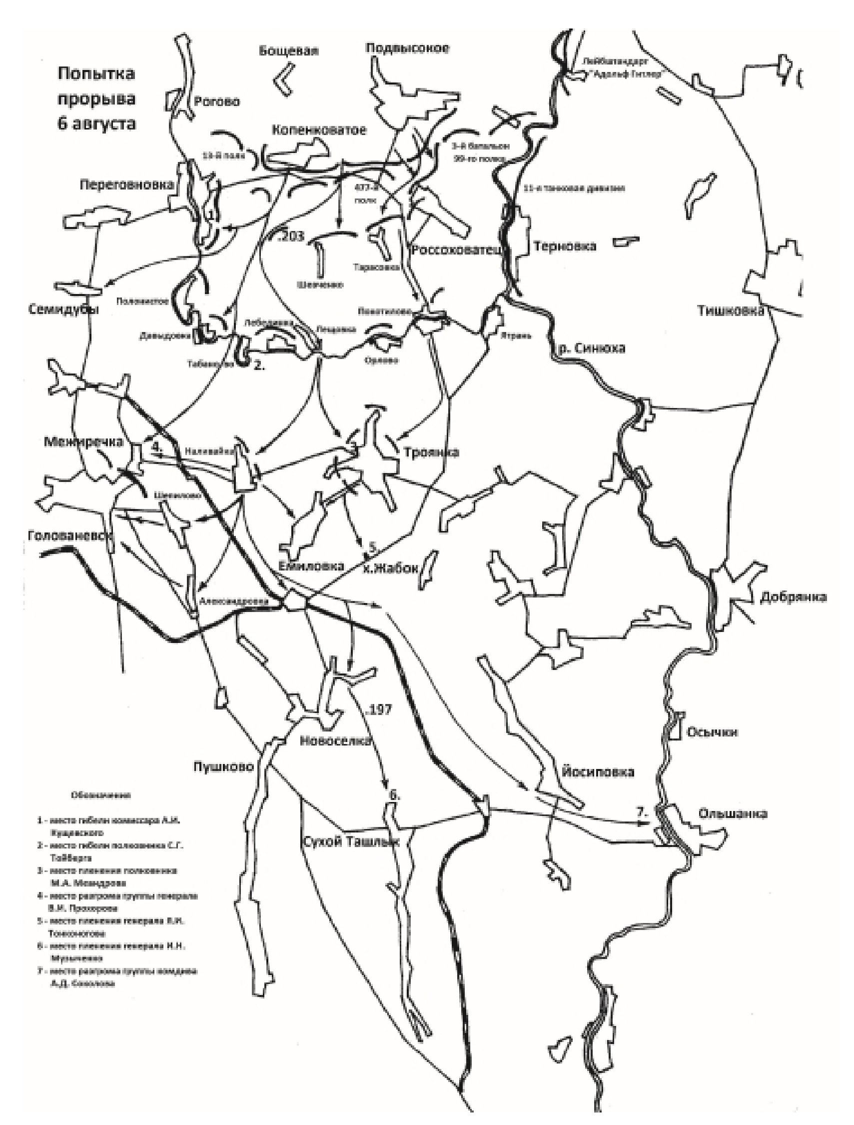
в подчинении 37-го корпуса.

Глава 3. Армии идут на прорыв

6 августа, среда

Несмотря на сравнительно неудачные для немцев бои 5 августа, на 6-е они вновь готовились к наступлению. К 11.00 пехота должна была занять исходные позиции, на время с 11.00 до 12.00 намечалась артиллерийская подготовка, по окончании которой пехота поднималась в атаку. Перед 1-й и 4-й горно-егерскими дивизиями стояла задача: действуя в общем северном направлении, достичь рубежа Левковка – Нерубайка. Соседним 125-й и 97-й дивизиям надлежало развивать наступление на юго-восток до линии: западная окраина села Подвысокое – южная окраина села Нерубайка – Торговица. Надвигавшемуся с севера XXXXIV корпусу поручалось проведение наступления от линии Нерубайка – Новоархангельск на село Левковка и западнее[233].

На ночь с 5 на 6 августа командование 6-й и 12-й армии запланировало наступление с целью прорыва кольца окружения и соединения с частями 18-й армии. В качестве конечной цели был определен город Первомайск, в районе которого предполагалось нахождение линии фронта. К сожалению, это уже не соответствовало действительности, но, видимо, в штабах окруженных армий о произошедших изменениях ничего не знали. Командование Южного фронта не предупредил о окруженных о том, что 18-я армия отошла от Первомайска на юг.

Попытка прорыва 6 августа

Поэтому, готовясь к предстоящей операции, командующий 6-й армией генерал И.Н. Музыченко, его начальник оперативного отдела полковник М.А. Меандров, командир 24-го мехкорпуса генерал В.И. Чистяков и многие другие командиры и начальники рассчитывали, что перед ними находится сравнительно слабая линия обороны немецких войск, которую можно будет прорвать одним сильным ударом, после чего выйти на оперативный простор[234]. В частности, комдив А.Д. Соколов, отдавая приказ для своей группы, определил ширину полосы

окружающих нас войск» как достигающую 5—10 км[235], полагая, очевидно, что за этими пределами уже находятся советские войска. Попав в плен, генерал И.Н. Музыченко заявил на допросе, что осуществлял прорыв из окружения «в южном направлении, так как он верил, что в районе западнее Ольшанки и в окрестностях севернее Первомайска должны стоять русские части»[236]. Начальник оперативного отдела армии полковник М.А. Меандров также утверждал, что, по сведениям штабов окруженных армий, за линией фронта 4-й горно-егерской дивизии никаких немецких войск уже быть не должно[237].

Исходя из предположений, что 18-я армия находится в районе Первомайска и за линией обороны 1-й и 4-й горно-егерских дивизий более никаких немецких частей уже нет, штабы генералов И.Н. Музыченко и П.Г. Понеделина разработали план действий. В соответствии с ним, назначенные в прорыв войска на автомашинах выдвигались на исходный рубеж, после чего спешивались, разворачивались в боевой порядок и атаковали немецкие позиции. Прорвав их, красноармейцы вновь занимали свои места в грузовиках и колоннами по дорогам двигались к линии обороны бойцов 18-й армии.

В основных чертах задуманный план прорыва выглядел следующим образом. Основные, назначенные в прорыв силы, концентрировались у с. Копенковатое, откуда предполагалось нанести удар в двух основных направлениях – в сторону выс. 203, 0 и в сторону перекрестка. Местами форсирования рек были обозначены мосты и броды у сел Терновка (на реке Синюха), Покотилово, Лебединка и Давыдовка (на реке Ятрань). Артиллерийская подготовка не предусматривалась то ли по причине нехватки снарядов, то ли из надежды захватить противника врасплох.

Для проведения атаки создавались две ударные группировки – из частей 6-й и 12-й армий, соответственно. Точный их состав нам не известен. По одной из версий, генерал И.Н. Музыченко определил в этом качестве отряд под общим командованием командира 16-го мехкорпуса комдива А.Д. Соколова. В ее состав вошли два отряда и группа управления. Первый отряд образовали части 141-й и 139-й дивизий под общим командованием генерала Я.И. Тонконогова. Второй отряд составляли части 44-й танковой и 240-й моторизованной дивизий под общим командованием полковника В.П. Крымова. Группа управления под прикрытием частей 15-й танковой дивизии и при поддержке танков полковника П.С. Фотченкова возглавлялась самим комдивом А.Д. Соколовым. Маршрут движения был определен

следующим образом:

– для первой группы: Покотилово – Журавлинка – Чистополье – село Емиловка;

– для второй группы: Шепилово – станция Емиловка. В районе села и станции Емиловка предполагалось объединение всех групп[238].

Согласно воспоминаниям бывшего офицера связи 16-го мехкорпуса А.А. Каменцева состав сил прорыва был несколько иным. Были образованы три группы:

– 1-я в составе 141-й дивизии генерала Я.И. Тонконогова с задачей прорываться в направлении села Емиловка и Емиловского леса;

– 2-я в составе 44-й танковой дивизии полковника В.П. Крымова с задачей прорываться на село Троянку и далее на Шепилово;

– 3-я под командованием комдива А.Д. Соколова с задачей прорываться между Емиловкой и Троянкой[239]. За этим отрядом должна была выходить колонна управления 6-й армии вместе с командующим И.Н. Музыченко.

Первая и вторая группы образовывали фланги прорыва, третья – его центр. Начало атаки было запланировано на 1.00. Задачей дня был выход ударных групп на рубеж села Новоселки.

По словам полковника М.А. Меандрова, состав сил прорыва был таковым:

От 6-й армии: 16-й мехкорпус в составе 141-й дивизии, 3-й противотанковой бригады, остатков 15-й и 44-й танковых и 213-й моторизованной дивизий, одного мотоциклетного (вероятно, 19-го майора И.Г. Бабурина) полка и 80-й дивизии в подчинении командира 16-го мехкорпуса[240].

От 12-й армии для участия в прорыве выделялось единственное оставшееся боеспособным соединение – 8-й корпус генерал М.Г. Снегова в составе 72-й и 192-й горно-стрелковых дивизий. Количество штыков в 72-й дивизии, как наиболее боеспособной, достигала 2500[241], численность 192-й – достоверно неизвестна. Никаких сведений о поставленных перед ними задачах на настоящий момент не имеется. Возможно, они остались теми же, что и перед прорывом 5 августа.

Прикрытие с тыла возлагалось на 49-й корпус генерала С.Я. Огурцова. Анализ ситуации позволяет сделать предположение, что между командованием 6-й и 12-й армий произошло распределение функций: на генерала И.Н. Музыченко возлагалась координация действий прорывающихся войск с 18-й армией извне, а генерал П.Г. Понеделин обеспечивал прорыв изнутри.

Количественный состав отрядов и групп прорыва также определить достаточно сложно. А.А. Каменцев назвал численность всех войск комдива А.Д. Соколова соответствующей 6 тыс. человек. Полковник М.А. Меандров на допросе у немцев в августе 1941 г. заявил, что в прорыве участвовало не более 4 тыс. бойцов. Известно, что 141-я дивизия к моменту прорыва насчитывала порядка тысячи штыков. Логично предположить, что в группе полковника В.П. Крымова должно было быть примерно такое же количество красноармейцев.

Вполне возможно, что в воспоминаниях и немецких документах речь идет о численности разных групп прорыва. Косвенным подтверждением такого предположения являются формулировки отчета командования 1-й горно-егерской дивизии, датированного 7 августа 1941 г. Там сказано следующее: «В 22.00 противник, ведомый 4 танками (впоследствии исправлено карандашом на 10. – О.Н.), в которых среди прочих находился штаб 6-й армии, в количестве примерно 4000 человек, прорвался через Копенковатое-восточное на юг»[242]. Здесь мы видим совпадение данных о количестве со сведениями, исходившими от полковника М.А. Меандрова, одного из пассажиров колонны штаба 6-й армии. Следовательно, 4000 бойцов насчитывал только отряд полковника В.П. Крымова, еще 6000 находилось под командованием комдива А.Д. Соколова, всего – не менее 10 000 красноармейцев. Такова ориентировочная численность отрядов прорыва.

Первоначальным планом предусматривалось, что с запада действия групп прорыва должны были обеспечиваться 189-й дивизией комбрига А. С. Чичканова. Но командование 37-го корпуса решило усилить ударную группировку на своем участке и отдало приказ командиру 189-й дивизии в ночь на 6 августа осуществить прорыв от села Борщевая в направлении на Копенковатое или Перегоновку и в дальнейшем действовать в южном направлении на Первомайск.

К сожалению, эта часть плана стала заблаговременно известна противнику: около 16.00 5 августа в полосе обороны немецкой 97-й дивизии с группой в 30 человек линию фронта перешел начальник связи 189-й дивизии майор А.М. Опанасюк. На допросе в штабе XXXXIX корпуса он рассказал о планах советского командования, указал направление прорыва, примерное время атаки и численность своей дивизии[243].

Из первоначального варианта приказа также следовало, что атака пехоты на немецкую оборону на центральном участке 6-й армии должна была поддерживаться танковой группой полковника П.С.

Фотченкова, бывшего командира 8-й танковой дивизии. Такое решение выглядело вполне оправданным, так как существенно усиливало ударную мощь отрядов прорыва. Однако реализовать замысел не удалось по причине, на которую указывал в своих воспоминаниях бывший офицер связи А.А. Каменцев: «На эти танки Соколов возлагал некоторые надежды. А танки Т-26 (8 штук) стояли возле церкви в селе Подвысоком без капли горючего»[244]. Видимо, именно этими восемью легкими танками должен был командовать полковник П.С. Фотченков, но, как оказалось, для него нашлось иное назначение.

Из имевшихся в распоряжении штаба 6-й армии боеспособных танков сформировали особую колонну, которая теперь должна была действовать вслед за группами прорыва. На них предполагалось вывезти из окружения часть штаба 6-й армии во главе с генералом И.Н. Музыченко. По этой причине сформированная колонна получила название «колонна особого назначения»). Все вошедшие в ее состав танки были полностью укомплектованы экипажами, боеприпасами и топливом. Для них специально выделили горючее из двух захваченных днем немецких автоцистерн. Видимо, в баки «колонны особого назначения» залили все имевшееся топливо без остатка, ничего не оставив машинам, выделенным для поддержки отрядов прорыва. Местом сбора колонны была назначена площадь перед сельсоветом в селе Подвысокое.

Возглавил ее бывший командир 8-й танковой дивизии полковник П.С. Фотченков, начальником штаба стал подполковник В.С. Породенко. Известно, что в качестве пассажиров в танках разместились: подполковник В. С. Породенко (головная машина), полковник П.С. Фотченков, генерал-лейтенант И.Н. Музыченко, комбриг Н.П. Иванов, члены Военного совета дивизионный комиссар Н.К. Иванов и бригадный комиссар Л.С. Грищук, начальник оперативного отдела полковник М.А. Меандров, а также майор М.А. Семенюк.

Какое количество танков вошло в состав колонны командования 6-й армии, определить довольно сложно. Так, А.А. Каменцев называл цифру от шести до восьми танков Т-26[245]. Бывший начальник штаба 10-й танковой дивизии подполковник В.С. Породенко, принимавший участие в прорыве в составе группы П.С. Фотченкова, считал, что в ее составе было 10 танков БТ и Т-34. Полковник М.А. Меандров, отвечая на вопросы немцев, указывал на наличие в группе прорыва пяти – семи танков[246]. По мнению подполковника В.С. Породенко, в состав

колонны вошли 5–6 танков БТ-7 и 2 танка Т-34[247]. Генерал И.Н. Музыченко, также уже на допросе в плену, сказал, что в составе его группы было всего 4 танка, в чем немцы сразу же усомнились. Сами немцы, основываясь на собственных наблюдениях и показаниях пленных, полагали, что колонна особого назначения состояла из 10 танков.

Насколько можно судить по имеющимся неполным данным, действия колонны должны были стать следующими. До начала атаки танки с командованием армии во главе с генералом И.Н. Музыченко на борту двигались за спиной прорывающихся войск, так как их участие в бою не предусматривалось. После прорыва немецкой обороны силами пехоты и артиллерии колонна выходила вперед и далее следовала самостоятельно, в отрыве от остальных сил. После пересечения линии фронта штаб генерала И.Н. Музыченко должен был организовывать взаимодействие с частями 18-й армии по оказанию помощи прорывающимся.

Кто являлся автором такого решения, на настоящее время остается неясным. Подполковник В.С. Породенко в своих воспоминаниях предполагал, что предложение исходило от полковника П.С. Фотченкова[248], что представляется маловероятным. Обычный полковник не мог приказать группе старших по званию и по должности командирам и политработникам сесть в танки и уехать, оставив войска. Такие вопросы всегда решались на более высоком уровне, чем уровень командира дивизии.

Ясно одно, создание колонны для эвакуации части штаба и Военного совета 6-й армии полностью лишало генерала И.Н. Музыченко всякой возможности руководить своими войсками в ходе прорыва из окружения. Возможно, командармы договорились о разделении полномочий, и генералу И.Н. Музыченко надлежало обеспечить прием прорывающихся войск со стороны Южного фронта. Но не исключено, что самоизоляция штаба была продолжением прежнего конфликта между командующими 6-й и 12-й армий. Поскольку общее руководство действиями окруженных войск, в том числе и прорывом, было возложено на генерала П.Г. Понеделина, генерал И.Н. Музыченко, видимо, счел себя освобожденным от бремени управления и полностью уступил его командарму-12. Во время своего допроса в штабе 101-й легко-пехотной дивизии И.Н. Музыченко заявил, что он 6 августа «решился прорваться ранним утром со своим ближним штабом… в южном направлении»[249]. Поэтому есть все основания предполагать, что решение о

формировании специальной колонны для эвакуации части штаба и Военного совета 6-й армии принял лично генерал И.Н. Музыченко. Неизвестно также, предупредили ли командующего 12-й армией генерала П.Г. Понеделина об этом плане.

Известно, что к 6 августа в руководстве действиями окруженных армий произошли существенные изменения. Наконец-то было создано общее командование, которое возглавил генерал П.Г. Понеделин, и некое подобие объединенного штаба и общего Военного совета. Они поставили перед соединениями группы задачу по подготовке к прорыву из окружения. Начальникам армейских разведок поручили уточнить группировку противника в полосах обороны армий и определить самые уязвимые места[250]. В своих послевоенных воспоминаниях бывший начальник разведотдела 6-й армии подполковник В.А. Новобранец указывал, что наиболее перспективным для прорыва ему казалось направление на Новоархангельск. И только приказ командования Южного фронта заставил штаб группы переориентироваться на южное направление, в сторону Первомайска. В.И. Новобранец считал такое решение ошибочным, даже несмотря на то, что командованием Южного фронта был обещан встречный деблокирующий удар[251].

Все-таки можно предположить, что по прошествии многих лет В.И. Новобранец или запамятовал, что обсуждалось и какие принимались решения, или же сознательно лукавил. Так, полковник М.А. Меандров вполне определенно заявлял, что командованию 6-й и 12-й армий было хорошо известно, что перед ними в южном секторе находятся части 4-й горно-егерской дивизии. Оно знало, что егеря занимают оборону на очень широком фронте и при подготовке плана прорыва рассчитывали, что удержать его они не смогут[252]. Напротив, в северном секторе вели наступление три полноценных пехотных дивизии – 125-я 24-я и 297-я, а берег р. Синюха обороняли эсэсовцы «Лейбштандарта». Иными словами, немецкая оборона в этом месте была несравненно более плотной, чем на выбранном участке прорыва. Поэтому есть все основания считать решение об атаке в южном направлении правильным.

Как только был получен приказ на прорыв, в частях приступили к уничтожению документов, бойцы взрывали или приводили в негодность орудия, к которым уже не было боеприпасов, в вырытых на огородах ямах начальники финансовых отделов жгли пачки невыплаченных бойцам и командирам денег. Где возможно – на складах, в вещмешках, карманах убитых – искали патроны и гранаты.

Однако не все верили в успех прорыва.

В соответствии с полученными приказами, предназначенные для выхода из окружения части в 20.00 5 августа сконцентрировались в селе Копенковатое и в лесу восточнее от него. К 23.00 группы прорыва заняли исходные позиции для атаки. Для повышения мобильности пехота была посажена на грузовики. И командир отряда прорыва 6-й армии комдив А.Д. Соколов ждал только прибытия танков группы полковника П.С. Фотченкова, чтобы начать атаку. Однако время шло, а они так и не появились. Выходит, что командира группы прорыва комдива А.Д. Соколова об отсутствии горючего для выделенных ему Т-26 своевременно не поставили в известность – возможно, из соображений секретности, а возможно, просто забыли в суете приготовлений.

С наступлением сумерек в район с. Копенковатое перебрались части 80-й дивизии. В соответствии с планом им предстояло действовать вслед за отрядом комдива А.Д. Соколова, составляя его арьергард. Для выхода из окружения командование дивизии сформировало три колонны. Правую возглавлял танк КВ-1, в котором по одной из версий находился командир соединения генерал В.И. Прохоров[253]. Следом за ним трактора и тягачи тащили орудия, у которых еще оставались боеприпасы, шли противотанкисты и пехота. В левой колонне в конном строю двигался штаб дивизии, штабы родов войск и служб, политотдел и остатки подразделений обслуживания. Насчитывала она до 200–300 человек. Обе колонны с 22.00 были выстроены вдоль дороги, пересекающей Копенковатое с запада на восток. Отдельно от основных сил следовал отряд капитана Михайлова в составе 200 бойцов, разделенный на две примерно одинаковые по количеству бойцов роты. Перед прорывом он сосредоточился на северо-восточной опушке села Копенковатое.

Время перевалило за полночь, но сигнал к атаке в войска все не поступал. Около 1.00 в с. Копенковатое, где расположился командный пункт 16-го мехкорпуса, прибыли, каждый на своем танке, генерал И.Н. Музыченко в сопровождении полковников М.А. Меандрова и П.С. Фотченкова. Отдав необходимые распоряжения, командарм-6 через 15–20 минут уехал в Подвысокое. Видимо, комдив А.Д. Соколов получил приказ перенести атаку на более позднее время, поскольку после убытия высокого начальства он распорядился начать наступление в 2.30.

Причина задержки крылась в неготовности «колонны Особого назначения». Все еще не прибыл ее командир – полковник П.С.

Фотченков, и во время ожидания между командирами штаба вновь разгорелись споры относительно направления прорыва. Начальник штаба армии комбриг Н.П. Иванов настаивал на своем варианте – пробиваться на север. Видимо, исходя из получаемых штабами сводок, он полагал, что до передовых позиций 26-й армии ближе, чем до 18-й. И, хотя победила точка зрения командующего, комбриг Н.П. Иванов от своего мнения не отказался.

В 1.30 наконец-то в Подвысокое прибыл полковник П.С. Фотченков, и колонна начала движение. Часть штаба армии и Политотдела осталась с задачей руководить обороной и поддерживать связь с генералом И.И. Музыченко и штабом фронта. Предполагалось, что после того как колонна во главе с командующим благополучно осуществит прорыв, оставшиеся должны будут последовать за ней[254].

Танковая колонна выбралась из села и, набирая скорость, понеслась в направлении с. Копенковатое. Стоявшая рядом в Подвысоком колонна грузовых и легковых автомашин также проследовала на Копенковатое, как бы отвлекая на себя внимание противника. Егеря 1-й дивизии все-таки заметили движение танков, однако обстрелять их не успели, и «колонна Особого назначения» благополучно прибыла в район расположения отряда полковника В.П. Крымова.

Но только через полтора часа после отъезда командарма-6 поступил сигнал к началу атаки, и красноармейцы развернулись в цепи и без единого выстрела двинулись в сторону занимаемых немцами позиций. Большинство участников тех событий впоследствии утверждало, что общее движение началось в 3.00. Однако некоторые говорили, что атака началась гораздо раньше – в 2.00 или даже в 1.00[255]. Впереди шли части 141-й дивизии, за ними следовали части 16-го мехкорпуса, поддерживаемые орудиями 3-й противотанковой бригады. К сожалению, скрыть выдвижение многотысячных масс пехоты, колонн тягачей, тракторов и автомашин было невозможно. Вопрос состоял в том, как скоро противник обнаружит начало атаки, и какие действия он предпримет.

После боев 5 августа части 4-й горно-егерской дивизии растянулись на 15 км по фронту, охватывая полукольцом с. Копенковатое. Правофланговые 91-й горно-егерский и 477-й пехотный полки образовали весьма прочный узел обороны, тогда как позиции 2-го батальона 91-го полка выглядели более уязвимыми – с обоих флангов зияли бреши шириной более 100 м.

С запада дорогу от Копенковатого на Перегоновку прикрывали два

батальона 13-го горно-егерского полка – 1-й и 3-й. Протяженный фланг, глубиной до 5 км, обеспечивали выдвинутая вперед рота противотанкового дивизиона и 2-й батальон, закрепившийся вокруг выс. 193, 0.

Южнее с. Копенковатое за передовыми позициями пехоты также находилось значительное количество немецких войск. В районе с. Тарасовка разместились передовой отряд 97-й дивизии под командованием хауптмана Кройцера и 1-я рота 94-го противотанкового дивизиона, у хут. Слесаренко и западнее от него – 3-й и 4-й батальоны 94-го горно-егерского полка, а также 94-й разведывательный батальон. В с. Полонистое находилась рота 73-го саперного батальона, а в Перегоновке – 3-я рота 94-го саперного и взвод 3-й роты 73-го саперного батальонов[256].

Ночь на 6 августа выдалась для егерей 1-й и 4-й дивизий тревожной. Впервые за несколько суток боев не было слышно ни одного выстрела, и над полем грядущего боя царила мертвая тишина. Около полуночи начальник оперативного отделения 4-й горно-егерской дивизии все еще находился на командном пункте, заканчивал обработку последних данных, поступивших из частей. Из них следовало, что немцам наконец-то удалось полностью завершить окружение 6-й и 12-й армий. Следовательно, наступала решающая фаза боев, в которой успех зависел от устойчивости командования и решимости войск.

После полуночи противник направил к переднему краю две машины с громкоговорителями, чтобы призвать окруженные советские войска к сдаче. Одна из них в 2.40 вернулась в расположение немецких войск, расположившихся южнее села Копенковатое. Ее командир доложил, что, когда они выехали на нейтральную полосу и приступили к вещанию, до них со стороны позиций, занятых красноармейцами, отчетливо донесся шум большого количества тракторных и автомобильных моторов. Вскоре о том же доложил командир роты пропаганды, машина которого действовала в полосе 13-го полка.

Начальник оперативного отделения вышел на веранду дома и посмотрел в сторону линии фронта. Вскоре он увидел, как почти одновременно в воздух взлетели десятки осветительных ракет, послышались звуки пулеметных и орудийных выстрелов. На дорогах, ведущих от с. Копенковатое на юг и восток, один за другим вспыхивали костры от подожженных прямыми попаданиями транспортных средств.

В комнате зазвонил телефон, и майор рывком схватил трубку. Послышался голос адъютанта артиллерийского полка: «Господин майор! Мы слышим звуки боя, приближающиеся с севера, там что-то случилось». «Поднять артиллеристов по тревоге, передовой отряд на защиту батарей!» – распорядился начальник оперативного отделения и повесил трубку. Второй звонок: «Господин майор! Танки…», – и в трубке воцарилась тишина[257].

Командование дивизий и полков не успело отдать никаких распоряжений. Всю инициативу по ведению боя взяли на себя батальонные и ротные командиры. Следуя их приказам, егеря спешно изготовились к бою. Предшествующие дни приучили их к возможности ночных атак, поэтому особого удивления ни у офицеров, ни у солдат не было. Они не знали только, последует всего лишь очередная атака отдельных частей или соединений или начнется организованный прорыв обеих армий из окружения. Можно было только предполагать, сколько и на каком направлении будет брошено в бой советских войск и смогут ли егеря удержаться на своих позициях[258].

Около 4.00 все немецкие позиции южнее с. Подвысокое подверглись атакам частей 6-й и 12-й армий. Почти одновременно вся линия обороны 1-й и 4-й горно-егерских дивизий озарилась вспышками выстрелов, в ночное небо взлетели осветительные ракеты, с обеих сторон открыли огонь пулеметы и орудия. Почти сразу немецкая оборона оказалась дезорганизованной, связь между полками и батальонами, а также между выше– и нижестоящими штабами оказалась нарушенной. Ее удалось восстановить только к полудню, и до этого времени командиры дивизий и командир корпуса не имели ясного представления о сложившейся обстановке и ничем не могли помочь попавшим под мощный удар собственным войскам.

Запросы командования XXXXIX корпуса в штабы полков о положении дел оставались без конкретного ответа. «Стрельба повсюду!» – сообщали они. В 4.45 по телефону последовало сообщение от адъютанта 94-го артиллерийского полка: «Слышны звуки гусеничных машин. Приближаются звуки боя. Штаб готовится к бою». Последовал ответ: «Поднимайте артиллерийский полк!»[259] Сказанное адъютантом означало, что линия фронта прорвана, советские войска уже выходят на штабы и позиции артиллерии. Управление 94-м артиллерийским полком оказалось нарушенным.

Вскоре поступило сообщение из 13-го полка: «Вражеская атака из Копенковатого на 3-й батальон». Через несколько минут передали

открытым текстом: «Танки!», и связь с полком прервалась. Впоследствии стало известно, что именно на участок обороны 13-го полка пришелся основной удар отряда комдива А.Д. Соколова и группы генерала Я.И. Тонконогова. Теперь большая часть немецких батальонов и рот сражалась фактически в условиях полу окружения, изолированно от остальных, не имея возможности поддержать друг друга огнем или маневром. Уже через несколько часов стала сказываться нехватка боеприпасов.

Основная часть отряда комдива А.Д. Соколова, выйдя с западной части с. Копенковатое, повернула на юг. Атакующим сопутствовала удача: их удар пришелся встык между 3-м батальоном 13-го и 2-м батальоном 91-го полков. Попав под мощный удар, немцы отошли, соответственно, на северо-запад и юго-восток, открыв дорогу атакующим. Развернувшись на широком фронте, красноармейцы отряда А.Д. Соколова, сопровождаемые грузовиками, тягачами и тракторами, тянущими за собой орудия, подводами, мимо дорог устремилась в южном направлении в сторону р. Ятрань.

Их дорога лежала через хут. Шевченко и мимо выс. 203, 1. По обе стороны от хутора заняли оборону солдаты немецкого 2-го батальона 99-го полка, поднятые по тревоге. Бойцы отряда комдива А.Д. Соколова с ходу атаковали позиции егерей и заставили их расступиться. Полагая, что немецкая оборона уже окончательно прорвана и все страшное уже позади, бойцы и командиры забрались в кузова грузовиков.

На их пути теперь лежала выс. 203, 1, где расположился 94-й разведывательный батальон. Как только колонна подошла на расстояние выстрела, немцы открыли по ней огонь. Автомашины, почти не снижая скорость, обошли высоту с запада и продолжили свой путь на юг.

Около 5.45 передовые автомашины отряда комдива А.Д. Соколова, двигаясь с северного направления с включенными фарами, появились в виду 1-й полубатареи 1-й батареи, входившей в состав 61-го зенитного артполка. Немецкие артиллеристы имели в своем распоряжении две 88-мм зенитки, два 20-мм скорострельных орудия и один пулемет. Их огневая позиция находилась в 2 км юго-западнее выс. 203, 1. Приданная егерям для обеспечения противовоздушной и противотанковой обороны полубатарея вступила в бой с подвижной моторизованной колонной, подпустив ее на дистанцию прямого выстрела. Огонь оказался очень действенным, голова колонны была большей частью уничтожена, оставшиеся отвернули в сторону и

двинулись в обход. Обойдя позиции 1-й полубатареи и выс. 203, 1, колонна по лощинам направилась к бродам через р. Ятрань в районе с. Лещевка.

Видимо, здесь в бою под выс. 203, 1 единая колонна по какой-то причине разорвалась. Часть ее под командованием военкома 141-й дивизии бригадного комиссара А.И. Кущевского повернула на юго-запад в сторону с. Перегоновка. Остальные продолжили путь на юг к р. Ятрань.

Обтекая очаги сопротивления, красноармейцы прорвались в тылы 4-й горно-егерской дивизии, прервав все линии сообщения и пути подвоза боеприпасов. Неожиданно для противника группа комиссара А.И. Кущевского вышла к юго-восточной окраине с. Перегоновка. Восточнее села располагались две батареи полевых гаубиц 851-го тяжелого дивизиона. Их командиры и боевые расчеты отчетливо наблюдали разгоравшийся на востоке бой, однако никаких приказов ни от кого не поступало. Связь с находящимися впереди батальонами отсутствовала. Поэтому, когда ок. 6.00 перед огневыми позициями батареи в утренних сумерках показались цепи красноармейцев, немцы не успели организовать оборону. После короткой перестрелки и штыкового удара большая часть расчетов разбежалась, а сами орудия попали в руки советских бойцов. Через два часа, когда пехотинцы подошли к с. Перегоновка, артиллеристы огнем из захваченных у противника орудий поддержали их атаку.

Некоторым артиллеристам захваченных батарей удалось вернуться в Перегоновку, где они доложили о произошедшем. Немецкие офицеры, еще не осознав масштабов происходящего, отправили взвод 1-й роты 73-го саперного батальона, чтобы отбить орудия. Вскоре они, увидев приближение большой колонны транспорта и пехоты, вернулись обратно. Командир дивизии приказал саперам организовать оборону мостов и не допустить прорыва советских войск на противоположный берег.

Как оказалось, в сторону села двигалась часть 141-й дивизии. После того как большинство группы генерала Я.И. Тонконогова ушло на юг, часть ее повернула на Перегоновку, не подозревая, что там размещался штаб 4-й горно-егерской дивизии, прикрытый слабыми силами пехотных, артиллерийских и саперных частей. Как только стало известно, что в направлении села движется моторизованная колонна, немцы сыграли общую тревогу. Все, способные держать оружие, включая работников штаба, отправились в оборону.

Около 7.00 с востока показались первые автомашины, за ними

походным порядком шла пехота. Все говорило о том, что красноармейцы к бою не готовы. Поэтому немецкое командование решило огонь прежде времени не открывать, а дождаться, пока колонна втянется в село, а уже там открыть по ней огонь со всех сторон. План удался. Как только колонна дошла до середины населенного пункта, по ней ударили из стрелкового оружия и тяжелых орудий. Уже через несколько минут боя часть автомашин и тракторов стояла объятая пламенем. Не ожидавшие такого красноармейцы стали разбегаться в стороны, укрываясь в садах и огородах. Часть их, под командованием военкома дивизии бригадного комиссара А.И. Кущевского, бросилась к ручью, надеясь перебраться на противоположный берег. Однако и здесь они повсюду встречали плотный огонь. Некоторым из бойцов удалось пробиться через село, остальные оказались отрезанными от основных сил и попытались вернуться на исходные позиции. Прорвавшаяся группа в дальнейшем была рассеяна, и только малочисленные остатки ее пробились к селу Семидубы, расположенному в 12 км от реки Ятрань, где были окончательно уничтожены. Бригадного комиссара А.И. Кущевского с ними уже не было – он, по одной из версий, погиб в перестрелке в селе Перегоновка, по другой – застрелился, чтобы не попасть в плен. В бою за с. Перегоновка погиб также начальник штаба артиллерии дивизии подполковник И.И. Долгих.

Оставшаяся часть колонны развернулись и, увеличив скорость, направилась в сторону с. Полонистое. Там ее встретили зенитный взвод 4-й батареи 61-го зенитного дивизиона и полубатарея 1-й батареи 61-го зенитного полка. Остатки колонны появились со стороны с. Перегоновка около 9.00, стремясь по мосту перебраться через р. Ятрань.

Как только она приблизилась на расстояние 800 м, с опушки леса неожиданно открыли огонь немецкие скорострельные 20-мм орудия. Пока часть красноармейцев пыталась укрыться от огня в кюветах и в сельских домах, артиллеристы успели отцепить и развернуть в сторону противника два 152-мм орудия. Однако противник вовремя заметил угрозу и перенес огонь. Советские артиллеристы успели сделать всего один выстрел, после чего расчеты были сметены концентрированным огнем 20-мм зениток.

После того как немцы подожгли мест через реку, саперы попытались навести новый, но и он также был уничтожен. Тогда остатки отряда стали укрываться от обстрела в домах и садах с. Полонистое. Тогда немецкие артиллеристы открыли огонь по сельским

домам зажигательными снарядами. Вскоре заполыхала значительная часть Полонистого. Пытавшиеся спастись от разгоравшегося пламени красноармейцы беспощадно расстреливались. К полудню из села слышались только отдельные пулеметные и винтовочные выстрелы. Немецкие командиры могли с удовлетворением констатировать, что попытка переправы полностью сорвана.

После полудня началась зачистка села и прилегающей к нему местности. Несколько десятков красноармейцев, которые укрывались в полях севернее с. Полонистое, пытались оказать сопротивление, однако массированный обстрел из 20-мм орудий заставил их сдаться. К 15.30 бой за Полонистое закончился, и линия снабжения 4-й горно-егерской дивизии теперь была полностью восстановлена. Здесь погибли, по немецким оценкам, не менее 500 красноармейцев, еще около 200 взяты в плен, среди них оказались один майор и два политработника.

Тем временем основные силы отряда комдива А.Д. Соколова и генерала А.И. Тонконогова, продолжая выполнение задачи, вышли к позициям артиллерии 4-й горно-егерской дивизии, расположенным в районе хут. Шевченко и Слесаренко. Здесь под командованием оберста Штромайера объединялись силы штаба, а также 3-го и 4-го дивизионов 94-го артполка, часть 2-го батальона 99-го полка и 94-го разведбата. Их личный состав был давно уже поднят по тревоге, однако сила удара и настойчивость прорывавшихся красноармейцев оказались для противников полной неожиданностью. Немецкие артиллеристы вступили в бой, однако собственных сил оказалось явно недостаточно, чтобы удержать всю массу прорывающихся войск. Воспользовавшись замешательством, красноармейцы атаковали огневые позиции, заставив расчеты немецких орудий вступить в рукопашную схватку. Командиры немецких дивизионов запросили поддержки от 2-го батальона 99-го полка, но тот также был скован боем и прийти на помощь не смог. В результате большая часть орудий оказалась уничтоженной, а их расчеты погибли. Однако потери прорывавшихся также оказались велики. Немцы отчитались о 110 сожженных автомашинах и тракторах, одном подбитом танке и 800 взятых в плен красноармейцах[260].

Не менее тяжелые бои развернулись к юго-востоку от с. Копенковатое. С восточной окраины села и из леса на прорыв в сторону с. Россоховатец пошел отряд под командованием полковника В.П. Крымова. Буквально перед самым прорывом в 44-ю танковую дивизию вернули два дивизиона 44-го гаубичного артполка (без

орудий) и 44-й зенитный артиллерийский дивизион, а также некоторые другие подразделения, которые все-таки укрепили ударную мощь отряда полковника В.П. Крымова. В голове колонны прорыва следовали сам командир 44-й танковой, начальник политотдела старший батальонный комиссар Д.Л. Гейзман, майор В.С. Красных и некоторые другие командиры и политработники[261]. Полковник В.П. Крымов намеревался провести свой отряд через перекресток к с. Тарасовка и далее к р. Ятрань, пробивая дорогу «колонне Особого назначения».

Вскоре после выхода колонны из Копенковатого начались стычки и перестрелки с немецким боевым охранением. Его сбивали довольно легко, используя скорострельные орудия 44-го зенитного дивизиона. Большую поддержку пехоте оказывали малокалиберные орудия 3-й бригады полковника Д.И. Турбина, которые прицельно обстреливали позиции неприятельских орудий и пулеметов, заставляя их замолчать.

К этому времени в составе «колонны Особого назначения» произошли изменения: от нее отсоединился один танк БТ, в котором следовал комбриг Н.П. Иванов. Это произошло где-то в районе села Копенковатое, когда при подходе к линии немецкой обороны первые группы атакующих подразделений попали под обстрел немецких пулеметов и орудий. По этой причине автомашины остановились, и красноармейцы стали спешиваться для прорыва вражеских позиций. Воспользовавшись возникшей заминкой, комбриг Н.П. Иванов приказал изменить направление движения и вместо Первомайска решил выходить на Звенигородку и Смелу для соединения с частями 26-й армии. Видимо, его машина следовала последней, что позволило ему ускользнуть незамеченным и не нарушить своими действиями общий порядок следования колонны. Минуя полями села Теклиевка, Оксанино, Бабанка, Доброводы, Тальное, к 4.00 6 августа танк оказался в лесу восточнее Звенигородки. Ночной прорыв мимо позиций 97-й и через тылы 24-й и 125-й немецких дивизий прошел благополучно. Комбриг оказался исключительным везунчиком.

День 6 августа комбриг Н.П. Иванов намеревался переждать в лесу, чтобы возобновить движение с наступлением сумерек. Но вскоре танк был обнаружен и обстрелян группой немецких солдат. БТ выскочил из-за деревьев на дорогу и помчался, набирая скорость. Немцы просились догонять его на автомашине. Преследуемый ими танк вырвался на дорогу и по ней сумел оторваться от погони. Около 17.00 он достиг предместьев Смелы и попытался форсировать реку по дамбе. Но та оказалась разрушенной, а танк попал под обстрел немецкого

орудия. После нескольких выстрелов он был подбит, и его экипаж под огнем стал разбегаться в стороны. Комбриг Н.П. Иванов вместе с командиром танка старшим лейтенантом Корневым продолжили путь к фронту пешком. Им вновь повезло, и 6 августа около 20.00 они пересекли линию фронта в полосе обороны 548-го полка 116-й дивизии 38-й армии[262].

Тем временем отряд полковника В.И. Крымова завязал бой за основную полосу немецкой обороны. Основной удар пришелся по правому флангу немецкого 3-го батальона 91-го и левому флангу 3-го батальона 98-го полков. Ожесточенный бой завязался вокруг перекрестка и за северную окраину с. Россоховатец. Командир 3-го батальона 91-го полка, лично возглавивший оборону на своем участке, погиб. На 3-й батальон 98-го полка, неожиданно выйдя из поля, засаженного подсолнечником, бросились до трехсот красноармейцев. Удержать их немцы в суматохе утреннего боя не смогли, и к 4.00 советские бойцы ворвались на северо-восточную окраину с. Россоховатец. Так как перед 2-м батальоном 98-го полка все было тихо, его командир развернул 6-ю роту и направил ее для перехвата дороги Копенковатое – Покотилово. Солдаты маршировали в утренних сумерках в полной неизвестности: где находятся советские войска и сколько их[263]. Вскоре они вступили в бой, однако даже с таким подкреплением удержать атакующих немцам не удалось.

Через 45 минут боя немецкая оборона южнее с. Копенковатое была прорвана. Две волны прокатились по оборонительным линиям егерей и, нащупав слабо прикрытый стык в районе перекрестка дорог, устремились на юг. Ночная темнота не позволяла противнику вести прицельный огонь, и потери среди атакующих пока оказались сравнительно невелики. Пробившись через немецкую оборону, красноармейцы устремились в тыл противника, громя по пути обозы и нарушая линии снабжения.

Пройдя 4–5 км по полям, колонны комдива А.Д. Соколова и полковника В.П. Крымова достигла реки Ятрань в районе сел с. Лебединка и Лещевка. У Лебединки существовали две возможности переправы – одна по мосту, вторая – вброд. Здесь, на рубеже Лебединка – Лещевка – Орлово, отряды прорыва наткнулись на позиции тыловых частей, штабов, обозов и частей обеспечения, которые, завидев приближавшиеся транспортные колонны, немедленно вступили в бой.

Головные машины отряда А.Д. Соколова показались у с. Лебединка с северо-западного направления. Оказалось, что мост через р. Ятрань

хорошо прикрыт противником, и все попытки сбить его с ходу не увенчались успехом. По колонне открыли огонь одно 88– мм и два 20-мм зенитных орудия 61-го полка, прикрывавшие переправу в районе с. Орлово. По этой причине большая часть войск и транспорта стала переправляться через реку вброд. На форсирование Ятрани и прорыв позиций по ее южному берегу у советских войск ушло 30 минут, после чего пехота была вновь посажена на грузовики, и колонны продолжили движение на Троянку и Емиловку.

Примерно в 5.45 в виду с. Лещевка показалась моторизованная и гужевая колонна отряда полковника В.П. Крымова. Ее с позиций, расположенных в 2 км юго-западнее с. Орлово, обстрелял 4-й взвод 5-й батареи 61-го зенитного полка и нанес новые чувствительные потери. Находившиеся на передовых грузовиках и тракторах красноармейцы и расчеты орудий бросили свои транспортные средства, которые уже при первых выстрелах превратились в пылающие факелы. Часть грузовиков попыталась их объехать и форсировать реку вброд. Части такой маневр удался, однако значительная часть, попав в вязкое русло, завязла и остановилась. Тем временем красноармейцы бросились в реку, ширина которой здесь составляла 12–15 м, и вскоре перебралась на противоположный берег. Здесь они вновь собирались в колонны, готовясь к продолжению марша. В плен на этом участке за весь день попали всего 84 человека.

Переправу «колонны Особого назначения» через р. Ятрань обеспечивали 3-я противотанковая бригада полковника Д.И. Турбина, остатки батальона охраны штаба армии подполковника М.И. Шапкина, взвод работников Прокуратуры и сводная рота Особого отдела во главе с майором госбезопасности А.Г. Мокшанцевым. Все прошло благополучно, и без потерь колонна продолжила свой путь на с. Емиловка.

Насколько можно судить, вплоть до рубежа р. Ятрань отряды комдива А.Д. Соколова, генерала Я.И. Тонконогова и полковника В.П. Крымова сохраняли управляемость. Командиры и политработники поддерживали порядок в колоннах, по их приказам красноармейцы поднимались в атаку, один за другим пробивая немецкие заслоны на своем пути. Признаков паники и деморализации пока не наблюдалось.

Однако ночные стычки с противником, обстрелы колонн из пулеметов и орудий привели к уничтожению значительной части транспортных средств – автомашин, тракторов, тягачей, подвод. Вместе с ними оказались брошены крупнокалиберные орудия. Погибло значительное количество бойцов и командиров. Обстрелы

вызвали также распад единых колонн на части, некоторые из которых ушли с основного маршрута и стали пробиваться к линии фронта самостоятельно. Одной из них стала колонна штаба 80-й дивизии.

Она стала переправляться через р. Ятрань в районе с. Лебединка вместе с отрядом комдива А.Д. Соколова. Когда командиры и политработники выбрались на противоположный берег, они попали под огонь 20-мм зенитных орудий 3-й и 5-й батарей немецкого 61-го полка, которые красноармейцы приняли за крупнокалиберные пулеметы. Под обстрелом в 200 м от реки был убит начальник артиллерии дивизии полковник С.Г. Тойберг. После переправы единая прежде колонна, потеряв несколько человек убитыми и ранеными, стала распадаться на отдельные отряды и группы, которыми уже никто не командовал и не руководил.

Иначе сложилась судьба бойцов капитана Михайлова. Следуя от с. Копенковатое на юг вслед за отрядом прорыва, он умело уводил своих подчиненных из-под обстрелов. Потери за ночь оказались невелики, и красноармейцы капитана Михайлова сумели преодолеть около 20 км. Их командир, маневрируя и уклоняясь от стычек с противником, сохранил личный состав, однако связь со штабной колонной и другими отрядами и группами была потеряна.

С наступлением утра противник стал атаковать прорывавшиеся части с воздуха, на вероятных путях следования появились заслоны. Каждая часть, каждый отряд или группа бойцов и командиров, растеряв за ночь всякое подобие взаимодействия, теперь дрались и пробивались из окружения самостоятельно. Это позволяло противнику довольно легко и с небольшими для него потерями ликвидировать прорыв, а затем приступить к уничтожению прорвавшихся порознь.

О судьбе третьей колонны, той, в которой следовал генерал В.И. Прохоров, и о нем самом сохранились противоречивые свидетельства. Некоторые очевидцы утверждали, что при прорыве танк, в котором находился командир 80-й дивизии, был подбит. Генерал В.И. Прохоров выбрался из него и, отстреливаясь, попытался уйти от преследования. Но в перестрелке с немцами был ранен и взят в плен[264].

Другие очевидцы считали, что колонна командира 80-й дивизии после выхода из села Копенковатое взяла направление на хут. Шевченко. От хутора, который обошли справа, двигались к Ятрани, ориентируясь в основном по луне. На переходе колонна подверглась беспокоящему минометному обстрелу, который не принес значительных потерь, но раздробил ее на отдельные отряды и группы.

Видимо, генерал В.И. Прохоров старался увести своих подчиненных правее маршрута следования основных сил, так как те были обнаружены противником и превратились в мишень для немецких артиллеристов и пулеметчиков. Поэтому к р. Ятрань вышли в промежутке между селами Давыдовка и Табаново. Как оказалось, в пути из-за темноты и обстрелов со стороны противника единая колонна распалась, и с командиром дивизии осталась небольшая группа штабных командиров и политработников.

Первой на рассвете к реке вышла группа в составе генерала В.И. Прохорова, полковника Г.С. Гмыри, полкового комиссара С.Ш. Прейса и некоторых других командиров. Преодолев реку вброд, они поспешили к расположенному неподалеку лесочку, но на опушке они были обстреляны немецким заслоном, преградившим дальнейший путь на с. Межиречка. Весь день 6 августа штабная группа 80-й дивизии провела в Москалёвом лесу неподалеку от села, не имея возможности выйти из него незамеченной. Левее, на всем пространстве от с. Шепилово и до Емиловки, доносились звуки боя, и, видимо, у командования соединения оставалась надежда, что прорыв закончится успехом и прорвавшиеся войска, соединившись с бойцами 18-й армии, деблокируют их в самое ближайшее время.

Не менее замысловатым оказался путь воинов 190-й дивизии. По рассказу бывшего командира батареи зенитного дивизиона Л.В. Козлова, в ночь перед атакой командир соединения полковник Г.А. Зверев сформировал группу прорыва. В нее вошли работники штаба и политотдела, красноармейцы зенитного дивизиона, медсанбата, батальона связи, стрелковых и артиллерийских полков. Всего набралось около 1 тыс. бойцов и командиров. Их поддерживал один танк БТ-7 под командованием лейтенанта Соболева из состава 44-й танковой дивизии. В колонне следовали более десятка полуторок и несколько санитарных машин.

Колонна 190-й дивизии двигалась за отрядом комдива А.Д. Соколова от юго-западной оконечности Зеленой Брамы в сторону Первомайска. Миновав юго-западную окраину с. Копенковатое, она вышла к р. Ятрань и форсировала ее между с. Табаново и Давыдовка. На противоположном берегу бойцы 190-й дивизии попали под обстрел малокалиберных орудий и минометов. Возможно, на этом этапе произошел распад колонны: ее часть, в которой остались командир и комиссар, а также группа работников штаба, отказались от прорыва и вернулись обратно в лес. Остальные, понеся сравнительно незначительные потери, двинулись дальше, постепенно отклоняясь в западную сторону.

Пробиться на Троянку и Наливайку не смогли, поэтому пошли в сторону Голованевска. На южной окраине с. Межиречка красноармейцы перебрались через р. Свинарка. Вскоре колонну обнаружили немцы, и со стороны с. Шепилово начался ее обстрел из пулеметов и минометов. Здесь бойцы 190-й дивизии встретились с крупным отрядом, который состоял из красноармейцев 80-й дивизии,

433-го полка 189-й дивизии, 674-го артполка 3-й артбригады и 609-го артполка 2-й артбригады и 719-го артполков (принадлежность его не установлена). Они попытались прорваться через с. Александровка, но здесь их встретил заслон из солдаты 257– й дивизии. Тогда колонна развернулась и направилась в сторону городка Голованевск, рассчитывая проскочить через него.

К утру 6 августа в Голованевске размещались следующие части немецких войск: службы снабжения 1-й горно-егерской, 100-й легко-пехотной дивизий и LII корпуса, санитарная и ветеринарная роты 1-й горно-егерской дивизии, рота связи, строительная рота, саперный взвод 257-й дивизии, одно штурмовое орудие, находившееся в ремонте, и корпусный сборный пункт, в котором находилось до полутора тысяч военнопленных.

Немецкий гарнизон Голованевска был поднят по тревоге в 8.15, когда со стороны с. Шепиловка послышалась сильная артиллерийская канонада, постепенно распространявшаяся в южном направлении. Вскоре из штаба LII корпуса поступило сообщение, что восточнее Голованевска прорываются части советских войск, стремящиеся выйти из окружения из района с. Подвысокое и Копенковатое. Не сумев преодолеть оборону частей 227-го полка 100-й дивизии у с. Александровка, они, по всей видимости, повернули в сторону Голованевска.

Через несколько минут со стороны с. Александровка показались разрозненные группы немецких солдат, от которых стало известно, что по дороге на Голованевск двигается крупная колонна советских войск. Начальник службы снабжения 100-й дивизии приказал своим подчиненным занять оборону на высотах на южной окраине Голованевска. Вскоре здесь сконцентрировались все боеспособные части немецкого гарнизона.

В 9.15 у перекрестка дорог в полукилометре восточнее Голованевска показался советский танк. Немцы в своем донесении классифицируют его как «тяжелый». Однако известно, что в составе группы прорыва 190-й дивизии был только один танк – легкий БТ-7. В свою очередь, ветераны 80-й дивизии утверждали, что в атаке на Голованевск участвовал танк Т-34, в котором находился сам генерал В.И. Прохоров[265].

Противник открыл по нему огонь из пулеметов, но он не нанес бронированной машине никакого ущерба. Тем временем танк лейтенанта Соболева огнем с места сумел уничтожить три пулемета противника. Как только обстрел прекратился, по обе стороны от танка

в атаку поднялась советская пехота. По немецким оценкам, в бою против них участвовало не менее одного стрелкового батальона.

Сдержать такую атаку немецкие тыловики не смогли и уже через 15 минут стали отходить в Голованевск, преследуемые по пятам красноармейцами. Еще через четверть часа бой развернулся уже в самом городке. В самый последний момент немцы успели эвакуировать в сторону железнодорожной станции своих раненых и наших военнопленных со сборного пункта. Отходя, противник попытался подорвать мост через ручей, но красноармейцы смогли предотвратить взрыв.

Вскоре в руках красноармейцев оказалась вся южная окраина и центральная часть Голованевска. Тяжелый бой шел за главную площадь, где сопротивлялась немецкая понтонно-мостовая часть. Противник из последних сил удерживал западную, северную и восточную части. Положение его становилось все более угрожающим и могло завершиться полным разгромом. Однако около полудня, неожиданно для немцев, атаки советских войск прекратились. Колонна автомашин и подвод развернулась и стала уходить в южном направлении. Туда же двинулась пехота и танк. Немцы перевели дыхание, еще не веря в свое спасение.

Дело в том, что красноармейцы не собирались захватывать Голованевск. Они намеревались расчистить себе путь на юг и юго-запад, и как только дороги, ведущие в этом направлении, оказались свободны, бой прекратился. Одна часть колонны двинулась в южном направлении в сторону с. Маринополь, другая, проскочив через населенный пункт, направилась вдоль дороги на с. Великие Трояны.

Осторожно немецкие снабженцы начали преследование. В этот момент к ним в поддержку прибыло штурмовое орудие. Как оказалось, его экипаж вместе с ремонтниками несколько часов старался ввести его в строй, чтобы отразить советскую атаку. И теперь «штурмгешютце» вступило в бой, обстреливая уходящую советскую колонну с тыла. Несколькими выстрелами оно подбило ряд грузовиков, в том числе один, на котором находились боеприпасы. Раздался огромной силы взрыв, уничтоживший не только саму машину, но и большое количество красноармейцев, находившихся вокруг.

За городком советскую колонну перехватили подоспевшие солдаты 54-го полка 100-й легко-пехотной дивизии. В завязавшемся бою прорывавшиеся понесли большие потери – только убитыми и ранеными не менее 400. Около 800 бойцов и командиров оказались в

плену. Колонна из 12 грузовиков была уничтожена. Из-за отсутствия горючего пришлось оставить и БТ-7, а его экипаж ушел в пехоту. Трофеями противника стали одно орудие и два Боевых знамени.

Двигаясь на восток, остатки группы 190-й дивизии несколько раз вступали в мелкие стычки с противником, самой крупной из которых оказался бой за переход через дорогу Голованевск – Первомайск. В пути к ней присоединялись мелкие группы из 44-й танковой и 141-й стрелковых дивизий. В ночь на 7 августа перебрались через р. Синюха у с. Плоско-Забугское и в дальнейшем пересекли линию фронта в полосе обороны 18-й армии[266].

Во второй половине дня под Голованевск стало прибывать подкрепление. В 15.00 на северной окраине окопался 4-й дивизион 83-го артполка, в полутора километрах западнее развернулась строительная рота, дорогу от железнодорожной станции к городку прикрыла рота охраны штаба LII корпуса. Вскоре к перекрестку юго-восточнее Голованевска вышла венгерская танковая рота. В 17.00 сюда же перебросили одну тяжелую полевую гаубицу из состава 11-й батареи 83-го артполка.

Немецкая артиллерия приступила к обстрелу леса в двух километрах северо-восточнее городка, где, по данным разведки, находилась советская пехота численность до одного полка. Через несколько минут к ним присоединилось и штурмовое орудие. В 18.00 100-я дивизия пришла в движение: ее 227-й пехотный полк начал переброску в район с. Межиречка и Шепилово, а 54-й – под Александровну и Голованевск[267].

Положение немецкой 4-й горно-егерской дивизии к утру оценивалось ее командованием как критическое. Бой развернулся по всему фронту ее обороны, ряд частей оказался в полуокружении, о положении других никаких достоверных сведений не имелось, и можно было предполагать самое худшее. Никакими возможностями хоть как-то руководить боем командование 4-й горно-егерской дивизии не располагало. Где основное направление прорыва, какая часть находится в критическом состоянии, а какая успешно отражает атаки, достоверно не знал никто, все резервы были исчерпаны. В такой ситуации командиру дивизии приходилось рассчитывать только на опыт, самостоятельность и инициативу своих офицеров и стойкость солдат.

Ударные группы генерала Я.И. Тонконогова и комдива А.Д. Соколова, прорвавшись за рубеж реки Ятрань и все еще придерживаясь плана, направились в сторону с. Наливайка и

Емиловка. Отряд полковника В.П. Крымова от с. Лещевка двинулся на с. Троянка. Подвижные части, не заботясь о подавлении очагов сопротивления противника и удержании горловины прорыва, стали быстро уходить на юг, оставив вторые эшелоны и тылы на произвол судьбы. Противник сполна использовал предоставленные ему преимущества, обстреливая колонны со всех сторон. Лишенные пехотного и артиллерийского прикрытия, те оказались очень уязвимы. Все поля и дороги, ведущие от р. Ятрань на юг, оказались усеянными горящими автомашинами и тракторами, брошенными тягачами с орудиями и повозками. Но уцелевшие продолжали свое упрямое движение в сторону Первомайска, все еще надеясь на помощь бойцов 18-й армии.

В 7.00 командир 1-й горно-егерской дивизии генерал Х. Ланц, находясь на своем командном пункте, расположенном в полутора километрах от с. Троянка, мог наблюдать длинную колонну автомашин, двигавшуюся в сопровождении четырех танков через Наливайку на Емиловку. Вскоре показалась вторая маршевая колонна, направлявшаяся по дороге от села Лещевка на Троянку. В голове колонны также следовали танки, а с флангов ее прикрывали всадники. Генерал знал, что в Троянке и Емиловке располагались только тыловые части, лазарет, связисты и зенитчики 61-го полка. Никаких резервов у командира 1-й дивизии в распоряжении не имелось, и все, чем он мог помочь своим подчиненным, это позвонить и предупредить их о грозящей смертельной опасности. Сам генерал Х. Ланц остался на своем командном пункте в роли стороннего наблюдателя.

Гарнизон с. Троянки к этому времени уже был поднят по тревоге: как только с севера стали приближаться звуки боя, командиры подняли солдат и стали формировать из них боевые группы для обороны села. В них включили всех, способных держать оружие в руках: радистов, телефонистов, персонал колонны снабжения и полевого лазарета, а также части 54-го запасного батальона, всего около 70 человек. С рассветом боевые группы заняли позиции на высотах вокруг Троянки, прикрыв наиболее опасные направления с востока, северо-востока и запада.

В Емиловку, которая считалась совсем уже глубоким тылом, направили находившиеся в Троянке автомашины радиосвязи и тыла. Подъезжая к восточной окраине Емиловки, немцы наткнулись на группу советских всадников и обстреляли ее, заставив скрыться в полях. Неожиданно по автоколонне открыло огонь одинокое противотанковое орудие. Группа советских артиллеристов, каким-то

чудом обогнав основную колонну, успела установить его на холме напротив околицы и теперь оттуда обстреливала немецкие автомашины.

Немецкая колонна развернулась и через Троянку направилась в с. Бузниковатое. В 7.30 генерал Х. Ланц отдал приказ остановить передвижение тылов, колонн с боеприпасами и санитарных частей в районе сел Троянка – Бузниковатое – Емиловка. Для прикрытия дорог и расположенных северо-восточнее Троянки дивизионных складов боеприпасов были выделены два 88-мм зенитных орудия и часть 3-й батареи, легкий зенитный взвод 4-й батареи 61-го полка и три взвода противотанковых орудий 44-го горного противотанкового дивизиона. В 9.45 1-й взвод 4-й батареи 61-го зенитного полка, усиленный одним 20-мм орудием 4-го взвода, вступил в защиту командного пункта 1-й горно-егерской дивизии.

Почти сразу по прибытии зенитчикам поручили вести огонь по советским моторизованным колоннам, двигающимся от р. Ятрань на юг. В первые же часы они уничтожили 17 грузовиков, один мотоцикл с коляской, 14 тракторов и тягачей и два орудия на прицепе.

Известно, что в район с. Троянка прорвались основные силы отряда полковника В.П. Крымова. Восстановить порядок его действий сравнительно сложно. Одним из основных источников по этому вопросу с нашей стороны служат воспоминания А.А. Каменцева и Ф.А. Щербины.

Из их рассказов следует, что колонна приблизилась к Троянке ранним утром. По расчетам штабов 6-й и 12-й армий, после прорыва через главную линию никаких немецких войск быть уже не могло, но полковник В.П. Крымов решил перестраховаться. Он не стал входить село сразу, а прежде выслал вперед разведку. Красноармейцы вскоре доложили, что село занято противником, и тогда полковник приказал обойти его полем.

Случай играет большую роль на войне, являясь зачастую вопросом жизни и смерти. Поверни полковник В.П. Крымов своих бойцов чуть в сторону – и под удар попал бы командный пункт генерала Х. Ланца. Но командир 44-й танковой дивизии решил обойти Троянку справа. Находившиеся в Троянке немцы, несмотря на свою малочисленность, открыли по колонне огонь. В завязавшейся перестрелке был ранен комиссар Д.Л. Гейзман, и его, как и многих других раненых, оставили в поле. Вечером комиссара нашли местные жители и оказали необходимую медицинскую помощь.

В ходе этой скоротечной перестрелки группа полковника В.П.

Крымова понесла новые потери, и единство управления оказалось утерянным. Часть бойцов, возглавляемая командиром 44-й танковой дивизии, продолжила движение на Наливайку и далее на Шепилово, а часть бойцов и командиров, лишившись общего командования, стала действовать самостоятельно.

После ночного боя, переправы через р. Ятрань и перестрелки под селом Троянка количество оставшихся под управлением полковника В.П. Крымова бойцов и командиров значительно сократилось, и функции отряда прорыва они выполнять уже не могли. Но полковник В.П. Крымов, полагая, что за его спиной идет на прорыв вся армия, продолжал выполнять поставленную перед ним задачу. В районе с. Наливайка он встретил отряд комдива А.Д. Соколова и вместе с ним повернул на с. Емиловка.

Приблизившись к с. Емиловка, комдив направил в село конную разведку. Она не обнаружила в селе значительных сил противника, поэтому в голову колонны выбрались танки, со штабом генерала И.Н. Музыченко на борту. Уже не ожидая встретить никакого сопротивления, они повели себя слишком беспечно и без какого-либо прикрытия или иных мер предосторожности въехали в село.

Непосредственное участие в событиях, развернувшихся вокруг с. Емиловка утром 6 августа, приняла участие «колонна Особого назначения». К сожалению, сведения о ее действиях весьма противоречивые и позволяют сделать предположение, что где-то между р. Ятрань и с. Емиловка единая колонна разорвалась на две неравные части. В головной оказались танки полковника П.С. Фотченкова, подполковника В.С. Породенко, членов Военного совета и бронемашина полковника М.А. Меандрова (его танк, предположительно, был подбит во время боя у хут. Шевченко и Слесаренко).

Утром группа П.С. Фотченкова приблизилась к с. Емиловка. По воспоминаниям В.С. Породенко, немцы были застигнуты врасплох и никакого сопротивления не оказали, так что колонна проскочила село без каких-либо потерь[268]. По немецким данным, находившиеся в селе части дали прорывавшимся настоящий бой.

Насколько можно судить, события развивались следующим образом. Впереди в бронеавтомобиле следовал начальник М.А. Меандров, за ним танковая и остатки автомобильной колонны, двигались пешим порядком красноармейцы. Они не подозревали, что на северо-западной окраине Емиловки к встрече с ними уже изготовились немногочисленные немецкие солдаты-квартирьеры.

Как только колонна приблизилась к селу, хауптман фон Айманнсбергер и комендант штаб-квартиры 1-й горно-егерской дивизии обер-лейтенант Рисе ручными гранатами подбили ехавший впереди всех бронеавтомобиль. Из него выбрался полковник, и, не оказывая никакого сопротивления, сдался в плен. Им оказался начальник оперативного отдела штаба 6-й армии полковник М.А. Меандров. На допросе он рассказал о замысле прорыва, основных задействованных силах и направлениях движения[269]. Самым важным для немцев из того, что сообщил полковник, стало известие, что в составе танковой колонны на прорыв пошло командование 6-й армии во главе с генералом И.Н. Музыченко.

Несмотря на достигнутый успех, начало боя за Емиловку для противника оказалось неудачным, красноармейцы, оправившись от неожиданности, бросились в атаку и постепенно стали теснить отчаянно отстреливавшихся немцев в глубь села. В последнюю минуту на помощь квартирьерам и штабникам из-под Покотилово и Троянки прибыли два взвода 44-го противотанкового дивизиона, части 54-го самокатного эскадрона и 6-я батарея 48-го зенитного дивизиона под общим командованием хауптмана Кайзера. Они ударили по советским войскам с тыла и привели прорывающуюся колонну в замешательство. Наступил перелом в пользу противника. В самом конце этого скоротечного боя хауптман был убит случайной пулей[270]. Отражая контратаку красноармейцев, погиб и обер-лейтенант Рисе, а с ним восемь человек из штаба соединения. Еще 18 солдат получили ранения, а один офицер попал в плен.

К 9.30 у командования XXXXIX корпуса сложилось впечатление, что оборона в полосе подчиненных ему дивизий прорвана на весьма широком фронте – от с. Александровка под Голованевском до с. Дорожинка, расположенного в 6 км от с. Ольшанка. Крупные силы из состава 189-й дивизии, смяв немецкие заслоны, вышли к Голованевску. Поэтому командование 1-й горно-егерской дивизии предупредило об этой ситуации 257-ю дивизию, которой поручили оборону города и проведение зачистки от Наливайки до Емиловки.

В самой Емиловке, насколько можно судить, произошло объединение остатков отрядов полковника В.П. Крымова и комдива А.Д. Соколова. К 14.00, уже после ухода бывшего отряда хауптмана Кайзера, и после нескольких атак Емиловку удалось захватить полностью. В рукопашных схватках участвовали не только рядовые красноармейцы, но и командиры и политработники. Наравне со всеми дралось командование 16-го мехкорпуса, в том числе комдив А.Д.

Соколов, военком бригадный комиссар В.Ф. Сергеев и начальник штаба генерал М.К. Ноздрунов.

Тем временем 141-я дивизия, продвинувшись еще южнее, заняла станцию Емиловка. Таким образом, поставленная приказом цель наступления была достигнута: рубеж Троянка – Емиловка был захвачен. Но закрепить успех было некому и нечем. Ожидаемых войск 18-й армии в указанном районе не оказалось, а немцы отсекли остальные войска группы Понеделина. В результате прорвавшиеся оказались в изоляции, не имея возможности ни вернуться в Копенковатое, ни пробиться к Первомайску. Единые отряды прорыва оказались раздробленными на мелкие части, которые утратили между собой связь и взаимодействие. Одной из них оказалась группа майора В.С. Красных из 44-й танковой дивизии.

Утром за с. Емиловка он собрал вокруг себя небольшой отряд из бойцов и командиров разных частей, но преимущественно из танковых. Четкого плана у майора не было, и сложившейся обстановки он не знал. Перед прорывом на совещании комначсостава объявили, что в районе Емиловки предполагается встреча с передовыми частями 18-й армии, однако пока никаких войск вокруг видно не было. В составе отряда майора В.С. Красных находились подполковник Ф.С. Здражевский и военком штаба 44-й танковой дивизии Ф.А. Щербина.

По воспоминаниям последнего, когда бой в Емиловке уже завершился и красноармейцы расположились на отдых, все вдруг «услышали в лесу грохот танков. Майор Красных и еще группа командиров начали приводить людей в порядок и занимать оборону. Я же взял Васю Рязанского со связкой гранат, и мы стали пробираться на лесную дорогу, по которой шли танки… Я выполз на дорогу и увидел: идут четыре танка Т-34 прямо облепленные людьми…, а за ним шли автомашины. Я вскочил на ноги и начал махать фуражкой, дескать, не стреляйте, свои. А они в ответ: «Ура!» – думали, что вышли из окружения на соединение с частями 18-й армии»[271].

Из одного из танков вышел генерал И.Н. Музыченко и, очевидно, испытал глубочайшее разочарование, узнав, что прорыв еще не завершен. Тогда он стал отдавать распоряжения по дальнейшим действиям, которые сводились к тому, что нужно пробиваться дальше в сторону Первомайска. Перед бойцами отряда майора В.С. Красных командарм поставил задача – сбить немецкий заслон и расчистить колонне дорогу на юг.

Но как только был дан сигнал к атаке, часть командиров и красноармейцев стала взбираться на броню танков, пока те не были

облеплены людьми полностью. Среди таких «пассажиров» оказался и командир 44-го гаубичного полка подполковник Ф.С. Здражевский, который растерял в горячке боя своих артиллеристов и остался без подчиненных[272]. В итоге никакого взаимодействия танков с пехотой не получилось. Миновав заслон, танки, набрав скорость, быстро ушли вперед, а оставшиеся в поле красноармейцы в количестве 70–75 человек оказались предоставленными самим себе. В этой группе старшим по званию оказался работник штаба 6-й армии полковник Пугачев[273], однако командование вновь взял на себя майор В.С. Красных. В течение почти месяца он выводил свою группу, но 13 сентября у города Смела они попали в облаву и оказались в плену. Подполковник Ф.С. Здражевский переоделся в гражданскую одежду, пробрался в Умань, где проживала его жена.

Ночная атака, переправа через р. Ятрань и бой за с. Емиловка исчерпали силы прорывавшихся: у комдива А.Д. Соколова из нескольких тысяч осталось всего 500 человек[274], примерно столько же насчитывалось в других группах. В боестолкновениях получили ранения генерал Я.И. Тонконогов, полковники В.П. Крымов и В.М. Осьминский. Немцы успели подтянуть на угрожаемые направления резервы и вызвали авиацию. Насколько можно судить, после 14.00 между отрядами прорыва и основными силами 6-й и 12-й армий никакого взаимодействия уже не было. Связь отсутствовала, командиры, направленные на поиски штаба 6-й армии, назад не вернулись. Никаких распоряжений не поступало, поскольку генерал И.Н. Музыченко с остатками «колонны Особого назначения» ушел в неизвестном направлении. И, видимо, тогда комдив А.Д. Соколов принял решение действовать самостоятельно, продолжая выполнять поставленную задачу – пробивать «окно» на Первомайск.

После ухода отряда комдива в Емиловке оставалось еще около 300 красноармейцев. Причина, по которой они не пошли с основной группой, нам неизвестна, во всяком случае, сдаваться они точно не собирались. Возможно, их оставили намеренно, чтобы удерживать село до подхода с севера новых идущих на прорыв частей 6-й армии. В районе Емиловки разместились остатки штаба 141-й дивизии во главе с генералом Я.И. Тонконоговым.

Очередным нежданным препятствием для дальнейшего движения стала железнодорожная насыпь перегона Гайворон – Первомайск. Немцы превратили ее в импровизированный опорный пункт, усилив несколькими орудиями и пулеметами. Комдив А.Д. Соколов собрал около 200 автомашин с бойцами и в районе переезда Краснополка

лично повел их в лобовую атаку.

Сбить противника с насыпи не удалось: атака захлебнулась под концентрированным орудийным и пулеметным огнем. Часть бойцов укрылась по лесам, часть разбежалась, и отряд прорыва фактически перестал существовать как боевая единица. Часть бойцов и командиров отступила на Наливайку, часть укрылась в лесах возле сел Дуковка, Емиловка и Александровка. Здесь в бой с остатками групп прорыва были брошены подоспевшие части LII корпуса: 100-я и 101-я легкопехотные и 257-я пехотная дивизии.

Попытка прорыва через железную дорогу окончательно обескровила группу, и от нее осталось всего несколько десятков человек. Рядом с комкором-16 по-прежнему оставались военком бригадный комиссар В.Ф. Сергеев, начальник штаба генерал М.К. Ноздрунов, начальник инженерной службы майор М.А. Горланов, врач корпуса, помощник начальника политотдела, три сотрудника трибунала и Особого отдела. Во время дневных боев были ранены начальник оперативного отдела майор Шевченко и один из его помощников, а также помощники начальников разведывательного и шифровального отделов и начальник тыла подполковник П.В. Пикалев. Где-то по пути отстали полковники Матвеев и В.А. Ткаченко. Остатки управления 16-го мехкорпуса укрылись среди копен на поле, все еще надеясь преодолеть воздвигнутое противником препятствие.

К 21.00 им удалось собрать вокруг себя около 300 человек. Так как дальше ехать на автомашинах казалось уже невозможным, решили выходить пешим порядком. Из имевшихся в распоряжении бойцов комдив А.Д. Соколов сформировал сводный батальон, состоявший из двух рот. Как только стемнело, остатки группы двинулись по компасу в северо-восточном направлении. Через два часа они встретили группу командиров, укрывавшуюся среди подсолнухов. Среди них оказались полковники Матвеев и В.А. Ткаченко, а также начальник Особого отдела корпуса. Через несколько минут к ним присоединилась еще одна небольшая колонна.

Не успели командиры поприветствовать друг друга и определиться с дальнейшими действиями, как по ним открыли огонь сначала пулеметы, а потом и минометы противника. Все бросились на землю, так как обстрел велся с трех сторон одновременно, а через несколько минут выстрелы прозвучали уже с тыла. Казалось, что противник окружает поле со всех сторон. У советских бойцов не оставалось ничего иного, как броситься в лобовую атаку. Немцы не приняли удара и расступились, открыв дорогу на с. Новоселка.

То, что для непосредственных участников событий выглядело как набор случайных, нескоординированных действий, немцы восприняли как хорошо спланированную и успешно проведенную атаку. По их докладам, глубокой ночью, между 2.00 и 3.00, группа, оборонявшаяся южнее с. Емиловка, пошла на прорыв в юго-восточном направлении. Красноармейцы предприняли атаку на двухкилометровом фронте между одноименной станцией и опушкой леса восточнее от нее. Здесь занимал позиции 1-й батальон 466-го полка, за которым располагался полковой штаб.

Атака оказалась неожиданной для противника, его части в ночном бою понесли значительные потери, и, прежде чем они успели прийти в себя, значительная по численности группа красноармейцев прорвалась через боевые порядки и вышла к штабу полка. Штабные работники также вступили в бой, однако собственными силами не смогли удержать прорывавшихся и с потерями отступили. Только случайность спасла штаб от полного разгрома. Проломив брешь в немецкой обороне, красноармейцы направились в сторону железной дороги и с. Новоселка.

В ночном бою многие получили ранения, в том числе сам А.Д. Соколов – в руку, а военком В.Ф. Сергеев – в голову. Тяжелое ранение получил начальник артиллерии полковник Матвеев, и его вместе с остальными нетранспортабельными ранеными оставили в Новоселке[275]. Дальнейшая судьба полковника неизвестна.

В с. Новоселка группа бойцов и командиров из 37-го корпуса под командованием лейтенанта А.И. Мотыки уничтожила батарею 155-мм орудий. Генерал М.К. Ноздрунов по выходе из окружения в своем докладе указал, что в селе красноармейцы разгромили штаб дивизии или корпуса, убив генерала и уничтожив до роты пехоты. К сожалению, эти сведения не соответствуют действительности, хотя потери противника в бою под Новоселкой оказались значительными.

Известно, что к вечеру 6 августа на северной окраине с. Новоселка занимал позиции 4-й дивизион 257-го артполка, в самом селе располагался 3-я батарея и штаб 863-го артдивизиона, а также штабная батарея 257-го артполка. Насколько можно судить из немецкого отчета, красноармейцы появились перед огневыми позициями 4-го дивизиона неожиданно, и тот даже не успел сделать ни одного выстрела из своих орудий, как завязалась рукопашная схватка. Не выдержав, немцы оставили позиции и отступили в село. Следом за ними в Новоселку ворвались бойцы отряда комдива А.Д. Соколова и выбили оттуда противника. В северо-восточной части села оказалась

отрезанной штабная батарея, в восточной – штаб 863-го дивизиона и 3-я батарея.

После ночного боя генерал М.К. Ноздрунов потерял своего командира корпуса. Утром он во главе 15–20 человек пошел на юго-восточную окраину села, по пути подчиняя себе все новые и новые группы бойцов и командиров. В частности, к нему присоединился отряд подполковника П.В. Пикалева из 50 человек, и вскоре под командованием генерала находилось уже до 200 красноармейцев. Он решил идти на юг на соединение с войсками 18-й армии.

В ночном бою за село, вероятно, также приняли участие работники штаба 24-го мехкорпуса, однако сведения об этом противоречивы. О событиях ночи с 6 на 7 августа сохранились воспоминания майора И.И. Астахова, бывшего батальонного комиссара М.П. Скрюченкова и старшего политрука П.А. Пушкина. Первый довольно уверенно утверждал, что в свой последний бой управление корпуса во главе с командиром генералом В.И. Чистяковым приняло в ночь на 7 августа у с. Новоселка, тогда как второй – что возле с. Подвысокое. Следует отметить, что майор И.И. Астахов занимал в штабе корпуса должность начальника оперативного отдела и, очевидно, был более осведомленным человеком, чем старший политрук. Поэтому его рассказ представляется более соответствующим действительности.

Как рассказывал в одной из своих версий майор И.И. Астахов, в ночь на 7 августа части корпуса с боем заняли с. Новоселка и находящее южнее от него с. Пушково. До конечной цели прорыва – г. Первомайск, – оставалось всего 12 км. Командир корпуса генерал В.И. Чистяков по рации связался с командующим 12-й армией генералом П.Г. Понеделиным и доложил обстановку. Оттуда был получен приказ – пробиваться на Первомайск на соединение с 18-й армией.

Перед атакой остатки корпуса разделились на две группы. Командование первой из них взял на себя сам комкор, она имела задачу выйти к Первомайску. Вторую возглавил начальник штаба корпуса полковник А.И. Данилов. Ему поручалось захватить ст. Помошная, после чего двигаться на Кировоград. Атака началась ранним утром, и буквально через несколько минут бойцов корпуса встретили своим губительным огнем немецкие пулеметы и минометы. Разрывом мины был ранен в ноги майор И.И. Астахов, следовавший в группе командира корпуса. Его подобрали жители с. Новоселка и спрятали в доме тетки Маси.

По другой версии, майор И.И. Астахов в составе передового отряда в ночь на 7 августа принял участие в атаке на западную окраину с.

Наливайка. В бою он получил ранение разрывной пулей в колено правой ноги и позвоночник и остался лежать в поле. Утром немцы стали прочесывать местность, обнаружили майора и вместе с другими ранеными и пленными отнесли в дом тетки Маси. После выздоровления И.И. Астахов пошел к линии фронта, чтобы вновь встать в ряды Красной армии. Войну он закончил в боях за г. Будапешт, а в 1946 г. вышел в отставку[276].

Как стало известно впоследствии, генерал И.В. Чистяков погиб в бою под Первомайском, полковник А.И. Данилов также был убит и похоронен на поле боя. Оба возглавляемых ими отряда были рассеяны, выйти удалось единицам.

Несколько иначе изложил последние действия 24-го мехкорпуса бывший начальник его политотдела М.П. Скрюченков. По его словам, отряд генерал-майора В.И. Чистякова вышел из с. Подвысокое через лес. Вскоре немцы обнаружили его и открыли огонь. В перестрелке комкор получил ранение, но остался в строю. На рассвете он «собрал всех вышедших и приказал разбиться на мелкие группы, разойтись на день в укрытия и с наступлением темноты продолжать движение группами и выйти на Первомайск. При выходе в группе штаба не оказалось начальника штаба полковника Данилова. Вполне возможно, что полковник был убит при прохождении леса»[277].

Батальонные комиссары М.П. Скрюченков и Морозов и подполковник Васильев выходили в одной группе в сторону Первомайска. В ночь на 8 августа встретили командира из штаба корпуса, который сообщил им о гибели генерала В.И. Чистякова. Утром выяснилось, что комиссар Морозов, занимавший должность начальника Особого отдела корпуса, куда-то исчез, и М.П. Скрюченков и Васильев продолжили путь вдвоем. Шли ночами, а днем прятались. Утром 11 августа им повстречался какой-то местный житель, от которого узнали, что г. Первомайск занят немцами. Тогда они решили остаться на кукурузном поле и дождаться темноты. Однако вскоре появились немцы, которые стали прочесывать местность и вскоре захватили комиссара и подполковника в плен. Их направили на сборный пункт в г. Гайсин, и здесь они встретили комиссара Морозова, который также не сумел вырваться из окружения[278].

Некоторые подробности о смерти генерала В.И. Чистякова содержатся в рассказе бывшего старшего политрука П.А. Пушкина. По его словам, к вечеру 6 августа в распоряжении комкора уже не оказалось собственных войск, так как они были разбиты в

предшествующих боях. В одной из хат с. Пушково (автор называет его Подвысокое) собралось несколько командиров и политработников штабов, политотделов и особых отделов соединений корпуса численностью до тридцати человек. Среди них был командир 24-го механизированного корпуса генерал В.И. Чистяков (при нем безотлучно была медсестра, так как генерал себя плохо чувствовал), командир 45-й танковой дивизии комбриг М.Д. Саломатин и военком бригадный комиссар М.П. Макаров. На совещании было принято решение выходить вне боевых групп и отрядов, по возможности не вступая с противником в бой. В качестве главного направления выбрали юго-восточное – на Первомайск. Командование группой, в которой преимущественно были только командиры и политработники, принял на себя комбриг М.Д. Саломатин.

Группа работников штаба 24-го мехкорпуса еще в вечерних сумерках вышла из с. Пушково и двинулась через степь в юго-восточном направлении. Незамеченным обошли стоящие в поле немецкие орудия и еще до полуночи вышли к какому-то селу, возможно, Сухому Ташлыку. Туда на разведку были отправлены девушки-медсестры, а все остальные осталась ждать их на кукурузном поле. «Разведчицы» не вернулись, и тогда решили дождаться рассвета.

Когда взошло солнце, группа, отдохнув, двинулась вперед и шла, пока не уткнулись в бежавший в небольшой канавке ручей, неширокий, метра в полтора. «Все его перепрыгнули, а В.И. Чистяков перешел вброд, тут его схватило сердце, он начала вскрикивать. Вся группа встревожилась, чтобы вскрики не были услышаны на шоссе. Я был в числе молодых командиров, бросившихся на помощь В.И. Чистякову, в это время он умер. Его похоронили в одной из стрелковых ячеек, которые шли вдоль русла ручья. Все документы покойного забрал М.Д. Саломатин. После смерти В.И. Чистякова комбриг М.Д. Саломатин разделил всех на группы по два-три человека и отдал свой последний приказ – прорываться на Первомайск, так как, по его расчетам, «там были наши»». Такой немудреный рассказ о последних минутах жизни своего комкора оставил П.А. Пушкин, бывший инструктор политотдела 45-й танковой дивизии[279]. Сам комбриг М.Д. Саломатин сумел выйти, но многие из тех, кого он вывел из с. Пушково в ночь на 7 августа, погибли или попали в плен. Оказались в плену заместитель комдива полковник М.К. Селиверстов, начальник разведывательного отделения майор М.В. Игнатов, начальник связи корпуса полковник Н.А. Федоров и многие другие; погиб на пути к линии фронта бригадный комиссар П.И. Сильверстов.

Атака советских войск на с. Новоселка и Пушково оказалась настолько неожиданной для противника, что вплоть до наступления утра командование 257-й и 101-й дивизии толком ничего не знало о произошедшем. В 6.30 утра наблюдатель 102-й артиллерийской батареи, размещенной на северной окраине с. Сухой Ташлык, заметил, что в 200–300 м восточнее окраины села стали появляться группы вооруженных красноармейцев. Личный состав батареи немедленно был поднят по тревоге, и артиллеристы получили приказ прочесать прилегающую местность. Не успели они приступить к его выполнению, как поступило новое сообщение, что красноармейцы приближаются к селу и дороге Сухой Ташлык – ст. Йосиповка. По тревоге подняли 1-ю роту 551-го строительного батальона, чтобы она помогла в отражении возможной атаки и прочесывании местности.

В 7.00 в с. Сухой Ташлык прибыли обер-вахмистр 4– го дивизиона 257-го артполка и фейерверкер 863-го тяжелого артдивизиона, от которых стало известно, что в ночь на 7 августа русские крупными силами ворвались в с. Новоселка. Вину за все произошедшее беглецы возлагали на пехоту 257-й дивизии, которая отступила со своих позиций, не известив об этом артиллеристов.

Из их рассказа следовало, что в 5.00 красноармейцы ворвались в село на нескольких грузовиках, снабженных пулеметами и 37-мм скорострельными орудиями. Их огнем они буквально зачистили все улицы села от немцев, нанеся им огромные потери. Обер-вахмистр доложил, что он направлен своим командиром в штаб 101-й дивизии, чтобы просить оказать помощь всеми имеющимися средствами. По пути он встретил находящийся на марше 228-й пехотный полк и рассказал командиру передового батальона о произошедшем. Тот обещал доложить обо всем своему командиру оберсту Пюхлеру.

По получении всех тревожных сообщений, все находившиеся в Сухом Ташлыке силы были подняты по тревоге и изготовились к обороне с востока, севера и запада. В 7.20 от командира легкой зенитной батареи, дислоцированной на ст. Йосиповка, поступило сообщение, что крупная группа красноармейцев, численностью до роты, находится в непосредственной близости от огневых позиций. Немедленно туда направились рота 551-го строительного батальона и взвод артиллеристов для проведения зачистки.

При подходе к станции немецкая рота наткнулась на засаду, и после короткой, но яростной перестрелки отступила. Вскоре выяснилось, что пропали без вести фельдфебель Вольфингер, один унтер-офицер и несколько солдат. Немцы решили, что все они

погибли. После перегруппировки противник перешел в атаку, и через два часа боя группа красноармейцев была разгромлена. Около 70 человек попали в плен. Во время их опроса стало известно, что фельдфебель, унтер-офицер и несколько немецких солдат, которых сочли убитыми в бою, на самом деле все это время находились в плену. Командир советского отряда – старший лейтенант – намеревался расстрелять всех немецких пленных, и только своевременная атака не позволила ему привести свое решение в исполнение. По приказу lb 101-й дивизии старший лейтенант был расстрелян[280].

Воспользовавшись уходом основных сил групп комдива А.Д. Соколова и генерала М.К. Ноздрунова, немецкие артиллеристы предприняли атаку и к 7.00 7 августа «отбили» уже оставленное советскими войсками село. Немедленно провели зачистку, во время которой обнаружили несколько человек раненых, переодетых в гражданскую одежду. Рядом с ними нашли оружие и ручные гранаты. Недолго думая, немцы решили, что это местные жители, которые вместе с красноармейцами участвовали в ночном бою. Всех таких «гражданских» арестовали и в тот же день расстреляли как бандитов. Вероятно, что именно таким образом погиб оставленный в Новоселке полковник Матвеев.

Потери немцев в ночном бою оказались следующими. Артиллеристы 257-го полка потеряли 22 унтер-офицера и солдата убитыми, одного офицера (командира 4-го дивизиона майора Верера) и 23 унтер-офицера и солдата ранеными, у двух орудий разбиты прицелы. В 863-м дивизионе погибли один офицер и 12 унтер-офицера и солдата, а 15 унтер-офицеров и солдат получили ранения.

Отряду комдива А.Д. Соколова попытки пробиться через железнодорожную насыпь также стоили очень дорого. По немецким подсчетам, от станции Емиловка до с. Новоселка были найдены убитыми ок. 200 человек, в плен попали ок. 500[281].

После ухода из с. Новоселка отряд 16-го мехкорпуса действовал двумя группами. Одну из них вел на восток к р. Синюха комдив А.Д. Соколов, вторую – к Первомайску, – генерал М.К. Ноздрунов. Как оказалось, последним повезло больше остальных. Им удалось ускользнуть от преследования, и через несколько дней они вышли к реке Южный Буг. У села Долгая Пристань генерал М.К. Ноздрунов решил сделать переправу и далее, если удастся, двигаться в обход Первомайска на Вознесенск. Желающих перебираться вплавь из всего отряда оказалось несколько человек, остальные заявили, что не умеют

плавать. На снятых воротах удалось перевезти 12 человек, еще 10 вместе с генералом М.Г. Ноздруновым переправились вплавь. Остальные, – а их оказалось большинство, – остались на берегу.

В этот момент переправу обнаружил противник, и начался бой. Оценив ситуацию, подполковник П.В. Пикалев с группой бойцов прикрыл огнем тех, кто еще находился в реке, после чего скрылся от преследования в посадках на кукурузном поле. Генерал М.К. Ноздрунов с несколькими бойцами, воспользовавшись этим, успел выбраться на противоположный берег и, в дальнейшем, благополучно пересек линию фронта. Подполковник П.В. Пикалев в бою получил контузию и, когда попытался самостоятельно перебраться на лодке через реку, был захвачен в плен противником в селе Великая Мечетка[282].

О судьбе группы комдива А.Д. Соколова на сегодняшний день известно мало. Из рассказа А.А. Каменцева следует, что она через село Йосиповка прорвалась к Синюхе в районе южнее села Ольшанка. Через реку удалось переправиться не более чем ста красноармейцам и командирам. Но за Синюхой они сразу попали под атаку частей 9-й танковой дивизии противника. В этой ситуации комдив А.Д. Соколов принял решение разбить группу на три части в надежде, что хоть какая-то из них прорвется через заслон. Одну, под руководством военкома В.Ф. Сергеева, он направил вдоль русла реки на север, другую, под командованием начальника штаба генерала М.К. Ноздрунова[283] – на юг. Сам с остатками штаба и несколькими десятками бойцов принял бой на берегу реки.

В этом последнем бою группа А.Д. Соколова была уничтожена. Сам комдив в атаке получил ранение в живот. Бойцы укрыли его на берегу Синюхи, но поздним вечером, в ходе прочесывания места боя, немцы обнаружили укрытие комдива и взяли его в плен[284]. О группе бригадного комиссара В.Ф. Сергеева не известно ничего. Вероятнее всего, что она тоже была перехвачена противником, уничтожена или пленена. Сам военком 16-го мехкорпуса числится пропавшим без вести.

В своем последнем бою командир 16-го мехкорпуса был тяжело ранен. Плененного комдива А.Д. Соколова немцы отвезли в с. Новоукраинка и поместили в госпиталь, находившийся в здании бывшего ветеринарного техникума. Ему отвели отдельную палату, куда не допускали никого из местных жителей. Из-за ранения в живот немецкие врачи не давали ему пить. Выходить А.Д. Соколова они не сумели, и днем 12 августа 1941 г. он скончался[285].

Полной катастрофой завершился рейд «колонны Особого назначения». Раздробившись на две части, во второй половине дня 6 августа она продолжала упорно двигаться на юг. Около 12.00 одна из частей колонны достигла с. Сухой Ташлык. В этом районе она наткнулась на части 101-й легко-пехотной дивизии из состава LII корпуса. Получив сведения, что оборона соседнего XXXXIX корпуса прорвана и к расположению штаб-квартиры дивизии приближаются крупные силы русских, немцы бросились организовывать оборону. Не успели они закончить приготовления, как от выс. 197 выскочили пять танков. Орудийными выстрелами противнику удалось подбить четыре из них. Один из танков вспыхнул, и находившиеся в нем боеприпасы рвались еще в течение двух часов. Экипажи и пассажиры остальных машин разбежались и попрятались в посевах. Как выяснилось впоследствии, среди подбитых оказался и танк командующего 6-й армией.

Появление советских танков вблизи штаб-квартиры 101-й дивизии обеспокоило ее командование: вслед за ними ожидали атаки пехоты. Для ее отражения сформировали смешанную роту, которая заняла позиции на высотах к северу от села Сухой Ташлык. Вплоть до наступления вечера рота провела на позициях, но никаких атак не последовало. Около 21.00 немцы заметили, что кто-то, находящийся в посевах на поле, пускает в небо цветные ракеты: сначала белые, потом зеленые. Так как никаких немецких войск в этом районе не было, решили, что это делают разбежавшиеся русские танкисты.

По приказу Ib дивизии смешанная рота направилась на прочесывание местности. Около 23.30 солдаты первой роты 403-го строительного батальона под командованием обер-лейтенанта Грэфа обнаружили и взяли в плен генерал-лейтенанта И.Н. Музыченко. Первым наткнулся на генерала фельдфебель Альдус, когда осматривал местность около подбитых танков. Никакого сопротивления командарм-6 не оказал. Пленный немедленно был препровожден в штаб дивизии[286]. В дальнейшем, и находясь в плену, и уже после освобождения, генерал И.Н. Музыченко пытался найти объяснение своему пленению. Как вспоминал бывший офицер связи А.А. Каменцев, «он… искал виновников своего пленения. Он мне назвал несколько фамилий и даже в письме написал, что его бросили начштаба комбриг Иванов и члены Военного совета Попов и Грищук, удравшие от него, контуженного, где-то южнее с. Давыдовка на танке ВТ»[287].

Разрыв колонны и исчезновение танка командующего армией по какой-то причине осталось незамеченным для направляющих колонны – полковника П.С. Фотченкова и подполковника В.С. Породенко. Поэтому никаких мер по восстановлению положения своевременно предпринято не было.

Примерно в 10 км к югу от села Емиловка сделали остановку, и в танк В.С. Породенко перебрался член Военного совета армии бригадный комиссар Л.С. Грищук. Только сейчас стало известно, что танк командующего армией исчез, и решили, и предположили, что он подбит. Однако возвращаться к нему никто не стал, и решили прорываться дальше. В одной из следующих перестрелок был убит помощник начальника оперативного отдела 10-й танковой дивизии майор М.А. Семенюк. Для его похорон колонна вновь сделали остановку. Невдалеке от дороги, в поле, майору вырыли могилу, и только после этого продолжили движение. К этому времени в колонне остались всего два танка, остальные были потеряны в пути.

Через несколько минут колонна наткнулась на немецкую артиллерийскую батарею. В перестрелке головной танк Т-34 был подбит, и подполковник В.С. Породенко пересел в танк П.С. Фотченкова. Поскольку в танке в качестве пассажира уже находился член Военного совета дивизионный комиссар Н.К. Попов[288], то высадили заряжающего. Теперь уже танк П.С. Фотченкова стал головным.

В таком порядке двигались недолго. Вскоре на пути возникла еще

одна артиллерийская батарея, преодолеть позиции которой последний танк «колонны Особого назначения» уже не смог. В ходе атаки двигатель головной «тридцатьчетверки» заглох, и бронированная машина тут же попала под фланговый огонь немецких орудий. Из подбитой машины первым выбрался комиссар Н.К. Попов и побежал в обратном направлении. Подполковник В.С. Породенко попытался укрыться в глубине кукурузного поля, но был окружен немцами и взят в плен. Полковник П.С. Фотченков оставался в танке и, видимо, также был пленен[289], хотя Е.А. Долматовский после войны утверждал, что никто полковника в плену не видел[290].

Член Военного совета 6-й армии Л.С. Грищук сумел избежать пленения и остался жив к концу войны. Он успел переодеться в гражданскую одежду (неясно, до рейда или в ходе него), уничтожил свой партийный билет и пошел на восток. Осенью 1941 г., уже после разгрома войск Юго-Западного фронта, он объявился в Киеве и сумел как-то выправить себе документы на имя Филиппа Филипповича Пулинца. Во время немецкой оккупации работал сторожем и экспедитором Кашперовского сахарного завода. С ноября 1943 г. по 1944 г. недолго воевал в партизанском отряде. Весной 1944 г. вернулся в Киев и с 1 мая работал там директором швейной фабрики[291].

Так, полным разгромом и пленением большей части командного состава закончился рейд танковой колонны. Немцы сообщили, что после полудня 6 августа в полосе обороны 4-й горно-егерской дивизии пытались прорваться еще 4 танка, «которые были использованы комиссарами и двумя женщинами для бегства»[292]. Все они были уничтожены вместе с экипажами. Кто это был, осталось неизвестным.

Безрезультатно завершилась попытка прорыва соединениями 12-й армии. Около 3.30 позиции ослабленных в предыдущих боях батальонов 1-й горно-егерской дивизии, расположившихся у выс. 196, 0, были атакованы соединениями 8-го корпуса генерала М.Г. Снегова. Перед рассветом 6 августа по позициям егерей нанесли удар полки 72-й генерала П.И. Абрамидзе и 192-й горно-стрелковых дивизий. Особенно сильными были атаки против групп «Пикер» и «фон Штеттнер». Связь между ними, остальными соединениями и штабом XXXXIX корпуса оказалась прерванной, и на протяжении нескольких часов ни командование дивизии, ни командование корпуса ничего не знало о развитии ситуации.

Попытка дивизий 8-го корпуса вырваться из окружения в конечном итоге закончилась трагически. Полки 72-й дивизии не смогли пробиться через немецкую оборону, и их командиры доложили о своей

неудаче генералу П.И. Абрамидзе. Тот, видимо, не понял, о чем именно шла речь, и решил, что неудача постигла все прорывающиеся из окружения части. Об этом он поспешил доложить командиру 8-го корпуса генералу М.Г. Снегову, а тот, в свою очередь – командарму. Полагая, что общий прорыв 6-й и 12-й армий окончился неудачей и, не желая тратить солдатские жизни на ставшие бесплодными атаки, генерал П.Г. Понеделин приказал их прекратить и перенес прорыв на ночь с 6 на 7 августа[293].

Возможно, что полки 72-й дивизии пытались прорваться через позиции 1-го и 2-го батальонов 477-го и 3-го батальона 98-го полков. Им, в основном, удалось удержать занятые ранее позиции и отразить все атаки против своего фронта. В ходе утренних боев немцы захватили пленных, которые были очень удручены неудачей прорыва. Из их допросов противник сделал преждевременный вывод, что боеспособность окруженных войск упала[294].

К 7.00 положение в полосе обороны 1-й горно-егерской дивизии постепенно стабилизировалось. Как только рассвело, противник пришел в себя, и артиллерийские корректировщики и наблюдатели заняли свои позиции. Через несколько минут орудия, минометы и пулеметы открыли заградительный огонь по всем дорогам, ведущим от Зеленой Брамы в южном направлении. Особенно эффективным оказался огонь 88-мм зенитных орудий, которые вели обстрел от выс. 186. Вскоре наступление в районе восточнее от с. Копенковатое стало захлебываться.

За линией обороны немецких дивизий можно было наблюдать, как незначительные группы бойцов в количестве до взвода двигались от Покотилово в направлении высот у с. Троянка. Это представлялось крайне опасным, так как здесь, всего в полутора километрах от Троянки, располагался командный пункт генерала Х. Ланца. Еще рано утром проводная связь с полками, корпусом и армией оказалась прерванной, и командир дивизии уже несколько часов не имел достоверной информации о положении, а теперь, в случае атаки на свой командный пункт, он не мог вызвать подкрепление. Повсюду еще шли мелкие бои и стычки, слышалась артиллерийская и пулеметная стрельба, поэтому связисты не имели возможности восстановить прерванную проводную связь в течение всего дня 6 августа и последующей ночи. Она начала действовать только около 13.00 7 августа. К счастью для генерала Х. Ланца, ни одна из прорывавшихся групп на его командный пункт не вышла.

К 9.00 утра в штаб XXXXIX корпуса стали поступать первые более

или менее точные сведения об обстановке. По донесению командира 4-й горно-егерской дивизии генерала К. Эглзеера первые попытки прорыва на участке его соединения начались еще вечером предыдущего дня, вскоре после 22.00. Но около полуночи все они прекратились и возобновились в 3.00. Удар наибольшей силы пришелся на стык между 3-м батальоном 91-го горно-егерского и 1-м батальоном 477-го пехотного полков. Прорывались, преимущественно, из района села Копенковатое при поддержке танков и сотен грузовиков. Под прикрытием темноты, не считаясь с потерями, советские войска пробили немецкую оборону и ушли в южном направлении. Часть смогла прорваться восточнее перекрестка дорог, те, кто пытался повернуть на Перегоновку, наткнулись на позиции 13-го полка, были там остановлены, но часть их смогла прорваться. Сотни автомашин, разбитых и горящих, запрудили дороги, ведущие от с. Копенковатое в сторону р. Ятрань. Под Перегоновкой и Полонистым утром бой еще продолжался. Никаких сообщений о результатах ночного боя от 94-го артполка к 8.00 у командира дивизии не имелось. Почти до полудня в немецких боевых порядках южнее выс. 196 и возле перекрестка западнее с. Копенковатое сохранялась брешь[295].

С рассветом прорвавшиеся отряды оказались под ударами авиации, вызванной командованием XXXXIX корпуса, под артиллерийским и минометным огнем.

Колонны, перегруженные техникой, санитарными машинами, тягачами с орудиями, растянутые на много километров, оказались чрезвычайно уязвимыми для таких ударов. Вскоре на всех дорогах, ведущих на юг, образовались пробки из горящего транспорта, движение застопорилось. Группы красноармейцев, оставшиеся без централизованного руководства и командования, были вынуждены уходить с дорог и прорываться далее через открытую степь. Некоторые из них дошли до Голованевска и Наливайки, добрались до лесов под селами Дуковка и Александровка. Этот район уже относился к зоне ответственности соединений LII корпуса, и борьба с прорвавшимися должна быть возложена на них.

Исходя из таких соображений, генерал Л. Кюблер созвонился со штабом LII корпуса, сообщил о создавшемся положении и попросил блокировать район Емиловки – Наливайки – Голованевска – Семидубы, чтобы не допустить прорыва советских войск за его пределы. Их следовало остановить и уничтожить. Кроме того, он попросил генерала К. фон Штюльпнагеля, командующего 17-й армией, отдать командиру LII корпуса соответствующий приказ, а также

обратиться к командиру XXXXIV корпуса с указанием на необходимость продолжения наступления на села Нерубайка и Левковка, как это и было запланировано ранее.

Итогом переговоров стало сообщение из штаба армии, в котором говорилось, что 1-я танковая группа обещает оказать помощь дивизиям XXXXIX корпуса боеприпасами. Но боевые части для каких-либо активных действий в поддержку егерям использованы не будут. Более позитивными оказались новости от командования XXXXIV корпуса. Оно сообщило о своей готовности продолжить наступление своим правым флангом на Левковку. Озабоченный прорывом в свои тылы LII корпус выдвигал заслон в общем направлении на с. Лебединка[296].

Однако создать единый фронт обороны командир корпуса генерал К. фон Бризен не успел. В результате под удар прорывавшихся частей попали не только передовые, но и тыловые части. В частности, группа численностью до 1200 человек под командованием командира 141-го разведывательного батальона 80-й дивизии майора А.И. Гусева около 9.30 вышла к хут. Звичиеватое, где располагались 4-я и 9-я транспортные колонны немецкой 257-й дивизии.

Первым обнаружил приближение крупной воинской части начальник ветеринарной службы дивизии доктор Гюнтер. По его команде личный состав транспортных колонн был поднят по тревоге и под командованием лейтенанта Йешке занял оборону у северной окраины хутора. На вооружении транспортников находились винтовки и четыре пулемета. Через полчаса появилась конная разведка, и немцы отогнали ее несколькими залпами.

В 10.00 из полей к северу от хутора немцы заметили приближение не менее двух батальонов пехоты. Командиры транспортных колонн, решив, что собственными силами позиции не удержать, отдали приказ отходить на южную окраину. Без боя группа майора А.И. Гусева заняла хутор и остановилась. Неясно, то ли майор поджидал остальные части своей дивизии, то ли решил дать своим бойцам немного отдохнуть, но в любом случае принятое им решение оказалось роковым.

Около полудня лейтенант Йешке сумел установить связь с командиром 54-го полка немецкой 100-й легкопехотной дивизии и попросил у него помощи. Тот выделил ему свой 1-й батальон и обещал поддержку артиллерией. После быстрого согласования действий в 15.00 немцы предприняли совместную атаку на хутор и почти без собственных потерь выбили оттуда бойцов майора А.И. Гусева.

В ходе короткого боя группа оказалась рассеяна, сам майор оказался в плену. Тщательно обыскав его, тыловики отправили на командный пункт своего соединения в с. Пушково удостоверение личности, печать воинской части и 348 рублей денег, изъятые у пленного командира. Кроме А.И. Гусева немцы захватили еще 51 человека, среди них двух врачей и двух женщин[297].

Еще одна группа красноармейцев продвигалась через Красногорку на Раздол. И только здесь они были окончательно остановлены и уничтожены. С переходом немцев в контрнаступление Красногорка и Голованевск были отбиты. Вечером остатки советских войск были блокированы в лесу юго-западнее села Дуковка. Еще одна многочисленная группа красноармейцев была отмечена немецкой разведкой в районе сел Наливайка и Емиловка[298]. Видимо, это были группы прорыва генерала Я.И. Тонконогова и полковника В.П. Крымова. Где-то в этом районе в дальнейшем были окружены и уничтожены остатки 213-й моторизованной дивизии, а ее командир полковник В.М. Осьминский будучи тяжело раненным попал в плен.

После полудня части немецкой 257-й пехотной дивизии предприняли наступление двумя полками. Их основной целью стали леса к северу и северо-востоку от с. Новоселки. Попытка взять их с ходу не возымела успеха, а принесла противнику неожиданно большие потери: только 3-й батальон 457-го полка потерял восемь офицеров, из них трех командиров рот. Тогда по дорогам и лесным массивам открыла огонь дивизионная артиллерия и орудия 257-го противотанкового дивизиона. К вечеру артиллеристы доложили об уничтожении пяти танков, одной бронемашины, нескольких десятках грузовиков и не менее ста красноармейцев. В плен попали около 600 бойцов и командиров и среди них начальник штаба 3-й противотанковой бригады майор Н.А. Степанов.

К вечеру положение частей 257-й дивизии оказалось следующим: 457-й полк занимал позиции у с. Дуковка и Марьяновка фронтом на север и северо-восток, 466-й полк – западнее хут. Жабок, разведывательный батальон закрепился по опушке леса восточнее Александровки[299].

В ходе неудачного прорыва основная часть соединений 6-й армии была разгромлена, погибли наиболее боеспособные 16-й механизированный и 37-й стрелковый корпуса. В силу разных причин значительной части советских войск вырваться из «кольца» не удалось. В окружении остались соединения 49-го, 8-го и 13-го корпусов, две дивизии 2-го мехкорпуса общей численностью до

60 тыс. человек. Управление этими частями взяли на себя штаб 12-й армии и ее командующий генерал П.Г. Понеделин.

Вплоть до полудня части немецкого XXXXIX корпуса приводили себя в порядок. Вскоре после 12.00 последовал приказ генерала Л. Кюблера, который требовал от 24-й дивизии продолжить наступление на юг – вплоть до занятия выс. 185. 125-й дивизии надлежало всеми своими силами двигаться на юго-восток и атаковать Подвысокое. Также на Подвысокое выводились 1-й горно-егерская и 97-я легко-пехотная дивизии. Они должны были совместно взять это село: 1-я горно-егерская – атакуя с востока, соответственно, 97-я легко-пехотная – с запада[300].

Только после этих мероприятий и приведения частей в порядок, XXXXIX корпус изготовился к наступлению. В 12.00 4-я горно-егерская дивизия начала атаки силами пяти батальонов. Ее ближайшей целью был захват лесного массива, прилегающего к селу Копенковатое. С запада поддержку егерям оказывали полки 97-й дивизии генерала М. Фреттер-Пико. Группа «Нюрнберг», с приданными ей противотанковым дивизионом, 97-м разведывательным батальоном и 6-й ротой 204-го полка, атаковала с. Рогово и высоты, прилегающие к нему с запада и юго-запада. Конечной целью наступления дивизии был захват с. Подвысокое.

В 10.15 артиллерия 97-й дивизии начала подготовку, нанося удары по с. Копенковатое и восточной опушке леса к северу от него. После ее окончания пехота поднялась в атаку. К полудню группа «Нюрнберг» заняла Рогово и высоты вокруг него, сомкнув фланги с 4 горно-егерской дивизией. Ее трофеями стали четыре орудия, шесть пулеметов, шесть минометов и 33 подводы. В бою погибли 25 красноармейцев. К 13.00–14.00 полки дивизии вышли к опушке леса Зеленая брама, севернее Копенковатого. Две попытки 207-го полка с ходу пробить оборону завершились провалом. Солдаты его залегли в 400 м под обстрелом из пулеметов и орудий, не смея ни на метр продвинуться вперед. При поддержке собственной артиллерии к 18.00 они отбили три контратаки, поддержанные танками. В полосе 207-го полка удалось подбить семь бронированных машин (всего за день дивизия уничтожила 11). Авиация сообщила еще о 20 советских танках, сосредоточенных в с. Копенковатое[301].

Но противник нашел выход из такого положения. Чуть ранее в штаб 97-й дивизии поступило сообщение, что в с. Дубово прибыла 855-я батарея 210-мм мортир, и генерал М. Фреттер-Пико решил использовать ее для поддержки своего наступления.

Дело в том, что лесной массив под селом Копенковатое достигал не менее 3 км в длину и 2 км в поперечнике. Вдоль его опушки располагалась хорошо оборудованная система окопов, пулеметных и минометных позиций, а в глубине все еще оставались значительные воинские силы. Атака леса грозила значительными жертвами для наступающих. Это было тем более вероятно, что местность перед лесом была открытая, занятая кукурузными полями и посевами подсолнечника. Здесь и залегла пехота 97-й дивизии в ожидании артиллерийской подготовки. Положение ее было следующим: на левом фланге – 3-й и 1-й батальоны 207-го полка, правее – 2-й и 3-й батальоны 204-го пока.

С целью сломить сопротивление оборонявшихся советских войск на прямую наводку выдвинули батарею 210-мм мортир. Перед ними была поставлена задача нанести огневой удар по вершинам и кронам деревьев. Заняв позицию в 3 км от леса, мортиры начали обстрел. Эффект превзошел все ожидания. Обстрел вызвал большие завалы в лесу и панику среди оборонявшихся. Окопы, оборудованные на опушке, пулеметные и минометные позиции были брошены. Когда обстрел прекратился, взору немцев предстала апокалипсическая картина. Как рассказывал в 1980 году один из местных жителей Е.А. Долматовскому, «деревья больше чем на половину лишились листвы. Лес стоял как обмолоченный»[302].

Когда противник начал атаку, его цепи уже не встретили серьезного сопротивления. Осторожно вступили немцы в уничтоженный лес. Впереди шли саперы, обнаруживая и обезвреживая по пути следования мины. К исходу дня лес был захвачен 97-й горно-егерской дивизией практически без потерь, и ее передовые части вышли на восточную опушку. Это дало возможность артиллерии дивизии перенести огонь на хорошо укрепленное село Подвысокое, а само соединение изготовилось к фланговому удару[303]. Одновременно с дивизией генерала М. Фреттер-Пико перешел в наступление 13-й полк 4-й горно-егерской дивизии и к вечеру занял всю западную часть села Копенковатое до церкви. В селе были захвачены оставленные перед прорывом госпиталя и медсанбаты, а находившиеся в них раненые взяты в плен. Среди них оказался и майор Н.С. Петкевич из Коломыйской пограничной комендатуры[304].

Остатки советских войск отошли в лес. Здесь из них немногочисленными оставшимися командирами были образованы отряды, которые через час атаковали Копенковатое и выбили немцев оттуда. Но как только противник получил подкрепление, немцы вновь

овладел селом. В результате действий 97-й и 4-й дивизий остатки советских войск были рассечены на два очага обороны – у села Подвысокое и у села Копенковатое, соответственно.

Согласно приказу по XXXXIX корпусу, отданному в 16.00, 97-й дивизии предписывалось захватить село Подвысокое с запада, в то время как 1-я горно-егерская дивизия должна была занять его атакой с востока. Но попытка 97-й дивизии перейти в наступление была сорвана контратакой из леса Зеленая брама, в которой были применены танки. Поставленная перед двумя немецкими дивизиями задача в этот день осталась нереализованной.

Благодаря такой неразберихе 1-я горно-егерская дивизия свои основные позиции удержала, остановив все попытки прорыва. Ранним утром 6 августа командир 91-го горно-егерского полка оберет Пикер получил следующий приказ от командира 4-й горно-егерской дивизии генерала К. Еглзеера. Полк должен быть готов в 12.00 начать наступление от леса, расположенного юго-восточнее села Подвысокое, на само село. Преодолевая сопротивление противника, полку надлежало продвигаться вплоть до западной окраины населенного пункта. В качестве средств усиления атакующим придавался 3-й дивизион 257-го артиллерийского полка. Левый фланг обеспечивался 477-м пехотным полком, который имел задачу отражать любые попытки прорыва в направлении перекрестка дорог и южнее[305].

Командир полка в утренние часы 6 августа лично направился батальоны и там узнал, что в указанный в приказе срок к наступлению может быть готов только 1-й батальон. Было очевидно, что одного батальона для взятия такого большого села как Подвысокое явно недостаточно. Несмотря на это, приготовления к наступлению были продолжены. К Подвысокому были направлены две разведывательные группы. Вскоре они доложили, что в селе находится значительный гарнизон, а на северной окраине ведутся земляные работы.

Тем временем в наступление перешла 1-я горно-егерская дивизия. Ее целью стал захват с. Солдатское. Не поддержать соседа было невозможно, но и наступать всеми силами – тоже. Ввиду всех вышеупомянутых обстоятельств командир полка изменил ранее поставленную задачу. В качестве первоочередной он поставил захват высоты 196,0. Это позволяло контролировать дорогу, ведущую из Подвысокого в направлении перекрестка, своевременно реагировать на любые попытки прорыва из леса и прикрывать продвижение батальонов 1-й дивизии.

В 12.15 оберсту Пикеру стало известно, что его 91-й полк

переходит в подчинение командира 1-й дивизии. Ему вновь поручалась атака на Подвысокое после того, как батальоны будут к тому готовы. Для этого была создана ударная группа, в которую выделили 2-й батальон 477-го полка, 3-й батальон 91-го и 3-й батальон 99– го полков, а также 1-я рота 54-го горного саперного батальона. Группа «Пикер» выходила в наступление и в качестве первичной цели должна была достичь линии северной опушке треугольного леса – выс. 196, 0 – перекресток. Начало атаки назначено на 18.00. Командиры частей получили соответствующие устные приказы от командира полка.

Для атаки на Подвысокое были выделены:

– 1-й батальон майора Фляйшмана из 99-го полка, усиленный взводом 3-й роты 54-го саперного батальона;

– 3-й батальон майора Хёрля из 99-го полка, усиленный взводом 3-й роты 54-го саперного батальона;

– 1-й батальон майора Шнайдера из 91-го полка;

– 2-й батальон майора Айсгрубера из 98-го полка.

– Артиллерийскую поддержку оказывали 2-й дивизион 94-го, 3-й дивизион 257-го и 3-й дивизион 79-го артиллерийских полков.

Наступление началось в 16.00, и вскоре батальон Хёрля, действуя с высот южнее села, вошел в восточную часть Подвысокого и занял все дома, расположенные на южном берегу ручья Бондаровка. Здесь он получил личный приказ командира группы остановиться до подхода батальона Фляйшмана, так как, батальон Хёрля оказался под угрозой удара с правого фланга.

В 19.00 вдоль северного берега Бондаровки стал продвигаться батальон Фляйшмана. С 19.15 оба батальона уже наступали во взаимодействии друг с другом – один по южному берегу, другой – по северному.

В это же время в наступление перешел батальон Шнайдера. Его целью был захват центра села вплоть до церкви. Батальон Айсгрубера следовал вправо сзади батальона Фляйшмана с задачей обеспечивать прикрытие правого фланга атакующей село группы. Кроме того, он должен был занять высоты севернее села. Здесь он натолкнулся на ожесточенное сопротивление и контратаки, поддержанные семью танками. Эти действия осуществляла группа советских войск, прикрывавшая дорогу Подвысокое – Левковка.

Тем временем бои в восточной части Подвысокого продолжались. Солдатам батальонов Хёрля и Фляйшмана приходилось сражаться за каждый дом и каждый сад. В сумерках, к 23.00, солдаты Фляйшмана

достигли цели дня – длинной улицы, пересекавшей село с севера на юг. Его потери за день составили 3 убитых и 24 раненых. В плен было взято 800 человек[306].

Значительное сопротивление встретил батальон Шнайдера. Войти в село он сумел только после артиллерийской подготовки. Но хуже всего пришлось батальону Хёрля. Оборонявшиеся в южной части села советские части оказали ожесточенное сопротивление, которое было подавлено только к 6.00 следующего дня. В ряде случаев русские звали к себе атакующих по-немецки, а когда те приближались, обстреливали их из немецкого же оружия. Многие были таким образом ранены. Итогом дня стали серьезные потери, понесенные группой: 28 убитых (из них два офицера) и 98 раненых (из них три офицера), всего – 124 человека. Новые потери поставили егерские части на грань небоеспособности. Так, в 11-й роте осталось всего 50 солдат[307].

Группа «Ланг» в 19.30 также перешла в наступление, заняла высоту 185, а также мост в двух километрах северо-восточнее церкви у села Подвысокое. К сумерках горно-егерские батальоны окопалась в готовности к возможному новому ночному прорыву окруженных[308].

Радостным известием для егерей 1-й дивизии стало установление контакта с прибывшей 297-й пехотной дивизией. Днем это соединение вступило в бой, действуя левее 24-й дивизии, на северо-восточном фасе окружения. Во второй половине дня немецкая пехота достигала Стрельцовой балки, перебралась через протекавший по ее дну ручей и достигла лесочка к северу от выс. 185. Здесь части дивизии соединились с передовыми отрядами 1-й горно-егерской дивизии. В результате этих действий советские войска были отрезаны от р. Синюха. Тыл 1-й дивизии теперь прикрывали части 11-й танковой дивизии и «Лейбштандарта».

На 6 августа задача 125-й дивизии звучала так: «продолжать наступление с целью полного уничтожения врага»[309]. По сообщениям военнопленных, представленным разведывательным отделением дивизии, перед ней в лесном массиве Зеленая брама находились остатки не менее чем шести полков и многочисленные штабы. За ночь с 5 на 6 августа оборонявшиеся успели превратить опушку в неприступную крепость, взять которую с ходу было невозможно.

Первым, не дожидаясь назначенного для атаки срока (12.00), выступил 3-й батальон левофлангового 419-го полка, имея в первой линии 9-ю и 11-ю роты. Его целью была северная оконечность леса. 1-я рота почти сразу наткнулась на сильный огонь из леса и залегла. Напротив, 11-я рота почти беспрепятственно продвигалась вперед.

Тут случилось непредвиденное происшествие, обусловленное отсутствием должной связи и взаимодействия между немецкими дивизиями. Командир 125-й генерал В. Шнекенбургер не предупредил командира 24-й дивизии генерала Г. фон Теттау о том, что его батальон начал атаку. Ив 11.00 артиллерия 24-й дивизии начала обстрел северной опушки леса, не подозревая, что туда уже вошли немецкие части. В результате 11-й роте пришлось спасаться бегством. После этого случая задачу всему батальону изменили: он должен был продвигаться вдоль опушки навстречу 1-му батальону своего полка. Но вследствие продолжавшегося обстрела леса артиллерией 24-й дивизии и от этого намерения пришлось отказаться. Так немецкая атака на лес была сорвана самими немцами.

Ранним утром 1-й батальон 419-го полка стал готовиться к атаке на маленький лесок, расположенный южнее села Нерубайка, чтобы обеспечить фланг наступавшей на село 24-й дивизии. Около 10.00 батальон приступил к выполнению задачи, лес был занят быстро и без потерь. На его южной опушке были оборудованы позиции для отражения контратак со стороны Зеленой брамы или от дороги, ведущей на Подвысокое.

После полудня в наступление перешел 2-й батальон 419-го полка. Он проследовал через село Нерубайка, уже занятое солдатами 24-й дивизии, и через его южную окраину направился к холму, расположенному в 3 км южнее села. В 22.45 батальон занял его вершину и окопался, имея фронт на запад против леса Зеленая брама, который теперь представлялся главной опасностью. Теперь его северная опушка была охвачена с трех сторон. В полосе обороны 2-го батальона находились готовые к отражению контратак противотанковое орудие, два огневых взвода противотанкового дивизиона и взвод легких орудий.

421-й полк наступал на широком фронте, имея все три своих батальона в первой линии. Главной задачей для него было обеспечение флангов соседних полков и сковывание противника. После того как соседи войдут в лес, их должны поддержать своими действиями батальоны 421-го полка. При этом 1-му батальону поручалось закрыть брешь между собственным полком и 420-м. После того, как этот маневр был закончен, 421-й полк начал обстрел позиций советских войск на опушке леса изо всех видов имеющегося оружия.

Когда немецкая 9-я рота попала под сосредоточенный огонь красноармейцев и была вынуждена залечь, командир 3-го батальона направил ей на помощь ударную группу. Но в 50 м от опушки та сама

попала под перекрестный огонь, который прижал солдат к земле так, что они не могли сдвинуться ни вперед, ни назад. Ее командир, лейтенант, и еще несколько человек получили ранения. В течение долгого времени раненые ожидали эвакуации, и только через несколько часов солдаты 14-й роты на захваченном ранее советском броневике смогли вывести часть из них, в основном тяжелораненых. Перестрелка на этом участке продолжалась весь оставшийся день[310].

На правом фланге дивизии действовал 420-й полк. Еще в предрассветных сумерках в его расположение были направлены полевые кухни, но накормить солдат перед боем им не удалось. Как только рассвело на позиции полка обрушился шквал огня из Зеленой брамы и от оборонительных позиций на ее опушке. Командир полка счел это подготовкой к попытке прорыва и не ошибся.

По предположениям командира 420-го полка, прорыв должен был осуществляться вдоль и по обе стороны дороги, ведущей из лесного массива на запад в сторону Небелевки. На угрожаемое направление были выдвинуты батареи легких и тяжелых орудий под общим командованием обер-лейтенанта Кирштайна. Особенно немцы рассчитывали на опустошающее для открытой местности воздействие 150-мм снарядов. Нескольких выстрелов хватило, чтобы готовящаяся к атаке советская войсковая часть отступила в лес. После этого огонь был перенесен на перекресток дорог.

Эффект от разрывов крупнокалиберных снарядов оказался впечатляющим. Как вспоминал впоследствии бывший командир одной из частей 140-й дивизии лейтенант С.Г. Тончилов, «воронки перекрывали одна другую с такой плотностью, что не только люди, деревья толстые, 30-летние, разлетались в щепки, а те, что оставались стоять, были искореженные, почти без коры с торчащими в стволах осколками»[311]. Как можно установить на настоящий момент, под немецкий обстрел попали в основном остатки 140-й дивизии подполковника В.Г. Чернова. Как только начался обстрел, красноармейцы бросились в глубь леса, спасаясь от губительных разрывов. Но как только огонь прекратился, командиры и политработники стали возвращать их на свои позиции. Комиссар С.Э. Борисовский разбил оставшихся под его командованием бойцов на группы, выдвинул на фланги по ручному пулемету, а в центр поставил еще два. И как только немцы двинулись в повторную атаку, оборонявшиеся встретили их огнем.

По окончании огневого налета командир 420-го полка 125-й дивизии приказал ротным ударным группам выдвинуться вперед и

занять развилку дорог. 1-я и 2-я роты поспешили приказ выполнить. Но как только сформированные ударные группы приблизились к развилке, они попали под убийственный огонь. В обеих группах сразу же появились убитые и раненые, их командиры заявили, что дальнейшее продвижение вперед будет стоить больших жертв, и их оттянули назад. Понесли потери и оборонявшиеся – под ответным огнем немцев погибли два пулеметчика.

Тем временем противником была предпринята еще одна попытка связаться с правым соседом, 207-м полком 97-й дивизии. Лейтенант Хауфф, командир саперного взвода, сумел установить, что 207-й полк отстал на 2–3 км и в первой половине дня только сумел достичь села Борщевая. Стало очевидным, что 420-й полк наступает изолированно с открытыми флангами. Поэтому командир полка оберет Оппенлендер приказал закрепиться на достигнутых рубежах и не предпринимать никаких новых попыток к наступлению. Все силы полка должны быть ориентированы на отражение любых попыток прорыва[312]. Около 18.00 наблюдатели донесли о подготовке новой попытки прорыва со стороны леса. Ее предотвратили огнем артиллерии.

Вечером в подчинение XXXXIX горного корпуса была передана 295-я дивизия. Ей была поставлена задача зачистить район вокруг Голованевска от пробившихся групп красноармейцев из 6-й и 12-й армий. Но на момент получения приказа соединение находилось сравнительно далеко от места сражения, и прибыть своевременно ему было затруднительно. В соответствии с указаниями командира корпуса дивизии надлежало предпринять ночной марш, чтобы к утру выйти к селу Семидубы. Ее передовой отряд к вечеру 6 августа сумел достичь позиций 4-й горно-егерской дивизии и был поставлен ее командиром на прикрытие стыка между 13-м горно-егерским и 477-м пехотным полками.

Еще одна загадка связана с судьбой командира 173-й дивизии генерала С.В. Верзина. Считается, что он покончил жизнь самоубийством 9 августа, оказавшись в безвыходной ситуации и предпочтя смерть плену. Но, возможно, он погиб как раз 6 августа. В донесениях отделения 1-й 297-й пехотной дивизии за эту дату содержится следующая заметка в контексте боев под селом Левковка: «Показания пленных – один командующий генерал из 6-й русской армии погиб»[313].

Известно, что ранним утром на участках, занимаемых 297-й дивизией и 3-м батальоном «Лейбштандарта», возобновились бои. Как считал противник, советские войска предпринимали попытки по

прорыву из окружения. Около 8.00 развернулись бои у с. Левковка и вдоль берега Синюхи за ним. Артиллерия «Лейбштандарта» открыла по прорывавшимся заградительный огонь, нанеся им большие потери и сорвав атаку. Вечером противник обнаружил скопления советских войск в лесах северо-западнее Новоархангельска и у Торговицы. По ним нанесла удар артиллерия 297-й дивизии и бригады СС. Возможно, что или во время одной из атак, или во время артиллерийских обстрелов как раз и погиб генерал С.В. Верзин.

Перебежчики, допрошенные вечером в XXXXIX корпусе, сообщили, что готовится новая попытка прорыва во главе с командующим 12-й армией. Но понесенные советскими войсками в течение дня 6 августа потери были столь велики, что давали противнику основания рассчитывать на окончательную победу в ближайшее время.

С такими мыслями генерал Л. Кюблер отдал на 7 августа новый приказ: «Задачей корпуса в ночь 6/7 августа остается предотвращение новой попытки прорыва врага. Для этого корпус защищается на занятых позициях, старясь закрыть все возникающие бреши. В течение 7 августа корпус еще больше затягивает кольцо окружения. 1-я горно-егерская дивизия удерживает достигнутый 6 августа район. Дивизия устанавливает связь с 297-й пехотной дивизией на выс. 185. 4-я горно-егерская дивизия удерживает свои позиции. 97-я легко-пехотная дивизия должна быть готова к 12.00 по особому приказу корпуса начать атаку на Подвысокое. 125-я пехотная дивизия оставляет на западной окраине леса восточнее Небелевки столько сил, чтобы отразить попытки прорыва врага из леса. Дивизия усиливает необходимыми для этого силами левый фланг и наносит ими удар восточнее леса на Подвысокое»[314].

Прорыв 6-й и 12-й армий не удался. К исходу дня 6-я армия потеряла свой штаб и командование, а ее наиболее боеспособные войска были уничтожены. К вечеру 6 августа фронт окружения сузился до минимума и составил от 3-х до 5 км в поперечнике. Он простреливался насквозь из всех видов оружия. Крупными узлами сопротивления оставались восточная окраина села Каменечье и село Подвысокое. Но продержаться в такой ситуации хоть сколько-нибудь длительное время было нереально. Поэтому для оставшихся частей и соединений единственной надеждой на спасение было повторение прорыва. Вместе с тем попытка прорыва 6 августа наглядно продемонстрировала, что в случае своевременного получения приказа (1–2 августа) она могла быть удачной и обе армии с десятками тысяч

красноармейцев и командиров были бы спасены.

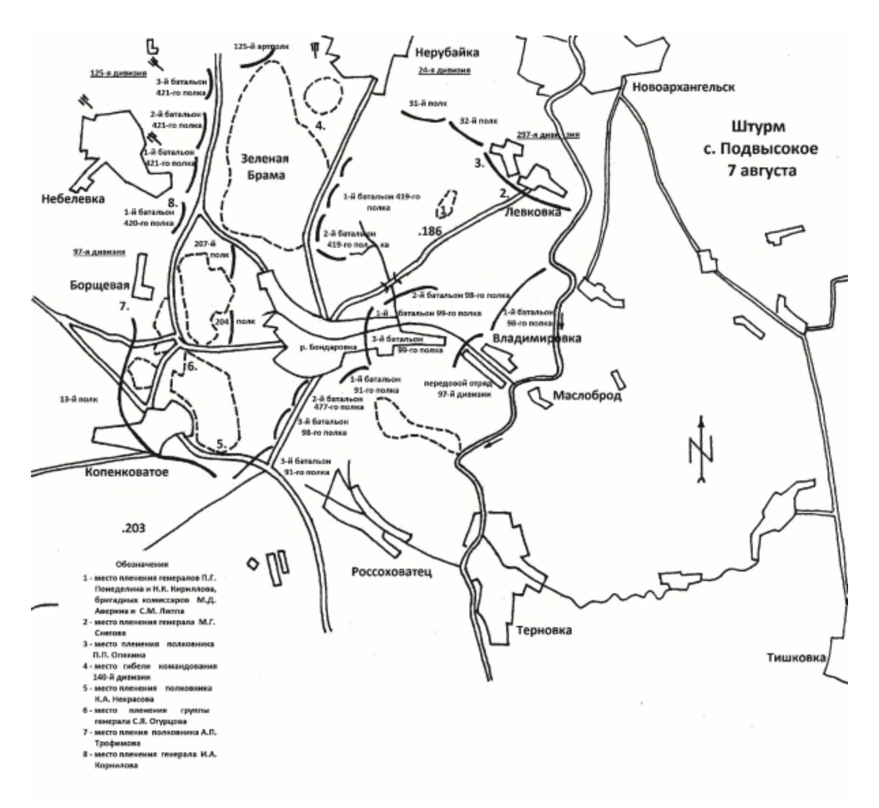
Для немцев бой 6 августа оказался очень тяжелым. Бойцы Красной армии еще раз показали, насколько они могут быть опасны. Поэтому ощущения победы у командования XXXXIX корпуса еще не было. Напротив, было опасение, что настойчивые атаки со стороны немцев могут привести к новым потерям.

Глава 4. Разгром

7 августа, четверг

Сравнительная легкость продвижения войск правого фланга XXXXIX корпуса во второй половине дня 6 августа создала для немцев иллюзию, что окруженные войска полностью деморализованы и не способны на решительные действия. Поэтому на 7 августа командование корпуса поставило перед своими войсками следующую задачу: заставить окруженные советские войска сдаться в плен, стараясь при этом не вступать в бой, чтобы не нести излишние потери[315]. 125-я и 97-я пехотные дивизии должны были окружить лес Зеленая брама и далее наступать на Подвысокое. 1-я и 4-я горно-егерские дивизии готовились к предотвращению возможных прорывов в восточном и южном направлениях. Таким образом, на 7 августа из-за неоднократных срывов планов противник уже не рассчитывал завершить разгром войск 6-й и 12-й армий одним ударом. Перед своими войсками он ставил ограниченные цели, которые в основном сводились к постепенному сужению пространства окружения.

Перед оставшимися в окружении частями 6-й и 12-й армий генерал П.Г. Понеделин поставил задачу по выходу из кольца в восточном и южном направлении. Но в ходе боя 6 августа управление окруженными советскими частями было в значительной степени дезорганизовано. После рассечения фронта на изолированные очаги сопротивления, как следствие, отсутствовало и централизованное командование.

Штурм с. Подвысокое 7 августа

Драматизм ситуации усугублялся катастрофической убылью старшего и среднего командного состава. В большинстве случаев в войсках не осталось командиров в звании старше лейтенанта. Однако о полной деморализации говорить еще не приходилось. Многие красноармейцы сохранили присутствие духа и готовность продолжать попытки прорыва.

Готовясь идти на прорыв, командование 12-й армии осознавало, что взять с собой раненых невозможно: их гибель в ночном бою неминуема. Поэтому было принято тяжелое решение – все госпиталя и медсанбаты оставить в окружении. Вместе с ранеными был оставлен и медперсонал, начиная от начальников медико-санитарного отдела армий и заканчивая простыми санитарками. Им обещали, что сразу, как только будет совершен прорыв на соединение с нашими войсками, к ним направят помощь, и всех раненых и медперсонал немедленно эвакуируют в тыл.

Вечером 6 августа в с. Подвысокое состоялось последнее совещание командного и политического состава 12-й армии, на

котором генералы П.Г. Понеделин и Б.И. Арушанян доложили план по выходу из окружения. По имеющимся на настоящий момент сведениям, он выглядел следующим образом. В районе с. Подвысокое концентрировались основные боеспособные силы 12-й армии. Им предстояло в ночь на 7 августа пробить коридор на восток в сторону р. Синюха, по которому на танках должно было эвакуироваться командование, часть штаба и Военный совет армии. В первом эшелоне действовала пехота 60-й и 99-й стрелковых дивизий, следом – штабы армии, 8-го и 13-го корпусов. Им противостояли на этом направлении егеря 2-го батальона 98-го полка, усиленные 4-й батареей 61-го зенитного полка, а также полки 297-й пехотной дивизии, сконцентрированные вокруг с. Левковка. К 22.00 все назначенные в атаку части должны собраться на восточной окраине с. Подвысокое. Временем начала прорыва определили 00.00 7 августа.

На северной опушке леса Зеленая брама собирались остатки 2-го механизированного корпуса генерала Ю.В. Новосельского, туда же в ночь на 7 августа перемещались 140-я и 197-я дивизии. Перед ними стояла самостоятельная задача по прорыву в северо-восточном направлении через боевые порядки 125-й и 24-й дивизий. Никакого взаимодействия с отрядом, наступавшим от с. Подвысокое, не предусматривалось.

Получив приказ на прорыв, командиры корпусов и дивизий, вернувшись, провели аналогичные совещания со своими подчиненными, поставив перед ними конкретные задачи по действиям в ночном бою. Непосредственно прорывом должны были руководить командиры соединений и частей, комиссары – проводить политработу, поддерживая боевой дух бойцов перед прорывом и во время его.

Штабы распускались, и их работники получили право выходить из окружения самостоятельно. Это касалось штабов всех уровней, начиная от армейского и заканчивая полковыми. Так, в частности, полковники И.Ф. Карташев и И.К. Комаров получили от генерала Б.И. Арушаняна разрешение выходить из окружения по своему усмотрению. Вечером 6 августа они вместе со старшим лейтенантом Ф.А. Довбней и шофером Великородневым переоделись в гражданскую одежду и сожгли свои документы. Около 19–20 часов эта маленькая группа из четырех человек вышла из Подвысокого и двинулась на запад в сторону р. Синюха. Как только они оказались за околицей, то сразу же попали под минометный обстрел. Близким разрывом полковник И.Ф. Карташев был контужен и упал на землю. Остальные, сочтя его убитым или тяжело раненным, вернулись

обратно в село.

И.Ф. Карташев очнулся уже ночью, с трудом перебрался в воронку от авиабомбы и там просидел весь день 7 августа. Вокруг него все утро слышалась стрельба, близко пробегали красноармейцы, проходили, переговариваясь между собой, немецкие солдаты. Полковник понял, что ночной прорыв не удался, и он остался в поле один. Дождавшись темноты, он выбрался из воронки и пошел на север, надеясь проскользнуть через немецкие посты, переплыть незаметно Синюху и выйти к своим. Но уже через 2–3 километра он наткнулся на немецкий дозор. Немцы неторопливо обыскали полковника, отобрали у него пистолет, компас и часы. Спросили, какое звание, И.Ф. Карташев назвался работником военторга. Ответ немцев удовлетворил, и они отправили его в караулку, а утром с этапом – в Умань[316]. Оказались в плену уже 7 августа полковник И.К. Комаров и старший лейтенант Ф.А. Довбня.

Несколько иначе поступил генерал Ю.В. Новосельский. Если генерал Б.И. Арушанян просто распустил свой штаб, то командир 2-го мехкорпуса приказал им всем идти в войска и находиться во время боя непосредственно в стрелковых цепях. Сам он вместе со своим военкомом поступил таким же образом.

Вернувшись из штаба армии, командир 8-го корпуса генерал М.Г. Снегов вечером 6 августа собрал командиров и начальников своего штаба, чтобы обсудить с ними порядок выхода из окружения. На совещании присутствовали начальник штаба полковник Н.А. Бобров, военком полковой комиссар И.Б. Шлафман, начальник артиллерии комбриг М.А. Богданов и ряд других командиров. Поняв, что штаб как орган управления в ходе прорыва и после него уже не потребуется, его работники стали думать, какой выбрать путь из окружения для себя. Кто-то предложил переодеться в гражданскую одежду и выходить по отдельности. Комбриг М.А. Богданов и другие отвергли ее как неприемлемую[317]. В результате сформировалась небольшая группа под общим руководством полковника Н.А. Боброва.

В 99-ю дивизию приказ на прорыв поступил вечером 6 августа, и на его основании были сформированы два отряда. Первый возглавил командир соединения полковник П.П. Опякин. В составе его отряда выходил штаб и политотдел соединения, а также 1 – й полк подполковника Р.Ф. Жевнирова, остатки 197-го и 206-го полков. По сведениям Ю.К. Стрижкова, под командованием П.П. Опякина на момент прорыва находилось до 300 человек[318]. Второй отряд возглавил начальник артиллерии дивизии полковник И.Д. Романов. В

его составе оказались артиллерийские полки дивизии, саперный батальон и батальон связи.

Южнее 99-й дивизии предстояло прорываться частям 60-й дивизии. Поздно вечером 6 августа командир соединения полковник Б.А. Сорокин созвал совещание командного и политического состава. Он кратко доложил создавшуюся обстановку и передал последний приказ командования 12-й армии: «Сегодня ночью с 6 на 7 августа части дивизии попробуют прорваться из кольца окружения». Началось уничтожение имущества, которое было невозможно взять с собой, жгли секретные документы, автомашины, оставшиеся без горючего, приводили в негодность орудия, к которым не было снарядов.

Из бойцов и командиров, имевших оружие, сформировали отряд прорыва. Следом за ним должны были следовать танк «КВ» и три бронемашины. Возможно, именно в них выходило командование дивизии, в частности, полковник Б.А. Сорокин и военком соединения полковой комиссар М.Д. Нестеренко.

Следом за отрядами 99-й и 60-й дивизий предстояло следовать группе танков в количестве 4–5 машин, в которых разместились сам командующий 12-й армией, а также генералы Б.И. Арушанян, В.В. Владимиров, бригадные комиссары И.П. Куликов и М.Д. Аверин. Они должны были, выехав из Подвысокого, следовать по дороге на с. Левковка и далее – к Новоархангельску.

Выдвижение к рубежу атаки началось в 22.00. После полуночи колонны 60-й и 99-й дивизий выступили из Подвысокого и вдоль дороги двинулись в сторону Левковки. Вскоре головной отряд соединения полковника Б.А. Сорокина в количестве около 200 человек повернул от дороги вправо и вышел к немецким позициям. 2-й батальон 98-го полка под командованием Вёльфингера вступил в бой. Большую помощь противнику оказали скорострельные 20-мм зенитные орудия 4-й батареи 61-го полка: огонь практически в упор нанес атаковавшим огромные потери, и они были вынуждены отступить.

Около 2.00 попытка прорыва повторилась. Теперь атакующим оказывали поддержку артиллерия, минометы и несколько танков, которым поручили уничтожить немецкую артиллерийскую батарею и расчистить дорогу пехоте. Основной удар пришелся по позициям правофланговой 8-й роты и 4-й батареи. Через несколько минут боя фронт немецкой обороны оказался прорван, и 8-я рота дралась в полу окружении. Советские танки, пробившись через боевые порядки 2-го батальона, развернулись и атаковали позиции зенитной 4-й батареи с

тыла. В ходе ночного боя одно из орудий оказалась раздавленным вместе со всем расчетом, второе подбили. Со стороны атаковавших также были большие потери. Противник подбил все бронемашины, и в одной из них сгорел комиссар М.Д. Нестеренко.

Немецкая правофланговая 8-я рота оказалась в наихудшем положении. Она оказалась отрезанной от остальных и, сбившись в комок, отстреливалась из всех видом оружия, самостоятельно отражая накатывавшиеся волнами цепи красноармейцев. Личный состав роты понес значительные потери, один командир 8-й роты был тяжело ранен, другой – убит, боеприпасы стремительно подходили к концу[319]. Егеря держались на пределе сил и возможностей, но бреши в обороне росли, и в них прорывались все новые и новые волны красноармейцев и уходили на юго-восток.

Что за танки приняли участие в атаке на позиции немецкого 2-го батальона, доподлинно неизвестно. Возможно, одним из них оказался «КВ» командира дивизии полковника Б.А. Сорокина, а может быть, генерал П.Г. Понеделин повернул свою танковую группу, что помочь пехоте. В пользу последнего предположения говорит тот факт, что после окончания боя, по немецким наблюдениям, танки ушли вдоль дороги в сторону выс. 186 и с. Левковка, т. е. в ту сторону, куда направилась группа генерала П.Г. Понеделина.

Около 4.00 в полосе обороны 2-го батальона 98-го полка наступило затишье. Примерно в 3.30 егеря 1-го батальона 98-го полка, занимавшие оборону правее с. Владимировка, услышали приближающиеся звуки боя. Командиры приказали поднять всех по тревоге и приготовиться к отражению атаки. Вскоре по дороге, ведущей к с. Владимировка, а также слева и справа от нее, показались автомобильные, конные и пешие колонны. К селу двигались прорвавшиеся отряды 60-й дивизии и часть штаба 12-й армии, возглавляемые полковником Б.А. Сорокиным. Командир дивизии к этому времени шел в цепи как рядовой боец. Его танк «КВ», когда в нем закончилось горючее, пришлось бросить.

Как только атакующие приблизились к рубежу обороны, противник немедленно открыл по ним огонь.

Красноармейцы быстро развернулись в цепи и бросились на немецкие позиции, пробивая бреши с фронта и обтекая их с флангов. Единственное находившееся в распоряжении егерей 20-мм зенитное орудие успело дать всего 40 выстрелов, после чего получило прямое попадание в щит над орудийным замком и вышло из строя. Его расчет отстреливался из винтовок, пока все не получили ранения. Командир

1-го батальона приказал свои ротам образовать «ежей», чтобы иметь возможность отражать атаки со всех сторон, и такой метод вновь доказал свою эффективность. Смять немецкую оборону атакующим не удалось, и пришлось отойти.

С большим трудом командиры и политработники 60-й дивизии, среди которых был и начальник ОО НКВД дивизии капитан госбезопасности М.А. Шолин, сумели вновь поднять бойцов в атаку. Единым броском достигли линии обороны противника и завязали штыковой бой. Немцы отступили, вызвав огонь артиллерии и минометов, от которого бойцы 60-й дивизии стали нести большие потери. Ценой значительных потерь егеря удержались на своих позициях, выполнив поставленную перед ними задачу: единая колонна перестала существовать, разбившись на многочисленные группы и группки. Не стало и общего командования, теперь каждая из них действовала на свой страх и риск, руководствуясь общей целью – пробиться к р. Синюха.

Одна из них вышла к командному пункту оберст-лейтенанта Ланга, размещенному в с. Владимировка. Оказавшись в полуокружении, командир полка по радио потребовал от штаба дивизии: «Помогите! Требуется заградительный огонь артиллерии!» Через пять минут просьба о помощи повторилась[320]. Однако еще целый час дивизионные орудия молчали: цели в сумерках еще плохо просматривались, и наводчики опасались накрыть своих.

Единственное, что смогло сделать в такой ситуации командование, так это направить все имевшиеся под рукой резервы на выручку 98-му полку. Вот только количество их было незначительно, и изменить положение они не могли. Из Троянки ускоренным маршем выступили части 54-го самокатного эскадрона и 44-го противотанкового дивизиона. От 97-й дивизии на помощь поспешил передовой отряд майора Кройтцера. Они выступили в 6.25 и могли прибыть к месту прорыва только через несколько часов.

После боя у с. Владимировка одна из групп, возглавляемая полковником Б.А. Сорокиным, вышла к Черниеву лесу. Здесь, в завязавшейся перестрелке с тыловиками, он был убит. Капитану М.А. Шолину и начальнику штаба 60-й дивизии майору М.П. Серюгину повезло, и в дальнейшем им удалось выбраться из окружения, переодевшись в гражданскую одежду. А вот командир 194-го полка подполковник Т.М. Подвиг попал в плен.

В 6.15, когда взошло солнце и рассеялся утренний туман, батареи 1-й горно-егерской дивизии открыли огонь. Мгновениями позже с

восточного берега р. Синюха заговорили орудия «Лейбштандарта». К утру противник на основании полученных донесений определил, что под ударом оказался относительно узкий участок обороны дивизии, тот, который, в основном, занимал 2-й батальон Вёльфингера, тогда как в полосе соседнего полка, которым командовал оберет Кресс, все было тихо. Поскольку положение воспринималось как тяжелое, генерал X. Ланц попросил у 297-й дивизии помощи. Оттуда пообещали в самое ближайшее время предпринять наступление в сторону Подвысокого.

К 7.00 противник полностью восстановил положение в районе с. Владимировка. И тогда по приказу командира 1-й горно-егерской дивизии к позициям 2-го батальона 98-го полка было направлено подкрепление: взвод 1-й роты и взвод зенитчиков на автомашинах в сопровождении бронетранспортера. Перед ними стояла задача выяснить обстановку и оказать помощь 8-й роте. Прибыв на место, егеря и артиллеристы приняли участие в уничтожении последних мелких групп красноармейцев и в проведении зачистки местности.

Только перед позициями 8-й роты немцы насчитали до 80 убитых командиров и красноармейцев, в плен на участке 1-го и 2-го батальонов 98-го полка были взяты до 800 человек. Как отмечал противник, среди них оказалось очень много женщин. Как выяснилось позднее, к с. Владимировка пробилась часть штаба 12-й армии. Здесь она была уничтожена или пленена егерями. Среди красноармейцев, оказавшихся в неволе, ходил слух, что начальник оперативного отдела штаба армии полковник П.И. Левин, не имея возможности пробиться из окружения и не желая сдаваться, застрелился у с. Владимировка. Также покончил с собой подполковник И.Е. Тимофеев, начальник армейской разведки. В действительности, полковник П.И. Левин сумел вырваться из окружения и в дальнейшем благополучно перешел линию фронта.

В полосе обороны группы Пикера в течение ночи на 7 августа ситуация развивалась для немцев более благополучно. Особенно яростными советские атаки пришлись против позиций 3-го батальона 91-го и 3-го батальона 99-го полков. Остановить прорыв им не удалось, и около 7.00 под ударом прорывающихся советских войск оказался командный пункт полка. Только через полчаса боя оберет Пикер смог восстановить руководство своими войсками.

В ночь на 7 августа позиции, удерживаемые солдатами немецкого 477-го полка, неоднократно подвергались атакам советской пехоты. В некоторых из них участвовало до роты красноармейцев. Судя по

всему, на этом участке не было организованного прорыва крупными силами, поэтому противник сравнительно легко отразил все удары. Несколько атак отразили солдаты 1-го батальона 477-го полка, занимавшие позиции южнее с. Подвысокое. В ходе утренних боев они взяли в плен 1700 человек. Захваченные вместе с ними пять комиссаров были расстреляны. В руки противника попало одно Боевое знамя[321].

В полосе 97-й дивизии крупных попыток прорыва не было. Сквозь ее боевые порядки пытались просочиться только отдельные группы красноармейцев численностью до нескольких десятков человек. Около 5.00 два перебежчика заявили, что обороняющиеся на этом участке войска полностью деморализованы немецким артиллерийским огнем, в особенности же обстрелом из тяжелых мортир. Они сообщили о готовности к сдаче 16–20 тыс. человек в случае, если немцы прекратят артиллерийский обстрел. Для обсуждения создавшейся ситуации прибыл лично командир дивизии генерал М. Фреттер-Пико. От своего имени он заверил перебежчиков, что предоставит им два часа для организации сдачи. Мало кто из немцев верил в успех такого сомнительного предприятия, но случившееся превзошло все их ожидания. Тысячи советских бойцов стали выходить из леса и складывать оружие.

К утру прорывавшиеся из окружения уже исчерпали свои силы, и вскоре после 8.00 атаки прекратились. Немногочисленным группам, преимущественно конным, удалось проскочить через боевые порядки противника. Теперь они двигались в юго-восточном направлении в сторону р. Синюха, надеясь перебраться на ее противоположный берег. На их пути оказались штабы, тылы, артиллерийские и минометные позиции. Как и в предшествующую ночь, завидев опасность, немцы поднялись по тревоге и бросили в бой радистов и телефонистов, артиллеристов и минометчиков, обозников и писарей. С восточного берега к урезу воды р. Синюха подошли танки 11-й дивизии, чтобы своим огнем поддержать обороняющуюся на противоположном берегу немецкую пехоту. Остатки прорывающихся войск были перехвачены и уничтожены в 10 км позади линии фронта, на подходах к селам Владимировка и Россоховатец[322], у реки Синюха их встретили огнем эсэсовцы «Лейбштандарта». Часть погибла в волнах, те, кто выбрался на противоположный берег, попали в плен[323].

Солдат «Лейбштандарта» подняли по тревоге в 3.00: отовсюду стали поступать донесения о начавшемся прорыве советских войск.

Около 6.00 перед занятыми эсэсовцами позициями показались первые группы красноармейцев. Сконцентрировавшись, они организованно бросились в атаку. Основной удар пришелся по левому флангу 4-го, всему фронту 2-го и правому флангу 3-го батальонов. В 6.30 в бой вступил разведывательный батальон, прикрывавший переправу через Синюху у Новоархангельска. Оттуда сообщили, что по мосту в беспорядке отходят тылы 297-й дивизии, преследуемые красноармейцами. Через 20 минут около роты бойцов Красной армии атаковали позиции 3-й роты разведбата СС. После скоротечного боя большая часть прорывавшихся погибла или оказалась в плену. Бой длился несколько часов, и только к полудню все атаки в полосе «Лейбштандарта» были отражены. Эсэсовцы 2-го батальона доложили о взятии в плен 331 бойца и 11 командиров, артиллерия бригады подбила один танк Т-26.

Можно предположить, что большинство прорывавшихся на этом направлении составляли бойцы 8-го корпуса, поскольку в руки эсэсовцев попали знамя 71-го гаубичного полка 99-й дивизии, а также знамя 99-го полка связи и Почетное знамя «За отличную боевую подготовку артиллерии». Известно, что приказом НКО СССР № 320 от 27 сентября 1940 г. 8-й стрелковый корпус был награжден Переходящим знаменем артиллерии Красной армии за 1940-й год[324]. Возможно, что эсэсовцы захватили именно его.

Захваченные дивизией СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер»

знамена 99-й дивизии

Тем временем основная колонна, в составе которой следовала группа генерала П.Г. Понеделина, двигалась в сторону с. Левковка. Бой, в который вступили бойцы 60-й дивизии на окраине с. Подвысокое, позволил ей проскользнуть мимо немцев незамеченными. Во всяком случае, никто из очевидцев событий из 99-й дивизии не помнит ни о каких боестолкновениях с противником на всем пути вплоть до с. Левковка.

К селу колонны 99-й дивизии вышли на рассвете, и здесь их встретили поднятые по тревоге части 297-й пехотной дивизии. Противник немедленно открыл артиллерийский и минометный обстрел, основной удар которого пришелся на отряд полковника П.П. Опякина. Не сумев преодолеть огневой заслон, он укрылся в небольшой роще возле села. Как только обстрел прекратился, роща была атакована противником. Красноармейцы и командиры пытались организовать оборону, но безуспешно. Используя свое огневое превосходство, немцы один за другим подавляли очаги сопротивления, постепенно оттесняя командование отряда в овраг. Не желая сдаваться в плен, застрелился полковой комиссар А.Т. Харитонов. По воспоминаниям К.И. Чернявского, полковник П.П. Опякин вместе с полковым комиссаром П.С. Ильиным попытались укрыться в зарослях орешника на склонах оврага. Однако немцы их заметили и открыли по ним огонь. Полковник и комиссар отстреливались до последнего патрона, но были захвачены противником в плен. Полковник П.П. Опякин незадолго до этого был ранен разрывом гранаты[325].

По немецким сведениям, полковник П.П. Опякин был взят в плен отдельно от своего отряда. После неудачного прорыва на Новоархангельск он потерял ориентировку в ночной темноте и оказался в небольшом лесочке, расположенном юго-западнее села Левковка. Здесь полковник решил дождаться утра, но при прочесывании местности его обнаружили солдаты из 297-й дивизии. Насколько можно судить, он оказал немцам серьезное сопротивление, так что им пришлось применить по отношению к полковнику физическую силу[326].

Действия отряда полковника И.Д. Романова оказались более успешными. Неожиданную поддержку ему оказал вырвавшийся вперед по дороге танк, который ворвался на окраину села, раздавив при этом пулемет противника. Вслед за ним в атаку поднялись бойцы отряда и бросились в штыки. Этот бой стоил прорывавшимся больших потерь, но значительной части отряда, в том числе и полковнику И.Д.

Романову, удалось проскочить через заслон. Сумел вырваться и начальник штаба дивизии полковник С.Ф. Горохов. В октябре в районе города Харьков он перешел линию фронта и вышел к своим, но без оружия и без документов.

Известно, что следом за 99-й и 60-й дивизиями должны были выходить управление 12-й армии во главе с генералом П.Г. Понеделиным и 13-го корпуса генерала И.К. Кириллова. Как это ни странно, но место и обстоятельства последнего боя командующего 12-й армией долгое время оставались неясными. Даже Е.А. Долматовский, который очень уважительно относился к генералу П.Г. Понеделину, дал весьма расплывчатое описание. Вот как оно изложено в его книге «Зеленая брама»: «Становится известно, что командармы Понеделин и Музыченко попали в засаду, схвачены врагом, пленены. Передают подробности: Музыченко был блокирован в танке, Понеделина свалили наземь в рукопашной…»[327]. Если судить по приведенной в книге хронологии, случилось это еще 6 августа.

Существенный вклад в прояснение обстоятельств пленения командарма-12 внес Ю.А. Лискин. Его отцу, бывшему военному прокурору, удалось получить доступ к архивно-следственному делу № Р-4672 П.Г. Понеделина. Достоинство этого источника состоит в том, что в нем сам бывший командующий 12-й армией повествует о том, где, как и когда он попал в плен.

Советский легкий танк Т-26, подбитый под Уманью

Вопрос об обстоятельствах пленения задавался П. Г. Понеделину во время следствия неоднократно. На допросе 24 июля 1946 г. он ответил на него следующим образом: «Вместе сдались Кириллов, Костылев, бригадный комиссар Липа, уполномоченный особого отдела, начальник политотдела армии Аверин, и был схвачен командир танка. Никто из нашей группы, состоявшей из пяти человек, сопротивления немцам при пленении не оказывал»[328].

В ходе другого допроса бывший командующий 12-й армией дал более обстоятельное пояснение: «Осталось три танка, но два сразу ушли куда-то в сторону от артиллерийского огня, 4-й танк, в котором был я, прямым попаданием был подбит, экипаж получил ранения. Мне, однако, удалось выбраться из танка и добраться до близлежащей рощи… Роща, в которой я оказался, была окружена немцами, и, не

имея возможности сопротивляться, так как не было боеприпасов, я сдался в плен немцам»[329].

Новые детали к произошедшему добавил в 1956 г. во время пересмотра дела П.Г. Понеделина бывший начальник Особого отдела 13-го корпуса полковник в отставке Т.К. Шишацкий. Из его рассказа следовало, что на опушке леса командарм и находившаяся при нем группа командиров и политработников была внезапно атакована горными егерями численностью до 30 человек. Нападение было настолько неожиданным, что П.Г. Понеделин не успел произвести ни одного выстрела[330]. Ю.А. Лискин на основании анализа всех имевшихся у него данных предположил, что местом пленения группы командарма стала роща с названием Жидивчик, расположенная к северо-востоку от Подвысокого по дороге на Левковку[331].

И, наконец, еще большую ясность в разрешение вопроса внесли протоколы допросов генерала П.Г. Понеделина в немецком плену. В преамбуле первого из них, датированного 7 августа, указано, что генералы Павел Понеделин и Николай Кириллов «были взяты в плен 7 августа 41 в 1.00 в лесочке северо-восточнее выс. 185 (юго-западнее Новоархангельска)»[332]. Допрос проводился в штабе 297-й дивизии, следовательно, есть все основания утверждать, что в плен командарма взяли солдаты именно из этого соединения, а не горные егеря, как предполагалось ранее.

Боевая техника и вооружение, предположительно принадлежавшая

11-й танковой дивизии 2-го механизированного корпуса, брошенные в селе в районе Умани. На переднем плане – бронеавтомобиль БА-10М, на заднем – грузовые автомобили ЗиС-5 и ГАЗ-АА.

На основании имеющихся на настоящий момент сведений можно сделать следующую реконструкцию событий ночи 7 августа. Выехав из с. Подвысокое, колонна танков с генералом П.Г. Понеделиным вдоль дороги направилась в сторону с. Левковка. Приблизившись к немецким позициям, она попала под обстрел противотанковой артиллерии противника, и танки стали маневрировать, уклоняясь от выстрелов. Вскоре танк командующего был подбит, и он вместе с командиром машины попытался укрыться в небольшой роще. Роща или лесочек располагался метрах в пятистах слева от грунтовой дороги, соединявшей Подвысокое и Левковку. К северу от нее протекал ручей Стрельцова, образуя своим руслом одноименную балку.

Здесь он встретил группу во главе с командиром 13-го корпуса генералом Н.К. Кирилловым, в которую входили бригадные комиссары С.М. Липпа и М.Д. Аверин, а также капитан госбезопасности Т.К. Шишацкий. Спустя некоторое время командиры и политработники были обнаружены противником, и роща была окружена. Можно предположить, что непосредственно перед этим группа вела огневой бой, поскольку на момент пленения боеприпасы у всех подошли к концу. И когда на них вышли около 30 немецких солдат, отбиваться более уже было нечем. В такой ситуации генералы П.Г. Понеделин и Н.К. Кириллов, а также сопровождавшие их командиры и политработники сдались в плен.

Оказался в плену член Военного совета армии бригадный комиссар И.П. Куликов. Из Подвысокого он выехал на танке вслед за своим командармом П.Г. Понеделиным. Его танк также был подбит немецкой артиллерией, а сам комиссар получил ранение в ключицу и, как рассказывал он сам после войны, был контужен и потерял сознание. Очнулся в небольшом лесочке, переодетым в красноармейское обмундирование и без каких-либо документов. И.П. Куликов предположил, что это сделал его адъютант, после чего сам скрылся в неизвестном направлении, оставив своего начальника одного. Вскоре немцы стали прочесывать лес, обнаружили бригадного комиссара и, приняв его за простого бойца, взяли в плен. В дальнейшем И.П. Куликов выдал себя за украинца, и был отпущен немцами из лагеря[333].

Свой последний бой у с. Левковка приняли члены Военного совета

бригадные комиссары П.М. Любавин и М.В. Груленко: не желая сдаваться в плен, они застрелились[334]. Долгое время оставалась неизвестной судьба заместителя начальника артиллерии 12-й армии генерала В.В. Владимирова. Имелись сведения, что он был убит у Левковки, но кто стал свидетелем его гибели и где находится могила генерала, было неизвестно. Предполагалось, что В.В. Владимиров был тем самым генералом, которого встретил в лесу после неудавшегося прорыва майор Г.А. Перекальский. Тот генерал был ранен и, не имея сил пробиваться из окружения в составе группы, решил остался в лесу вместе с медсестрой.

В настоящий момент можно с достаточной долей уверенности утверждать, что генерал В.В. Владимиров вместе с генералом Б.И. Арушаняном на танках Т-26 прорвались через немецкий заслон у с. Левковка. Двигаясь к р. Синюха, они вышли к позициям 4-го батальона «Лейбштандарта», и здесь по ним открыло огонь 37-мм орудие. Танк, в котором следовал В.В. Владимиров, был подбит, его экипаж, в том числе и сам генерал, погибли. Об этом рассказал на допросе в отделе 1-й «Лейбштандарта» адъютант командующего 12-й армией. Кроме того, он заявил, что был убит также генерал Б.И. Арушанян, что оказалось ошибкой. Начальнику штаба армии удалось спастись и выйти к своим.

В течение ночи и раннего утра 7 августа управление 12-й армии было или уничтожено, или попало в плен. К сожалению, удалось установить судьбы далеко не всех из них. Известно, что у Левковки попали в плен солдатам 297-й дивизии полковник А.В. Поныркo, интендант 1 ранга И.В. Ширенков из 12-й армии, а также майор С.И. Познанский и полковник А.И. Муравьев из 13-го корпуса и командир полка 99-й дивизии подполковник Р.Ф. Жевниров.

Пробиться из окружения удалось немногим командирам управления и штаба 12-й армии. В частности, миновал все опасности и вышел к своим начальник артиллерии генерал Н.В. Гавриленко. В сентябре в группе из пяти бойцов пересек линию фронта начальник штаба генерал Б.И. Арушанян.

Не смог выйти из окружения и командир 8-го корпуса генерал М.Г. Снегов. В изложении Ю.А. Лискина, его история представляется следующим образом. *«5* августа при попытке прорыва из окружения, сам Снегов был… ранен осколком мины. Потерявшего много крови генерала перемещали, в надежде найти брешь в обороне немцев, то на трансмиссии танка, то в броневике, а позже, уже переодетого в солдатскую гимнастерку, – на носилках. В ночь с 5 на 6 августа группа

комкора предприняла последнюю попытку прорыва. На северо-восточной окраине села Копенковатое наткнулись на засаду немецких егерей. Завязалась перестрелка. Под огнем перенесли генерала… назад – на опушку Зеленой брамы. Там решили переждать. Раненый комкор распорядился сделать личный тайник: в пустую металлическую коробку сложили его боевые награды, часы, что-то еще… Коробку закопали в грунт возле старого дуба. Утром в тумане вышли из урочища. Снова бой и…плен (самостоятельно передвигаться Снегов не мог)». В лагере военнопленных комкор был выдан своим личным водителем[335].

Схожую историю пленения генерала М.Г. Снегова, но с некоторыми существенными дополнительными деталями, изложил писатель А.С. Васильев в своей книге «Все минуты войны». По его рассказу, остатки соединений пошли на прорыв в ночь на 6 августа, примерно в 4 утра. Попытка оказалась неудачной, и сам командир 8-го корпуса был ранен и контужен около 6 часов 6 августа. Его положили на танк Т-34, который вскоре был подбит и подожжен у села Копенковатое, где отряд комкора вновь попытался вырваться из кольца. В конечном счете, под командованием генерала М.Г. Снегова осталась небольшая группа красноармейцев и командиров в количестве 10–15 человек, с которыми он оставался, периодически отстреливаясь от немцев, в течение всего дня 6 августа. Переночевав в Зеленой браме, группа в рассветных сумерках попыталась еще раз пробиться из окружения. Но наткнулась на немцев, насчитывавших до роты, и была частично уничтожена, частично взята в плен. Среди плененных оказался и генерал М.Г. Снегов[336].

Как видим, оба рассказа совпадают в основном, отличаясь в деталях. Их авторы отмечают, что генерал М.Г. Снегов попал в плен 6 августа серьезно раненным в районе села Копенковатое. Не совпадает лишь дата получения им ранения (5 или 6 августа) и его характер (А.С. Васильев указывает, что генерал был еще и контужен). Приведенные выше данные противоречат, правда, немецким. В частности, в протоколе допроса генерала М.Г. Снегова указано, что он был легко ранен осколком снаряда и попал в плен не 6, а 8 августа, и не под селом Копенковатое, а под селом Подвысокое[337].

Из состава управления 8-го корпуса при прорыве погиб начальник штаба полковник Н.А. Бобров, полковой комиссар И.Б. Шлафман покончил с собой еще в Подвысоком. Начальник артиллерии комбриг М.А. Богданов сумел вырваться из кольца, но через несколько дней, 11 августа вечером, во время попытки найти ночлег, у села Легедзино его

обнаружили солдаты полевой хлебопекарни 297-й дивизии и взяли в плен. Комбриг был одет по форме, но без знаков различия. При опросе сразу признал, что является командиром Красной армии и занимал должность начальника артиллерии 8-го корпуса[338]. Оказался в плену также начальник оперативного отдела 8-го корпуса полковник М.М. Чудновский.

С наступлением время солдаты оберста Кресса приступили к зачистке местности от с. Орлово до Наливайки. В балках и полях к исходу дня они захватили еще 900 пленных. Среди них оказались командир и комиссар 190-й дивизии.

После неудачного прорыва 6 августа от 190-й дивизии осталось всего около 120 человек во главе с командиром соединения полковником Г.А. Зверевым и военкомом полковым комиссаром Н.И. Каладзе. Понимая, что организованное сопротивление уже сломлено и прорыв на юг не удался, они решились выходить из окружения самостоятельно. Насколько можно судить, на совещании командиров и политработников рассматривались различные варианты выхода из окружения. Командир дивизии полковник Г.А. Зверев считал целесообразным выбираться малыми группами по 2–3 человека, так как их труднее обнаружить. Однако, по предложению начальника штаба артиллерии дивизии капитана В.Н. Литвинова, решили сохранить командную группу в полном составе, прикрыв ее отрядом из 80 красноармейцев[339].

Из послевоенных показаний Г.А. Зверева следовало, что в качестве основного направления прорыва было избрано северо-западное, поскольку вышли к селу Доброводы, где отряд принял последний бой и был разгромлен. Сам командир дивизии был ранен и 11 августа вместе с военкомом попал в плен. Бывший военком дивизии Н.И. Каладзе в своих скупых на подробности послевоенных воспоминаниях написал только, что Подвысокое было последним рубежом обороны дивизии, когда 7 августа приняли решение идти на прорыв. Что произошло дальше – непонятно, но автор настаивал, что ему самому «едва удалось избежать плена»[340].

В действительности, события развивались несколько иначе. Группа 190-й дивизии выходила в общем восточном направлении, следуя полями южнее русла р. Ятрань. Пройти через посты 1-й горно-егерской дивизии незамеченными не удалось, и пришлось вступить с егерями в бой, не доходя до с. Покотилово. В ходе его командная группа 190-й дивизии была рассеяна, а командир соединения и его комиссар Н.И. Каладзе были взяты в плен. Случилось это на поле

неподалеку от с. Орлово. В своей объяснительной записке начальнику Главного управления кадров Красной Армии 26 ноября 1941 г. полковник Г.А. Зверев описывал события так: «Отходил на Подвысокое по хлебам, мы отстреливались от преследующего нас противника и не обращали достаточного внимания на свои тылы, так как считали, что Подвысокое в наших руках. Такое недостаточное наблюдение привело к тому, что во время перезарядки пистолета я получил сильный удар в спину, был свален двумя немцами и забран в плен. Одновременно забрали и военкома… Пленен в районе Покотилова. В плену у немцев пробыл 11 суток – с 11 по 22 августа». Командир 190-й дивизии полагал, что был схвачен 11 августа, хотя описываемые им события и его собственные действия могли относиться только к 7 августа. Остается неясным, что он запомнил правильно – количество дней, проведенных в плену, или день, когда его выпустили.

На допросе никаких важных сведений полковник Г.А. Зверев не сообщил, после чего был направлен на сборно-пересыльный пункт, откуда попал в лагерь под городом Винница. Там он выдал себя за украинца Григория Алексеевича Шевченко, и был немцами отпущен[341]. Уже 6 сентября 1941 года у станции Верховье под г. Орел полковник пересек линию фронта. Выбрался из плена и полковой комиссар Н.И. Каладзе. А вот капитан В.Н. Литвинов на сей день числится пропавшим без вести.

К востоку от с. Копенковатое действовали остатки полков 72-я дивизии, к которым присоединились красноармейцы разгромленной ранее 58-й. Возглавил прорыв генерал П.И. Абрамидзе, который ехал на бронемашине, переодевшись, как рядовой водитель. Они смогли преодолеть немецкую оборону, но в районе Панского леса, рядом с которым Ятрань впадает в Синюху, немногочисленная колонна приняла свой последний бой. Оставшихся в живых, в том числе командиров 72-й дивизии и 14-го полка Я.И. Кислякова немцы взяли в плен.

Ряд частей и штабов действовали самостоятельно, никак не координируя с остальными. Так, в ночь с 6 на 7 августа вместе с саперным батальоном попытался выйти из окружения начальник химических войск 6-й армии полковник К.А. Некрасов. Но у села Копенковатое они попали под минометный обстрел. Осколками близко разорвавшейся мины полковник был ранен в правое предплечье и паховую область правой ноги с контузией. Начхим отполз в лес, где в полном одиночестве оставался до утра 8 августа. В этот день при

прочесывании леса он был обнаружен немцами в полубессознательном состоянии. Егеря оказали ему первую помощь, а потом на грузовике отправили в лазарет лагеря военнопленных в город Винница[342].

Есть основания утверждать, что штаб 12-й армии накануне своей последней попытки прорыва не сумел или не успел организовать все силы, сосредоточившиеся после 6 августа в районе Зеленой брамы. Как мы видим, в прорыве приняли участие те части и соединения, которые сохранили свою организацию, а именно 2-й механизированный, 8-й и 13-й стрелковые корпуса. Однако большое количество бойцов и командиров, особенно из тыловых частей 6-й армии, после неудачного прорыва 6 августа вернулись в леса вокруг с. Копенковатое и Подвысокое. Они остались без командования и без связи, и будучи фактически предоставленными сами себе. Собирать их было уже некому.

Самостоятельно, без взаимодействия с кем-либо, выходило из окружения управление 139-й дивизии. В ночь на 7 августа в штабе соединения получили общий приказ: «Под прикрытием ночи остатки дивизии внезапно атакуют врага на одном из участков окружения, а затем стремительно преодолевают полосу, занятую немцами. Чтобы не растеряться в лесу, люди к месту сосредоточения двигаются поротно»[343].

Для подготовки к прорыву собрали совещание комсостава. На нем присутствовали майор В.А. Шагинян, военком дивизии полковой комиссар А.Л. Парамонов, начальник политотдела батальонный комиссар И.Е. Жуков и многие другие. Про участие в совещании командира соединения полковника Н.Л. Логинова ничего не говорится. Уничтожили штабное имущество, орудия, оставшиеся без боеприпасов, сожгли секретную документацию. Около 23.00 пошли к линии фронта. Когда вышли на опушку леса, вперед выслали разведку, и она, видимо, наткнулась на немецкое боевое охранение. Завязалась перестрелка, и управление дивизии, вместо того чтобы сманеврировать, уйти в сторону, ввязалось в огневой бой. Вскоре с немецкой стороны подключились пулеметы и минометы.

Тогда командиры и политработники 139-й дивизии бросились в атаку на противника, закрепившегося за дорогой. Прорыв не удался, значительная часть погибла, остальные оказались в плену. Среди них оказались майор В.А. Шагинян, полковой комиссар А.Л. Парамонов, начальник артиллерии полковник А.П. Трофимов и др.[344]

На участке обороны 97-й дивизии, несмотря на общую тревогу, вызванную прорывом остатков 6-й и 12-й армий, более никаких

существенных происшествий не случилось. Около полуночи из леса выскочил одиночный танк и устремился в северо-западном направлении. Орудия и пулеметы его молчали, видимо, закончились боеприпасы. Немедленно по радио немцы объявили тревогу, подняв свои тыловые части по возможному маршруту следования танка. Вскоре в штаб 97-й дивизии доложили, что в 7 км западнее с. Бабанка он был подбит. Из полученных днем от военнопленных сведений, стало известно, что в этом танке пытался прорваться из окружения какой-то генерал. Возможно, этим генералом был начальник штаба 6-й армии комбриг Н.П. Иванов.

Перед рассветом было несколько попыток пробиться через боевые порядки немецких войск, но все они проводились разрозненными небольшими группами и были отбиты. Часть атаковавших была уничтожена, остальные сдались в плен. Среди них оказался один раненый полковник. Не исключено, что им оказался командир 139-й дивизии полковник Н.Л. Логинов.

Более организованным оказался прорыв в северо-восточном секторе, где занимали оборону 125-я и 24-я пехотные дивизии противника. Известно, что против них действовали остатки 140-й, 197-й стрелковых дивизий и 2-го механизированного корпуса.

Действиями 140-й дивизии в ночь на 7 августа руководил ее военком полковой комиссар С.Э. Борисовский. После неудачного боя под Небелевкой остатки командования дивизии отошли в глубь леса, где в сгущавшихся сумерках состоялось последнее совещание. На нем присутствовали начальник штаба майор В.И. Лисовец, начальник политотдела старший батальонный комиссар Л.Г. Мишин, командир группы 445-го полка капитан М.С. Козлов, его военком батальонный комиссар С. Шпичак, а также раненный накануне командир 798-го полка майор П.Ф. Чернов. На совещании отсутствовал командир дивизии подполковник В.Г. Чернов. Что с ним случилось 6 августа – и по сей день остается загадкой.

На повестке дня стоял единственный вопрос: прорываться из окружения. В ходе обсуждения направлений прорыва разгорелся спор. Капитан М.С. Козлов и лейтенант С.Г. Тончилов предлагали разбиться на группы по 30–40 человек и выходить в разных направлениях, но в основном – на запад, поскольку там немцы менее всего ждут прорыва. Свои предложения пытался дать и комиссар С. Шпичак, который до войны по заданию Уманского окружкома работал в Подвысоцком районе и хорошо знал людей и местность. Но верх взяло мнение С.Э. Борисовского и Л.Г. Мишина, которые настояли на выходе в

направлении на Нерубайку и Каменечье, хотя никто реальной обстановки здесь не знал[345].

В темноте сводный отряд во главе с комиссаром С.Э. Борисовским и майором В.И. Лисовцом двинулся в северо-восточном направлении. М.С. Козлов и С.Г. Тончилов были поставлены в хвост колонны, как им объяснили, «для поддержания порядка». Но как только колонна вышла на опушку, ее заметили немцы и накрыли артиллерийско-минометным огнем. Многие красноармейцы с криками стали разбегаться в стороны, кто в лес, а кто в поле.

Как оказалось, в ходе обстрела единая колонна распалась. Часть ее во главе с С.Э. Борисовским и В.И. Лисовцом перебежала через поле и укрылась в овраге, а арьергард во главе с М.С. Козловым и С. Шпичаком отошел в лес. Когда через полтора часа обстрел прекратился, каждая из групп стала действовать сама по себе.

Переждав в овраге, группа С.Э. Борисовского начала движение по его дну по направлению к селу Нерубайка. Немцы не стреляли. Впереди, пригнувшись, шел комиссар С.Э. Борисовский, за ним майор В.И. Лисовец и другие командиры. Когда группа достигла верховьев оврага, полковой комиссар остановился: сверху отчетливо доносилась немецкая речь. Вместо того чтобы отойти незамеченными, решили пробиваться, видимо, полагая, что немцев немного.

Раздали красноармейцам гранаты и расставили их через каждые 7—10 метров. По команде они бросили гранты, и с их разрывами бросились в атаку остальные. Немедленно с фланга по прорывавшимся трассирующими пулями стал бить пулемет, взлетели осветительные ракеты. Попав под огонь, все припали к земле. Пулемет бил без остановки, и через несколько мгновений в ноги был ранен майор В.И. Лисовец. Как только огонь прекратился, он подполз к комиссару С.Э. Борисовскому и спросил, что делать дальше. Тот жестами показал вперед на Нерубайку и добавил: «потом Каменечье». После этих слов он приказал В.И. Лисовцу отползти на правый фланг и командовать там, а сам остался на месте. В этот момент вновь прозвучала еще одна пулеметная очередь, и в руки В.И. Лисовцу подкатилась пробитая в двух местах каска. В этот момент он сам получил ранение в область таза. Подползший красноармеец спросил: «Что с вами, товарищ командир?» Майор ответил, что он ранен, и попросил посмотреть, что с комиссаром, который был рядом в трех метрах. Через несколько минут красноармеец сообщил, что военком убит, две пули попали ему в голову. «Никаких признаков жизни», – заключил боец.

Так погиб военком 140-й дивизии полковой комиссар С.Э. Борисовский. Майор В.И. Лисовец, не способный передвигаться самостоятельно, остался лежать в поле. Бойцы сняли с него командирскую гимнастерку, и утром при прочесывании немцы взяли его в плен. В Уманском лагере майор В.И. Лисовец выдал себя за пожилого приписника. Неизвестной осталась судьба комиссара Л. Г. Мишина, вероятнее всего, он также погиб[346].

Наступившая ночь не принесла немцам 125-й дивизии отдыха. Сначала доложили о пяти перебежчиках на участке 2-й роты, потом о двадцати на участке 1-й. Вскоре из 2-го батальона 419-го поступило сообщение, что из большого леса слышны звуки работающих двигателей. По приказу командира полка по опушке был нанесен артиллерийский удар, и на некоторое время установилось затишье.

Около полуночи в полосе обороны 419-го полка была предпринята попытка прорыва силами примерно сорока человек в направлении выс. 203. Часть их была уничтожена огнем солдат 3-го батальона, а большинство попало в плен. После полуночи попытка прорыва повторилась. Теперь в ней участвовало от одной до двух рот, которые прорывались в брешь между 419-м и 421-м полками. Немцы смогли уничтожить только часть прорывавшихся, остальным удалось уйти. Аналогичным образом прошел прорыв на участке 2-го батальона 419-

го полка[347]. Судьба красноармейцев, прорвавшихся через боевые порядки немцев, осталась неизвестной. По крайней мере, в полосе 125-й дивизии они в плен уже не попали.

В районе перекрестка, прикрываемого 1-м батальоном 420-го полка, последовала мощная атака, и немецкие солдаты оказались в критическом положении. У командира полка возникло опасение, что батальон может быть уничтожен, и он потребовал поддержки артиллерии. Через несколько минут все орудия дивизии открыли огонь по территории, прилегающей к перекрестку. Как оказалось, это была только первая из попыток прорыва на участке 125-й дивизии.

После полуночи атакам подверглись позиции 421-го полка. Но его три батальона, полукольцом охватившие лес, при взаимной поддержке отразили все удары, нанеся прорывавшимся бойцам значительные потери. Еще одна атака оказалась направлена на с. Нерубайка, в котором располагался командный пункт 419-го полка. По немецким сообщениям, на них из леса бросилась «русская кавалерия с саблями наголо». Другие советские стрелковые части атаковали позиции 24-й пехотной дивизии и 4-й батареи 125-го артиллерийского полка[348]. Часть красноармейцев смогла прорваться и уйти на север, часть – погибла или попала в плен, часть – вернулась обратно в лес.

На этом участке свою попытку прорыва предприняли бойцы и командиры 2-го мехкорпуса и 197-й дивизии полковника С.Д. Губина Последним приказом командарма-12 командиру корпуса предоставлялись свобода действий и право самостоятельного выбора направления прорыва. Генерал Ю.В. Новосельский и военком бригадный комиссар С.П. Семенов отдали свое распоряжение: всем разбиться на группы, закопать оружие и, переодевшись в гражданское, в полночь прорываться к своим[349]. Бывший начальник штаба 15-й моторизованной дивизии И.А. Ласкин в своих послевоенных воспоминаниях отмечал следующее. Прорыв должен был начаться в ночь на 8 августа. После преодоления полосы вражеской обороны войска должны были двигаться в северо-восточном направлении и, после форсирования р. Синюха, следовать на восток на соединение с частями Красной армии[350]. Относительно даты прорыва автор, скорее всего, ошибается, поскольку отдать приказ на выход из окружения генерал П.Г. Понеделин мог только 6 августа, а ждать еще сутки, чтобы приступить к его исполнению, никто бы в той обстановке не стал, это было слишком опасно. Тем более что никакие попытки прорыва в ночь с 7 на 8 августа немцы не подтверждают.

Общим направление был выбрано северное, сначала на

Вишнополь, а потом – на Белую Церковь. В этом районе предполагалось достичь позиций советских войск. В ночной атаке предполагалось задействовать до 3500 активных бойцов, из них около 600 из состава 16-го мотострелкового полка. Уже в 22.30 6 августа 47-й и 16-й полки 15-й моторизованной дивизии совместно со 197-й дивизией предприняли попытку прорыва из леса южнее села Нерубайка. Но прорыв оказался неудачным[351]. В ночном бою погиб командир 197-й дивизии полковник С.Д. Губин.

С наступлением темноты остатки соединений 2-го мехкорпуса стали подтягиваться на исходный рубеж. Но за полчаса до намеченного для атаки времени немцы открыли сильный артиллерийско-минометный и пулеметный обстрел по опушке леса, и изготовившиеся к бою советские части понесли большие потери. Разрывом мины были убиты начальник штаба корпуса полковник Н.И. Сучков и командир 15-й моторизованной дивизии генерал Н.Н. Белов. «Я находился от него на удалении одного метра, – вспоминал А.И. Ласкин. – Мы вынули из его кармана партбилет, тело донесли до опушки дубравы и похоронили»[352]. После такого неожиданного обстрела управление оказалось нарушенным, и потребовалось время, что вновь собрать войска и изготовиться к атаке. Командование остатками 15-й дивизии взял на себя полковник И.А. Ласкин.

Относительно времени начала прорыва на этом участке существуют разногласия. Согласно немецким отчетам, атака началась 6 августа в 23.30. По воспоминаниям полковника И.А. Ласкина, в прорыв части его дивизии пошли только в 1.00[353]. Можно предположить, что подготовка к прорыву была замечена противником или же какие-то части окруженных дивизий сами пошли в атаку, не дожидаясь остальных. Эти действия спровоцировали немцев, которые открыли огонь по опушке леса южнее села Нерубайка.

Перед прорывом командиры управлений корпуса, дивизий и полков ушли в боевые порядки пехоты. Наравне с красноармейцами в атакующих цепях бежали командир корпуса генерал-лейтенант Ю.В. Новосельский, его военком бригадный комиссар С.П. Семенов, командир 47-го полка полковник А.В. Якшин. Им удалось прорываться через кольцо окружения. Многим другим – нет. Начальник артиллерии полковник И.Ф. Тихонов был убит в ночном бою, заместитель командира полковник М.Д. Шилькрот пропал без вести, начальник связи полковник А.М. Исаев оказался в плену.

Комкор и его военком смогли пробиться и через несколько месяцев вышли через линию фронта.

Ранним утром штаб XXXXIV корпуса сообщил командованию XXXXVIII моторизованного корпуса, что в полосе 24-й дивизии советским войскам прорыв удался. Из этого доклада создалось впечатление, что речь идет о достаточно крупных силах, которые могли обрушиться на позиции оборонявшихся по реке Синюха механизированных и танковых частей. Начавшийся уже марш 16-й моторизованной дивизии в южном направлении был остановлен. Полк «Вестланд» спешно вернули на его позиции под Свердликово. На западную окраину Новоархангельска вновь вышел разведывательный батальон «Лейбштандарта». К 8.00 стало ясно, что в действительности через позиции 24-й дивизии сумели прорваться очень незначительные группы советских бойцов и командиров. Справиться с ними можно было и одной пехотой.

Действительно, в ходе прорыва 2-й механизированный корпус и входившие в его состав дивизии как соединения перестали существовать, их бойцы и командиры, сумевшие преодолеть вражескую оборону, разбились на многочисленные группы, каждая из которых самостоятельно пошла на восток.

Одной из них была группа полковника И.А. Ласкина и военкома дивизии полкового комиссара Т.Н. Конобевцева, в которой к утру оказалось около сорока человек. За ночь далеко от места прорыва уйти им не удалось, утром 7 августа группа вышла к дороге, по которой двигалась колонна немецкой пехоты. При попытке перебежать дорогу группа была обнаружена противником. В завязавшемся бою 12 человек погибли, а остальные сумели укрыться в ржаном поле. Далее продвигались, стараясь избегать дорог и населенных пунктов, всех мест, где могут встретиться немцы. Через два дня группа вошла в село Добрянка, еще не занятое противником. Здесь, к своей радости, она встретила группу управления своего корпуса во главе с генералом Ю.В. Новосельским и военкомом С.П. Семеновым.

Командир корпуса собрал командиров на совещание. От местных жителей стало известно, что линия фронта проходит примерно в 250 километрах, следовательно, никакой надежды на быстрый выход из окружения нет. От предложения создать партизанский отряд отказались, так как никто из присутствующих не знал местности и, кроме того, не хватало боеприпасов. В ходе обсуждения вариантов большинство пришло к убеждению о необходимости спрятать оружие и документы, переодеться в гражданское и выходить малыми группами.

В такой группе продолжил свой путь на восток и полковник И.А.

Ласкин. С ним пошел полковой комиссар Т.Н. Конобевцев, начальник штаба артиллерии дивизии майор М.Н. Бондарев, а через несколько дней к ним присоединился командир 14-го танкового полка полковник И.А. Фирсов. Стараясь как можно быстрее выйти к своим, группа полковника И.А. Ласкина шла и ночью и днем, только изредка заходя в села в поисках продовольствия.

Но избежать новой встречи с противником не удалось. 20 августа на дороге Умань – Кременчуг группа была задержана местной полицией. На вопрос, кто они такие, ответили, что являются военнослужащими Красной армии, которые оказались в окружении и теперь идут домой. Задержанных обыскали, но никаких документов при них не нашли. После короткого допроса полицейские объявили, что Т.Н. Конобевцев и И.А. Фирсов могут идти дальше, а И.А. Ласкина и М.Н. Бондарева расстреляют, так как они очень похожи на комиссаров. Однако во время конвоирования им удалось убедить полицейских в ошибке, и те их всех отпустили[354].

После этого случая в группе возникли разногласия. Майор М.Н. Бондарев предложил остаться на оккупированной территории и уйти к его родственникам в Кировоград. Остальные его не поддержали, и тогда тот ушел домой в одиночку. Добрался ли он до Кировограда, погиб в пути или попал в плен – неизвестно. На сегодняшний день майор М.Н. Бондарев числится пропавшим без вести.

25 августа группа полковника И.А. Ласкина добралась до села Подорожное, расположенное в сорока километрах от г. Смела. У местных жителей хотели расспросить дорогу к линии фронта, но староста села задержал их, отвел в комендатуру и сдал немцам. На допросе командиры представились гражданскими лицами, бывшими заключенными уманской тюрьмы, осужденными за хозяйственные преступления. Сам И.А. Ласкин назвался бухгалтером Макаровым, которого посадили за присвоение казенных средств. Но, видимо, немцам что-то в их рассказе показалось подозрительным, потому что наутро допросы продолжились, но уже порознь. По окончании, И.А. Фирсова отделили от остальных, а И.А. Ласкина и Т.Н. Конобевцева отправили в село Трилесы. Через сутки, воспользовавшись невнимательностью охраны, они сбежали и продолжили свой путь на восток.

По пути не раз пересекались с группой бойцов и командиров, которую выводил начальник штаба 12-й армии генерал Б.И. Арушанян, но тот не принимал их, объясняя, что слишком большой отряд может быть легко обнаружен немцами. В начале сентября И.А.

Ласкин и Т.Н. Конобевцев вышли к Днепру, в районе села Колеберда и южнее г. Кременчуг сумели переправиться на противоположный берег. Следуя совету местных жителей, направились к с. Добиновка, неподалеку от которого располагались части Красной армии, и 8 сентября встретили патруль 14-й кавалерийской дивизии. В штабе соединения вновь встретили генерала Б.И. Арушаняна, который выбрался из окружения несколькими днями ранее. Генерал подтвердил личности вновь прибывших, после чего И.А. Ласкина и Т.Н. Конобевцева отправили в штаб армии. В дальнейшем И.А. Ласкин составил «Объяснения по поводу нахождения в тылу противника», где описал весь путь от Подвысокого, но факт своего кратковременного пребывания в плену скрыл[355].

К сожалению, в 1943 г. вся эта история стала известна контрразведке «СМЕРШ». Ставший к этому времени генерал-лейтенантом И.А. Ласкин 13 декабря был отстранен от командования и направлен в распоряжение ГУК НКО. Здесь после дополнительной проверки, подтвердившей первоначальные сведения, 24 декабря он был арестован[356].

Удалось преодолеть линию немецкой обороны и командованию 16-й танковой дивизии. Но его судьба оказалась трагичной. Не имея поддержки со стороны других частей 2-го мехкорпуса, командир дивизии полковник М.И. Мындро принял решение выходить самостоятельно. Сам он, как многие другие представители командования, следовал в атаку в единственном оставшемся танке. Но танк был подбит, а полковник получил ранение в живот. По распространенной в советской литературе версии, при попытке выбраться из горящей машины он был убит. «Когда Мындро погиб, Руденко гневно вскипел, вырвал из головы клок волос, до крови закусил губы и сказал: «Ребята, будем выполнять задачу, поставленную нашим командиром, и мы ее выполним!»[357] И полковой комиссар Н.В. Руденко, военком соединения, принял на себя командование оставшимися бойцами и командирами дивизии. Он стал собирать вокруг себя оставшихся в живых, готовя их к прорыву из окружения. Организованный прорыв не удался, и танкисты вернулись на исходные позиции.

В бесплодных атаках дивизия понесла значительные потери и к концу дня перестала существовать как боеспособное соединение. Ее остатки, в том числе и штаб соединения, пытались вырваться из окружения в ночь на 8 августа. В сумерках комиссар Н.В. Руденко и еще семеро бойцов спрятались в камышах возле небольшой речки. Под

гимнастеркой военком спрятал Знамя 16-й танковой дивизии. При переправе через реку прорывающиеся группы были обнаружены противником, попали под обстрел и были рассеяны, частично уничтожены, а частично попали в плен. Оказался в плену и полковой комиссар Н.В. Руденко. По рассказам вышедших из окружения и бежавших из плена, он был расстрелян в Умани. Попал в плен и начальник политотдела соединения старший батальонный комиссар М.Д. Васильев[358].

В действительности, командир 16-й танковой дивизии сумел преодолеть передовые линии противника. В одной группе с ним оказались начальник оперативного отделения майор М.А. Минасян, командир 16-го мотополка К.И. Окропиридзе и еще несколько командиров. Переодевшись в гражданскую одежду, они двинулись на северо-восток к линии фронта. Однако вскоре они были захвачены солдатами 24-й пехотной дивизии.

По немецким данным, 9 августа в Павловку-Первую была доставлена группа из пяти человек, одетых в гражданскую одежду. В ходе проведения допроса один из них назвался подполковником И.К. Окропиридзе, командиром 16-го полка. Вся группа была участницей ночного прорыва частей 2-го механизированного корпуса в ночь с 6 на 7 августа. Первоначально в ней было 250 бойцов и командиров, но после преодоления обороны осталось всего 60, остальные или погибли, или рассеялись. К утру 9 августа в группе осталось только пятеро. По сообщению местных жителей, они закололи двух немецких солдат, которые, видимо, случайно наткнулись на их группу. Все пятеро были расстреляны охраной штаба как «бандиты и саботажники»[359]. Возможно, что в этой группе находился также командир соединения полковник М.И. Мындро[360]. Так как немцы в своем донесении ничего об этом не сообщают, видимо, его пленение осталось для них неизвестным.

После ночного и утреннего боя значительное количество советских бойцов, прорвавшихся через боевые порядки 1-й и 4-й горно-егерских дивизий, оказалось в тылу XXXXIX корпуса. Командованию вновь пришлось запрашивать поддержку 257-й дивизии, солдаты которой спешно заняли позиции по линии Дуковка – Александровка фронтом против Емиловка – Троянка.

Еще одна неудачная попытка прорыва привела к окончательной деморализации окруженных войск. Очень большое количество их не смогло принять участие в прорыве в силу самых разнообразных причин, главной из которых было отсутствие оружия и боеприпасов.

Не следует забывать, что окруженные уже несколько дней были лишены продовольствия, находились под постоянным артиллерийским и минометным обстрелом и атаками с воздуха. Наиболее боеспособные части либо понесли значительные потери и были обескровлены, либо погибли при прорывах. Кроме того, в течение 5–7 августа были полностью уничтожены штабы 6-й и 12-й армий, и единого руководства боевыми действиями уже не стало.

После того, как стало известно, что последняя попытка выйти из окружения потерпела неудачу, оставшиеся в окружении бойцы и командиры утратили надежду на спасение. Поэтому начавшееся утром 7 августа немецкое наступление на с. Подвысокое почти не встречало сопротивления.

Приведя себя в порядок, солдаты 1-й горно-егерской перешли к активным действиям. К перекрестку дорог Подвысокое – Копенковатое, двигаясь от выс. 196, 0, вышел 3-й батальон 98-го полка. В 9.00 началась сдача в плен наименее устойчивых советских бойцов, и перед фронтом группы Пикера появились первые небольшие группы с белыми флагами. Немедленно передали приказ: таких перебежчиков не отправлять в тыл, а наоборот, отправлять обратно, чтобы они призывали своих товарищей следовать своему примеру. Такая мера принесла вскоре свой результат: количество сдающихся стало возрастать. К 11.00 оно достигло 3 тыс. человек[361].

В 10.00 два взвода из группы Пикера подошли к западной окраине Подвысокого. Неожиданно вокруг них стали рваться снаряды, и немецкие солдаты бегом вернулись на исходные позиции. Как выяснилось позже, «дружественный огонь» открыла артиллерия соседней 97-й дивизии, приняв егерей за красноармейцев. Только через два часа немцы осмелились вновь приблизиться к селу, уже не встречая на своем пути никакого противодействия. Только из леса у северной части Подвысокого еще били пулеметы и одно орудие, однако существенной опасности они не представляли: основное сопротивление было уже сломлено.

Утром генерал Х. Ланц отдал несколько приказов своим боевым группам. Оберет Пикер, если боевая ситуация ему позволит, должен войти в Подвысокое через его западную окраину и захватить возможно большее количество трофеев. Оберсту фон Штеттнеру надлежало усиленными разведывательными группами выйти к южной опушке Зеленой брамы. Если здесь не будет оказано существенного сопротивления, им разрешалось продвинуться в глубь леса на 500 м. Исполнить вторую часть приказа солдатам группы фон Штеттнера в

этот день не довелось: любая попытка немцев приблизиться к опушке пресекалась огнем многочисленных стрелков и пулеметчиков[362].

Тем временем оберет Пикер, ощутив наступивший перелом в боевых действиях, отдал приказ трем свои батальонам возобновить штурм Подвысокого. Общее положение на фронте известно не было, и командир 1-й горно-егерской генерал X. Ланц приказал до особых распоряжений удерживать оборону по линии улицы, идущей с севера на юг, поэтому приказ на атаку оберет Пикер отдал на свой страх и риск. Он, как и его командиры, предполагал, что его егерям придется вести в тяжелый бой за село, но уже вскоре после начала атаки из передовых частей стали поступать сообщения, что русские сдаются.

Передовые части начали осторожное движение к западной окраине Подвысокого, не встречая сопротивления, за исключением огня одного пулемета. Уже в первые часы стало отмечаться большое количество пленных, и к полудню их насчитывалось уже около восьми тысяч человек[363]. Сначала их собрали на одной из улиц, а потом отправили колонной на Покотилово.

Стало очевидно, что советские войска оставили село. Чтобы убедиться в этом, майор Фляйшман направил к западной окраине взвод лейтенанта Р. Пехера. Во время движения вдоль главной улицы впереди него действовало отделение обер-егеря Кинкели на. Вскоре после начала движения к нему подошел один из местных жителей и на плохом немецком стал объяснять, что за мостом в 200–250 метрах в хате находятся немецкие пленные. Опасаясь, что их могут расстрелять, Кинкелин с помощью присоединившегося к нему взвода лейтенанта Хефеле из 11-й роты батальона Хёрля решил их освободить. Предприятие оказалось удачным, несмотря на огонь советского пулемета, бившего вдоль улицы из автобуса. Егерям удалось захватить даже охрану – три человека. А всего в ходе этой акции немецким солдатам пленили еще около 200 бойцов Красной армии. Бывших немецких пленных – 16 человек, – решили вывести, прикрывшись красноармейцами. Маневр оказался психологически верным, – пулеметчик по своим стрелять не стал.

В 9.45 лейтенант Р. Пехер получил приказ захватить автопарк, расположенный на юго-западной части села, и там закрепиться. При поддержке взвода Хефеле и приданных саперов взвод лейтенанта Пехера, не встречая никакого сопротивления, достиг намеченной цели. Здесь, правда, немцы попали под артиллерийский огонь с северо-западного направления, но потерь не понесли. Был то русский или немецкий огонь, установить не удалось. В 11.45 взвод закрепился на

юго-западной окраине Подвысокого. Незанятой оставалась теперь только северная часть села.

В это время от командира роты обер-егеря Экарта был получен приказ найти и обезвредить пулеметчика. Поэтому взводу Р. Пехера свои позиции пришлось оставить и бросить все силы на прочесывание садов. Из опросов местных жителей выяснилось, что советские части ушли из села на север.

Тем временем в 11.30 командир XXXXIX корпуса генерал Л. Кюблер отдал короткий приказ: «Сегодня 7 августа 1941 года в 12 часов корпус штурмует Подвысокое»[364], но к моменту его получения в войсках село уже было фактически взято.

Пока части 1-й горно-егерской дивизии вели захват с. Подвысокое с востока, с противоположного направления им навстречу двигались полки 97-й легко-пехотной дивизии. В утренние часы 7 августа в полосе наступления ее 207-го пехотного полка из леса навстречу немцам вышел лейтенант со своей женой. Они попросили, чтобы их провели к командованию, так как имеют для него важное сообщение. Действительно, супружеская чета выступила в качестве парламентеров от красноармейцев, оборонявшихся в лесу к северу от села Подвысокое. В обмен на гарантии жизни и достойного обращения лейтенант обещал обеспечить сдачу в плен своих товарищей. Такие обещания были ему даны, и вместе с женой лейтенант вернулся в лес.

К удивлению немцев, лейтенант выполнил свое обещание. Вскоре из Зеленой брамы вышли и сдались в плен 4203 человека. Часть из них была в форме рядового состава, часть в гражданской одежде. Командиров и политработников, на первый взгляд, среди них не было. Но очень быстро немцам удалось установить, что те успели переодеться из командирской формы в красноармейское обмундирование или даже в гражданское платье. Как только этот факт был установлен, был проведен тщательный опрос. При помощи красноармейцев, взятых в плен у Подвысокого, почти сразу же удалось выявить 10 командиров. Поскольку остальных уже отвели в тыл, было решено провести дополнительный осмотр в пунктах сбора военнопленных[365].

В 9.20 отдел 1-ц 97-й дивизии запросил штаб 17-й армии, как следует обращаться с взятыми в плен политработниками. В частности, разведчиков интересовало, можно ли давать им обещание, что они смогут избежать расстрела, если капитулируют. Из армии поступило разъяснение, что вполне возможно давать такие заверения, однако в дальнейшем всех пленных комиссаров следует передавать в СД.

Как только окончательно рассвело, 204-й и 207-й полки 97-й дивизии перешли в наступление в направлении Подвысокого. Продвижение шло медленно, так как в отдельных случаях немцам приходилось вступать в перестрелки, и несколько раз они попадали под артиллерийский обстрел. Только к 11.00 передовые части 1-го батальона 207-го полка достигли западной окраины Подвысокого. Севернее дороги на Борщевую обнаружились окопы, занятые красноармейцами. Солдаты 1-го батальона перешли в атаку и выбили их оттуда, захватив около 50 бойцов. Всего к полудню оба полка взяли в плен около двухсот красноармейцев и командиров.

Ранее приданный 4-й горно-егерской дивизии передовой отряд проводил зачистку в районе южнее Подвысокого до с. Владимировка, стараясь не дать возможности разрозненным группам бойцов и командиров выбраться из окружения. В ходе акции в плен были взяты 1066 пленных, из которых 32 командира и два комиссара (один из них – из управления корпуса, возможно, полковой комиссар П.С. Николаев из 49-го корпуса).

В 12.15 генерал М. Фреттер-Пико приказал 207-му полку атаковать Подвысокое полным составом. Уже имелись сведения, что с востока в село вошли егеря 1-й дивизии, поэтому артиллерия прекратила обстрел, и теперь дело стояло только за пехотой. В 12.35 солдаты 207-го полка почти одновременно вошли в Подвысокое с запада и северо-запада. Сопротивления они перед собой уже не встречали, красноармейцы стали сдаваться в плен. Вскоре их количество достигло уже 2500. В самом Подвысоком и в его окрестностях было захвачено большое количество разного имущества, брошенных орудий и автомашин. Особенно много их оказалось по дороге на Небеливку.

Действия солдат 97-й дивизии под с. Подвысокое в дальнейшем оказались поводом для конфликта. Как оказалось, около 13.30 с запада к Подвысокому вышли части 97-й дивизии. Первыми со стороны полей двигались солдаты 2-го взвода 2-й роты. Воспользовавшись малочисленностью находившихся в западной части села солдат группы Пикера, они заняли Подвысокое и в дальнейшем объявили его захваченным 97-й дивизией.

Солдаты 4-й горно-стрелковой дивизии во главе со своим командиром генералом К. Эглзеером этого не признали. Они считали, что честь захвата села Подвысокое принадлежит целиком им, и не желали ни с кем делиться славой. Конфликт, вылившийся в дальнейшем в переписку и составление рапортов, длился до конца 1941 г.

Находившийся на правом фланге 97-й дивизии 204– й полк углубился в лес у Копенковатого. Здесь еще держались значительные по численности силы, и немецкое продвижение под их огнем остановилось. В 18.30 командир полка вызвал огонь артиллерии. Приданная соединению батарея мортир сделала по лесу восточнее с. Копенковатое 10 выстрелов, однако сломить сопротивление засевших там бойцов таким способом у немцев не получилось. Обстрелы артиллерией лесных массивов вокруг Копенковатого периодически возобновлялись в течение всей ночи с 7 на 8 августа, но с минимальным эффектом[366].

На этом трехдневная борьбы за село Подвысокое завершилась. Первым немецким комендантом Подвысокого был назначен оберет Филиппи. Потери немецких войск в боях за Подвысокое составили:

– группа Пикера – 128 убитыми и 328 ранеными[367].

– 477-й пехотный полк – 50 убитыми, 193 ранеными и 3 пропавшими без вести[368].

Точные потери 1-й горно-егерской дивизии, к сожалению, неизвестны. Но в любом случае потери, понесенные немцами в боях под селом Подвысокое, были очень значительными. По данным Х.Ф. Майера в Уманском сражении более всего пострадал 3-й батальон 98-го полка. В его 11-й роте 6 августа насчитывалось не более пятидесяти человек из положенных по штату двухсот. А 12-я рота в бою за Подвысокое потеряла еще 25 человек убитыми и 77 ранеными[369].

Итог сражения за Подвысокое был впечатляющим. Под Копенковатым немцы обнаружили скопление артиллерии, приготовленной к эвакуации. По дороге юго-западнее этого села стояли 40 разбитых и сожженных грузовиков. Позиции около выс. 203, 0 и в других местах массовых прорывов были покрыты телами убитых красноармейцев. Во время поездки к центру советского сопротивления – селу Подвысокое, генерал Л. Кюблер встретил колонну военнопленных. По шесть – восемь человек в ряд шли бывшие воины 6-й и 12-й армий, их поток достигал в длину десяти километров.

Пока шел бой за Подвысокое, с севера приближались части 125-й дивизии. В зоне ответственности этого соединения утром еще продолжалась перестрелка с бойцами из частей 2-го мехкорпуса, оборонявшимися в районе Небелевка – Зеленая брама. Командование дивизии пребывало в уверенности, что сопротивление советских войск в районе леса Зеленая брама и села Подвысокое будет продолжено. События предшествующего дня не давали повода ожидать иного исхода, поэтому никто даже не подозревал, что к полудню 7 августа

основное сопротивление будет уже сломлено[370].

Ночной прорыв из северной части урочища Зеленая брама, в основном, пришелся по позициям 421-го полка 125-й дивизии. Немцы атаки такой силы не ожидали, но встретили ее в полной готовности. Поддержку фланговым огнем своему соседу оказал 419-й полк. Советские войска атаковали густыми цепями, которые представляли собой отличную цель для пулеметов и минометов противника. Взлетевшие в небо осветительные ракеты превратили ночь в день, и, как сообщается в немецком донесении, «русские были уничтожены почти без остатка»[371]. Какая-то группа пыталась прорваться вдоль восточной опушки леса на юг, но также была уничтожена. Утром на поле боя немцы насчитали до 500 убитых, и среди них было обнаружено тело генерала – какого именно, немцы в своем донесении не сообщили. Наверное, это был командир 15-й моторизованной дивизии генерал Н.Н. Белов.

На 7 августа немцами намечалось продолжение охвата лесного массива Зеленая брама с севера. В 5.00 125-й артполк выдвинулся на выс. 203, 0 и сменил там части 3-го батальона 419-го полка. В 9.45 219-й полк перешел в наступление. Впереди двигался 2-й батальон, поддерживаемый двумя штурмовыми орудиями. Сравнительно легко он сбил остатки советских войск с высот к северу от села Подвысокое и двинулся на юг вдоль проходящей у опушки леса дороге. Вся она была забита брошенными орудиями, тягачами и иной техникой. По пути следования попадались небольшие группы красноармейцев, оставшихся без командиров, и командиров – без войск. Они уже не могли оказывать достойного сопротивления и, в большинстве своем, сдавались в плен. Их быстро разоружали и направляли в тыл. К 10.00 полк донес об одной тысяче взятых в плен военнослужащих Красной армии.

Справа и чуть позади следовал 1-й батальон 419-го полка. В полосе его движения картина была очень похожей: почти никто не оказывал сопротивления, напротив, красноармейцы большими массами сдавались в плен. Немцы формировали из них колонны, которые пополнялись всю первую половину дня. Вдоль восточной опушки Зеленой брамы стояли брошенные танки, броневики, автомобили, орудия, валялось различное стрелковое вооружение[372]. 1-й батальон приступил к прочесыванию леса и вскоре встретился с солдатами 420-го и 421-го полков. Никаких советских бойцов и командиров он не обнаружил.

С раннего утра командир 421-го полка докладывал, что перед его

полком никакого сопротивления нет, красноармейцы перебегают на сторону немцев и сдаются в плен в одиночку и группами. После полудня полк приступил к прочёсыванию леса. Значительные силы он оставил на своих прежних позициях, чтобы предотвратить все еще считавшиеся возможными попытки прорыва или контратаки. Однако ничего подобного не произошло.

Совместно с 421-м полком прочесыванием занимался и 420-й полк. В урочище они встретили только небольшое сопротивление разрозненных групп. Уничтожить или взять их в плен оказалось затруднительно, лес был густым и малопроходимым, и советские бойцы, разбиваясь на мелкие группы, легко ускользали от немцев. С разочарованием противник сообщал, что, несмотря на неоднократное прочесывание, не удалось взять в плен ни одного крупного командира или захватить какой-нибудь штаб[373].

В ходе боя за Подвысокое поступила информация от 4-й горно-егерской дивизии. Ее командир генерал К. Эглзеер сообщал, что в полосе обороны соединения противник начал массово сдаваться в плен. Некоторые даже якобы ехали на автомобилях под белыми флагами[374]. Но в восточной части села Копенковатое сопротивление еще продолжалось. Выбить советские части оттуда и из прилегающего леса немцам не удавалось вплоть до 13 августа.

По воспоминаниям советских ветеранов, к вечеру в районе с. Подвысокое сосредоточились остатки 49-го корпуса, а именно 190-я дивизия, сводный отряд 507– го корпусного артполка и практически не участвовавший в боях и сохранивший боеспособность 21-й кавалерийский полк НКВД подполковника И.Я. Поддубного. За село отошли также те, кто не смог вырваться из окружения во время попытки ночного прорыва.

К началу немецкого наступления на Подвысокое в нем не оказалось сил, способных организовать сопротивление. Поэтому штаб 49-го корпуса и его командир генерал С.Я. Огурцов не стали оборонять село. При приближении противника красноармейцы и командиры группами стали покидать Подвысокое и укрываться в лесу. Туда же, по возможности, были переведены госпиталя и эвакуированы раненые.

Первая немецкая атака на лес за с. Подвысокое состоялась около 17.00 после короткой артиллерийской подготовки. Как сообщал бывший начальник строевого отдела 49-го корпуса, в ее отражении приняли участие работники штаба и политотдела корпуса. После боя противник отступил, однако уже около 19.00 командир корпуса

генерал С.Я. Огурцов принял решение оставить позиции и отойти к селу Копенковатое.

Захватив Подвысокое, немцы приступили к прочесыванию домов и прилегающей местности. На опушке леса ими был захвачен раненым заместитель командира 44-й дивизии полковник Э.К. Дубровский. Погиб военком соединения полковой комиссар И.В. Тищенко. Относительно обстоятельств и места его гибели существуют две версии. Автором первой из них стал вышедший из окружения лейтенант Н.И. Лопатников. Он заявил, что военком 44-й дивизии покончил с собой, застрелившись. А вот, по воспоминаниям И.Д. Борисенко, полковой комиссар погиб во время боя в самом селе Подвысоком, когда немцы прорвались к зданию штаба. В перестрелке с ними полковой комиссар был убит[375].

В самом селе в руки немцев попали несколько госпиталей и медсанбатов 6-й и 12-й армий вместе со всеми находившимися там ранеными и медицинским персоналом[376]. Среди захваченных медицинских учреждений оказался, в частности, армейский госпиталь 6-й армии, в котором находились 2170 человек тяжелораненых бойцов и командиров, а также семь врачей и 15 фельдшеров, которые попали таким образом в плен. Среди раненых находился начальник политотдела 6-й армии бригадный комиссар К.В. Герасименко. Попали в плен в этот же день находившиеся в Подвысоком начальник медико-санитарного отдела 6-й армии военврач 1 ранга Б.У. Радзин и начальник армейского госпиталя Верник. Через сутки на крестьянских подводах армейский госпиталь был перевезен в Умань. К вечеру в районе с. Подвысокое сдались еще около 200–250 чел.[377]

К исходу дня 7 августа единственно боеспособным оставался отряд, возглавляемый генералом С.Я. Огурцовым. Во время спешного перехода от Подвысокого в лес у с. Копенковатое произошел распад управления 49-го корпуса на две группы. Одна, возглавляемая начальником оперативного отдела полковником С.П. Гусевым, подчинила себе остатки 507-го артполка и самостоятельно пошла на восток с намерением форсировать Синюху. Судьба ее осталась неизвестной[378]. Вторая, во главе с генералом С.Я. Огурцовым, к 3.00 8 августа достигла окраины с. Копенковатое. Новый штаб корпуса был оборудован в крайнем доме на южной окраине села, рядом с опушкой леса. Сюда же отошли остатки 60-й дивизии.

Последними очагами сопротивления во второй половине дня 7 августа оставались: лес около Копенковатое и лес, расположенный к северу от села Подвысокое. На полях, где только что шли бои,

противник проводил зачистку. После полудня солдаты 477-го пехотного полка вошли в лес, расположенный севернее с. Копенковатое. Они ожидали встретить сопротивление, но их встретила гнетущая тишина. Перед ними лежали заросли, «полные мертвых и раненых русских»[379]. Немцы немедленно приступили к осмотру местности и эвакуации раненых.

Весь день шла зачистка тылового района XXXXIX корпуса. В ней приняли участие солдаты 100-й, 101-й и 257-й дивизий. Одним из крупных очагов сопротивления оставалось с. Емиловка и лес вокруг него. Не исключено, что непосредственной обороной села руководил командир 141-й дивизии генерал Я.И. Тонконогов, оставшийся здесь после ухода отряда комдива А.Д. Соколова.

Немецкое командование предполагало, что в селе все еще находится штаб какого-то советского корпуса, который необходимо или уничтожить, или пленить. Для решения этой задачи немцы сформировали боевую группу, в которую вошли не задействованные в штурме Подвысокого части 54-го горного саперного батальона, усиленные одним 20-мм орудием 4-й роты 61-го зенитного полка и боевой группой 1-й горно-егерской дивизии. Сначала противник перехватил дорогу, ведущую из Емиловки на север, чтобы исключить любую возможность прорыва в обратном направлении. После короткого боя он разгромил колонну, двигавшуюся по ней в направлении Троянки, и взял в плен примерно 150 бойцов и командиров. Возможно, что среди них оказался тяжелораненый полковник В.П. Крымов. Командира 44-й танковой дивизии немцы отправили в лагерь в Голованевск, где тот скончался от ран через несколько дней.

Захваченное егерями 54-го егерского полка знамя 153-го полка Красной армии

Теперь боевая группа атаковала само с. Емиловка. В ходе ожесточенного боя ей удалось захватить часть села, однако вскоре пошел дождь, и зачистку пришлось прекратить. По этой причине мелкие группы красноармейцев смогли скрыться от преследования. Среди спасшихся оказался и генерал Я.И. Тонконогов, сумевший укрыться на хут. Жабок. Через сутки здесь его обнаружили немцы и взяли в плен[380]. Во второй половине дня 7 августа бой за с. Емиловка возобновился, и к вечеру противник доложил о достигнутом успехе и захвате почти 200 пленных, среди которых оказалось несколько комиссаров.

Во второй половине дня в соответствии с приказом штаба LII корпуса под Емиловку стали прибывать батальоны 54-го полка 100-й дивизии. Перед ними стояла задача по уничтожению советских войск, державших здесь оборону. Однако переброска 54-го полка оказалась совершенно бессмысленной, так как никаких советских войск в Емиловке уже не было. В домах, на улицах и в огородах немцы нашли несколько убитых красноармейцев и горных егерей, которых похоронили на следующее утро.

В течение дня соединения LII корпуса проводили зачистки вокруг Голованевска, Александровки, Мариамполя и ст. Емиловка. К утру 7 августа части немецкой 100-й дивизии заняли следующие позиции. Северо-западнее Голованевска выдвинулся 1-й батальон 54-го полка, в

то время как 3-й батальон разместился в самом городке. К северо-востоку от с. Александровка располагалась оборона 2-го батальона. Три батальона 227-го полка были выдвинуты командиром соединения генералом В. Занне в сторону с. Шепилово и Межиречка, так как, по имевшимся у него данным, в лесах вокруг этих населенных пунктом концентрировались значительные силы советских войск. На западной окраине с. Шепилово находился 3-й батальон 227-го полка, на восточной окраине Голованевска – 2-й, а у леса южнее с. Межиречка – 1-й.

Первые атаки со стороны окруженцев последовали в 3.15. Из леса южнее с. Межиречка выехала колонна грузовых автомашин с посаженной в кузова пехотой. Как только она приблизилась на дистанцию 200–300 м к позициям 1-го батальона, как немцы открыли сосредоточенный огонь из стрелкового оружия. Попав под обстрел, колонна развернулась и направилась в обход, в сторону с. Шепилово. Поднятый по тревоге 3-й батальон 54-го полка был немедленно направлен от Голованевска на юг, чтобы перекрыть брешь между с. Шепилово и Александровка.

Около 6.00 утра многочисленная колонна грузовых автомобилей показалась в виду солдат 3-го батальона 227-го полка и была отогнана огнем. Через некоторое время около 30 грузовиков предприняли попытку прорыва между правым флангом 3-го и левым флангом 2-го батальонов 227-го полка. Бой возобновился, и большая часть прорывавшихся была вынуждена вновь отступить, только 10 автомашинам удалось проскочить через полосу заградительного огня и укрыться в лесу западнее дороги Голованевск – Александровка. На зачистку лесного массива направился прибывший 3-й батальон 54-го полка.

Его атака началась в 8.00. Через час в наступление перешли батальоны 227-го полка. Уже в 12.45 командир 3-го батальона 54-го полка доложил о завершении операции. Почти без потерь его солдаты уничтожили прорвавшуюся в лес группу, взяв в плен 81 красноармейца и три исправных грузовика в качестве трофея[381]. Есть основания предполагать, что именно 3-й батальон 54-го полка 100-й дивизии разгромил штабную группу 80-й стрелковой дивизии.

После неудачи с прорывом 6 августа группа генерала В.И. Прохорова нашла себе убежище в Москалёвом лесу. Утром 7 августа противник начал артиллерийский и минометный обстрел, предваряя им начало своей атаки. Желая избежать потерь, командир 80-й дивизии вывел всех, кто остался под его командованием, на свекловичное поле

и попытался с ними пробиться на с. Межиречка. В этом бою, произошедшем в 3–4 км юго-восточнее села Краснополье, группа управления дивизии к 15.00 была уничтожена. На поле боя осталось до 80 убитых бойцов и командиров.

Как докладывал вышедший из окружения батальонный комиссар Д.С. Липецкий, во время артиллерийско-минометного обстрела военком 80-й дивизии был ранен в ногу и самостоятельно передвигаться уже не мог. Попытки вынести его с поля и укрыть в лесу также оказались безрезультатными. А когда в 15–20 м неожиданно показались немцы, полковой комиссар С.Ш. Прейс передал Д.С. Липецкому свои часы и партбилет, сказав, что будет отстреливаться, а последний патрон оставит для себя. Дальнейшая судьба военком 80-й дивизии достоверно неизвестна[382]. Возможно, он покончил с собой, как поступали многие политработники, не желавшие попасть в плен, а может быть, погиб в перестрелке. Во всяком случае, его не оказалось среди выживших, не видели комиссара и среди военнопленных.

В лесу после боя на свекловичном поле собрались батальонный комиссар Д.С. Липецкий, начальник штаба и начальник артиллерии 37-го корпуса полковники С.М. Рогачевский и С.А. Кабатчиков, а также начальник штаба 80-й дивизии полковник Г.С. Гмыря. Не исключено, что в этой группе находился и командир 80-й дивизии, но конкретных упоминаний об этом нет. Вскоре укрывшаяся в лесу группа вновь была обнаружена и обстреляна противником[383]. Уходя из-под огня, она перебралась в урочище Александровское, расположенное северо-западнее с. Маринополь.

Полковник Г.С. Гмыря во время прорыва или во время боя под Голованевском был ранен и отправлен в медсанбат своей дивизии. Здесь ему сделали операцию и извлекли из плеча осколок снаряда. Вечером медсанбат захватили немцы, и полковник оказался в плену вместе с остальными ранеными и медперсоналом[384].

Всего за 7 августа части 100-й дивизии взяли в плен 1400 человек, среди которых оказался раненый майор Н.М. Смеловский – командир 391-го гаубичного артполка 190-й дивизии, на поле боя обнаружили до 500 убитых бойцов и командиров. Собственные потери также оказались значительными: только 227-й полк заявил о 37 погибших, 30 раненых и семи пропавших без вести солдатах[385].

К утру 8 августа командование 101-й пехотной дивизии доложило о взятии в плен 546 красноармейцев, захваченных семи орудиях и одном танке. В ночь на 8 августа группа советских воинов

численностью до роты атаковала из леса у ст. Емиловка, прорвала немецкий заслон и стала уходить в южном направлении. Преследовать ее противник не стал, рассчитывая, видимо, что их уничтожат соседние части и подразделения.

Весь день продолжались бои у с. Маринополь. Блокированные в ур. Александровское бойцы 80-й и 141-й дивизий также предпринимали неоднократные попытки вырваться из окружения. Только немногим это удалось, остальные были убиты или попали в плен. Среди последних, по немецким сведениям, оказалась группа командиров штаба 80-й дивизии. К сожалению, документы противника не позволяют с уверенностью говорить, кто именно оказался в плену в этот день. Известно, что полковники С.М. Рогачевский и С.А. Кабатчиков смогли вырваться из кольца и пробились к своим. Начальник штаба 37-го корпуса в группе бойцов и командиров, обходя немецкие гарнизоны в с. Александровка, ст. Помошная и г. Чигирин, 3 сентября вышел к с. Галицина, где держали оборону конники 3-й кавдивизии[386].

Так погибла 80-я дивизия, одно из наиболее боеспособных соединений 6-й армии. Из ее командного состава, кроме упомянутых выше, посчастливилось выйти немногим, и среди них – командиру 144-го гаубичного полка майору А. С. Модзелевскому. В известных нам отчетных документах 17-й армии генерал В.И. Прохоров как военнопленный не числится. Выяснить место и обстоятельства пленения командира 80-й дивизии на настоящий момент еще не удалось. Всего за три дня части LII корпуса захватили до 2 тыс. пленных, убив в боях до 900 красноармейцев.

Небольшие группы бойцов и командиров все еще прятались по лесам, балкам и полям на всем пространстве от Новоархангельска до Кировограда, все еще не теряя надежды на выход из окружения. Многие из них в течение дня были обнаружены противником, уничтожены или пленены. Некоторые с боями пробивались к своей цели – линии фронта. Одна из них во второй половине дня 7 августа вышла к с. Сухой Ташлык, где располагались тылы 101-й легкопехотной дивизии.

В первой половине дня немцы проводили зачистки в полях, прилегающих к селу с востока и севера. В это время они заметили колонну военнопленных, двигавшуюся от с. Степановка в южном направлении. В ней насчитывалось от 2000 до 3000 человек. Поскольку положение в тыловой районе оставалось неопределенным, солдаты 101-й дивизии направили ее сначала в район командного пункта своего соединения в с. Сухой Ташлык, а уже оттуда – через с. Пушково на корпусный сборный пункт в Голованевске. В качестве сопровождающих были выделены несколько солдат 228-го полка, которым в качестве усиления придали одного офицера, одного унтер-офицера и девять солдат от 101-го батальона снабжения. Общее командование принял обер-лейтенант Метцерот.

В колонне военнопленных оказались два советских полковника, которых по приказанию Ib дивизии доставили к нему на допрос. Одним из них оказался начальник артиллерии 58-й дивизии И.М. Прокофьев, фамилия второго осталась неизвестной. По окончании допроса оба полковника, а также один задержанный в штатском красноармеец были направлены в с. Пушково на грузовике. Сопровождали пленных фельдфебель, унтер-офицер и водитель (в кабине) и один охранник в кузове.

Когда машина удалилась на полтора километра от Сухого Ташлыка, она неожиданно попала под обстрел. От разбросанных по полю стогов по ней из нескольких винтовок и пулемета вела огонь довольно многочисленная группа красноармейцев. Обстрел оказался настолько плотным, что дальнейшее передвижение показалось немцам невозможным, и они попытались развернуться. В этот момент унтер-офицер был тяжело ранен, мотор заглох, и тут немцы заметили, что в их сторону двигаются не менее 35 красноармейцев. Запаниковав, немецкий фельдфебель расстрелял обоих полковников и красноармейца, находившихся в кузове, и бросился наутёк. Однако далеко он не убежал: через несколько мгновений его скосила меткая

пулеметная очередь. Только водителю и охраннику удалось спастись бегством. Добравшись до Сухого Ташлыка, они подняли тревогу.

Направленная на поиск красноармейцев команда никого не обнаружила, видимо, им удалось незаметно скрыться от преследования. На всякий случай немцы обстреляли прилегающие к дороге поля из двух 88-мм зенитных орудий. Вечером грузовик на буксире доставили назад в Сухой Ташлык[387]. Так погиб полковник И.М. Прокофьев.

Продолжались бои и в районе Зеленой брамы. По-прежнему сохранялись очаги сопротивления в лесу восточнее с. Копенковатое, и пока все попытки противника выбить оттуда красноармейцев заканчивались неудачей. Сдаваться здесь никто не собирался.

Ночь на 8 августа, впервые с начала сражения под Уманью, прошла для немцев сравнительно тихо. В течение первой половины дня немецкий 477-й полк возобновил зачистку лесного массива, были обнаружены и взяты в плен новые бойцы и командиры Красной армии. К вечеру уже можно было доложить, что в этом лесу советских войск более нет.

Показания пленных свидетельствовали, что моральный дух укрывшихся в урочище Зеленая брама резко упал. Этим обстоятельством решил воспользоваться командир 24-й дивизии генерал Г. фон Теттау. Он не видел смысла штурмовать лес и тем самым жертвовать жизнями своих солдат. Поэтому по его приказу была сформирована команда парламентеров из шести советских военнопленных. В нее вошли два командира, один связист и трое красноармейцев. Им выдали телефонный аппарат с 10 катушками полевого кабеля по 500 м каждая. С ними в 12.35 вышли хауптман Шилльбах, оберлейтенант Демель и лейтенант Штайн в качестве посредников. Команда должна уговорить сдаться как можно больше советских бойцов и командиров. В случае любых непредвиденных ситуаций или потери связи все должны немедленно вернуться обратно.

Но как только команда попыталась углубиться в лес, она была обстреляна укрывавшимися там бойцами. Два переговорщика были ранены, но от поставленной задачи не отказались. Начались длительные по времени призывы к окруженным сдаваться в плен, и они возымели относительный успех: вскоре командование стало получать сообщения о небольших группах красноармейцев, которые начали входить из леса с поднятыми руками. Первой появилась группа из 12 человек, потом из 40, за ней показались еще 18 и еще 60. Большинство сдающихся были пленены в полосе 31-го пехотного

полка, 35 человек – у 32-го. Часть вышла на участке соседней 125-й пехотной дивизии.

Во второй половине дня разразилась гроза, и связь с парламентерами прервалась. В это время части 125-й дивизии предприняли атаку на лес Зеленая брама. Отправленные 24-й дивизией парламентеры оказались меж двух огней, с одной стороны, их стали обстреливать оборонявшиеся в лесу красноармейцы, с другой, на них могли выйти солдаты 125-й дивизии. В спешном порядке хауптман Шилльбах отправил сообщение соседям, что в лесу находится группа парламентеров, опознавательными признаками которой являются немецкие телефонные аппараты.

Направленная в лес команда парламентеров вернулась к вечеру. Двое из нее вышли на участке 32-го пехотного полка, остальные – в полосе 31-го полка. В целом, действия команды были признаны удачными, благодаря ей в плен сдались за день не менее 800 человек[388].

Вечером прибыл автомобиль с громкоговорителем, имевшим радиус слышимости до 6 км. Призывы к сдаче продолжались до наступления темноты. Около 23.00 в плен сдалась группа бойцов и командиров, среди которых оказался полковник А. С. Слижевич – командир 862-го полка.

С уничтожением командования 12-й армии и захватом села Подвысокое организованное сопротивление остатков войск 6-й и 12-й армий было окончательно сломлено, и окружение, в основном, ликвидировано. Разрозненные группы красноармейцев продолжали сопротивление, и попытки просочиться сквозь немецкие боевые порядки вплоть до 13–15 августа.

Глава 5. Завершение Уманского сражения

Последним очагом организованного сопротивления можно считать действия группы войск, которую возглавил штаб 49-го корпуса. В нее вошли пограничники 97-го пограничного отряда, 21-й кавполк НКВД и несколько разрозненных отрядов красноармейцев и командиров, которые не смогли самостоятельно выйти из окружения.

В опубликованных воспоминаниях – батальонного комиссара Е.А. Долматовского и пограничника майора Г.А. Перекальского, рассказывается о действиях бойцов и командиров группы С.Я. Огурцова. Майор Г.А. Перекальский не успел принять участия в прорыве, он днем 6 августа вел бой в селе Копенковатое, а вечером ушел в лес с группой в 60 пограничников. Тут отряд майора Г.А. Перекальского попал под артиллерийско-минометный обстрел и был рассеян. Осколком убило старшего батальонного комиссара Д.Г. Митузова, погибло несколько бойцов[389]. В сгустившихся сумерках пограничники встретили остатки 10-й дивизии НКВД во главе с полковником И.С. Магилянцевым, с которыми договорились действовать совместно. Но поздним вечером 10-я дивизия НКВД ушла на прорыв самостоятельно, никого не предупредив. В итоге майор Г.А. Перекальский принял решение разбиться на две группы – одной надлежало пробиваться на запад, другой – на юг[390].

Боевая техника и вооружение, предположительно принадлежавшая 11-й танковой дивизии 2-го механизированного корпуса, брошенные в селе в районе Умани. На переднем плане – бронеавтомобиль БА-10М, 85-мм зенитные пушки образца 1939 года (52-К), грузовые автомобили ЗиС-5 и ГАЗ-АА. На заднем плане возле хат – автомобильная техника Вермахта

Утром 7 августа немногочисленная группа, возглавляемая майором Г.А. Перекальским, наткнулась на расположение штаба 49-го корпуса. Так произошла его встреча с отрядом генерала С.Я. Огурцова. В составе отряда были командир 21-го кавполка подполковник И.Я. Поддубный, военком полка батальонный комиссар Братчиков, некий полковой комиссар, начальник Особого отдела корпуса. Также здесь находился бывший командир 49-го корпуса генерал И.А. Корнилов, но он «был серьезно ранен»[391].

Первоначальным намерением командования отряда был прорыв из окружения через село Копенковатое. Этот факт подтверждает и Е.А. Долматовский. Он утверждал также, что генерал С.Я. Огурцов намеревался организовать на базе 21-го кавполка НКВД «партизанскую армию», но когда понял бесперспективность этого, решил прорываться к Одессе или на север в Белоруссию[392]. Если действительно у командования корпуса существовало намерение партизанить в Зеленой браме, то следует признать его совершенно

фантастичным, учитывая незначительные размеры лесного массива. Зеленая брама имеет в длину 11 км и в ширину 3,5 км, поэтому укрыться там каким-либо крупным силам невозможно, а обнаружить и уничтожить партизан не составило бы особого труда.

Для воплощения своей идеи генерал С.Я. Огурцов повел свой отряд к с. Копенковатое, куда прибыли к утру 8 августа. Как вспоминал Г.А. Перекальский, здесь стихийно возник митинг. Первым слово предоставили С.Я. Огурцову. Собравшиеся на поляне бойцы, командиры и политработники, видимо, рассчитывали, что генерал четко поставит цели и определит задачи, но тот неожиданно для всех «предоставил решение вопроса всем нам». Это вызвало недоумение у собравшихся, и тогда слово взял полковой. В качестве единственной цели он предложил прорыв, и с ним согласились[393].

Вышесказанное наглядно показывает, что никакого определенного плана действий у командования отряда не было. Более того, видимо, и реального руководства оно не осуществляло или не хотело на себя брать. Когда в лесу под Копенковатым было принято решение идти на прорыв, красноармейцы сами разделились на группы и избрали себе командиров[394].

Кавалерийский эскадрон 60-й дивизии попытался найти брешь в обороне противника, не безуспешно. Когда об этом было доложено командиру корпуса, тот заявил: «Наши дела очень плохи, можно сказать критические, и надо организовывать мелкие группы бойцов и командиров и выходить из окружения только мелкими группами, а я вот с начальником штаба думаем организовать партизанский отряд и еще повоевать с немцами…»[395]

Капитан В.П. Пальчиков и начальник политотдела корпуса Левинсон отнеслись к этой затее скептически: «надо людей организовывать на прорыв, а не в прятки играть»[396]. Как видим, в штабе 49-го корпуса существовали серьезные споры относительно планов на будущее. Ряд командиров и политработников открыто выражали свое несогласие с распоряжениями комкора. Не исключено, что уход группы полковника С.П. Гусева также был спровоцирован его разногласиями с генералом С.Я. Огурцовым.

Независимо от воли командира 49-го корпуса его отряд вступил с немцами в бой. Пограничники, числом не более в 100 человек, к вечеру сумели очистить от немцев южную окраину села Копенковатое. Отсюда можно было начинать выход из окружения. Но вплоть до утра следующего дня генерал С. Я. Огурцов на это так и не решился. С рассветом 9 августа он повел свой отряд на север. Е.А. Долматовский

полагал, что договорились пробиваться на север в Белоруссию, на соединение с партизанами[397]. Как считал Г.А. Перекальский, С.Я. Огурцов, по совету генерала И.А. Корнилова, решил сделать налет на Подвысокое и отбить плененного командующего 12-й армией генерала П.Г.

Понедедина[398]. На решение повлияли «неправильные, хотя и продиктованные… благими намерениями, действия генерала К[399]». И именно это обстоятельство, по мнению Г.А. Перекальского, привело к разгрому группы и пленению ее командования.

В этот день отряд наткнулся на немцев и после короткой стычки отошел в глубь леса. Бесцельное шатание по лесу, видимо, деморализовало часть красноармейцев и командиров. Они стали собираться в группы и, отколовшись от основного отряда, самостоятельно уходили на прорыв. Ушел из отряда и генерал И.А. Корнилов.

Потеряла связь с отрядом С.Я. Огурцова и группа майора Г.А. Перекальского. В результате с генералом осталось только несколько командиров и бойцов и среди них полковой комиссар, подполковник И.Я. Поддубный, батальонный комиссар Е.А. Долматовский, а также начальник Особого отдела. 9 августа они на опушке леса наткнулись на немцев из 125-й дивизии и были взяты в плен[400]. По немецким сведениям, командир 49-го корпуса попал в руки солдат 421-го полка, которые, видимо, проводили очередное прочесывание. Вместе с ним были пленены его адъютант, интендант, два командира полка и санитарка[401]. Можно предположить, что этим интендантом был полковник П.Д. Головко, занимавший в 49-м корпусе должность начальника вещевого снабжения, а одним из командиров полков – подполковник И.Я. Поддубный.

Так, не совершив ничего примечательного, перестал существовать отряд генерала С.Я. Огурцова. Он не был разбит противником, он распался сам. Образовавшиеся из него группы и группки бойцов и командиров были без труда выловлены и пленены немцами.

Но некоторые отряды действовали более решительно.

После встречи с группой майора Г.А. Перекальского полковник И.С. Магилянцев повел свой отряд по лесу в юго-западном направлении. К этому времени в его состав входили остатки 66-го и 77-го полков 10-й дивизии НКВД и отдельные группы бойцов 60-й горно-стрелковой дивизии. С ними полковник решил прорываться в направлении Первомайска, куда ранее ушли основные силы 6-й армии. В качестве прикрытия была выделена группа из 77-го полка под

командованием старшего политрука И.П. Репко.

В ночь с 7 на 8 августа отряд И.С. Магилянцева беспрепятственно прошел между селами Копенковатое и Борщевая. Через Ятрань переправились напротив Перегоновки, надеясь пустырями пройти незамеченными. Но этот план оказался нереализованным. Как только отряд вышел на околицу Перегоновки, он попал под обстрел и был вынужден принять бой, который длился около двух часов. Отряду И.С. Магилянцева удалось прорваться, но в бою выбыла из строя почти половина его бойцов. После войны, в 60-е годы, с места боя были перезахоронены 225 тел погибших бойцов и командиров[402].

Укрываясь перелеском, остатки отряда пошли далее на юг. На южной окраине села Семидубы вновь вступили в перестрелку с небольшой тыловой частью немцев. После короткого боя полковник И.С. Магилянцев приказал отходить к лесу, который местные жители именовали Чубовка. Здесь 9 августа 1941 года отряд бойцов 10-й дивизии НКВД вступил в свой последний бой. В ходе боя отряд был уничтожен, большая его часть погибла, часть попала в плен. Полковник И.С. Магилянцев был ранен в ноги пулеметной очередью. Его перенесли в село Вербово, где оставили в одной из хат. После выздоровления полковник ушел в село Полонистое, где работал кузнецом. Осенью 1941 года он перешел линию фронта у города Краматорск[403].

Кроме Зеленой брамы, под сенью которой после неудавшегося прорыва укрылись остатки двух разгромленных армий, отдельные группы сражались в лесах и рощах южнее Копенковатого и восточнее Голованевска. 8 августа около двух рот попытались прорваться из леса в районе села Троянка на юго-восток. Попытка оказалась неудачной, порывавшиеся были или убиты, или взяты в плен. Продолжалось сопротивление около села Александровка и возле Маринополя, в лесах северо-восточнее Голованевска и у станции Емиловка. Все они, лишенные какой бы то ни было поддержки, вскоре были немцами подавлены.

Солдаты Вермахта проходят мимо советского легкого танка БТ-7 из состава 14-го танкового полка 15 моторизованной дивизии 2-го механизированного корпуса, подбитого на пересечении дорог Нерубайка – Каменечье с трассой Умань – Кировоград. Танк стоит направлением на Новоархангельск (слева – село Каменечье, справа – село Нерубайка). БТ был приспособлен немецкой топографической службой под дорожный указатель

Вечером 8 августа от командования XXXXIX корпуса поступило сообщение, что «в полутора километрах южнее с. Копенковатое взят в плен начальник артиллерии 6-й армии генерал-майор Федоров»[404]. Эти сведения вызывают ряд вопросов. В советских источниках, в том числе воспоминаниях участников боев, однозначно говорится, что генерал Г.И. Федоров был убит при обстреле еще 5 августа. Но приведенные в немецком рапорте личные и служебные данные достаточно точные, чтобы просто от них отмахнуться, как от ошибочных. Можно сделать предположение, что при немецком обстреле 5 августа генерал Г.И. Федоров был тяжело ранен, и очевидцы даже сочли его мертвым. В дальнейшем он был направлен в госпиталь или медсанбат, и во время прорыва в ночь на 7 августа была предпринята попытка эвакуировать его из окружения. Но она оказалась неудачной, и генерала оставили где-то в поле или в какой-либо роще, где его и обнаружили 8 августа. Видимо, состояние его было плохим, и он вскоре скончался, поэтому в плену генерала Г.И. Федорова никто не видел.

После падения с. Подвысокое и разгрома штаба 12-й армии организованное сопротивление с советской стороны прекратилось. Но

в лесных массивах еще оставалось большое количество командиров и красноармейцев из разных частей разгромленных 6-й и 12-й армий. Многие из них еще не потеряли надежды вырваться из окружения, иные продолжали сопротивление из желания продать свою жизнь подороже.

Одним из крупных очагов сопротивления оставался лес к северо-востоку от села Копенковатое. В течение ночи на 8 августа немцам неоднократно приходилось вступать в перестрелки с мелкими группами бойцов и командиров, которые старались найти бреши в немецкой обороне. Еще 7 августа между 2-м и 3-м батальонами 204-го полка 97-й дивизии образовался разрыв. Его планировали закрыть разведывательным батальоном, но он к утру еще оставался в подчинении 4-й горно-егерской дивизии. Этим воспользовались укрывавшиеся в лесу красноармейцы и, несмотря на обстрел, некоторым из них удалось прорваться.

С утра 8 августа командование XXXXIX корпуса решило провести зачистку леса к северу от Копенковатого. Для операции привлекли силы 13-го горно-егерского и 477-го пехотного полков в качестве ударных отрядов, в то время как 204-й полк должен был занимать оборону по северной опушке. Начало назначили на 10.00. Начало дня выдалось жарким, во второй половине дня поднялся сильный пронизывающий ветер и стало прохладно.

Двумя батальонами с юго-запада атаковал 13-й горно-егерский полк, одновременно с юга силами от восьми до 10 боевых групп действовал 477-й полк. Вскоре в лесу стали разгораться перестрелки. Под давлением противника бойцы стали отходить на север, как в полосу обороны батальонов 204-го полка. Здесь их также встречали огнем, вынуждая сдаваться в плен. Около полудня таким образом был захвачен командир 139-й дивизии полковник Н.Л. Логинов.

После полудня возобновились мелкие стычки в районе с. Подвысокое. Солдат 207-го пехотного полка тут же в 16.00 бросили на прочесывание леса к западу от села. Уже через полчаса зачистки они захватили до 200 пленных. Части 207-го полка вечером зачистили лес южнее Подвысокое. За день его солдаты захватили в качестве трофеев 13 брошенных без горючего и боеприпасов танков, одну бронемашину, 657 автомобилей, 61 орудие, 65 пулеметов и 900 лошадей.

Вечером в село Подвысокое прибыла группа немецких врачей под руководством доктора Бухка для осмотра и оказания медицинской помощи 400 обнаруженным в селе раненым. Боевые действия шли в течение всего дня и завершились к вечеру. К исходу дня немцам

казалось, что сопротивление в этом районе сломлено окончательно, однако на всякий случай 97-я дивизия оставалась по линии Островец – Подвысокое для отражения возможных попыток прорыва[405].

Несмотря на прочесывания, проведенные немцами 8 августа, в Зеленой Браме все еще оставались группы советских бойцов и командиров разной численности. В частности, отошла в лес после неудачного прорыва группа под командованием комиссара С. Шпичака, капитана М.С. Козлова и лейтенанта С.Г. Тончилова. К рассвету 7 августа им удалось собрать до тридцати человек из разных дивизий. Переждав день, в ночь на 8 августа вновь попытались вырваться, сначала на Копенковатое, а после неудачи – на Небелевку. Но и там группа наткнулась на немецкий заслон, преодолеть который она была не в состоянии. Наступил день 8 августа. Немцы возобновили попытки прочесать лес и уничтожить его защитников. Группе С. Шпичака приходилось неоднократно вступать в перестрелки, в которых она несла большие потери.

Поняв, что огневой бой неизбежно приведет к уничтожению группы, С. Шпичак избрал иную тактику. Как только к группе приближалась немецкая цепь, бойцы и командиры поднимались из укрытий и скрытно двигались впереди нее. Так продолжалось, пока не показывалась другая цепь, идущая навстречу. Тогда красноармейцы бросались в траву или прятались в кустарник, и как только одна из цепей приближалась, забрасывали один ее фланг гранатами и прорывались. Разумеется, при таком образе действий потери тоже были, но существенно меньшие.

Оторвавшись таким способом от немцев, группа вновь уходила в глубь леса, включая в себя там новых одиночных бойцов. Как правило, она насчитывала 30–40 человек, иногда доходя до шестидесяти. В ходе таких маневров к ней присоединился командир батареи 58-й дивизии орденоносец старший лейтенант Мальцев, военком полка 58-й дивизии старший политрук Вишневский и помощник начальника связи 6-й армии майор И.А. Зимин.

В ночь на 9 августа через боевые порядки немецких войск возобновились попытки прорыва. В большинстве случаев они осуществлялись уже мелкими группами в 3–5 человек, которые, видимо, надеялись «просочиться» незамеченными. Довольно крупная группа в утренних сумерках вышла к огневым позициям 1-й батареи 3-го дивизиона 81-го артполка. Немцы вовремя ее заметили и открыли огонь прямой наводкой. Около 30 красноармейцев были убиты, среди них командовавшие прорывом майор и капитан. Артиллеристы потерь

не имели.

Немцам пришлось проводить дополнительную зачистку, в которой приняли участие 13-й полк, саперы 94-го батальона и артиллеристы 851-го дивизиона и некоторые части 97-й дивизии. В итоге 13 августа солдатами 97-й егерями в плен были взяты 382 красноармейца, еще 650 защитников Зеленой брамы захватили егеря 1-й дивизии, и ее командование смогло наконец доложить, что «русских» здесь уже не осталось[406]. Кто командовал ими все эти дни, и командовал ли ими вообще кто-нибудь, осталось неизвестным.

Но немцы опять ошиблись. Как оказалось, в Зеленой браме еще вставились готовые сражаться до последнего бойцы Красной армии. В ночь на 10 августа некоторые из них возобновили попытки выбраться из окружения. Через боевые порядки 204-го полка в течение ночи неоднократно группы по 10–15 человек старались вырваться из леса у с. Копенковатое в северном направлении. Пришлось вновь проводить зачистку леса. При осмотре опушки солдаты 207-го немецкого полка обнаружили «особенно красиво исполненное» Боевое знамя 261-го артиллерийского полка 197-й дивизии. К вечеру в плен захватили еще 313 красноармейцев.

В течение 10–11 августа солдаты 97-й дивизии подсчитывали количество погибших во время боевых действий. Получилась следующая картина: 204-й полк доложил, что его солдаты уничтожили ок. 3000 русских, 207-й – ок. 1000, а 81-й артполк – 133. Всего, таким образом, насчитали 4133 бойца и командира, погибших в боях с частями 97-й дивизии[407].

Группе комиссара С. Шпичака повезло. По словам ее командира, ей удалось вырваться из Брамы в ночь с 13 на 14 августа, следуя вдоль западной опушки леса по Небелевской дороге сначала на Нерубайку, а оттуда – на Оксанино. При прорыве понесли большие потери от огня немцев и на колючей проволоке, но пробились 27 человек. 26 августа достигли Ирдынских лесов под Черкассами. В ночь с 11 на 12 сентября попытались переплыть Днепр, но неудачно. Во время переправы куда-то подевался майор И.А. Зимин. В стычках с облавами в лесу потеряли из виду Мальцева и Вишневского. Пробиться через линию фронта так и не удалось, и поэтому остались на Правобережье, вступив на Черниговщине в партизанский отряд «За Родину»[408].

Последним плененным в Зеленой браме генералом стал генерал И.А. Корнилов, его взяли 10 августа. Покинув ранее группу *С.Я.* Огурцова, утром 10 августа он вышел к селу Небелевка, где наткнулся на немецких саперов и вступил с ними в перестрелку. В бою генерал

был ранен в щиколотку и оказался в плену[409].

В результате ошибок, совершенных командованием Южного фронта, 6-я и 12-я армии разгромить противника восточнее реки Синюха и вырваться из окружения не смогли. Цель командования фронта по восстановлению с их помощью связи с Юго-Западным фронтом осталась нереализованной. Напротив, немецкие войска, в основном, выполнили поставленную задачу, окружили и разгромили эти армии западнее Днепра. Но благодаря сопротивлению 6-й и 12-й армий значительная часть подвижных сил группы Э. фон Клей ста оказалась скованной, вследствие чего завершить окружение остальных сил Южного фронта, как прежде планировалось, противник уже не успел. Советские войска получили возможность отступить за Днепр, хотя между Южным и Юго-Западным фронтами сохранился разрыв более 150 км.

В ходе сражения Южный фронт потерял две армии (6-ю и 12-ю), были разгромлены 6 корпусов и 17 дивизий. В плен попали два командарма, четыре командира корпусов, одиннадцать командиров дивизий, погибли два командира корпусов и шесть командиров дивизий.

Заключение

Уже в начале августа 1941 года Генштаб, Ставка Верховного Главнокомандования и Командование Юго-Западного направления попытались расследовать причины поражения и определить виновных (хотя И.В. Сталин еще до окончания разбирательства возложил ответственность лично на командующего Южным фронтом И.В. Тюленева[410]). Были сделаны запросы командующему Южным фронтом от имени Главнокомандующего Юго-Западным направлением (7 августа) и Генштаба и Ставки (9 августа). Но И.В. Тюленев внятно объяснить ситуацию с окруженными войсками и их судьбу не смог. В последнем случае, говоривший от имени Ставки и лично товарища Сталина Г. М. Маленков, поняв, что командование Южного фронта не владеет информацией о действиях двух своих армий, отдал распоряжение разобраться и доложить к 14 часам 10 августа[411].

Очевидно, что Г.М. Маленков был прав, когда утверждал, что командование Южным фронтом вплоть до 8 августа не знало, что происходит с окруженными армиями, хуже того, оно не обработало даже те данные, которые уже поступили в его штаб.

Доклад И.В. Тюленева Главкому Юго-Западного направления содержал также оценку мероприятий командования фронта по обеспечению вывода окруженных войск. Командующий Южным фронтом утверждал, что были предприняты все необходимые меры, выход армий с 20 по 30 июля был обеспечен действиями 2-го механизированного корпуса и погранотрядов. Необходимая помощь была оказана со стороны 18-й армии и 223-й дивизии, вся авиация фронта работала на группу Понеделина. Главная причина, по мнению И.В. Тюленева, заключалась в неоправданной «медлительности выхода» со стороны П.Г. Понеделина, более того, командующий группой якобы проигнорировал указания командования фронтом о предпочтительности выхода в южном направлении и не проявлял инициативы («насчет движения Понеделина на юг – Понеделин в инициативе не связывался, а, наоборот, ему твердили постоянно об этом»).

Пленные красноармейцы ожидают отправки в лагеря Польши и Германии в глиняном карьере кирпичного завода известном как «Уманская яма». Данные о точном количестве прошедших через этот лагерь бойцов и командиров Красной армии и учете умерших отсутствуют

Еще одной причиной неудачи являлся запрет (видимо, со стороны командования Юго-Западного направления) на перегруппировку сил 18-й армии, что не позволило создать более выгодную группировку. В заключение делался вывод, что «отношение к Понеделину со стороны Военного совета фронта было и есть самое серьезное»[412]. Таким образом, И.В. Тюленев сделал все, чтобы снять ответственность за поражение двух армий с командования фронта, с себя лично и переложить ее на командование 6-й и 12-й армий, в первую очередь – на П.Г. Понеделина и, частично, на командование Юго-Западного направления.

Пленный полковник Красной армии, захваченный солдатами 125-й пехотной дивизии

Командующий 6-й армией генерал-лейтенант И.Н. Музыченко (1901–1970) в плену

В своем докладе И.В. Тюленев, мягко говоря, был не совсем искренен. В пунктах 5 и 6 указывалось, что «авиация фронта все

внимание концентрирует на помощь Понеделину», тогда как она имела задачи по оказанию содействия также и 9-й и 18-й армиям Южного фронта. Непосредственная поддержка пехоты, борьба с авиацией противника над полем боя не велась. Утверждение в пункте 6 о том, что командование Южного фронта постоянно твердило Понеделину о необходимости прорываться на юг, вообще не соответствует действительности. Ведь именно И.В. Тюленев своей волей отменил приказ Главкома Юго-Западного направления от 3 августа о прорыве на юг, распорядившись выходить из окружения в восточном направлении. И, если вспомнить о том, что в штабе И.В. Тюленева приказ И.Н. Музыченко от 4 августа обнаружили только 9 августа в нераспечатанном виде, то слова о «самом серьезном» отношении Военного совета фронта к группе Понеделина выглядят как неумелая попытка самооправдания.

Командующий 12-й армией генерал-майор П.Г. Понеделин (1893–1950) и командир 13-го стрелкового корпуса 12-й армии генерал-майор Н.К. Кириллов (1897–1950). Немцы широко использовали факт сдачи в плен столь высокопоставленных офицеров Красной армии, в том числе и эту фотографию, в пропагандистских целях

Тем не менее своим докладом И.В. Тюленев сумел снять с себя ответственность. Во всяком случае, никакого наказания он не понес и в вину ему гибель двух армий никогда не ставили.

Но доклад наряду с другими обстоятельствами сыграл свою

пагубную роль в судьбе самого генерала П.Г. Понеделина. Уже 16 августа 1941 года Ставка издала приказ № 270, в котором командарм-12 был фактически объявлен предателем, командиром, добровольно сдавшимся в плен и бросившим свои войска на произвол судьбы. 25 августа 1950 года по приговору Военной коллегии Верховного суда за потерю управления войсками и сдачу в плен П.Г. Понеделин был приговорен к высшей мере наказания.

Наиболее ярко масштаб поражения характеризуют потери, понесенные в сражении. Как известно, исходными данными, зафиксировавшими количество попавших в плен советских военнослужащих, стала немецкая статистика. Первые цифры были названы уже спустя несколько дней после окончания битвы в приказах XXXXIX корпуса и 17-й армии, непосредственно принимавших участие в сражении. Трофеи XXXXIX корпуса составили: 513 орудий всех калибров, 85 противотанковых и 60 зенитных орудий, 36 минометов, 663 пулемета, подбито 54 танка и 58 бронемашин. Еще 186 танков и 603 орудия были записаны на счет частей 1-й танковой группы.

Всего к 8 августа взяты в плен:

– частями 17-й армии – 52 800 человек;

– частями 1-й танковой группы – 45 507 человек[413]. Всего, таким образом, в плену оказались: 98 307 бойцов и командиров.

В итоговом документе об итогах Уманского сражения, подготовленном штабом XXXXIX корпуса, количество взятых пленных определено так: 381 командир и 62 230 красноармейцев, 2 300 раненых, всего – 64 911 чел. Если суммировать их с количеством пленных, взятых 1-й танковой группой, получится 110 418 чел., что больше обычно указываемой цифры в 103 тыс. чел. На поле боя обнаружено 18 500 тел погибших красноармейцев и командиров[414]. Следовательно, на основании данных противника в окружении оказалось не менее 128 900 командиров и красноармейцев.

В советской историографии немецкие данные встретили ожесточенную критику. Один из непосредственных участников событий, бывший начальник разведывательного отделения штаба 6-й армии полковник В.А. Новобранец, в своих воспоминаниях, заочно полемизируя с немцами, привел иную численность группировки советских войск. В своем рассказе об Уманском сражении он назвал цифру окруженных в 45–50 тыс. человек[415], из чего следовало, что приведенные немцами данные являются существенно завышенными. С ним солидарен другой очевидец этих трагических событий – Е.А.

Долматовский. В своем документальном повествовании «Зеленая брама» он написал так: «Как участник тех событий, хочу сказать, что в названном районе и всего-то вряд ли было 103 тысячи советских военнослужащих»[416]. Поэт, а в 1941 г. – батальонный комиссар, – Е.А. Долматовский допускал, что в окружении могло оказаться до 100 тыс. советских бойцов, но считал, что в плен попали не более половины из них. Немцы же удвоили количество пленных, «а поскольку известно, что круглым цифрам меньше доверяют… приписали еще три тысячи»[417]. Как видим, непосредственные участники событий с советской стороны, не имея под руками точных данных, называли существенно меньшее количество окруженных и плененных войск, чем немцы. И В.А. Новобранец, и Е.А. Долматовский полагали, что в плен попало ок. 50 тыс. бойцов и командиров, тем самым невольно преуменьшая размеры катастрофы, постигшей 6-ю и 12-ю армии.

Как видим, расхождение в цифрах получается весьма существенное, что требует дополнительного обоснования и объяснения. Для анализа событий конца июля – начала августа 1941 г. требуется определить, кто в действительности прав и какое количество советских военнослужащих приняло участие в Уманском сражении, погибло в боях или попало в плен.

Одними из первых попытку переосмыслить имевшиеся данные предприняли И.А. Дугас и Ф.Я. Черон. Опираясь на приведенное в немецких документах количество военнопленных, захваченных под Уманью, они попытались рассчитать количество раненых и погибших и тем самым определить общее количество советских войск, оказавшихся в окружении. В итоге у них получилась почти фантастическая цифра – 228 000 человек[418].

Авторы четырехтомного издания «Великая Отечественная война» приводят иные данные по этому вопросу. По их сведениям, с начала войны 6-я и 12-я армии потеряли 46 844 человек, из которых 27 667 пропавшими без вести. Тем не менее к 20 июля объединения насчитывали в своих рядах ок. 129 500 человек, более 1000 орудий и 384 танка[419]. Количество бойцов в 6-й и 12-й армиях, равное 129,5 тыс. человек, подтверждается статистическим исследованием, проведенным под общим руководством генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева. Поэтому вышеназванную цифру можно считать вполне достоверной, более того, официально признанной Министерством обороны России[420].

В фонде 12-й армии сохранились сведения о количестве потерь

этого объединения с 22 июня по 27 июля. Они составили 37 124 человека, из которых 23 251 пропавшими без вести, 2956 погибшими и 4988 ранеными[421]. Приведенные данные вполне однозначно свидетельствуют, что обе армии понесли большие потери, но мало что говорят о том, сколько войск оказалось в окружении.

Некоторое представление о численном составе 6-й и 12-й армий к началу Уманского сражения можно составить из донесений Военного совета и штаба Южного фронта от 27 июля и 7 августа и боевого донесения штаба 6-й армии от 26 июля 1941 г. К сожалению, точные сведения о количестве личного состава в этих документах отсутствуют, поскольку ряд расчетов произведен в процентах по отношению к штатам. По ряду частей и соединений данные не приведены вовсе.

Картина по 6-й армии выглядит следующим образом. В трех дивизиях 37-го корпуса насчитывалось 7 тыс. человек, в 49-м – 25 % личного состава, в 16-м мехкорпусе – не более двух батальонов пехоты. Кроме них: в 10-й дивизии НКВД – 1 тыс., в группе полковника П.С. Фотченкова – 1200 чел., в 211-й бригаде – 250 чел., в 189-й дивизии – 75 % от штата, а в 173-й – два батальона. В сумме это давало около 36 000 человек. В корпусах 12-й армии на 20 июля оставалось: в 24-м механизированном и 13-м стрелковом – ок. 30 %, в 8-м – 40 % от штата, что при соответствующем перерасчете составляло около 33 000 чел.[422] Таким образом, общая численность обеих армий, отраженная в донесениях, находилась в пределах 69 000 человек, что примерно соответствует данным В.А. Новобранца и Е.А. Долматовского.

Однако вышеприведенные данные по армиям за 27 июля находятся в разительном противоречии с «Донесением штаба Южного фронта от 7.8.41…», согласно которому в стрелковых частях 6-й армии на 1 августа насчитывалось всего 10 793 чел., вооруженных 7 235 винтовками и 209 станковыми пулеметами. По 12-й армии точные цифры вновь не приводятся, указано только, что некомплект личного состава в ней составлял 70 %[423]. Выходит, что в 6-й и 12-й армиях к 1 августа осталось что-то около 35–40 тыс. бойцов и командиров.

Здесь следует подчеркнуть, что «Донесение…» было составлено задним числом, а именно 7 августа 1941 года. При этом в нем отмечено, что это «только что полученные данные»[424]. Но известно, что к 7 августа устойчивой связи с окруженной группировкой не существовало, так как она была утрачена еще 5 августа, и никакие новые данные о ее численном составе в штаб Южного фронта

поступить не могли. Очевидно, что сведения, представленные штабами 6-й и 12-й армий, не являются тем источником, на основании которого было составлено названное «Донесение…». Следовательно, данные взяты из какого-то иного документа, происхождение и содержание которого пока остается неизвестным, и определить степень его достоверности не представляется возможным.

Как мы видим, все вышеприведенные данные противоречат одно другому и не соотносятся с информацией Юго-Западного фронта по 6-й и 12-й армиям по состоянию на 20 июля (около 130 тыс.). При этом разница составляет от 35 до 100 тыс. человек. Понести такие потери за две недели боев, даже с учетом их интенсивности, вряд ли было возможно, особенно если учесть, что за весь предшествующий период войны обе армии потеряли «всего» 47 тыс. человек. Можно предположить, что приведенные цифры также не точны, или же некоторые части и даже соединения оказались в перечне соединений и частей пропущенными. Однако даже таким способом сложно объяснить разницу в десятки тысяч бойцов.

Вероятное объяснение обозначенным противоречиям в численности 6-й и 12-й армий можно найти в донесении Военного совета Южного фронта за 27 июля 1941 г. В нем указано, что «численность этих армий составляет примерно 25–30 % штат[ной] численности… Из докладов видно, что 6 а(рмия) имеет не больше как 15–20 тысяч штыков… Численность и состояние 12 а[рмии] несколько лучше»[425]. Иными словами, можно предположить, что речь в донесениях от 27 июля и 7 августа 1941 г. шла не о количественном составе армий в целом, а только о численности ее боевых частей, без учета тылов и частей обеспечения.

Сделанный вывод подтверждается телеграммой генерала П.Г. Понеделина от 6 августа, в которой он указал, что располагает 20 тыс. штыков[426]. И это без учета ушедшей в прорыв накануне ударной группы 6-й армии и потерь, понесенных 4 августа 13-м корпусом. Следовательно, только в боевых частях 6-й и 12-й армий, оказавшихся в окружении, насчитывалось не менее 40 тыс. штыков. А если учесть, что тыловые подразделения несли несравненно меньшие потери, то суммарная численность войск должна быть существенно выше.

Видимо, за основу подсчета следует взять данные за 20 июля, предложенные авторами «Великой Отечественной войны», в количестве 129,5 тыс. человек как численности всех войск 6-й и 12-й армии. Также следует учитывать количество личного состава 2-го мехкорпуса, который сначала находился в подчинении штаба Южного

фронта, а впоследствии вошел в состав 6-й армии. Когда он вышел на Уманское направление, т. е. 20 июля, в нем насчитывалось 28 381 чел., из них – 10 915 чел. в составе 11-й танковой, 8008 – в составе 16-й танковой, 7081 чел. – в составе 15-й моторизованной и еще 2377 чел. в составе управления и корпусных частей[427]. В результате получатся цифра примерно в 157,9 тыс. чел., боровшихся на уманском направлении в конце июля – начале августа 1941 г.

Теперь попробуем определить количество бойцов и командиров, попавших в окружение и не вышедших из него. Те, кто сумел вырваться из кольца, выходили в полосе обороны двух фронтов – Юго-Западного и Южного. Статистику окруженцев вел бывший начальник штаба 6-й армии комбриг Н.П. Иванов в течение 11–15 августа 1941 г.[428]Как видно из подсчетов комбрига Н.П. Иванова, из окружения в полосе Южного и Юго-Западного фронтов к 17 августа вышло всего около 5 тыс. бойцов и командиров. Однако названное количество входит в противоречие с теми данными, которые доложил в Ставку Верховного Главнокомандования и в Генеральный штаб командующий войсками Южного фронта генерал И.В. Тюленев.

Известно, что уже в начале августа 1941 года выше руководство СССР и командование Красной армии попытались установить масштаб поражения 6-й и 12-й армий. От имени Главнокомандующего Юго-Западным направлением (7 августа) и Генштаба и Ставки (9 августа) были направлены запросы командующему Южным фронтом с требованием разъяснить ситуацию. Однако генерал И.В. Тюленев внятно объяснить положение и судьбу окруженных армий не смог. На вопрос о количестве вышедших из окружения генерал ответил, что таковых имеется 10–15 тыс. человек, около 2 тыс. автомашин и несколько орудий. Однако говоривший от имени Ставки и лично товарища Сталина Г.М. Маленков заподозрил, что командование Южного фронта дает не совсем точную информацию, и отдал распоряжение разобраться и доложить к 14 часам 10 августа[429].

Получив прямое указание из Москвы, командование и штаб Южного фронта принялись всерьез анализировать, что же произошло. Начался разбор документов и поиск необходимых для доклада сведений. В 12.30 9 августа обнаружились в *запечатанном* виде приказы командующего 6-й армией № 0077 и 007 8[430]. Несмотря на то, что пакет был адресован «Командующему Южного фронта», его вовремя не вскрыли и с содержанием не ознакомились. Выяснилось также, что в штабе Южного фронта учет по выходившим из окружения частям и подразделениям не велся, вследствие чего подготовить

доклад И.В. Тюленев смог не к 10, а только к 11 августа.

Для подготовки ответа были подключены работники оперативного отдела штаба фронта. Итогом их деятельности стал документ под названием «Справка о количестве вышедших из окружения людей и имущества из 6-й и 12-й армий», составленный за подписью командующего 18-й армией генерала А.К. Смирнова[431]. Очевидно, что содержащиеся в нем сведения относятся к тем, кого учли в полосе этого объединения, однако кто-то красным карандашом подписал сверху: «в границах Юж. фронта». В справке в качестве бывших окруженцев были учтены 300 военнослужащих 24-го дорожно-эксплуатационного полка, 500 человек, направленных на укомплектование 223-й дивизии, два батальона связи (всего до 1000 человек), обоз (2900 человек), отряд, сформированный в Новой Одессе (1500 человек), задержанные заградительными отрядами (3500 человек), а также начсостав 350 человек, и, отдельно, 168 старших и средних, 55 младших командиров, 384 красноармейца и 104 шофера из 6-й армии. Из 12-й армии выбрались 895 автомашин, а из 6-й – 120. Всего, таким образом, в полосе 18-й армии вышли из окружения 10 961 человек и 1015 автомашин. Без изменений вышеприведенные цифры командующий Южным фронтом генерал И.В. Тюленев включил в Боевое донесение № 0035, которое в 11.30 11 августа направил для доклада И.В. Сталину, отметив, что «сколько вышло перед Юго-Западным фронтом – не учтено»[432].

Перед нами два довольно примечательных документа. Прежде всего, обращает на себя внимание явное расхождение количественных данных донесения генерала И.В. Тюленева с результатами работы комбрига Н.П. Иванова, который вел статистику по двум фронтам – Южному и Юго-Западному. Напомним, что, по его данным, к 18 августа вышли около 5 тыс. бойцов и командиров, а, по информации генерала И.В. Тюленева, к 11 августа и только на Южном фронте – 11 тыс. человек.

Если точность приведенных в «Справке» цифр проверить сложно и ее приходится принимать на веру, то принадлежность всех названных бойцов и командиров к вышедшим из окружения вызывает обоснованные сомнения. Так, в воспоминаниях наших ветеранов или в немецких документах обнаружить 24-й дорожно-эксплуатационный полк среди оказавшихся в окружении войск пока не удалось. В «Справке» и Боевом донесении утверждается, что из бывших воинов 6-й и 12-й армий был сформирован отряд в Новой Одессе. Однако если посмотреть на карту, то легко убедиться, что от южной границы

окружения до Новой Одессы по прямой не менее 150 км. Получается, что вырвавшиеся с боями воины смогли пройти такое расстояние по фактически открытой местности при противодействии противника всего за 5 дней, т. е. по 30 км в сутки, что крайне маловероятно.

Кроме того, в справке присутствуют два безымянных батальона связи, в которых насчитали до 1000 человек. По штату 04/400 в батальоне связи стрелковой дивизии состояло всего 278 бойцов и командиров, в батальоне связи механизированного корпуса (штат 010/21) чуть больше – 288. Получается, что в двух батальонах никак не могло быть свыше 576 бойцов и командиров. А ведь они вырвались из окружения и должны были понести потери. Обращает на себя внимание факт, что в окруженцы записали всех, задержанных заградительными отрядами. Однако нельзя исключать, что среди таковых были также отставшие от своих частей и дезертиры, находившиеся вне кольца. Складывается впечатление, что для доклада И.В. Сталину штабы 18-й армии и Южного фронта постарались занести в отчетные списки как можно больше людей для того, чтобы итоговая сумма показалась как можно более крупной, а размер поражения – как можно меньшим.

В итоге все равно получились существенно иные цифры относительно вышедших из окружения, чем сделанные комфронта ранее 9 августа в докладе Г.М. Маленкову. По «уточненным» данным, оказалось, что прорвались не 10–15 тысяч, а всего 10 961 человек, не 2 тысячи автомашин, а 1015. Наиболее показательным оказался подсчет орудий. Дотошный Г.М. Маленков специально поинтересовался их количеством, на что получил уверенный ответ, что «встречали до шести-восьми орудий» прорвавшихся через линию фронта. Такая фраза давала основания предполагать, что вышло довольно значительное их число. После «уточнения» выяснилось, что вышло всего *два* орудия.

Поэтому, видимо, следует принять как наиболее точные и отвечающие реальности данные, собранные комбригом Н.П. Ивановым, а не генералом И.В. Тюленевым, т. е. – ок. 5 тыс. человек. Еще 3620 раненых успели эвакуировать до того, как кольцо захлопнулось[433]. К ним нужно прибавить еще около 3 тыс. человек, в основном из состава 190-й дивизии, которые уже 24 июля вышли в район Смелы и оказались вне окружения[434]. Кроме того, известно, что успели выйти тылы 16-й танковой дивизии, какие-то части 192-й горно-стрелковой дивизии, но об их численности ничего не известно. Известно также, что в составе Южного фронта действовали отряд из

1000 чел. и батальон, сформированные, соответственно, из тылов 11-й танковой дивизии и тылов 6-й и 12-й армий[435]. Все они дают нам цифру примерно в 13 000 бойцов и командиров, которые вышли из окружения или, числясь в составе 6-й и 12-й армий, смогли его избежать. Она очень приблизительная, в действительности таковых, видимо, оказалось существенно больше, поскольку группами и поодиночке красноармейцы выбирались всю вторую половину августа и часть осени 1941 г. Кроме того, достаточно большое количество осталось на оккупированной территории или ушло в партизаны. Поэтому не будет большим преувеличением, если количество оказавшихся вне кольца и вышедших из окружения воинов 6-й и 12-й армий округлим до 15 тыс. человек.

Теперь попытаемся определить количество войск, оказавшихся в «котле» под Уманью. Он образовался 2 августа, следовательно, потери, понесенные с 20 июля по 1 августа войсками 6-й и 12-й армий, а также 2-м мехкорпусом, не могут быть отнесены к боям в условиях окружения. Расчет показывает, что до этого времени среднесуточные потери составляли примерно 1567 чел. Если взять их за основу, тогда с 20 июля до 1 августа армии потеряли около 15 700 бойцов и командиров. Следовательно, в окружении с 1 августа осталось около 127 000 чел. (157 900 (общая численность 6-й и 12-й армий и 2-го мехкорпуса на 20 июля) – 15 700 (расчетное количество потерь, понесенных ими до момента окружения) – 15 000 (вышедшие из окружения и не попавшие в него) = 127 200 чел.).

По немецкой статистике, как известно, попали в плен 110 000 чел., погибли в боях 18 500 советских воинов, следовательно, в окружении находилось не менее 128 500 чел. Как видим, расчетные цифры в основном совпали с немецкими данными о советских потерях.

Отдельной проблемой остается вопрос о количестве танков в составе окруженной группировки советских войск. По немецким данным, XXXXIX корпус уничтожил 54 танка и 58 бронемашин, XXXXVIII – еще 186. Всего, таким образом – 240 танков.

Е.А. Долматовский, заочно полемизируя с генералом К. Типпельскирхом, заявлял: «можно не верить мне, если я скажу, что почти не видел танков в окружении. Но ведь не я один, сотни оставшихся в живых участников тяжелейших боев с 4 по 6 августа утверждают, что на нашей стороне действовало тогда лишь 4 танка. Если бы у нас были танки, не пришлось бы имитировать танковую атаку артиллерийскими тягачами и колхозными тракторами»[436].

Как и в ситуации с военнослужащими, попавшими в окружение, с

количеством танков также нет определенности. Известно, что на 20 июля в 12-й армии насчитывалось 8 Т-26, 2 Т-37 и 23 бронемашины. На 1 августа в 16-м мехкорпусе было 1 средний танк, 29 БТ и Т-26, 26 бронемашин[437]. Поэтому основная масса бронетанковых сил была представлена техникой 2-го механизированного корпуса.

Это соединение, переброшенное под Умань к началу 20-х чисел июля, почти не принимало участия в боях. На 20 июля согласно докладу начальника штаба корпуса полковника Н.И. Сучкова в его соединениях находилось:

– 200 танков и 73 бронемашины в 11-й танковой дивизии;

– 120 танков и 45 бронемашин в 16-й танковой дивизии;

– 180 танков и 40 бронемашин в 15-й моторизованной дивизии.

Всего, таким образом, корпус насчитывал 500 танков и 153 бронемашины. Разумеется, не все они были боеспособны, существенная часть нуждалась или находилась в ремонте. Но сколько именно, по докладу полковника определить невозможно.

По сведениям помощника командующего Южным фронтом по автобронетанковым войскам, картина выглядела иначе и представлялась менее обнадеживающей. В 11-й танковой дивизии имелось в наличии 10 КВ, 46 Т-34, 120 ВТ, из которых на ходу – всего 20, и пять Т-26; в 16-й танковой – 40 БТ и 55 Т-26; в 15-й моторизованной – 161 БТ, из них исправны – 75, 27 Т-37. По его подсчетам выходило, что в трех соединениях 2-го мехкорпуса имелось 464 танка, но из них были боеспособны только 278.

Въехавший в хату в районе Умани и оставленный экипажем советский легкий танк БТ-7. Июль – август 1941 г. (nemirov41. forum24.ru)

Солдаты Вермахта фотографируются на броне советского легкого танка БТ-7, брошенного в районе Умани. Июль-август 1941 г.

К 1 августа, по данным автобронетанкового отдела Южного

фронта, во 2-м мехкорпусе количество танков составило:

– в 11-й танковой дивизии – 1 тяжелый, 18 средних, 15 БТ, 5 Т-26, 43 бронемашины;

– в 16-й танковой дивизии – 9 БТ, 26 Т-28, 48 бронемашины;

– в 15-й моторизованной дивизии – 60 БТ, 27 Т-37, 39 бронемашин[438].

Всего, таким образом, 161 танки 130 бронемашины. Объяснить разницу можно разной методикой подсчета. Полковник Н.И. Сучков привел данные по всей находившейся в дивизиях корпуса бронетехнике, тогда как помощник комфронта – только по боеспособным.

Из всех вышеприведенных данных можно сделать вывод, что в районе Умани оказались сконцентрированы значительные бронетанковые силы – около трехсот единиц, значительная часть из которых оказалась впоследствии в окружении, и там были уничтожены.

Артиллеристы войск СС с 75-мм легким пехотным орудием le. IG 18 в Умани. Август 1941 г.

По меркам 41-го года битва под Уманью дорого обошлась немцам. По данным X. Штеетца, победа обошлась им в 107 офицеров и 2770 унтер-офицеров и солдат только убитыми[439]. По данным штаба XXXXIX горно-егерского корпуса, потери дивизий оказались следующими:

– 1-я горно-егерская дивизия – 22 офицера и 514 унтер-офицеров и

рядовых;

– 4-я горно-егерская дивизия – 47 офицеров и 1516 унтер-офицеров и рядовых;

– 97-я пехотная дивизия – 13 офицеров и 177 унтер-офицеров и рядовых;

– 125-я пехотная дивизия – 19 офицеров и 643 унтер-офицера и рядовых;

– 295-я пехотная дивизия – 5 офицеров;

– корпусные части – 1 офицера и 20 рядовых.

Всего, таким образом, с 31 июля по 7 августа 1941 г. потеряно 102 офицера и 2775 унтер-офицера и рядовых[440].

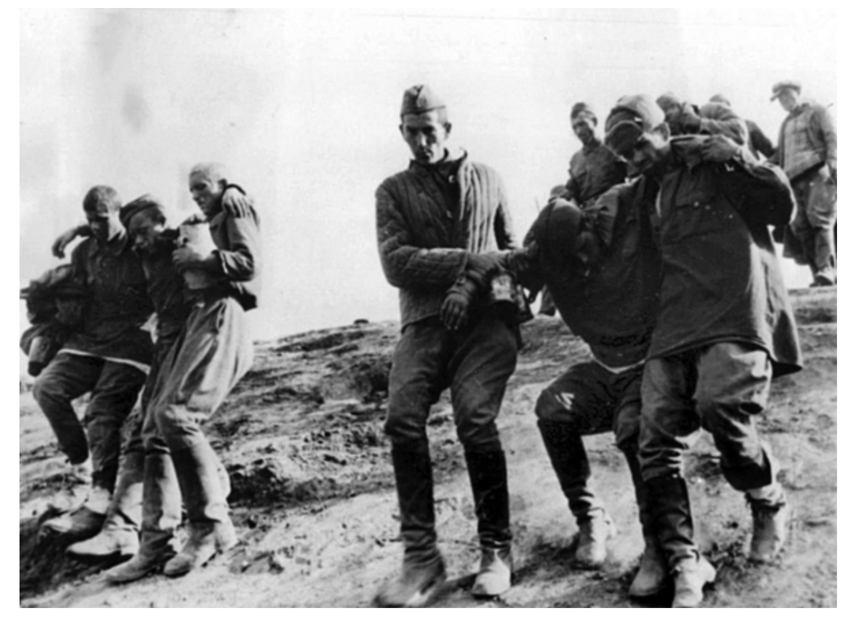

Брошенные под Уманью советские средние бронеавтомобили БА-10 и уходящая на восток колонна немецких войск. Июль – август 1941 г.

В подсчетах потерь есть видимые разногласия. Так, 125-я дивизия, по мнению Х. Браймайера, потеряла в «битве за Подвысокое» 20 офицеров, 472 унтер-офицера и рядовых убитыми, 69 офицеров и 1372 унтер-офицера и рядовых ранеными, 12 унтер-офицеров и рядовых пропавшими без вести. Суммарные потери дивизии составили 89 офицеров и 1856 унтер-офицеров и рядовых[441].

Потери XXXXVIII и XIV моторизованных и XXXXIV армейского корпусов неизвестны, но, видимо, сопоставимы с вышеназванными. Тем не менее понесенные в сражении под Уманью потери оказались для противника очень высокими, поскольку за весь предшествующий месяц они составили для XXXXIX корпуса всего 50 офицеров и 2112

унтер-офицеров и рядовых убитыми (т. е. примерно столько же, сколько за 10 дней августа). Но немецкие были несопоставимы с огромными потерями, понесенными войсками Южного фронта.

Красноармейцы, попавшие в плен в районе Умани, помогают своим товарищам. Август 1941 г. *(Снимок немецкого военного фотокорреспондента)*

Несмотря на это, нужно сказать, что сопротивление советских войск под с. Подвысокое и Копенковатое было героическим. Это признавали и сами немцы, именуя обоюдные действия словом «битва», «сражение». Немецкие солдаты считали, что им противостоял достойный противник, победа над которым достойна особой похвалы. В память об участии в Уманской битве каждый солдат XXXXIX корпуса в течение трех дней – 9, 10 и 11 августа, – носил на своем кепи приколотую дубовую веточку[442]. А Боевое знамя 283-го корпусного артполка, как говорят, некоторое время украшало кабинет командира XXXXIX корпуса генерала Л. Кюблера.

Источники и литература

Источники

1. Bundesarchiv – Militararchiv. RH. 20-17-282; 21-1-472; 24-49-160; 24-49-161; 24-52-223.

2. Korpsbefehl Nr. 69 fur den Angriff am 5. August // Steets H. Gebiigsjager bei Uman. S. 115–118.

3. Mayerhofer H. Tagebuchaufzeichnungen von Dr. Ernst Brockhoff // Braun J. Enzian und Edelweiss. S. 190–192.

4. NARA. T. 313. R. 14; T. 315. R. 44; T. 315. R. 39; T. 315. R. 1185; T. 315. R. 1215; T. 315. R. 1221; T. 315. R. 1343; T. 315. R. 1803; T. 315. R. 1973.

5. Воспоминания В. Королькова, бывш. политрука 18-й заставы http://mankivka.com.ua/2008/05/11/oxorona-zdorov-ya-mankivschini.phtml.

6. Воспоминания капитана Танченко Митрофана Ивановича, командира 88-го артполка 80-й ордена Ленина СД 37СК 6А // http://parabelluml941.narod.ru/simple29.html.

7. Геец Н. Из личного дела окруженцев // Военно-исторический архив. № 9 (105). 2008. С. 164–173.

8. Год 1941. Юго-Западный фронт. – Львов: Каменяр, 1970.

9. Кашурко С. Выстраданная Победа // http://www.dosh-jomal.ru/dosh8/802.htm.

10. Лето 1941. Украина. – Киев: Украина, 1991.

11. Материалы из следственного дела Военной коллегии Верховного суда СССР от февраля 1956 года о пересмотре обвинительного заключения на Кириллова Николая Кузьмича, вынесенного Военной коллегией Верховного суда СССР 25 августа 1950 года // Рунов В.А. 1941. Победный парад Гитлера. Правда об Уманском побоище. – М.: Яуза, ЭКСМО, 2010. С. 376–379.

12. О боевых действиях 6 армии при выходе из окружения // Военно-исторический архив. 8 (56). 2004. С. 116–121.

13. Письмо лейтенанта А.М. Церковникова // http://parabellum1941.narod.ru/simple16.html.

14. Породенко В.С. Записки начальника штаба танковой дивизии. – М., 1981. Рукопись.

15. Резяпкин А.К. Дневник Великой Отечественной войны. – М.:

Новости, 2009.
16. Российский государственный военный архив. Ф. 32 880.
17. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 5 (1). – М.: Наука, 1996.
18. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 39. – М.: Воениздат, 1959.
19. Уманский краеведческий музей. УКМ-13712, УКМ-13714; МВФ-438.
20. Центральный архив Министерства обороны Российской федерации. Ф. 33, 228, 229, 251.

Литература

1. Арушанян Б.И. Боевые действия 12-й армии в начальный период войны // Военно-исторический журнал. № 6. 1973. С. 60–65.
2. Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова. – М.: Посев, 2009.
3. Бабалашвили И.П. Воины-грузины в боях за Украину в годы Великой Отечественной войны. – Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1969.
4. Баграмян И.Х Так начиналась война. – Киев: Политиздат Украины, 1984.
5. Батлер Р. SS-Leibstandarte. История первой дивизии СС «Лейбштандарт». 1933–1945. – М.: Транзиткнига, 2006.
6. Белов И.И. Четырнадцатая гвардейская в боях за Родину. – Орел: Орелиздат, 1998.
7. Биография солдата // http://www.mgd.nxt.ru/tliird_page.html.
8. Битва за Буковину. – Ужгород: Карпаты, 1967.
9. Болотов Ф.П. В штабе гвардейской дивизии. – М.: Воениздат, 1987.
10. Васильев А.С. Будет жить вечно. – М.: Советская Россия, 1987.
11. Васильев А.С. Возвращение к легенде. – М.: Молодая гвардия, 1967.
12. Васильев А.С. Все минуты войны. – М.: ДОСААФ СССР, 1974.
13. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. – М.: Вече, 2009.
14. Великая Отечественная. Комдивы. Т. 1. – М.: Кучково поле, 2011.
15. Великая Отечественная. Комдивы. Т. 5. – М.: Кучково поле, 2014.
16. Великая Отечественная война. 1941–1945. Кн. 1: Суровые испытания. – М.: Наука, 1988.

17. Величие подвига. – Тбилиси: Мерани, 1985.
18. Восемнадцатая в сражениях за Родину. – М.: Воениздат, 1982.
19. Гольдберг С.И. Слово о полку Мариупольском. – Мариуполь, 1992.
20. Гольдман И. Судьба полковника Зверева // Вестник. № 9 (268). 24 апреля. 2001. http://www.vestnik.com/issues/2001/0424/koi/goldman.htm.
21. Джанджгава В.И. Немереные версты. – М.: ДОСААФ СССР, 1979.
22. До последнего патрона. – Днепропетровск: Промінь, 1990.
23. Долматовский Е.А. Было. – М.: Советский писатель, 1975.
24. Долматовский Е.А. Зеленая брама. – М.: Политиздат, 1981.
25. Долматовский Е.А. Зеленая брама. – М.: Политиздат, 1989.
26. Дриг Е. Механизированные корпуса РККА в бою. – М.: Транзиткнига, 2005.
27. Дугас И.А., Черон Ф.Я. Советские военнопленные в немецких концлагерях. (1941–1945). – М.: Авуар консалтинг, 2003.
28. Завьялов Н.И. Версты мужества. – Киев: Политиздат, 1981.
29. Залесский К.А. Вермахт. Сухопутные войска и Верховное командование. – М.: ЭКСМО, Яуза, 2005.
30. Зоткин В.В первый год великих сражений. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1997.
31. Иовлев С.И. Бои 6-й и 12-й армий в окружении в районе Умань (июль – август 1941 г.). Рукопись.
32. Иноземцев Н.Н. Цена победы в той самой войне (фронтовой дневник). – М.: Наука, 1995.
33. Иринархов Р.С. У днепровских круч… – М.: АСТ; Минск: Харвест, 2006.
34. Исаев А.В. От Дубно до Ростова. – М.: Транзиткнига, 2004.
35. Каменцев А.А. Соколов А.Д. // Военно-исторический журнал. № 3. 1972. С. 126–127.
36. Карасик М.Ю., Карасик Ю.М. Советские генералы в плену. 1941–1945. Т. 1. Bratislava: Magnet Press, 2013.
37. Ковальчук М.С. Оточення вогневе. – Тернопіль: Астон, 2006.
38. Кузнецов И.И. Маршалы, генералы и адмиралы 1940 года. – Иркутск: Восточно-Сибирская издательская компания, 2000.
39. Кузнецов И.И. Судьбы генеральские. Высшие командные кадры Красной Армии в 1940–1953 гг. – Иркутск: Изд-во Ун-та, 2000.
40. Куманев Г.А., Чайковский А.С. Чекисты стояли насмерть. – Киев: Политиздат Украины, 1986.

41. Курт «Panzer» Майер. Откровения танкового генерала СС. – М.: Яуза-ПРЕСС, 2010.

42. Ланнуа Ф. де. Немецкие танки на Украине. 1941 год. М.: Эксмо, 2006.

43. Ласкин И.А. На пути к перелому. – М.: Воениздат, 1977.

44. Лискин Ю.А. Тайники Великой Отечественной. Командарм Понеделин и другие. – М.: Спутник, 2010.

45. Мельниченко М.М. Уманская яма // Трагедия и героизм (Советские военнопленные. 1941–1945 годы). Кн. 1. – М., 1999. С. 112–126.

46. Мельниченко М.М. Яма, ставшая вершиной духа // Коммунист Украины. 1990. № 12. С. 81–92.

47. Мущинский П.Д. Непокоренный Буг. – Одесса: Маяк, 1980.

48. Новобранец В.А. «Я предупреждал о войне Сталина». Записки военного разведчика. – М.: Яуза, ЭКСМО, 2009.

49. Перекальский Г.А. Дороги жизни и смерти. Записки пограничника. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1966.

50. Пограничные войска в Великой Отечественной войне. 1941. – М.: Наука, 1976.

51. Рассказы о великих днях сражений. – Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1975.

52. Репин П.Д. Взгляд в минувшее. – Одесса: Лерадрук, 2006.

53. Репин П.Д. Так шли мы к победе. – Одесса: Принт Мастер, 2005.

54. Репин Л.Е., Степанов В.С. Судьбы генеральские // Военно-исторический журнал. № 10. 1992. С. 24–32; № 11. 1992. С. 24–27; № 12. 1992. С. 12–20; № 2. 1993. С. 2–16.

55. Родин Е.С. По следам минувшего. – Тула, Приокское кн. изд-во, 1968.

56. Рунов В.А. 1941. Победный парад Гитлера. Правда об Уманском побоище. – М.: Яуза, ЭКСМО, 2010.

57. Савинов Ю.А. Слова «капитуляция» в Красной Армии не существовало // Ориентир. № 6. 2012. С. 67–70.

58. Свердлов Ф.Д. Советские генералы в плену. – М.: Фонд «Холокост», 1999.

59. Семенов Ю. Комиссар Госбезопасности. – М.: Воениздат, 1979.

60. Симонов К. 100 суток войны. – Смоленск: Русич, 1999.

61. Симонов Ф.В. Командармы Великой Отечественной. – Подольск: Сатурн-С, 1996.

62. Смирнов Н.Г. Вплоть до высшей меры… – М.: Московский

рабочий, 1997.
63. Стрижков Ю.К. Герои Перемышля. – М.: Наука, 1969.
64. Сурков Д. Об отдельных персоналиях командного состава 6 и 12 армий // Зелена брама: героизм – трагедія – память. – Кіровоград: Центрально-Украинське видавництво, 2011. С. 35–53.
65. Тутык А. Несгибаемый. – Днепропетровск: Промінь, 1977.
66. Тычков И.П., Тычкова Л.К. Набат памяти. – Иваново: Верхне – Волжское кн. изд-во, 1990.
67. Тюленев И.В. Через три войны. – М.: Воениздат, 1972.
68. Федотов Н. Никогда не померкнет. О чем рассказали фронтовые тетради политработника. – М.: Красная звезда, 1961.
69. Фуки А. Быль, ставшая легендой. Отдельная Коломыйская пограничная комендатура в боях с фашистскими захватчиками. – Ужгород: Карпаты, 1984.
70. Хаупт В. Сражения группы армий «Юг». – М.: Яуза, ЭКСМО, 2006.
71. Хизенко И.А. Ожившие страницы. – М.: Воениздат, 1963.
72. Христофоров В.С. Сталинград. Органы НКВД накануне и в дни сражения. – М.: Московские учебники, 2008.
73. Чернявский К.И. Всегда с бойцами. – М.: Воениздат, 1979.
74. Шепетов Ю.И. Первые гвардейцы Южного фронта. История 14-й гвардейской Винницкой стрелковой дивизии // Военно-исторический архив. № 5 (101). 2008. С. 131–156.
75. Шурапов В., Федосеева Р. Підвисоцька «Атлантида». Зустріч через 35 років // http://www.region.in.ua/elisavet/book/uts/uts019_u.html.
76. III. Abteilung Panzer Art. Reg. 146. 1939–1945. Selbstverlag.
77. Braun J. Enzian und Edelweiss. Die 4. Gebirgs-Division. 1940–1945. – Bad Nauheim: Podzun-Yerlag, 1955.
78. Breymayer H. Das Wiesel. Geschichte der 125. Infanterie Division. 1940–1944. – Langenau-Ulm: Armin Yaas Yerlag, 1983.
79. Die Kriegsgeschichte der Windhund-Division. – Bochum-Langendreer: Heinrich Poppinghaus, 1962.
80. Eberbach P. Blut und Elend des Krieges. Norderstedt: Books on Demand GmbH, 2010.
81. Fretter-Pico M… verlassen von des Sieges Guttern. – Wiesbaden: Kyffliauser-Verlag, 1969.
82. Haupt W. Kiew. Die grusste Kesselschlacht der Geschichte. – Friedberg: Pozdun-Pallas-Yeriag, o. D.
83. Kern E. Der Grosse Rausch. Russlandfeldzug. 1941–1945. – Waiblingen-Wittenbeig: Yerlag Lothar Feberecht, 1986.

84. Kuhlmann H. III. Abteilung Panzer Art. Reg. 146. 1939–1945. Selbstverlag, o. D.

85. Lanz H. Gebugsjuger. Die 1. Gebirgsdivision. 1935–1945. – Bad Nauheim: Podzun-Verlag, 1954.

86. Maser W. Der Wortbruch. Hitler, Stalin und der Zweite Weltkrieg. – Munchen: Golzoc Verlag GmBH, 1994.

87. Maslov A.A. Captured Soviet Generals. The Fate of Soviet Generals Captured by the Germans, 1941–1945. L.: Frank Cass Publishers, 2001.

88. Maslov A.A. Fallen Soviet Generals. Soviet General Officers Killed in Battle, 1941–1945. F.: Frank Cass Publishers, 1998.

89. Meyer H.F. Blutiges Edelweiu. Die 1. Gebiigs-Division im Zweiten Weltkrieg. B.: Christoph Finks Verlag – Finks Dmck GmbH, 2008.

90. Munzel O. Panzer-Taktik. Raids gepanzerter Verbunde im Ostfeldzug 1941/42. – Neckargemand: Scharnhorst Buchkameradschaft, 1959.

91. Schrodek G. Ihr Glaube gait dem Vaterland. Geschichte des Panzer-Regiments 15 (11. Panzer-Division). – Munchen: Schildverlag GmBH, 1976.

92. Steets H. Gebirgsjuger bei Uman. Die Korpsschlacht des XXXXIX. Gebiigs-Armeekorps bei Podwyssokoje. 1941. – Heidelberg: Kurt Vowinckel Verlag, 1955.

93. Tettau H. von, Versock K. Die Geschichte der 24. Infanterie-Division. 1935–1945. – Eggolsheim: Darfler-Verlag GmbH, 1956.

94. Wehrten W. Geschichte der 16. Panzer-Division. 1939–1945. – Bad Nauheim: Podzun-Verlag, 1958.

Примечания

1

Симонов К. Горькая правда // Наука и жизнь. № 4. 1988. С. 20. Директива Ставки ВК № 00411 главнокомандующему войсками.

2

Директива Ставки ВК № 00411 главнокомандующему войсками Юго-Западного направления, командующему войсками Юго-Западного фронта об отводе части сил и перегруппировке войск фронта // Русский архив. Великая Отечественная. – М., 1996.Т.5 (1). С. 79.

3

Баграмян И.Х. Так начиналась война. – Киев, 1984. С.238.

4

Боевое донесение штаба Южного фронта Ставке Верховного командования //Лето 1941. Украина. – Киев, 1991.С.299–300.

5

Lanz H. Gebirgsjager. Die 1. Gebirgsdivision. 1935–1945. – Bad Nauheim, 1954. S. 142.

6

Остатки 216-й моторизованной дивизии полковника А.С. Саркисяна.

7

49-я, а также 45-я танковая дивизии по своему составу были уже стрелковыми соединениями. Танков в них практически не осталось.

8

Письмо С.Г. Тончилова // Народный музей с. Подвысокое. С. 2.

9

Die Kriegsgeschichte der Windhund-Division. – Bochum-Langendreer, 1962. S. 498–503.

10

Оперсводка № 057/ОП. Штарм 12 Вел. Севастьяновка. 25.7.41 к 24.00 // ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161. Д. 168. Л. 76.

11

Breymayer H. Das Wiesel. Geschichte der 125. Infanterie-Division. 1940–1944. – Langenau-Ulm, 1983. S. 50.

12

Breymayer H. Das Wiesel. S. 52.

13

Breymayer H. Das Wiesel. S. 53.

14

Ibidem.

15

Steets H. Gebirgsjager bei Uman. Die Korpsschlacht des XXXXIX. Gebirgs-Armeekorps bei Podwyssokoje. 1941. Heidelberg, 1955. S. 36.

16

Steets H. Op. cit. S. 37.

17

Munzel O. Panzer-Taktik. Raids gepanzerter Verb?nde im Ostfeldzug 1941/42. – Neckargemund, 1959. S. 68.

18

ЦАМО. Ф. 208. On. 701. Д. 209. Л. 203, 206.

19

Переговоры Сучкова с Петуховым.8.50. 25.7.41 г. // ЦАМО. Ф. 208. Оп. 701. Д. 209. Л. 217.

20

Оперативная сводка № 067/ОП к 7.00 26.7.41. Штаб Южного фронта. Первомайск // ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 85. Л. 147–148.

21

Переговоры генерала Покровского с генералом Романовым // ЦАМО. Ф. 251. Оп. 646. Д. 29. Л. 204–205.

22

Журнал боевых действий Юго-Западного фронта. 21.7.41 – 5.8.41 // ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161. Д. 176. Л. 21–22.

23

NARA. T. 315. R. 44. Fr. 912, 938.

24

NARA. T. 315. R. 44. Fr. 913, 918.

25

Steets H. Op. cit. S. 39–40.

26

Lanz H. Gebirgsjager. S. 142.

27

Breymayer H. Das Wiesel. S. 54.

28

Steets H. Op. cit. S. 40–41.

29

Steets H. Op. cit. S. 41.

30

Ibid. S. 42.

31

Munzel O. Panzer-Taktik. S. 70.

32

Munzel O. Panzer-Taktik. S. 70.

33

Оперсводка № 069/ОП к 7.00 27.7.41. Штаб Южного фронта. Первомайск // ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 85. Л. 154–155.

34

Munzel O. Panzer-Taktik. S. 70–71.

35

Разведывательная сводка № 60 к 20.00 26.7.41. Штаб Южного фронта. Первомайск // Сборник боевых документов. Вып. 39. – М., 1959. С. 73.

36

Разведывательная сводка № 62 к 20.00 27.7.41. Штаб Южного фронта. Первомайск // Сборник боевых документов. Вып. 39. С. 82

37

Breymayer H. Das Wiesel. S. 55.

38

Steets H. Op. cit. S. 45.

39

Ibid. S. 45–46.

40

Переговоры по прямому проводу майора Трусова с Христиновкой. 8.45 27.7.41 года // ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 209. Л. 278.

41

Дриг Е. Механизированные корпуса РККА в бою. – М., 2005. С. 463.

42

Munzel O. Panzer-Taktik. S. 71.

43

Munzel O. Panzer-Taktik. S. 71.

44

Боевое донесение Военного совета Южного фронта от 27 июля 1941 г. в Ставку Верховного командования о боевых действиях войск фронта // Сборник боевых документов. Вып. 39. С. 80.

45

Разведсводка № 62 к 20.00 27.7.41. Штаб Южного фронта. Первомайск // Там же. С. 83

46

Боевое донесение № 040. Штарм 6 – Франтивка. 26.7.41 // ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 58. Л. 52, 54.

47

Steets H. Op. cit. S. 47.

48

Breymayer H. Das Wiesel. S. 56.

49

Breymayer H. Das Wiesel. S. 56.

50

Breymayer H. Das Wiesel. S. 61.

51

BA-MA. RH. 26-125-27. S. 19.

52

Steets H. Op. cit. S. 49.

53

Ibid. S. 49.

54

Ibid. S. 50–51.

55

Steets H. Op. cit. S. 55.

56

Munzel O. Panzer-Taktik. S. 72.

57

Словесные указания начальника штаба Южного фронта генерал-майора Романова делегату связи капитану Дакс, для передачи штабам 12, 6 А и 2 МК // ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 152. Л. 26.

58

Директива № 0027/ОП. Штаб Южного фронта. Первомайск. 28.7.41. 19.10 // ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 4. Л. 111.

59

Там же. Л. 112–113.

60

Боевое распоряжение № 029/ОП. Штаб Южного фронта. Вознесенск. 29.7.41. 14 ч. 30 м. // Там же. С. 92.

61

Оперсводка № 073/ОП к 20.00 29.7.41. Штаб Южного фронта. Вознесенск // ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 85. Л. 167.

62

Steets H. Op. cit. S. 57.

63

Оперативная сводка № 048 к 24.00 29.7.41. Штарм 6. Умань // ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 27. Л. 19.

64

Боевой приказ № 0070. Штарм 6. Христиновка. 29.7.41 10.00// Там же. Л. 12

65

Судя по контексту, имеется в виду один из полков 10-й дивизии НКВД.

66

Воспоминания А.Ф. Щербины // Уманский краеведческий музей. УКМ-13 714. Д. 4820. Л. 109–110.

67

Steets H. Op. cit. S. 59.

68

Боевое донесение № 044. Штарм 6 – сев. окр. Умани. 30.7.41. 11.35 // ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 27. Л. 1.

69

Steets H. Op. cit. S. 59–60.

70

Ibid. S. 60–61.

71

Munzel O. Panzer-Taktik. S. 72.

72

Die Kriegsgeschichte der Windhund-Division. S. 520–526, 538–539.

73

Munzel O. Panzer-Taktik. S. 73.

74

Оперсводка № 073/ОП к 20.00 29.7.41. Штаб Южного фронта. Вознесенск // ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 85. Л. 170.

75

Боевое распоряжение № 029/ОП Штаб Южного фронта. Первомайск. 29.7.41. 14.30 // Там же. Д. 4. Л. 115.

76

Braun J. Enzian und Edelweiss. Die 4. Gebirgs-Division. 1940–1945. Bad Nauheim, 1955. S. 17.

77

ДБП № 015819 от 23.3.44 // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11 458. Д. 472. Л. 162.

78

Steets H. Op. cit. S. 63.

79

BA-MA. RH. 26-125-27. S. 20.

80

Breymayer H. Das Wiesel. S. 65.

81

Иноземцев Н.Н. Цена победы в той самой войне. – М., 1995. С. 44.

82

Иноземцев Н.Н. Цена победы в той самой войне. С. 51.

83

Воспоминания В. Королькова, бывш. политрука 18-й заставы http://mankiv-ka.com.ua/2008/05/11/oxorona-zdorov-ya-mankivschini.phtml

84

Munzel O. Panzer-Taktik. S. 74.

85

Eberbach P. Blut und Elend des Krieges. – Norderstedt, 2010. S. 109.

86

Steets H. Op. cit. S. 64.

87

Ibidem.

88

Steets H. Op. cit. S. 65.

89

Оперсводка № 075/ОП к 20.00 30.7.41. Штаб Южного фронта. Вознесенск // ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 85. Л. 174.

90

Munzel O. Panzer-Taktik. S. 74.

91

Ibidem.

92

Die Kriegsgeschichte der Windhund-Division. S. 526–536.

93

Боевое распоряжение № 033/ОП. Штаб Южного фронта. Вознесенск. 31.7.41 3.00 // ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 4. Л. 121.

94

Боевое донесение штаба Южного фронта начальнику штаба Юго-Западного направления. Штаб Южного фронта. Вознесенск. 31.7.41 3.00 // ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 4. Л. 123.

95

Боевое распоряжение №033/ОП. Штаб Южного фронта. Вознесенск. 31.7.41 3.00 // ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 4. Л. 121.

96

Оперсводка № 076/ОП к 9. 00 31.7.41. Штаб Южного фронта. Вознесенск // ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 85. Л. 177, 178.

97

NARA. T. 315. R. 39. Fr. 431.

98

Lanz H. Gebirgsjager. S. 143.

99

Боевое донесение № 046. Штарм 6 Бабанка. 31.7.41. 18.00 // ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 27. Л. 33.

100

NARA. T. 315. R. 39. Fr. 433.

101

Steets H. Op. cit. S. 68.

102

Steets H. Op. cit. S. 69.

103

Ibid. S. 70.

104

Steets H. Op. cit. S. 71.

105

Ibid. S. 72.

106

Munzel O. Panzer-Taktik. S. 75.

107

«Еж» – тактическое построение немецких войск в обороне в отрыве от основных сил, позволявшее эффективно использовать наличные пехотные и артиллерийские силы для отражения атак со всех вероятных направлений.

108

Фуки А. Быль, ставшая легендой, – Ужгород, 1984. С. 49.

109

Первой группой командовал лейтенант Сусенков, второй – лейтенант Ищенко.

110

фуки А. Быль, ставшая легендой. С. 61.

111

Имеется в виду штаб корпуса.

112

Имеется в виду штаб дивизии.

113

То есть отдельного батальона связи.

114

Оперсводка № 071/ОП. Штарм 12. Теклиевка. 1.8.41 к 24.00 // ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 62. Л. 12.

115

Die Kriegsgeschichte der Windhund-Division. S. 551–556.

116

Боевое донесение № 0022/ОП. Штаб Южного фронта. Вознесенск. 1.8. 2.35 // ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 58. Л. 62.

117

BA-MA. RH 27-9-81. S. 8.

118

Приказ № 1 /0245 от 31 июля 1941 г. // РГВА. Ф. 38658. Оп. 1. Д. 1. Л. 11; Приказ № 1/0246 от 31 июля 1941 г. //Там же. Л. 12.

119

Munzel O. Panzer-Taktik. S. 75.

120

BA-MA. RH. 21-1-472. S. 69

121

Переговоры Главнокомандующего Юго-Западного направления с командующим войсками Южного фронта 1 августа 1941 г. о боевых действиях 6-й и 12-й армий // Сборник боевых документов. Вып. 39. С. 23.

122

Steets И. Op. cit. S. 75.

123

Breymayer H. Das Wiesel. S. 67; NARA. T. 315. R. 1343. Fr. 1030–1032.

124

Мущинский П.Д. Непокоренный Буг. – Одесса, 1980. С. 11.

125

Ковальчук М.С. Оточення вогневе. – Тернопіль, 2006. С. 36–37.

126

NARA. T. 313. R. 14. Fr. 27–28.

127

NARA. T. 315. R. 39. Fr. 433, 435.

128

NARA. T. 315. R. 39. Fr. 437.

129

Письмо А.А. Каменцева от 3.8.1986 // Народный музей с. Подвысокое. С. 1.

130

Eberbach P. Blut und Elend des Krieges. Norderstedt, 2010. S. 111.

131

Munzel O. Panzer-Taktik. S. 76.

132

Воспоминания Г.П. Углового // Уманский краеведческий музей. МВФ-438. С. 2.

133

Оперсводка № 071/ОП. Штарм 12 Теклиевка. 1.8.41 к 24.00 // ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 62. Л. 12.

134

http://vif2ne.ru/rkka/forum/0/0.htm

135

Munzel O. Panzer-Taktik. S. 76; Die Kriegsgeschichte der Windhund-Division. S. 565–575.

136

Курт «Panzer» Майер. Откровения танкового генерала СС. – М., 2010. С. 128–129.

137

Там же. С. 130.

138

Куманев Г.А., Чайковский А.С. Чекисты стояли насмерть. – Киев, 1986. С.75.

139

Steets H. Op. cit. S. 76–77.

140

Munzel O. Panzer-Taktik. S. 77; Die Kriegsgeschichte der Windhund-Division. S. 575–588; Kuhlmann H. III. Abteilung Panzer Art. Reg. 146. 1939–1945. Selbstverlag, o. D. S. 29.

141

Оперативная сводка штаба Южного фронта № 081/ОП к 20.00 2.8.41. Штаб Южного фронта Вознесенск // ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 85. Л. 200.

142

Я помню. Воспоминания ветеранов ВОВ. Адамский Изо Давыдович // http://iremember.ru/minometchiki/adamskiy-izo-davidovich.html

143

Джанджгава В.И. Немереные версты. – М., 1979. С. 30–32.

144

Munzel O. Panzer-Taktik. S. 78.

145

Боевое донесение командующего войсками 6-й армии от 2 августа 1941 г. командующему войсками Южного фронта о состоянии войск армии и соображениях по выводу ее из окружения // Сборник боевых документов. Т. 39. С. 227.

146

Steets H. Op. cit. S. 78.

147

NARA. T. 315. R. 39. Fr. 439.

148

Steets H. Op. cit. S. 79.

149

BA-MA. RH. 24-49-20. S. 123.

150

BA-MA. RH. 24-49-20. S. 123–124.

151

BA-MA. RH. 24-49-20. S. 125.

152

Braun J. Enzian und Edelweiss. S. 18.

153

BA-MA. RH. 24-49-20. S. 126–127.

154

Сменил 31 июля заболевшего майора Шетцеля.

155

Breymayer H. Das Wiesel. S. 68.

156

Письмо С.Г. Тончилова // Народный музей с. Подвысокое. С. 3.

157

Steets H. Op. cit. S. 80.

158

Ibid. S. 81.

159

Ibid. S. 81.

160

Боевое донесение № 49/ОП. Штарм 18 Константиновка. 2.8.41 // ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 32. Л. 31.

161

Боевое распоряжение Главнокомандующего войсками Юго-Западного направления от 4 августа 1941 г. командующему войсками Южного фронта об обеспечении выхода из окружения 12-й армии // Сборник боевых документов. Вып. 39. С. 31.

162

Боевое распоряжение № 47 от 4 августа 1941 г. Штафронт Вознесенск. 4.8.41 15.05 // Сборник боевых документов // ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 4. Л. 86.

163

Боевое донесение №0030/ОП. Штаб Южного фронта Вознесенск. 4.8.41. 13.50 // ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 58. Л. 86.

164

Перекальский Г.А. Дороги жизни и смерти. – Горький, 1966. С. 58.

165

Munzel O. Panzer-Taktik. S. 79; Die Kriegsgeschichte der Windhund-Division. S. 596–602.

166

Курт «Panzer» Майер. Откровения танкового генерала СС. С. 130–132.

167

Munzel O. Panzer-Taktik. S. 78.

168

Великая Отечественная. Комдивы. Т. 1. – М., 2011. С. 516–517.

169

Vernehmung des Gen. maj. Tkatschenko // РГВА. Ф. 1387. Оп. 1. Д. 103. S. 22.

170

Steets H. Op. cit. S. 85.

171

Steets H. Op. cit. S. 108.

172

Steets H. Op. cit. S. 83.

173

NARA. RH. 24-49-20. Fr. 127–128.

174

NARA. RH. 24-49-20. Fr. 128.

175

Steets H. Op. cit. S. 84.

176

Ibid. S. 85.

177

Breymayer H. Das Wiesel. S. 70.

178

Воспоминания А.А. Каменцева // Уманский краеведческий музей. УКМ-13714. Д. 4820. С. 60.

179

Breymayer H. Das Wiesel. S. 72.

180

Ibid. S. 72.

181

Ibid. S. 86.

182

Steets H. Op. cit. S. 86–87.

183

Ibid. S. 87.

184

Munzel O. Panzer-Taktik. S. 79.

185

Письмо Б.И. Арушаняна от 06.02.84 // Народный музей с. Подвысокое. С. 2

186

Die Kriegsgeschichte der Windhund-Division. S. 602–606.

187

К 4 августа, в отличие от остальных упомянутых частей и соединений, 45-я танковая дивизия находилась вне плацдарма.

188

Schrodek G. I hr Glaube gait dem Vaterland. Geschichte des Panzer-Regiments 15 (11. Panzer-Division). – Munchen, 1976. S. 105.

189

Воспоминания С.И. Гержова // Уманский краеведческий музей. УКМ-13712. Д. 4814. Л. 167.

190

Schrodek G. I hr Glaube gait dem Vaterland. S. 105.

191

Воспоминания Г.И. Писаревского // Уманский краеведческий музей. УКМ-13712. Д. 4814. Л. 115.

192

Воспоминания Г.И. Писаревского //Уманский краеведческий музей. УКМ-13712. Д. 4814. Л. 115.

193

Письмо В.И. Бойко // http://istor-44gsd.narod.ru/Html/Print/bojko_psm.pdf

194

Munzel O. Panzer-Taktik. S. 80.

195

Munzel O. Panzer-taktik. S. 80.

196

BA-MA. RH. 24-14-130. S. 68 ruck.

197

Боевое распоряжение командующего войсками Южного фронта № 47 от 4 августа 1941 г. на боевые действия с целью выхода из окружения войск 6-й и 12-й армий и отражение атак противника войсками фронта // Сборник боевых документов. Вып. 39. С. 174.

198

Steets H. Op. cit. S. 88.

199

NARA. T. 315. R. 39. Fr. 445.

200

NARA. T. 315. R. 39. Fr. 447.

201

Steets H. Op. cit. S. 108.

202

Braun J. Enzian und Edelweiss. S. 18.

203

BA-MA. RH. 26-24-72.Anlage 10. S. 2–3.

204

Breymayer H. Das Wiesel. S. 73.

205

BA-MA. RH. 26-24-72.Anlage 10. S. 1.

206

NARA. T. 315. R. 1343. Fr. 442; Breymayer H. Das Wiesel. S. 73.

207

Steets H. Op. cit. S. 89–90.

208

Ibid. S. 90–91.

209

Боевое распоряжение № 47. Штафронт – Вознесенск. 4.8.41. 15.05 // ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 4. Л. 159.

210

Так, за 4 августа по воздуху было получено всего 35 штук 76-мм горных снарядов и 3 штуки 152-мм снарядов (Запрос штаба 12-й армии

от 4 августа 1941 г. начальнику артиллерии Южного фронта об обеспечении войск армии минометами и минами // Сборник боевых документов. Вып. 39. С. 257).

211

Боевой приказ № 084/ Штарм 6 Подвысокое. 2.00 // ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 26. Л. 19–21.

212

Korpsbefehl Nr. 69 fur den Angriff am 5. August // Steets H. Op. cit. S. 115–118.

213

Steets H. Op. cit. S. 91.

214

BA-MA. RH. 24-49-20. S. 140–141.

215

Хизенко И.А. Ожившие страницы. – М., 1963. С. 83; Долматовский Е.А. Указ. соч. С. 68.

216

Воспоминания капитана Танченко Митрофана Ивановича, командира 88– го артполка 80-й ордена Ленина СД 37СК 6А // http://parabellum1941.narod.ru/simple29.html

217

Steets H. Op. cit. S. 92.

218

Боевое донесение командующего войсками 12 армии Военному совету Южного фронта 5 августа 1941 г.// Лето 1941. Украина. С. 317.

219

NARA. T. 315. R. 1185. Fr. 702, 703.

220

NARA. T. 315. R. 39. Fr. 451.

221

Новобранец В.А. «Я предупреждал о войне Сталина». М., 2009. С. 172.

222

Воспоминания В.В Кадышева // Уманский краеведческий музей. УКМ-13714. Д. 4815. Л. 74.

223

Воспоминания В. Королькова, бывш. политрука 18-й заставы // http://mankivka.com.Ua/2008/05/11/oxorona-zdorov-ya-mankivschini.phtml; Новобранец В.А. «Я предупреждал о войне Сталина». С. 174.

224

Воспоминания А.А. Каменцева // Уманский краеведческий музей. Оп. 13714. Д. 4820. С. 61.

225

Долматовский Е.А. Указ. соч. С. 68.

226

Steets H. Op. cit. S. 94.

227

NARA. T. 315. R. 39. Fr. 453.

228

NARA. T. 315. R. 1185. Fr. 706–708.

229

Breymayer H. Das Wiesel. S. 74.

230

Breymayer H. Das Wiesel. S. 74.

231

BA-MA. RH. 26-24-72. Anlage 10. S. 3.

232

Breymayer H. Das Wiesel. S. 76.

233

Steets H. Op. cit. S. 95–96.

234

BA-MA. RH. 24-52-223. S. 2; Воспоминания А.П. Ярового // Уманский краеведческий музей. Оп. 13714. Д. 4820. С. 53; Показания военнопленных 6.8.41 – BA-MA. RH. 20-17-278. S. 2.

235

Дриг Е. Механизированные корпуса РККА в бою. С. 440.

236

BA-MA. RH. 24-52-223. S. 2.

237

NARA. T. 315. R. 39. Fr. 457.

238

Дриг. Е Механизированные корпуса РККА в бою. С. 440.

239

Год 1941. Юго-Западный фронт. Львов, 1970. С. 233.

240

BA-MA. RH. 24-49-160. S. 105.

241

Ibidem.

242

BA-MA. RH. 24-49-20. S. 82.

243

BA-MA. RH. 24-29-161. S. 33.

244

Воспоминания А.А. Каменцева. // Уманский краеведческий музей. Оп. 13714. Д. 4820. С. 62.

245

Воспоминания А.А. Каменцева. С. 62.

246

BA-MA. RH. 24-49-160. S. 84.

247

Породенко В.С. Записки начальника штаба танковой дивизии. С. 35–36.

248

Там же. С. 37.

249

BA-MA. RH. 24. 52-223. S. 2.

250

Новобранец В.А. «Я предупреждал о войне Сталина». С. 162.

251

Там же. С. 163–165.

252

NARA. T. 315. R. 44. Fr. 457.

253

Воспоминания С.А. Коржова // Уманский краеведческий музей. УКМ-13712. Д. 4717. Л. 118.

254

Семенов Ю. Комиссар Госбезопасности. – М., 1979. С. 320.

255

По воспоминаниям Д.С. Ляшенко – в 1.00 – см. Воспоминания Д.С. Ляшенко //Уманский краеведческий музей. УКМ-13712. Д. 4717. Л. 141; по воспоминаниям А.В. Пикинского движение началось в 2.00 – см. Воспоминания А.В. Пикинского // Уманский краеведческий музей. УКМ-13712. Д. 4717. Л. 123.

256

BA-MA. RH. 24. 49–20. S. 103; Steets H. Op. cit. S. 97; Braun J. Enzian und Edelweiss. S. 20.

257

BA-MA. RH. 24. 49–20. S. 117..

258

Braun J. Enzian und Edelweiss. S. 19.

259

BA-MA. RH. 24. 49–20. S. 104.

260

BA-MA. RH. 24. 49–20. S. 105; Steets H. Op. cit. S. 99-100.

261

Воспоминания Ф.А. Щербины // Уманский краеведческий музей. УКМ-13714. Д. 4820. Л. 111.

262

Боевое донесение начальника штаба 6-й армии Н. Иванова от 10.8.1941 // ЦАМО. Ф. 251. Оп. 646. Д. 2. Л. 247–250.

263

NARA. T. 315. R. 39. Fr. 455.

264

Воспоминания С.А. Коржова // Уманский краеведческий музей. УКМ-13712. Д. 4717. Л. 119.

265

Репин П.Д. Так шли мы к победе. – Одесса, 2005. С. 59.

266

Ковальчук М.С. Оточення вогневе. С. 85–88.

267

NARA. T. 315. R. 1215. Fr. 764–766.

268

Породенко В.С. Записки начальника штаба танковой дивизии. С. 38–39.

269

BA-MA. RH. 24-49-160. S. 84; Steets H. Op. cit. S. 97.

270

NARA. T. 315. R. 39. Fr. 457; Steets H. Op. cit. S. 98.

271

Письмо Ф.А. Щербины // Уманский краеведческий музей. УКМ-13714. Д-4820. С. 112.

272

Воспоминания Ф.А. Щербины // Уманский краеведческий музей. УКМ-13714. Д. 4820. Л. 112.

273

Возможно, Ф.А. Щербина имел в виду полковника Н.С. Горчакова, начальника инженерных войск 6-й армии.

274

Воспоминания А.А. Каменцева // Уманский краеведческий музей. УКМ-13714. Д. 4820. Л. 63.

275

Воспоминания А.А. Каменцева // Уманский краеведческий музей. УКМ-13714. Д. 4820. Л. 63.

276

Письмо И.И. Астахова от 30 мая 1975 г. // Народный музей с. Подвысокое. С. 5.

277

Письмо М.П. Скрюченкова от 3 апреля 1985 г. // Народный музей с. Подвысокое. С. 2–3.

278

Письмо М.П. Скрюченкова от 3 апреля 1985 г. // Народный музей с. Подвысокое. С. 3.

279

Воспоминания П.А. Пушкина // Уманский краеведческий музей. УКМ-13712. Д. 4717. Л. 36–37.

280

NARA. T. 315. R. 1221. Fr. 157–158.

281

NARA. T. 315. R. 1803. Fr. 541, 542.

282

Геец Н. Из личного дела окруженцев // ВИА. № 9 (105). 2008. С. 170.

283

Это не соответствует действительности, так как генерала М.К. Ноздрунова при комкоре-16 уже не было.

284

Воспоминания А.А. Каменцева // Уманский краеведческий музей. УКМ-13714. Д. 4820. Л. 63.

285

Донесение о безвозвратных потерях № 23295 от 17.6.44 // ЦАМО. Ф. Оп. Д. Л. 403–409.

286

BA-MA. RH. 24. 52-223. S. 1.

287

Письмо А. А. Каменцева от 3.8.1986. С. 2.

288

Породенко В.С. Записки начальника штаба танковой дивизии. С. 39–40.

289

Великая Отечественная. Комдивы. Т. 1. С. 657.

290

Долматовский Е.А. Указ. соч. С. 104.

291

Сообщение A1ex1982 на форуме Reibert: http://62.149.27.202/forum/showthread.php?t=67702&page=10.

292

BA-MA. RH. 20-17-278. Morgendmeldung des XXXXIX. A.K. o.S.

293

Иовлев С.И. Бои 6-й и 12-й армий в окружении в районе Умань (июль – август 1941 г.) (рукопись).

294

BA-MA. RH. 24-49-20. S. 142.

295

Braun J. Enzian und Edelweiss. S. 20.

296

Steets H. Op. cit. S. 98–99.

297

NARA. T. 315. R. 1803. Fr. 530, 532.

298

BA-MA. RH. 20-17-278. Morgenndmeldung des LII. A.K. S. 2–3.

299

NARA. T. 315. R. 1803. Fr. 529.

300

Steets H. Op. cit. S. 99.

301

NARA. T. 315. R. 1185. Fr. 711, 713–714, 716–719, 721–725, 727–729, 731.

302

Долматовский Е.А. Указ. соч. С. 66.

303

Steets H. Op. cit. S. 101.

304

Перекальский Г.А. Дороги жизни и смерти. С. 60–61.

305

BA-MA. RH. 24-49-20. S. 134.

306

BA-MA. RH. 24-49-20. Anl. 2.

307

BA-MA. RH. 24-49-20. S. 87; NARA. T. 315. R. 39. Fr. 463.

308

Steets И. Op. cit. S. 104.

309

Breymayer H. Das Wiesel. S. 76.

310

Breymayer H. Das Wiesel. S. 77.

311

Письмо С.Г. Тончилова // Народный музей с. Подвысокое. С. 5.

312

Breymayer H. Das Wiesel. S. 77..

313

BA-MA. RH. 26-297-87. Zur Meldung v. 6.8.

314

Steets H. Op. cit. S. 103.

315

Steets H. Op. cit. S. 105.

316

Карташев Иван Федотович, полковник, начальник отдела химических войск 12-й армии //http://parabellum1941.narod.ru/photoalbum19.html

317

NARA. T. 315. R. 1973. Fr. 140.

318

Стрижков Ю.К. Герои Перемышля. – М., 1969. С. 128.

319

Steets H. Op. cit. S. 109.

320

NARA. T. 315. R. 39. Fr. 465.

321

BA-MA. RH. 24-49-20. S. 143.

322

Steets H. Op. cit. S. 106.

323

NARA. T. 315. R. 39. Fr. 465.

324

Лискин Ю.А. Тайники Великой Отечественной. Командарм Понеделин и другие. М., 2010. С 116.

325

Чернявский К.И. Всегда с бойцами. С. 78–80.

326

BA-MA. RH. 21-1-472. S. 63.

327

Долматовский ЕЛ. Указ. соч. С. 74.

328

Лискин Ю.А. Тайники Великой Отечественной. С. 371.

329

Там же. С. 369–370.

330

Там же. С. 399.

331

Там же. С. 370.

332

BA-MA. RH. 21-1-472. S. 69

333

Письмо В А Козлова // Народный музей с. Подвысокое. С. 1–2.

334

Воспоминания Г.А. Колесниченко // Уманский краеведческий музей. УКМ-13712. Д. 4817. С. 108–110.

335

Лискин Ю.А. Тайники Великой Отечественной. С. 103–104.

336

Васильев А.С. Все минуты войны. – М., 1974. С. 56–57.

337

BA-MA. RH. 24-49-160. S. 103.

338

NARA. T. 315. R. 1973. Fr. 140; Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова. – М., 2009. С. 203.

339

Гольдман И. Судьба полковника Зверева // Вестник. № 9 (268). 24. 4. 2001 // http://www.vestnik.com/issues/2001/0424/koi/goldman.htm.

340

Величие подвига. – Тбилиси, 1985. С. 26.

341

Александров К.М. Офицерский корпус… С. 437; Сурков Д. Об отдельных персоналиях командного состава 6 и 12 армий // Зелена Брама: героізм – трагедія – пам’ять. – Кіровоград, 2011. С. 41.

342

Биография солдата // http://www.mgd.nxt.ru/third_page.html.

343

МЛ. Патронникова // Уманский краеведческий музей. УКМ-13712. Д. 4818. Л. 156.

344

Воспоминания М.А. Патронникова // Там же. Л. 157–159.

345

Письмо С.Г. Тончилова // Народный музей с. Подвысокое. С. 6–7.

346

Письмо С.Г. Тончилова // Народный музей с. Подвысокое. С. 8.

347

Breymayer H. Das Wiesel. S. 78.

348

NARA. T. 315. R. 1343. Fr. 452.

349

Смирнов Н.Г. Вплоть до высшей меры… – М., 1997. С. 66.

350

Ласкин И.А. На пути к перелому. – М., 1977. С. 8.

351

BA-MA. RH. 26-24-72.Anlage 10. S. 3.

352

Савинов ЮЛ. Слова «капитуляция» в Красной Армии не существовало // Ориентир. № 6. 2012. С. 69.

353

Ласкин И.А. На пути к перелому. С. 8.

354

Савинов ЮЛ. Слова «капитуляция» в Красной Армии не существовало. С. 69.

355

Там же. С. 70.

356

Смирнов Н.Г. Вплоть до высшей меры…С. 67.

357

Резяпкин А.К Дневник Великой Отечественной войны. – М., 2009. С. 44.

358

Джанджгава В.Н. Немереные версты. – М., 1979. С. 33, 34.

359

BA-MA. RH. 26-24-71. S. 37–38.

360

Великая Отечественная. Комдивы. Т. 1. – М., 2011. С. 614.

361

NARA. T. 315. R. 39. Fr. 467.

362

NARA. T. 315. R. 39. Fr. 469.

363

BA-MA. RH. 24-49-20. S. 88.

364

Breymayer H. Das Wiesel. S. 78.

365

BA-MA. RH. 24-49-161. S. 37.

366

NARA. T. 315. R. 1185. Fr. 733, 735–736, 738–739, 741, 743–745, 747, 749.

367

BA-MA. RH. 24-49-20. S. 137.

368

BA-MA. RH. 24-49-20. S. 143.

369

Meyer H.F. Blutiges Edelweiu. Die 1. Gebirgs-Division im Zweiten Weltkrieg. B., 2008. S. 68.

370

Breymayer H. Das Wiesel. S. 78.

371

BA-MA. RH. 26-125-27. S. 26.

372

Breymayer H. Das Wiesel. S. 78.

373

BA-MA. RH. 26-125-27. S. 27.

374

Steets И. Op. cit. S. 106.

375

Командование. И.В. Тищенко // http://istor-44gsd.narod.ru/Html/person_44.html

376

Только в 96-м медсанбате 15-й дивизии находилось до двух тысяч раненых (Воспоминания врача В.М. Ковалева //Уманский краеведческий музей. Инв. 9373-761).

377

Выписка из разведсводки № 8 разведотдела Штаба Охраны тыла Южфронта от 15.5.1942 // РГВА. Ф. 32 880. Оп. 2. Д. 405. Л. 61.

378

Воспоминания В.П. Пальчикова // Уманский краеведческий музей. Д. 4815. Л. 65.

379

BA-MA. RH. 24-49-20. S. 142.

380

Зоткин В. В первый год великих сражений. – Ростов-на-Дону, 1997. С. 393; Год 1941. Юго-Западный фронт. С. 234.

381

NARA. T. 315. R. 1215. Fr. 784–785.

382

ДБП № 5138 от 17.4.42 // Ф. 58. On. 818883. Д. 705. Л. 40.

383

Воспоминания А.В. Пикинского // Уманский краеведческий музей. УКМ-13712. Д. 4717. Л. 124, 125.

384

Репин П.Д. Так шли мы к победе. С. 59–62.

385

NARA. T. 315. R. 1215. Fr. 785, 803.

386

Великая Отечественная. Комдивы. – М., 2014. Т. 5. С. 187.

387

NARA. T. 315. R. 1221. Fr. 158–159.

388

BA-MA. RH. 26-24-71. S. 34–36.

389

Перекальский Г.А. Дороги жизни и смерти. С. 65.

390

Там же. С. 65–66.

391

Перекальский Г.А. Дороги жизни и смерти. С. 71.

392

Долматовский ЕЛ. Было. – М., 1975. С. 143, 144, 147.

393

Перекальский Г.А. Дороги жизни и смерти. С. 72–73.

394

Долматовский ЕЛ. Было. С. 147.

395

Воспоминания В.П. Пальчикова//Уманский краеведческий музей. Д. 4815. Л. 65.

396

Там же.

397

Долматовский ЕЛ. Было. С. 148.

398

Перекальский Г.А. Дороги жизни и смерти. С. 75.

399

Перекальский Г Л. Дороги жизни и смерти. С. 75–76. Генерал К., упоминаемый на этих страницах, видимо, бывший командир 49-го корпуса И.А. Корнилов.

400

Долматовский Е. А. Было. С. 149.

401

NARA. T. 315. R. 1343. Fr. 456.

402

Ковальчук М.С. Оточення вогневе. С. 96.

403

Там же. С. 97–102.

404

BA-MA. RH. 20-17-278. Abendmeldung des XXXXIX. A.K. o.S.

405

NARA. T. 315. R. 1185. Fr. 751, 753, 755–756, 758, 760–761, 763, 765.

406

Braun J. Enzian und Edelweiss. S. 22; NARA. T. 315. R. 1185. Fr. 765, 767-768

407

NARA. T. 315. R. 1185. Fr. 770, 772, 774, 776, 778

408

Письмо С.Г. Тончилова // Народный музей с. Подвысокое. С. 9–10.

409

BA-MA. RH. 24-49-160. S. 102; NARA. T. 315. R. 1343. Fr. 458.

410

Запись переговоров по прямому проводу Г.М. Маленкова с командованием Южного фронта // Русский архив. Великая

Отечественная война. Т. 5 (1). М., 1996 С. 111.

411

Там же.

412

Доклад командующего войсками Южного фронта главнокомандующему войсками Юго-Западного направления // Лето 1941. Украина. С. 325.

413

BA-MA. RH. 21-1-157. S. 42.

414

BA-MA. RH. 24-49-22. S. 130.

415

Новобранец В.А. Указ. соч. С. 162, 177.

416

Долматовский Е.А. Указ. соч. С. 84–85.

417

Там же. С. 85.

418

Дугас И.А., Черон Ф.Я. Советские военнопленные в немецких концлагерях. – М., 2003. С. 70–71.

419

Великая Отечественная война. 1941–1945. Кн. 1. – М., 1988. С. 186, 188.

420

Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. – М., 2009. С. 84.

421

Якушенко Е.В. Трагедия плена: причины и следствия //Трагедия и героизм (Советские военнопленные. 1941–1945 годы). Кн.1. – М., 1999. С. 38.

422

Боевое донесение Военного совета Южного фронта № 0018/оп от 27 июля 1941 г. в Ставку Верховного командования о составе войск 6-й и 12-й армий, принятых из состава Юго-Западного фронта // Сборник боевых документов. Вып. 39. С. 74–75; Донесение штаба Южного фронта от 7.8.41 начальнику оперативного Управления Генерального штаба о состоянии сил в полосе Южного фронта на 1 августа 41 г. // Там же. С. 131; Боевое донесение № 040. Штарм 6 – Франтивка. 26.7.41 // ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 58. Л. 52.

423

Донесение штаба Южного фронта от 7.8.41 начальнику оперативного Управления Генерального штаба о состоянии сил в полосе Южного фронта на 1 августа 41 г. // Там же. С. 131.

424

Там же. С. 131.

425

Боевое донесение Военного совета Южного фронта от 27 июля 1941 г. в Ставку Верховного командования о боевых действиях войск фронта // Сборник боевых документов. Вып. 39. С. 79.

426

Боевое донесение штаба 12-й армии от 6 августа 1941 г. Генеральному штабу Красной армии о положении окруженных войск 6-й и 12-й армий // Там же. С. 209.

427

Состояние 2 МК на 20.7.41 // ЦАМО. Ф. 251. Оп. 646. Д. 86. Л. 6.

428

ЦАМО. Ф. 251. Оп. 646. Д. 21. Л. 266, 267, 278, 279, 330; Д. 32. Л. 100, 101–102, 103–104.

429

Там же.

430

ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 26. Л. 18; См. также: Симонов К. 100 суток войны. – Смоленск, 1999. С. 470.

431

Справка о количестве вышедших из окружения людей и имущества из 6-й и 12-й армий // ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 221. Л. 17.

432

Боевое донесение № 0035. 11.8.41 // ЦАМО. Ф. 251. Оп. 646. Д. 31. Л. 37–39.

433

Исаев А.В. От Дубно до Ростова. – М., 2004. С. 414.

434

Разговор полковника Захватаева с майором Афанасьевым. 24.7.41. 20.45 // ЦАМО. Ф. 229.Оп. 161. Д. 83. Л. 35.

435

Оперсводка № 098/ОП к 20.00 19.8.41. Штаб Южного фронта Николаев // ЦАМО. Ф. 251. Оп. 646. Д. 32. Л. 133.

436

Долматовский Е.А. Указ. соч. С. 86.

437

Донесение штаба Южного фронта начальнику Оперативного управления Красной Армии // ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 56. Л. 30–31.

438

Сведения № 1 о наличии материальной части в мехкорпусах Южного фронта на 1.8.41 г. // Сборник боевых документов. Вып. 39. С. 151.

439

Там же. S. 111.

440

BA-MA. RH. 24-49-22. S. 130.

441

Breymayer H. Das Wiesel. S. 79.

442

Braun J. Enzian und Edelweiss. S. 23; NARA. T. 315. R. 1185. Fr. 760.